Министерство образования России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство путей сообщения России

ГОУ ВПО «Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения МПС России»

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (1) 2004

Хабаровск, 2004

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Сердюков Ю.М.
Заместитель главного редактора: Спасский Е.Н.
Ответственный секретарь: Туркулец С.Е.

Отдел философии и культурологии:
Бляхер Л.Е., Вальковская В.В., Лившиц Р.Л., Ревич И.М.,
Сердюков Ю.М. (редактор отдела), Уханов В.А.

Отдел психологии и педагогики:
секция психологии: Воробьева К.И. (редактор отдела),
Невструева Т.Х., Яссман Л.В.
секция педагогики: Лазарева Л.П. (зав. секцией), Шумейко А.А., Куликова Л.Н.

Отдел социологии, политологии и права:
Максименко С.И., Мерецкий Н.Е., Печерица В.Ф.,
Пишун С.В. (редактор отдела), Смирнов Б.В., Яровенко В.В.

Отдел истории:
Дробница А.В., Дубинина Н.И. (редактор отдела),
Иконникова Т.Я., Песков В.М., Светачев М.И., Чудесов В.В.

Отдел филологии:
Великая Н.И., Лебедько М.Г., Модина Г.И., Прияткина А.Ф.,
Прошина З.Г. (редактор отдела), Серкова Н.И.

Технический секретарь: Миронова А.С.

НАУЧНЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ

Боголепова Т.Г., Гнеушева Р.Д., Ильичев А.В., Иващенко В.И., Ковальчук М.А.,
Лихобабина Л.В., Нехаев В.И., Пишун В.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения
Министерства путей сообщения Российской Федерации»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д.47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.
E-mail:journal@festu.khv.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Григоренко В.Г. Обращение к читателям 4

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дзюба С.В. Время и сознание: античные истоки проблемы 5
Ревич И.М. Феномен человечности как философско-антропологическая проблема 14
Пишун С.В. Немецкие профессора у истоков преподавания философии в Санкт-Петербургской духовной академии в начале XIX в. 22
Тесля А. А., Цицкевичуте Е. А. Оккультизм в русскоязычном Интернете 27
Лазарева И.В. Гносеологический аспект эмпатии 34

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Воробьева К.И., Пучкова Г.Л. Субъективное благополучие: экспериментально-психологический анализ 36
Сокольская М.В., Рубанова Е.Ю. Методологические подходы к проблеме психического здоровья 43
Каширина Л.В. Теоретические подходы к изучению социально-психологических состояний: постановка проблемы 50

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

Бляхер Л.Е. Очерки экономической культуры приграничья: региональный аспект (на примере Хабаровска и Санкт-Петербурга) 59
Томилов В.А. Социальные институты и устойчивое развитие современного общества 69
Пупей В. В. Развитие идей о партии в Китае и особенности китайской партийной теории 74
Синякин С.В. Политическая элита. Вопросы теории и методологии 84

ИСТОРИЯ

Пикалов Ю.В. Базовые основы социальной политики на Дальнем Востоке России (1923–1941) 87
Песков В.М. Китайский фактор и российская дальневосточная политика 96
Иконникова Т.Я. Советы Дальнего Востока и вопрос о военнопленных в 1917 г. 107
Кулинич Н.Г. Образовательный аспект социокультурной динамики в городах Дальнего Востока РСФСР в 1920–1930-е гг. 116
Пиотрович А.А. О цикличности развития сети железных дорог Дальнего Востока России и проблемах ресурсного обеспечения этого развития 125

ФИЛОЛОГИЯ

Гнеушева Р.Д. Русские классики в оценке Н. Рериха. Некоторые аспекты нравственной доктрины художника-мыслителя 132
Ильичев А.В. Поэтика «противоречия» в творчестве Н.М. Карамзина 134
Лебедько М.Г. Когнитивные основания взаимодействия языка и культуры 139
Модина Г.И. Живописные реминисценции в драме Флобера «Искушение святого Антония» .. 143

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Новые книги по философии 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Информация о конференциях 149
Защищенные диссертации 151
Члены редакционной коллегии 159
О философском журнале «Эпистемология и философия науки» 160
К сведению авторов 161
К сведению подписчиков 162

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Перед Вами первый номер нового научно-теоретического журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Это периодическое издание – печатный орган Совета ректоров вузов Дальневосточного федерального округа, решение о создании которого было принято на заседании Совета 9 октября 2002 г. в г. Южно-Сахалинске.

Значительные изменения, произошедшие в жизни нашей страны в последние годы, существенным образом скорректировали условия работы высшей школы Дальнего Востока России. Для вузовской общественности в значительной степени важным стало обеспечение функционирования и развития системы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации.

С гордостью за научные школы вузов округа можно констатировать, что фундаментальные и прикладные исследования получили дальнейшее развитие, окреп кадровый потенциал. Об этом свидетельствуют следующие показатели:

– общий объем финансирования НИР вузов ДВФО составил к 2002 г. 292 млн р. и по отношению к штатному профессорско-преподавательскому составу с ученой степенью достиг величины 42 тыс. р. на человека;

– удельные показатели результативности НИР (количество монографий и статей в зарубежных изданиях, патентов и заявок на объекты промышленной собственности) выше, чем в Москве;

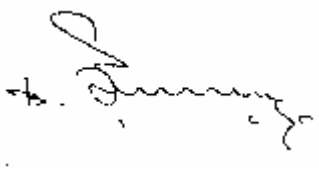
– численность аспирантов возросла до 3640 человек.

Наш регион богат интеллектуальными ресурсами. Склонность к философскому осмыслению реальной действительности, поиск мировоззрения XXI века являются характерной чертой дальневосточника. Теория и практика психолого-педагогических исследований стала особенно актуальной в период модернизации образования. Решение проблем социальной сферы региона требует исторического и политологического анализа. Региональной особенностью территории является развитие русского языка и русской культуры в тесном взаимодействии с культурой Востока.

Ученым региона на страницах журнала предоставляется возможность высказать свой взгляд на фундаментальные проблемы социальных, гуманитарных наук и организовать дискуссию, что, несомненно, будет способствовать развитию науки как целостной системы. Вместе с тем материалы, представляемые Вам уже в первом номере журнала, демонстрируют широту интересов и пристальное внимание авторов к поиску причин и взаимосвязи происходящего в регионе, выработке и апробации методологии решения региональных проблем.

От души желаю успеха членам редакционной коллегии журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке», авторам и читателям – плодотворной работы.

Председатель Совета ректоров
вузов Дальневосточного федерального
округа, д.т.н., профессор



В.Г. Григоренко

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ВРЕМЯ И СОЗНАНИЕ: АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ

С.В. Дзюба

ДЗЮБА Сергей Викторович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии Амурского государственного университета.

В статье исследуются античные истоки проблемы взаимоотношения времени и сознания – одной из центральных проблем философии времени XX в. В античной философии эта проблема формулировалась как вопрос о взаимоотношении времени и души. Именно в такой формулировке она может быть обнаружена в концепциях времени Аристотеля и Плотина. Согласно Аристотелю время только видится в вещах в силу определенного познавательного подхода, поэтому без индивидуальной души оно не может существовать, а согласно Плотину оно представляет собой движение мировой и индивидуальной души.

This article is considering the antique sources of the problem of mutual relation of time and consciousness – one of the central problems of philosophy of time of XX century. This problem was formulated in an ancient philosophy as a problem of mutual relation of time and soul. It may be found in such formulation in concepts of time of Aristotle and Plotin's. According to Aristotle the time is seemed only in things by virtue of the certain cognitive approach, therefore it exist not without individual soul, and according Plotin's the time is a movement of the world and individual soul.

Взаимоотношение времени и сознания является одной из центральных проблем философии времени XX в. [1]. В аналитической и феноменологической традициях сложились собственные оригинальные концепции ее истолкования. В рамках аналитической философии начало острым дискуссиям было положено публикацией в 1908 г. статьи Д.Э. Мак-Таггарта «Нереальность времени», где автор сформулировал парадокс, свойственный рациональному осмыслению времени в понятиях прошлого, настоящего и будущего [2]. В феноменологической философии родоначальником систематического анализа этого вопроса стал Э. Гуссерль, выступивший с обоснованием идеи темпоральности сознания в «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени», прочитанных в 1905 и 1910 гг. [3].

Хотя в аналитической и феноменологической философии постановка проблемы взаимоотношения времени и сознания имеет собственные теоретические основания, ее предпосылки при внимательном изучении можно обнаружить в различных системах древней и средневековой европейской философии. Так, в античной традиции эта проблема, сформулированная в виде вопроса о взаимоотношении времени и души, отражена в системах Аристотеля и Плотина.

Время и душа: концепция времени Аристотеля

В трактате «Физика», завершая обоснование определения времени как числа движения по отношению к предыдущему и последующему, Аристотель неожиданно заявляет: «Может возникнуть сомнение: будет ли в отсутствие души существовать время или нет? Ведь если не может существовать считающее, не может быть и считаемого, а следовательно, ясно, что [не может быть] и числа, так как число есть или сосчитанное, или считаемое. Если же ничему другому не присуща способность счета, кроме души и разума души, то без души не может существовать время, а разве [лишь] то, что есть как бы субстрат времени; например, если существует без души движение, а с движением связаны «прежде» и «после», они же и есть время, поскольку подлежат счету» (Физика IV, 14, 223a) [4].

Это рассуждение оценивается современными исследователями аристотелевской теории времени как наиболее трудное и запутанное. Так, П. Конен считает, что аристотелевское время парит где-то между сознанием и объективной внешней реальностью. Эта теория времени была бы намного более ясной, если бы Аристотель сказал, например, что время находится исключительно в сознании или, наоборот, что оно находится исключительно вне сознания и не зависит от него. Аристотель, однако, не говорит ни того, ни другого, и таким образом получается, что время есть и продукт сознания, и свойство движения [5, с. 171].

Почему же Аристотель производит такое парадоксальное разделение природы времени между движением и разумом души? Ответ на этот вопрос предполагает обращение к аристотелевскому решению проблемы взаимоотношения времени и движения, которая является краеугольным камнем всей его концепции времени, изложенной в трактате «Физика».

Анализируя предшествующие представления о движении, Аристотель характеризует как несостоятельные мнения, отождествляющие время с движением Вселенной или даже с самой небесной сферой. Первый взгляд ведет к выводу о мно-

жественности времен, второй – игнорирует пребывание небесной сферы во времени. Поскольку время представляется именно каким-то движением и изменением, постольку понятие движения, по мнению Аристотеля, должно быть основным при анализе проблемы времени.

Связывая время с движением, Аристотель, однако, приводит следующий аргумент против его отождествления с движением: «...изменение может идти быстрее или медленнее, время же не может, так как медленное и быстрое определяются временем: быстрое есть далеко продвигающееся в течение малого времени, медленное же – мало [продвигающееся] в течение большого [времени]; время же не определяется временем ни в отношении количества, ни качества» (Физика IV, 10, 218b) [4].

Этот аргумент Аристотеля против отождествления времени с движением в историко-философских исследованиях, как правило, не комментируется, поскольку, по-видимому, предполагается интуитивно ясным, между тем он заслуживает особого внимания. Аристотель здесь подмечает важнейшее отличие представлений о времени от представлений о движении – время не быстрее самого быстрого движения и не медленнее самого медленного, время вообще не обладает скоростью, оно лишено этой важнейшей характеристики движения. Любое движение независимо от того, равномерное оно или неравномерное, необходимо обладает скоростью, может быть быстрым или медленным, «время же не может», поэтому «время не есть движение». Если, учитывая этот аргумент, попытаться определить время через движение, то получится противоречивая формулировка – время есть движение без скорости или время есть движение без движения. Таким образом, попытка определить время непосредственно через движение приводит к парадоксальному образу времени, который не поддается ни представлению, ни осмыслению. Этот образ времени невозможно получить путем обобщения и абстраги-рования, он, скорее всего, представляется результатом довольно странной идеализации движения – время есть движение, скорость которого приравнивается к нулю.

Отклонив как несостоятельное непосредственное отождествление времени с движением, Аристотель приходит к выводу, что время есть нечто, связанное с движением: «Следовательно, время есть или движение или нечто, связанное с движением, а так как оно не движение, ему необходимо быть чем-то, связанным с движением» (Физика IV, 11, 219a) [4].

Решение этой проблемы Аристотель видит в связывании времени с разграничением предыдущего и последующего в движении. «И действительно, мы и время распознаем, когда разграничиваем движение, определяя предыдущее и последующее... Мы разграничиваем их тем, что воспринимаем один раз одно, другой раз другое, а между ними – нечто, отличное от них; ибо, когда мы мыслим крайние точки отличными от середины и душа отмечает два «теперь» – предыдущее и последующее, тогда это [именно] мы и называем временем, так как ограниченное [моментами] «теперь» и кажется нам временем. Это мы и положим в основание [последующих рассуждений]» (Физика IV, 11, 219a) [4].

Далее Аристотель подчеркивает, что сущность определения времени состоит именно в счете моментов «теперь» в движении. Если бы эти моменты были едины или представляли собой тождество чего-то предыдущего и последующего, то у нас не было бы никаких представлений ни о времени, ни о движении. «Когда же есть предыдущее и последующее, тогда мы говорим о времени, ибо время есть ничто иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» (Физика IV, 11, 219b) [4].

Итак, время не есть движение, оно есть число движения по отношению к предыдущему и последующему. Доказательством этому служит Аристотелю то, что большее или меньшее мы оцениваем числом, движение же, большее или меньшее – временем, следовательно, время есть некоторое число. Поскольку число имеет двоякое значение, мы называем числом, во-первых, то, что сосчитано или может быть сосчитано, и, во-вторых, то, посредством чего мы считаем, постольку «время есть именно число считаемое, а не посредством которого мы считаем» (Физика, IV, 219b) [4].

В аристотелевском определении времени обращает на себя внимание понятие «число движения». С одной стороны, определение времени как *числа* движения преодолевает отождествление времени с движением. С другой стороны, определение времени как числа *движения* подтверждает, что время есть нечто, связанное с движением, оно есть нечто, считаемое в движении.

Что же считается в движении? Отвечая на этот вопрос, Аристотель указывает на моменты «теперь». «Теперь» измеряет время, поскольку оно предшествует и следует; само же «теперь» в одном отношении тождественно, в другом нет. Аристотель сравнивает процесс перехода от «теперь»-предшествующего к «теперь»-последующему с перемещением тела из одного места в другое. Тело, перемещаясь из одного места в другое, по субстрату остается одним и тем же, по положению же – другим. Точно так же «теперь», перемещаясь из

предыдущего в последующее, по движению остается одним и тем же, по бытию же – другим. Переместившееся тело отличается от прежнего своего состояния по месту, переместившееся же «теперь» – по числу. «Время есть число перемещения, а «теперь», как и перемещаемое, есть как бы единица числа» (Физика, IV, 11, 220a) [4].

Аристотель особо подчеркивает, что «теперь» есть единица числа, а не часть времени. «Теперь» разграничивает предыдущее и последующее движение, как точка на линии служит концом одного отрезка и началом другого. Поскольку «теперь» есть граница, оно не есть время, но присуще ему по совпадению, поскольку же служит для счета – оно число (Физика, IV, 220a) [4].

В историко-научных исследованиях можно встретить мнение о том, что в основе аристотелевской концепции времени лежат представления пифагорейцев и Платона [6, с. 238–239]. Даже если согласиться с тем, что сама идея соотнесения времени с числом не принадлежит Аристотелю, несомненным остается факт оригинального обоснования этой идеи Аристотелем и включение ее в логическую взаимосвязь понятий теории времени в целом. Во-первых, Аристотель приходит к определению времени как числа движения через обоснование невозможности отождествления времени с движением. Во-вторых, это определение времени позволяет разрешить парадокс времени как «движения без движения» – время не может быть быстрым или медленным, поскольку оно является числом, а числа быстрыми или медленными не бывают. Аристотель специально подчеркивает: «Ясно также, что время не называется быстрым или медленным, а большим и малым, долгим и коротким. Поскольку оно непрерывно, оно долгое или короткое, поскольку оно число – большое и малое, а быстрым и медленным не бывает; ведь ни одно из чисел, служащих для счета, не может быть быстрым и медленным» (Физика IV, 12, 220b) [4].

Однако преодоление одной трудности порождает другую – если время не движение, а число движения, то какова природа этого числа, является ли время математическим числом или же чем-то другим? Разграничение Аристотелем считаемых чисел и чисел, посредством которых мы считаем, и отнесение времени к числам считаемым, к сожалению, не проясняет ситуацию. Трудно согласиться с мнением, что «…для Аристотеля «считаемое число» – это сама обладающая определенной метрикой физическая реальность, т. е. вещи и предметы, подвергаемые пересчету и вообще допускающие математическую обработку и интерпретацию» [7, с. 16]. В трактате «Метафизика» Аристотель критикует как концепции, отождествляющие числа с вещами, так и концепции, отделяющие числа от вещей и полагающие их в качестве самостоятельно существующих сущностей. Согласно его собственной концепции, числа существуют в вещах, но не тождественны им, а являются их абстракциями. «Для Аристотеля, – пишет А.Ф. Лосев, – число также существует. Но оно существует как абстракция из вещей. Оно, конечно, в этом смысле не тождественно с вещью. Но это только абстракция. А субстанциально чисел нет. Они просто видятся в вещах» [8, с. 624]. Как отмечает В.П. Визгин, числа у Аристотеля существуют не сами по себе, а в свете определенного познавательного подхода [9, с. 140–141]. Аристотель, таким образом, не объективирует и не субъективирует числа, его подход к числам может быть назван эпистемологическим, поскольку он делает их предметом познавательного подхода.

С этой точки зрения время как *число* движения есть математический предмет и представляет собой абстракцию, время же как число *движения* – это множество моментов «теперь», существующих в движении, но не тождественных числам. Что же касается различения Аристотелем чисел считаемых и чисел, посредством которых мы считаем, то «число считаемое» представляет собой, вероятнее всего, число порядковое, некую непрерывную самовозрастающую числовую последовательность. «Время, – пишет Аристотель, – не есть число, которым мы считаем, а подлежащее счету. Ему прежде и после всегда приходится быть иным, так как «теперь» различны. Число же ста лошадей и ста людей одно и то же, различны лишь предметы, к которым оно относится, т. е. лошади и люди» (Физика IV, 220b) [4]. Эта числовая последовательность позволяет выразить временной порядок – следование «теперь» друг за другом, их тождество друг с другом как чисел и их отличие друг от друга как разных чисел. Сходство временного порядка с числовым Аристотель отмечает также в трактате «Категории»: «...время имеет некоторый порядок в том смысле, что одна часть времени существует раньше, а другая – позже. Точно так же обстоит дело и с числом – в том смысле, что один указывают при счете раньше, чем два, а два – раньше, чем три; и именно в этом смысле у числа имеется, пожалуй, некоторый порядок...» (Категории, 5a) [10].

Представление времени в виде непрерывной числовой последовательности позволяет Аристотелю решить проблему взаимного определения времени и движения. Время, определяясь через движение, получает единицу измерения подобно тому, как число лошадей получает единицу измерения – одну лошадь. Движение, определяясь через время, полу-

чает число подобно тому, как, считая по одной лошади, мы узнаем число лошадей. Так как время, определяясь через движение, получает единицу измерения, Аристотель утверждает, «...время есть мера движения и нахождения [тела] в состоянии движения, причем оно, [время], измеряет движение путем отграничения некоторого движения...» (Физика, IV, 221a) [4].

Время, согласно Аристотелю, является не только мерой движения, но и мерой покоя. Покоится не всякое неподвижное, а то, что по природе способно к движению, и поскольку для него можно указать моменты «теперь» – когда оно стало неподвижным и когда оно пришло в движение, постольку время является и мерой покоя. «Таким образом, – пишет Аристотель, – все, что не движется и не покоится, не находится во времени, так как находиться во времени – значит измеряться временем, а время есть мера движения и покоя». (Физика IV, 12, 221b) [4]. Исходя из этого Аристотель развивает учение о вневременном существовании. Находятся вне времени, например, как несоизмеримость диагонали квадрата с его стороной, так и ее соизмеримость, поскольку нельзя указать моментов «теперь», когда бы не существовала несоизмеримость или существовала соизмеримость. Все, что находится во времени, подвергается его воздействию, время же является причиной уничтожения. Вечные существа не подвергаются воздействию со стороны времени, так как находятся вне времени. Время является причиной уничтожения в концепции Аристотеля, по-видимому, потому, что совершенное состояние для него – неподвижность, неспособность к движению, все же способное к движению рано или поздно будет уничтожено. Так, он пишет: «И в каком-то отношении вещи подвергаются воздействию со стороны времени – как мы имеем обыкновение говорить: «точит время», «все стареет от времени», «все со временем забывается», но не говорим: «научился [от времени]» или «сделался от времени молодым и красивым», ибо время само по себе скорее причина уничтожения: оно есть число движения, движение же лишает [существующее] того, что ему присуще» (Физика IV, 12, 221b) [4].

Таким образом, проведенный анализ позволяет предположить, что, определяя время как число движения по отношению к предыдущему и последующему, Аристотель отождествляет время с числовой последовательностью, которая имеет природу математических предметов. Времени как числовой последовательности соответствуют моменты «теперь» в движении. Определяясь через конкретное движение, эта числовая последовательность получает единицу измерения (единицу длительности) в виде отграничения этого конкретного движения последовательными моментами «теперь».

Сделанное предположение позволяет подойти к решению проблемы взаимоотношения времени и души в концепции времени Аристотеля. Если время имеет природу чисел, то как таковое актуально оно не может существовать в движении чувственных вещей. Числа как абстракции существуют в движении потенциально, в силу определенного познавательного подхода. Поэтому Аристотель утверждает: «Ведь если не может существовать считающее, не может быть и считаемого, а следовательно, ясно, что [не может быть] и числа, так как число есть или сосчитанное, или считаемое» (Физика IV, 14, 223a) [4]. С другой стороны, в движении реально, независимо от счета, существуют моменты «теперь». Поэтому Аристотель утверждает далее: «Если же ничему другому не присуща способность счета, кроме души и разума души, то без души не может существовать время, а разве [лишь] то, что есть как бы субстрат времени; например, если существует без души движение, а с движением связаны «прежде» и «после», они же и есть время, поскольку подлежат счету» (Физика IV, 14, 223a) [4].

Аристотель в этом рассуждении не субъективирует и не объективирует время, его концепция времени может быть названа эпистемологической, поскольку он делает время предметом познавательного подхода. Утверждение Аристотеля о том, что «без души не может существовать время», является составной частью его концепции времени как числа движения по отношению к предыдущему и последующему. Как число время может актуально существовать только в разуме души человека, хотя потенциально оно существует в моментах «прежде» и «после» конкретных видов движения.

С точки зрения современной методологии научного познания различению времени актуального и потенциального соответствует различение времени теоретического и эмпирического. На теоретическом уровне время предстает как математический идеализированный объект, которому ничего непосредственно не соответствует в действительности. Теоретическое время – это движение без скорости, которое отождествляется с числовой последовательностью. Определяясь через конкретное движение, этот идеализированный теоретический объект получает эмпирическую интерпретацию в виде единицы измерения длительности. Эта схема функционирования понятия времени в научном познании, конечно, является современным осмыслением концепции времени Аристотеля. Понятие идеали-

зации появилось лишь в Новое время и было связано с именем Галилея, который, разрабатывая экспериментальный метод, предложил «*...приписывать вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее нами самими*» [11, с. 124]. Согласно подходу Аристотеля, математическая числовая последовательность актуально не может существовать в действительности, но существует движение небесной сферы, которое естественным образом наиболее подходит к мысленному представлению о времени, поэтому «...время и кажется движением небесной сферы...» (Физика IV, 14, 223b) [4].

Таким образом, решая проблему времени, Аристотель вновь столкнулся с проблемой взаимоотношения математики и физики, и подобно числам он сделал время предметом познавательного подхода.

Время и мировая душа: концепция времени Плотина

В эннеаде III.7 «О времени и вечности», анализируя понятие времени, Плотин подвергает критике три предшествующие концепции времени: «Первый взгляд понимает под временем то, что называют движением; второй – то, что находится в движении, третий – то, что стоит в некотором отношении к движению» [12, с. 327]. Сторонники первого взгляда, разъясняет Плотин, считают время совокупностью движения как такового или имеют в виду движение вселенной; сторонники второго считают время движением небесной сферы; и, наконец, защитники третьего мнения считают время или протяженностью движения, или его мерой, или одним из сопутствующих движению признаков.

Плотин отмечает противоречивость первых двух взглядов на время. Любое конкретное движение совершается во времени, если же предположить, что движение, которое принимается за время, само не совершается во времени, то оно тем более не может быть временем. Два других довода Плотина против отождествления времени с движением фактически повторяют возражения, высказанные по этому вопросу Аристотелем в трактате «Физика» (Физика IV, 218b) [4]. Первый состоит в том, что движений существует множество, время же едино и непрерывно, поэтому время не есть движение. И даже если за время принять единое и непрерывное движение вселенной, все равно возникнет проблема множественности времен, поскольку на равных основаниях за время может быть принят и полный круговорот вселенной, и половина его. Второй довод состоит в том, что любое конкретное движение может быть быстрым или медленным, время же не бывает быстрым или медленным, оно не быстрее самого быстрого движения и не медленнее самого медленного, поэтому время не есть движение. В силу этого ни одно конкретное движение, в том числе и движение небесной сферы, не может быть отождествлено со временем.

Далее Плотин переходит к критическому анализу третьей точки зрения. Отождествление времени с длительностью или протяженностью конкретных движений также противоречиво. Поскольку процессов движения существует бесконечное множество, возникает проблема выбора: протяженность какого именно движения следует принять за время? Если мы примем за время протяженность какого-либо одного определенного движения, то протяженность других подобных движений уже нельзя будет считать временем, так как снова возникнет проблема множественности времен.

К понятию длительности, или протяженности, движения, рассуждает Плотин, мы приходим, наблюдая какие-либо определенные движения и называя их большими или меньшими. В этом процессе определения мы всегда получаем число, а протяженность выступает как свойство движения. Однако для того, чтобы определить протяженность движения, необходимо уже иметь понятие времени, поскольку протяженность есть, по существу, движение, выходящее за пределы данного момента. Понятие протяженности, следовательно, еще не дает нам понятия времени, а свидетельствует о наличности некоторого количественного процесса, совершающегося во времени.

Время, считает Плотин, является, скорее всего, не протяженностью конкретных движений, а неким движением, причастным другим движениям, служащим их основой, субстратом. Он пишет: «Если же протяженности движения дается название времени, то под ним понимается не протяженность самого движения, а то начало, благодаря которому движение само получает свою протяженность, протекая как бы параллельно с этим началом. Какова природа этого начала, этого мы не знаем. Но ясно, что таким началом может быть только время, в котором, произошло движение» [12, с. 329].

От анализа времени как протяженности движения Плотин переходит к критике представлений о времени как численного показателя или меры движения и полемизирует в данном вопросе, несомненно, с Аристотелем, хотя явно его не называет. Предметом критики являются три положения Аристотеля о времени: «время есть ничто иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему», «время есть мера движения», «без души не может существовать время» (Физика IV, 219b, 221a, 223a) [4].

Если время является числом движения по отношению к предыдущему и последующему, то оно не должно ничем отличаться от числа, которое применяется при счете лошадей и коров. Число остается числом независимо от того, что подвергается счету, и оно не имеет ничего общего с природой того, что оно измеряет. При таком определении времени указывается лишь сфера его приложения – область движения, но не раскрывается, что такое время само по себе.

В том случае, если время определяется как мера движения, оно должно быть такой же непрерывной величиной, как линия, которая сопровождает движение. Поскольку же время само не является движением, эта величина должна быть отлична от движения, которое оно измеряет. Однако не только движение будет нуждаться в мериле вне себя, но и сама эта величина, поскольку измеритель должен быть дан в определенном количестве. Тогда, измеряя движение определенным количеством этой величины, мы сможем найти ее численное выражение, хотя сама эта величина не будет числом. При этом вопрос о природе единицы измерения данной величины так и остается не разрешенным.

Отметив трудности и противоречия определения времени как числа или меры движения, Плотин приходит к выводу: «Итак, время не тождественно с числом, измеряющим движение, устанавливая его начало и конец, будь то не только движение любой скорости, но и движение равномерное» [12, с. 332].

С особым пристрастием Плотин критикует положение Аристотеля о том, что время не может существовать без измеряющей его души. Это положение было бы правильным только в том случае, если бы кто-нибудь показал, что сама наша душа является источником времени. Однако ради того только, чтобы служить объектом измерения, время вовсе не должно происходить от нашей души. Плотин настаивает на объективном существовании времени: «…оно существует как измеримая величина независимо от того, измеряет ли его кто-нибудь или нет. Но если кто-либо, несмотря на это, будет считать душу субъектом, пользующимся величиной как средством измерения, то какое значение может иметь это для понятия времени?» [12, с. 332].

Относительно последнего взгляда на природу времени, согласно которому время является одним из сопутствующих движению признаков, Плотин отмечает, что о нем нельзя сказать ничего определенного, пока неизвестно, что представляет собой это сопутствующее явление. Однако в любом случае сопутствующий движению признак оказывается лежащим во времени, и мы снова получаем противоречивое определение: «…время есть ничто иное, как следствие движения во времени» [12, с. 333].

От критического рассмотрения предшествующих взглядов на природу времени Плотин переходит к изложению собственной концепции времени, в основе которой лежит положение Платона о времени как движущемся подобии вечности. Здесь следует сделать ряд замечаний относительно особенностей онтологии Плотина в целом, поскольку в самом тексте эннеады «О времени и вечности» это учение явно не выражено. Мир, в представлении Плотина, строго иерархичен и образует ступени нисходящего бытия. На высшей ступени находится Единое, из Единого путем вневременной эманации последовательно происходят Ум (умопостигаемый мир), мировая душа, природа (космос, чувственный мир) и, наконец, материя. Вечность Плотин относит к Уму (умопостигаемому миру), а время – к мировой душе. Мировая душа в его онтологической схеме выступает в качестве связующего звена между сверхчувственным умопостигаемым миром, существующим в вечности, и чувственным миром природы, являющимся подобием умопостигаемого мира и находящемся в непрерывном изменении. Мировая душа бестелесна, созерцает идеи умопостигаемого мира и, обладая собственной активностью, является источником движения чувственного мира. В самом тексте эннеады «О времени и вечности» Плотин следующим образом характеризует эту посредническую активность мировой души: «И подобно тому, как из неподвижного зародыша развивается идея, захватывая, как полагают, в своем движении все более и более далекие сферы, заставляя путем последовательного деления исчезнуть многое, поглощая это многое вместо единого в себе самой и приходя таким путем к более обширной, хотя внутренне ослабленной сфере, – подобно этому и душа, создавая этот мир в подражание миру сверхчувственному, мир, находящийся в движении, похожем на движение потустороннего мира как копия на оригинал, сначала сама сделалась временем, которое заменило вечность. Затем она отдала во власть времени возникший видимый мир, поместив его целиком во время со всеми его изменениями» [12, с. 333–334].

Плотин считает, что если определить время как «жизнь души, которая в процессе движения переходит от одного проявления жизни к другому» [11, с. 334], то такое понятие будет правильным. Во-первых, потому, что оно не противоречит платоновскому определению времени как движущегося подобия вечности, во-вторых, потому, что

оно позволяет преодолеть трудности и противоречия аристотелевского определения времени.

Здесь Плотин не противоречит дефиниции Платона, поскольку жизнь мировой души является лишь подобием вечной жизни умопостигаемого мира. Поэтому вместо тождества и постоянства, присущих вечной жизни, в жизни мировой души проявляется нечто непостоянное, создающее один раз одно, а другой раз – другое; вместо неделимого и единого – отражение единого, единство которого проявляется только в непрерывности; вместо бесконечного и целостного – бесконечную смену явлений; вместо замкнутого целого – ряд частей, стремящихся образовать целое [12, с. 334].

Плотин подчеркивает ошибочность распространенных представлений о том, что Платон отождествляет время с движением небесных светил. Светила, согласно концепции Платона, возникли для того, чтобы указывать время, установить в нем известные границы и служить ясным до очевидности масштабом его измерения, поскольку представлялось невозможным, чтобы душа сама внесла в поток времени соответствующие разграничения. С другой стороны, так как каждая часть невидимого и неосязаемого времени не могла быть измерена сама собой, то смена дня и ночи послужила превосходным средством для образования понятия числа.

Определение времени как жизни мировой души позволяет также утверждать в противоположность аристотелевской концепции, что не «время есть мера движения», а «движение измеряется временем». Мерой времени будет промежуток его, установленный определенным чувственным движением; и эта мера, определяемая чувственным движением, по природе своей будет отлична от самого этого движения, поскольку время является жизнью (движением) мировой души, а не движением чувственного мира. Время как жизнь мировой души обладает самостоятельной природой, оно является элементом, в котором другой элемент равномерно движется или пребывает в ненарушимом покое. И этот последний элемент может служить только сферой проявления времени, но не его источником.

Если время является самостоятельной сущностью, то в процессе измерения времени движения измеряется именно время, а не движение. Аристотелевское определение времени как меры движения страдает двусмысленностью, поскольку остается неясным: время ли является в этом определении мерой движения или движение – мерой времени? Возможно, сетует Плотин, «мы просто не понимаем их, когда они нам ясно говорят, что мера определяется по измеряемому элементу» [12, с. 337].

Движение мировой души, или время, изначально обладает порядком предшествующего и последующего, этот порядок составляет сущность времени. Поэтому, считает Плотин, Аристотель допускает ошибку, приписывая характер времени и определения «раньше» и «позже» чувственному движению, а нашей душе только счет этих моментов: «Мы приписали бы в этом случае характер времени и определения «раньше» и «позже» движению, лишенному души, и отрицали бы все это за тем движением, которое является прообразом нашего движения, которое в первоначальном самодеятельном процессе порождает смену предшествующего и последующего и которое создает одновременно с каждым членом ряда также и переход этого звена к ближайшему» [12, с. 337–338].

Определение времени как жизни мировой души позволяет Плотину преодолеть противоречие, свойственное определениям, связывающим время с чувственным движением, сущность которого довольно точно выразил Секст Эмпирик: «…всякое движение происходит во времени, поэтому и движение мира произойдет во времени. Но время не происходит во времени. Ведь тогда оно будет или в себе самом, или в другом времени, или в других временах» [13, с. 347]. Движение мировой души, согласно Плотину, не совершается во времени, ведь движение мировой души и есть само время. За движением мировой души находится вечность, которая не движется и не распространяется по мере ее движения. Именно вечность является источником времени, и именно в вечности происходит движение мировой души или времени: «Вечность и является источником времени, которое она наделила собственной активностью. И эта активность живет повсюду, потому что время неразрывно связано со всеми частями вселенной, подобно тому, как наша душа неразрывно связана со всеми частями тела» [12, с. 338].

Эта аналогия отношения человеческой души к телу с отношением мировой души к природе применяется Плотином и в завершающем трактат «О времени и вечности» рассуждении, обосновывающем его концепцию времени. Когда мы видим движущегося вперед человека, рассуждает Плотин, то в основу тела, совершившего передвижение в течение определенного промежутка времени, мы должны положить это определенное движение, в основу времени, ушедшего на передвижение, – движение души, имеющее те же размеры, в основу же движения души мы должны положить какое-то единое первоначало, включающее в себя все остальное: «Точно так же обстоит дело и с мировой душой. Отсюда следует, что время заключа-

ется в каждой человеческой душе, и притом время с одинаковыми свойствами. Все человеческие души объединяются в высшем единстве. Поэтому время не разрывается на части и не делится между отдельными душами, подобно тому, как и вечность существует неделимо, но в различных проявлениях в вещах одного и того же порядка» [12, с. 338]. Утверждение Плотина о том, что в каждой человеческой душе заключается время с одинаковыми свойствами, определяемыми мировой душой, является в высшей степени примечательным, поскольку подчеркивает объективность времени в индивидуальной душе. П.П. Гайденко, подмечая эту особенность трактовки времени Плотином, пишет, что в его концепции «… время, которое укоренено в душе, и есть как бы сама длительность мировой души, не теряет от этого своего космического характера и не становится чем-то субъективным» [14, с. 128].

Если эксплицировать основные положения плотиновской концепции времени, то они предстанут в виде стройной теории, преодолевающей все трудности и противоречия, с которыми столкнулась античная философия в анализе проблемы времени. Действительно, время не тождественно ни одному чувственному движению, поскольку представляет собой движение не чувственного мира, а мировой души. Время бестелесно, невидимо и неосязаемо, поскольку бестелесна, невидима и неосязаема мировая душа. Время происходит не во времени, а в вечности, поскольку вечность является источником и сущностью времени, его прообразом. Не время есть мера чувственного движения, а чувственное движение есть мера времени, поскольку время как жизнь мировой души, как движение от прошлого к настоящему и будущему не имеет внутри себя деления и не может быть измерено самим собой. Время объективно, поскольку представляет собой движение, жизнь объективной субстанции – мировой души. Время едино, поскольку представляет собой движение единой субстанции – мировой души. Наконец, время, существующее в каждой индивидуальной душе, является таким же, как и в мировой душе, поскольку отдельная индивидуальная душа реально не существует сама по себе, а представляет собой ограничение единой всеобщей мировой души [15, с. 89–90].

Таким образом, Плотину удалось создать собственную, достаточно обоснованную и непротиворечивую концепцию времени, не совпадающую ни с одной из предыдущих концепций. Если говорить о философских основаниях концепции времени Плотина, то ими, несомненно, являются концепции времени Платона и Аристотеля. Учение Плотина о времени представляет собой как бы дальнейшую разработку платоновской концепции времени как движущегося подобия вечности, произведенную с помощью аристотелевской концепции времени как числа движения по отношению к предыдущему и последующему. Результатом этого синтеза явилась оригинальная концепция времени, принципиально отличающаяся как от концепции Платона, так и от концепции Аристотеля.

Принципиальное отличие Плотина от Платона в учении о времени состоит в том, что Плотин связывает время с мировой душой и тем самым придает времени субстанциальный характер. Учения Платона и Плотина о мировой душе во многом совпадают: мировая душа является у них посредником между идеальным умопостигаемым миром и миром чувственных вещей, она осуществляет начало чувственного движения. Однако Платон никогда не связывал время с мировой душой, а тем более с индивидуальной. Время, согласно Платону, есть вечный образ, движущийся от числа к числу, и оно возникло вместе с небом: «…время возникло вместе с небом, дабы одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно» (Тимей, 38b) [16]. Время у Платона несоизмеримо с вечностью, оно относится к чувственному миру – вечно возникающему, но никогда не сущему, вечность же относится к миру умопостигаемому – бытию, не имеющему возникновения. Все рожденное (небесная сфера, вещи чувственного мира) причастно времени, имея начало и конец, оно было и будет, вечность же только есть (Тимей, 38a) [16].

Учитывая античную критику платоновской концепции, Плотин относит время не к чувственному миру, а к мировой душе. Во всех сферах бытия есть движение, есть жизнь. Формой жизни умопостигаемого мира является вечность, формой жизни мировой души является время, а формой жизни чувственного материального мира – движение. Таким образом, Плотин устанавливает иерархию движений, которая соответствует иерархии бытия: вечность – время – чувственное движение. Вечность есть такая жизнь умопостигаемого мира, в которой нет длительности, в которой нет прошлого и будущего, а есть одно настоящее. Время есть такая жизнь мировой души, в которой в едином потоке длительности все подчинено переходу из прошлого в настоящее и будущее. Движение чувственного материального мира есть жизнь, в которой нет единства, и, кроме того, что вещи чувственного мира постоянно возникают и исчезают, они дви-

жутся с разной скоростью, их существование обладает разной длительностью. Источником вечности Плотин считает Единое, источником времени – вечность, а источником чувственного движения – время.

Принципиальное отличие Плотина от Аристотеля в учении о времени состоит в определении онтологического статуса времени. Время определяется Аристотелем как число движения по отношению к предыдущему и последующему, или как мера движения. С таким подходом ко времени никак не может согласиться Плотин, поскольку он оставляет без ответа вопрос о том, что представляет собой время само по себе. Если время есть число, то число не имеет ничего общего с природой того, что измеряется, если же время является мерой движения, то и в этом случае остается неопределенной природа этой меры. Кроме того, подход Аристотеля ставит существование времени в зависимость от измерения и, таким образом, подвергает сомнению объективность времени. Собственное решение Плотином проблемы дает однозначные ответы на поставленные вопросы. Чтобы решить проблему нетождественности времени ни одному чувственному движению – его невидимости и неосязаемости, его единственности, отсутствия у времени скорости, необязательно соотносить время с числом, его достаточно соотнести с особой субстанцией – мировой душой, которая едина, невидима, неосязаема, не имеет внутри себя деления. Скорость имеет только чувственное движение, невидимое и неосязаемое движение мировой души не имеет скорости, но оно имеет длительность, и эта длительность измеряется чувственным материальным движением, имеющим определенную скорость. Именно при измерении времени материальным движением появляется число, самому же времени как движению души никакое число не присуще, не время есть мера движения, а движение есть мера времени.

Несмотря на непротиворечивость и блестящую критику аристотелевского определения, концепция времени Плотина не получила такого же широкого признания, как и концепция Аристотеля. Причиной этого, на взгляд автора, является жесткая онтологическая схема, характерная для платонизма. Если аристотелевская концепция времени как числа движения была ориентирована на анализ процесса познания, то плотиновская концепция времени как жизни мировой души решала специфическую для платонизма проблему взаимоотношения умопостигаемого мира, пребывающего в вечности, и мира чувственных вещей, находящегося в беспрерывном движении.

Таким образом, анализ концепций времени Аристотеля и Плотина показывает, что им удалось разработать оригинальные подходы к решению проблемы взаимоотношения времени и души. Согласно эпистемологической концепции времени Аристотеля, время подобно числам, только видится в вещах в силу определенного познавательного подхода, поэтому без индивидуальной души оно не может существовать, а согласно субстанциальной концепции времени Плотина оно представляет собой движение как мировой, так и индивидуальной души.

Возвращаясь к теме античных истоков аналитических и феноменологических исследо-ваний проблемы взаимоотношения времени и сознания, можно сказать, что истоки первых могут быть обнаружены в эпистемологической концепции времени Аристотеля, а вторых – в субстанциальной концепции времени Плотина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Philosophy of Time. Oxford, 1993; The New Theory of Time. New Haven, 1994; Questions of Time and Tense. Oxford, 1998; Time in Modern Intellectual Thought. Amsterdam and New York, Elsevier, 1999.

2. *McTaggart, J.E.* The Unreality of Time / J.E. McTaggart. – Mind: A Quarterly Review of Psychology and Philosophy. – 1908. – 17. – pp. 457–474.

3. *Гуссерль, Э.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. – М., 1994.

4. *Аристотель.* Сочинения в 4 т. Т. 3: Физика / Аристотель. – М., 1976.

5. *Conen, P.E.* Die Zeittheorie des Aristoteles / P.E. Conen. – Munchen, 1964.

6. *Рожанский, И.Д.* Развитие естествознания в эпоху античности / И.Д. Рожанский. – М., 1979.

7. *Молчанов, Ю.Б.* Четыре концепции времени в философии и физике / Ю.Б. Молчанов. – М., 1977.

8. *Лосев, А.Ф.* Критика платонизма у Аристотеля / А.Ф. Лосев // Миф-Число-Сущность. – М., 1994.

9. *Визгин, В.П.* Генезис и структура квалитативизма Аристотеля / В.П. Визгин. – М., 1982.

10. *Аристотель.* Сочинения в 4 т. Т. 2: Категории / Аристотель. – М., 1978.

11. *Гайденко, П.П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.) / П.П. Гайденко. – М., 1987.

12. *Плотин.* Сочинения. Плотин в русских переводах: О времени и вечности / Плотин. – СПб., 1995.

13. *Секст Эмпирик.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Против ученых / Секст Эмпирик // – М., 1975.

14. *Гайденко, П.П.* Время и вечность: парадоксы континуума / П.П. Гайденко // Вопросы философии. – 2000. – № 6.

15. *Дзюба, С.В.* Концепция времени Плотина / С.В. Дзюба // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса (7–11 июня 1999 г.). Т. 1: Онтология, гносеология и методология науки, логика. Ч. 2. – Екатеринбург, 1999. – С. 89–90.

16. *Платон.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3: Тимей / Платон. – М., 1994.

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

И.М. Ревич

РЕВИЧ Илья Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Хабаровского государственного педагогического университета.

Автор статьи, не отказываясь от традиционного толкования понятия человечности как гуманности, полагает, что в этом понятии следует закрепить креативную результативность культурогенеза, представляющую собой синтез научного, религиозного, философского, этического и эстетического сознания. Идея автора сводится к наполнению понятия «человечность» таким содержанием, которое было бы способно открыть новые перспективы в исследовании проблем гуманизма.

In the author's opinion, humanity is the property of anthropological reality embedded in the existential creativity of an individual. The author does not reject the traditional concept of humanity as humaneness, but considers it as a fortified creative result of culturegenesis that represents itself as a synthesis of scientific, religious, philosophical, esthetical, and ethical realization. The main intent here is to look at the concept of humaneness from such a point which would allow one to pursue new possibilities and to see new perspectives while researching the problem of humanism.

1

Среди проблем современной философии одной из центральных является проблема человека и гуманизма. Внимание к ней возрастает в силу того, что впервые в истории ставится под вопрос существование антропологического мира в рамках современной техногенной цивилизации. Эта цивилизация, с одной стороны, открыла для человечества невиданные ранее возможности научно-технического прогресса, с другой – ввергла его в ситуацию антропологического кризиса.

Прометеевский порыв современного человечества требует осознания гуманитарной мыслью необходимости «антропологического возрождения»[1], которое предполагает глубинное постижение человеческой природы, актуализацию гуманистической доминанты «внутреннего мира» личности. Современное общество определило социальный заказ для философско-антропологических учений, который заключается в разработке механизмов «возвращения человеку человечности»[2]. Поэтому кардинальный вопрос: «Сохранит ли человечество человечность?»[3] можно интерпретировать таким образом: сможет ли современный человек превратить гуманистические ценности, обладающие универсальным[4] (общечеловеческим) содержанием, в достояние «внутреннего мира» личности и тем самым предотвратить «конец истории»?

Современный человек пришел к осознанию проблематичности собственного бытия, обусловленной его способностью к двоякому творчеству: инструментальному и экзистенциальному. Следствием первого являются ценности цивилизации, в результате второго – создается мир культуры как креативный потенциал персоналистического бытия. Цивилизационные ценности есть результат преобразованного и освоенного человеком природного и социального мира – это мир техники, разнообразных технологий (инженерной, экономической, биологической, коммуникационной, информационной, социально-организационной). Человек, творя свое бытие и подчиняясь природной и социальной необходимости, раздвигает границы своей материальной свободы. Он превращается в господина пространства и времени, материи и энергии, в субъекта космологической свободы. Философско-антропологическая рефлексия данного факта предполагает рассмотрение человека в эволюционно-натуралистическом и социально-функциональном аспектах, а также человеческой субъективности как инструментальной силы, противостоящей объективному миру. Но это представление о человеке оказывается неполным, так как оставляет в тени экзистенциально-персоналистический аспект антропологического бытия. Оно препятствует осознанию человеком своего присутствия в мире как носителя экзистенциальной креативности, как существа, обладающего специфически антропологической модальностью, в рамках которой происходит становление человеческого в человеке – становление феномена человечности. Именно поэтому необходима новая парадигма человеческого бытия – экзистенциально-антропологическая, «которая предполагает более глубокую прогностику, просчет противоречивых результатов человеческой деятельности и создание "защитных" систем против негативных результатов, – причем не только "вне", но и "внутри" самого человека, в его культурно-личностном основа-

[1] См.: Гуревич П.С. Философия человека. М., Ч. 1.1999; Ч. 2, 2001.

[2] См.: Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.

[3] См.: Сохранит ли человечество человечность?: Доклад Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1989 .

[4] Этимологически слово «универсализм» («универсальный»), пришедшее в современные европейские языки из латыни, может быть прочитано как «единоразвертывание»: «unus» – один и «verto» – поворачиваю. В данной работе это толкование органично сопрягается с широко употребительным: «универсальный» – «всеобщий».

нии».[1] Данное требование может быть выполнено только на базе онтологической посылки, в рамках которой «внутренний мир» человека (персоналистическая реальность) понимается как сопряженность индивидуального и универсального, существования и сущности, экзистенции и креативности. Благодаря утверждению онтологического статуса персоналистической реальности становится возможным обоснование личностной субъективности как носителя трансисторических и поэтому постоянно актуализируемых стратегий личностного самосозидания. В данной парадигме становится возможным понимание того факта, что сведение человеческого существования к инструментальному манипулированию миром объектов и понимание субъективности как рефлексии материально-предметной деятельности не просто обедняет философию человека, но, строго говоря, лишает ее собственного предмета. А последний представляет собой сложное переплетение концептуальных схем, центральным элементом которых выступает философская рефлексия экзистенциальной креативности личности. Несомненно, прав М.К. Мамардашвили, который отмечает, что «не бывает иной философии, кроме как содержащей в себе именно экзистенциальный момент».[2] Экзистенциальная креативность – это действительность человеческого присутствия в целостности бытия, реализующаяся посредством усилий личности в ее устремленности к универсальным ценностям философского, религиозного, эстетического, этического творчества.

Традиционная европейская философия, исследуя сущность и природу человека, оперировала многообразием его определений. Она говорила о человеке разумном, религиозном, эстетическом, этическом, экономическом, политическом, играющем, производящем, креативном; т. е. о таком человеке, который, собственно, и пришел к современному социальному и антропологическому кризису. Этот кризис выявил необходимость теоретической актуализации экзистенциально-креативного аспекта проблематики гуманизма. Современная философско-антропологическая мысль пытается обнаружить интегративное содержание человеческого существования с помощью понятий «духовность» и «культурность», но сталкивается с трудностями в определении этих понятий в дискурсе о человеке в силу того факта, что их смысловой ресурс предполагает разнообразие интерпретаций. Не сомневаясь в их правомерности в рамках культурологического, социально-психологического, религиоведческого дискурса, следует видеть проблематичность применения подобных толкований в философской антропологии. Так как среди ее задач выделяется необходимость преодоления аксиологического релятивизма и обнаружения концептуальных оснований для сопоставления неодинаковых представлений о человеке. Настаивая на необходимости диалога культур и полезности процедуры сопоставления различных гуманистических проектов, следует иметь в виду, что в XX в. стали очевидны опасности такого «духовного» и «культурного» развития, в котором на первое место ставились партикулярные ценности нации, религиозной конфессии, класса и иных социальных феноменов, где игнорировался примат экзистенции в креативно-персоналистическом измерении.

2

Философско-антропологическое понимание человека предполагает фундаментальную методологическую установку на фиксацию динамической целостности экзистенциальной креативности личности, в соответствие с которой личность рассматривается как созидающая себя субъективность, как стремление быть человеком. Мы констатируем, что понятие «человечность» отражает онтологический план антропологической реальности и экзистенциально-ценностный универсализм человеческой креативности в ее персоналистическом измерении. Принцип персонализма предполагает необходимость такой направленности мышления, которая исходит от человека и следует в русле антропологических принципов в экспликации проблем бытия, истории, социогенеза и культурогенеза. Поэтому вопрос о сущности феномена человечности есть «основной вопрос» философской антропологии, так как он представляет собой ключевой аспект онтологической проблемы,[3] определяющей возможности решения комплекса иных философских проблем: гносеологической, этической, эстетической, аксиологической. В этой связи важна констатация того факта, что проблема человечности может быть поставлена только в рамках онтологии целостного человеческого существования, предполагающего артикуляцию различных его сторон: природной, социальной, антропологической. Природные и социальные факторы определяют возникновение и функционирование человеческого мира. Человеческий мир есть функциональное отношение, возникающее в результате взаимодействия социума и природы. Данное функциональное отношение реализуется как операциональная (техническая – в самом широком смысле) деятельность, результатом которой становится цивилизация. Но человек обладает потребностью и способностью воздействовать также на самого себя. Здесь человек посредством экзистенциальной креативности создает антропологическую реальность; он творит особый мир пер-

[1] Буева Л.П. Экология и образование (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2001. № 10. С. 19.

[2] Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000, С. 225.

[3] См.: Губин В.Д. Онтология: Проблема бытия в современной европейской философии. М., 1998.

соналистических идеальных форм, специфический бытийный слой экзистенции. Здесь человек создает не просто сверхприродный (искусственный) мир, но мир *сверхсоциальный – мир человечности*, именно этот мир следует понимать как обладающий субстанциональностью в том смысле, в каком человеческое бытие как функция порождает специфическую структуру. Именно в данной плоскости становится возможной переинтерпретация основного антропологического вопроса: «что такое человек?» в ключевую проблему заявленного нами исследования: как *природное* и *социальное* в человеке становится *антропологическим* и, в своем *пределе, – человечным. Здесь феномен человечности не просто содержит позитивные свойства и признаки человеческого и возвышается до аксиологического идеала, но приобретает бытийственный статус*. В таком понимании человек есть микрокосм, но не в натуралистическом, а в историческом и философско-антропологическом смыслах.

Философско-антропологическая мысль понимает реальность человечности как осуществляемость человеческого бытия в модусе экзистенциальной креативности. Только в этом модусе феномен человека может быть рассмотрен как феномен *человечности*, причем рассмотрен вне разнообразных редукций. Например, выдающийся ученый-естественник пишет: «Надо признаться, что я не понимаю достаточно хорошо самого смысла термина “сущность человека”. Конечно, в качестве его определения можно, например, принять тезис Маркса о том, что это совокупность всех производственных или общественных отношений. Но подобная редукция не снимает основного вопроса: как в процессе саморазвития Природы, саморазвития живого вещества, возникла его составляющая – Человек, обладающий ярко выраженной индивидуальностью собственного духовного мира. Мира стремлений, мира любви и ненависти, надежд и горя. Как и почему возникло существо, обладающее собственным неповторимым образом окружающего?».[1] Очевидно, что данный автор говорит об онтологическом статусе экзистенции и о том, что *есть* личность. Однако ответ на этот вопрос может быть дан, но только не в редукционистском ключе: из саморазвития природы и живого вещества антропологическая реальность – экзистенция – не возникает. Человек как экзистенция и креативность в онтологическом плане не является «составляющей живого вещества». Не есть он также продукт саморазвития общества, хотя без живого вещества и социальности он не существует. И здесь речь должна идти о существовании *a se* – из самого себя: т. е. говорить следует об антропологической реальности как реальности персоналистического мира, как о совершенном в себе и через себя бытии, обладающем онтологической автономностью. М. Шелер, рассуждая о принципе, делающем человека человеком, отмечал его несводимость к эволюционно-натуралистическому и социологическому объяснению: «Уже греки отстаивали такой принцип и называли его “разумом”. Мы хотели бы употребить для обозначения этого X более широкое по смыслу слово, которое заключает в себе и понятие разума, но наряду с мышлением в идеях охватывает и определенный род созерцания первофеноменов или сущностных содержаний, далее определенный класс эмоциональных и волевых актов, <…> например, доброту, любовь, раскаяние, почитание и т. д. – слово *дух*. *Деятельный центр*, в котором дух является внутри конечных сфер бытия, мы будем называть *личностью*».[2] Данный ракурс понимания антропологической реальности позволяет преодолеть трудности, сопутствующие процедуре определения «сущности человека», без использования натуралистических и социологических объяснительных принципов. Принцип, конституирующий человеческое бытие, т. е. определяющий человеческое в человеке, не может быть сведен к естественной и социальной эволюции. «Человеческое в человеке не имеет механизма естественного рождения. Как нет поэтому и причины для проявления в нем человеческого, так как никого нельзя вынудить быть человеком. Сам феномен человеческого, в том числе и мысли, оказывается у нас вне причинно-следственной области, хотя одновременно в ней находится. То есть человек это существо, которое одновременно сковано причинно-следственной цепью и в то же время находится где-то в другом месте, когда рождаются в нем какие-то человеческие состояния, для которых нет естественного механизма» [3]. В этой связи следует указать на продуктивность интерпретации проблемы личности в экзистенциально-персоналистической философии, так как именно личность является тем топосом, в котором, собственно, и рождаются те человеческие состояния, которые мы называем человечностью.

Философская антропология, выходя за рамки партикулярных объяснений человеческого существования, сосредоточивает свое внимание на феномене человека в аспекте его человечности, в аспекте экзистенциально-ценностного универсализма (антропологической всеобщности в ее позитивном измерении). Специфика человеческого бытия обусловливается экзистенциально-креативными состояниями персоналистического мира. Действительно, люди сами начинают отличать себя от животных, как только они начинают производить собственные средства жизни (К. Маркс). Более инте-

[1] Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле *(по поводу книги И.Т. Фролова «О человеке и гуманизме»)* // Вопросы философии. 1990. № 6. С.37.

[2] Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988, С. 53.

[3] Там же

ресно то, что люди (в поисках своей сущности) начинают отличать себя от других по тем или иным социальным основаниям: роли, статусу, институциональному, классовому, национальному, религиозному, культурному признакам. Общеизвестно, что такого рода дистинкции содержат в себе мощный конфликтный потенциал и хотя не дают ответа на вопрос о том, «что делает человека человеком?» (М. Шелер), они ставят этот вопрос. Тут было бы интересно обратить внимание на ограниченность социально-антропологических объяснений различий человеческого существования и определений человечности, осуществленных классическим марксизмом, в котором выдвигался так называемый классовый подход. На наш взгляд, только философско-антропологическая установка на экспликацию экзистенциальной креативности личности может обеспечить адекватное понимание онтологии человечности.

Стремление отобразить содержание этого феномена пронизывает всю европейскую философию. Можно говорить о присутствии в ней метафизической интуиции феномена человечности уже со времени греческой мысли: например, Аристотель в «Никомаховой этике», говоря о дружбе, вводит ее в топос человечности. За констатацией Стагирита просматриваются подступы к метафизике человеческого присутствия в мире: наряду с природной и социальной реальностями существует антропологическая реальность, а одним из ее состояний является, в частности, дружба. Увидеть же экзистенциально-креативное содержание данного феномена можно только с позиций философской антропологии.

В своей абстрактной всеобщности европейская философия дает понятию «человек» гамму определений. Однако в границах каждого из них скрывается имманентная противоречивость человеческого существования, поэтому объективное содержание каждого из этих определений проявляет себя как экспансия партикулярности и односторонности. С другой стороны, объективное содержание той или иной формы креативности обладает тенденцией удерживаться в рамках человеческой меры благодаря тому, что все эти конкретные формы креативности (связанные между собой и обусловливающие друг друга) порождают специфическую реальность (обладающую бытийным статусом). Таким образом, не различие форм креативности, а момент их тождественности образует особую модальность (состояние) человеческого мира, которую мы обозначаем понятием «человечность». В эмпирически-феноменальном плане состояние человечности есть формирование экзистенциально-ценностных универсалий в их трансисторичности (сверхвременности), которые человек вбирает в хронотоп своего персоналистического бытия. Не отказываясь от традиционного понимания человечности в положительно-оценочном смысле как гуманности (человеколюбия), мы в содержании понятия «человечность» закрепляем синтез всех форм креативности человека, позитивное содержание его субъективности как единства научного, религиозного, философского, эстетического, нравственного сознания личности. Человечность есть реальность отношения человеческого существования к самому себе, есть самотрансцендирование экзистенции, ее самораскрытие. Понятие «человечность» отображает полноту содержаний *всех* философско-антропологических определений человека; оно включает в себя все эти определения, которые обозначают все объективные эмпирические формы экзистенциальной креативности в их взаимосвязи и взаимодействии.

3

Проблема человека – одна из центральных в европейской философии. Она конституировалась не только на основе научного знания и философских идей, но и благодаря фундаментальным интуициям религиозной (иудео-христианской) антропологии. Религиозная антропология явилась первооткрывателем феномена человечности, первопроходцем на путях становления целостного учения о человеке, ей принадлежит «первоопыт откровения» [1] экзистенциального измерения персоналистического бытия. Поэтому содержательная целостность понятия «человечность» может быть отображена во всей полноте объединенными усилиями философской и религиозной антропологии. Теология исторически обусловливает формирование проблемного поля философской антропологии, а поэтому эти две онтологии человечности (теологическая и антропологическая) имеют равное право на существование в рамках принципа толерантности. Мы полагаем, что имеющиеся в современной литературе культурно-исторический и плюралистический подходы к описанию и выбору онтологий, включающие в себя принципы контингентности и толерантности, достаточно продуктивны для выработки концепции человечности в рамках теологического и философско-антропологического дискурсов [2] . Примером, демонстрирующим позитивность указанных подходов, может служить использование в качестве методологического принципа антропотеистической идеи самоценности личности (Н. Бердяев, Э. Мунье) как основы для построения целостной концепции феномена человечности. Привлечение теологического объяснительного принципа для построения современной антропологии гуманизма как имплицитно антропологического является необходимой установкой современного толерантного сознания.

[1] См.: Ахутин А.В. Все еще только начинается… Памяти В.С. Библера. Антинекролог // Вопросы философии. 2001. № 6.
[2] См.: Хюбнер К. Рефлексия и саморефлексия метафизики // Вопросы философии. 1993. № 7.

Философски осмысливаемая онтология человечности представляет собой раскрытие особого среза (бытийного слоя) антропологической реальности, для понимания которого органично привлечение опыта религиозной мысли. С этой точки зрения человечность понимается как заданная религиозным абсолютом (Богом) форма человеческого осуществления. В таком понимании Бог выступает как источник человечности. В этой связи следует подчеркнуть, что теологическое (иудео-христианское) понимание личности (христианский персонализм) определило особенности философско-антропологического размышления о человеке. Указывая на это важное положение современной философской антропологии, следует отметить, что одна из центральных ее проблем: проблема *«быть и/или иметь»* непосредственным образом связана с религиозным пониманием личности (духовности). Согласно данной традиции здесь слово «быть» означает *быть (находиться) в духовной реальности*; слово «иметь» означает *иметь телесное и социальное начало*. Конечно, человека нет без тела и без социальных функций, ролей, отношений, но не тело и социальные отношения (именно в этом заключается высокий философский смысл религиозных интуиций), а экзистенция и креативность делают человека человеком.

4

Благодаря экспликации феномена человечности как полноты креативности личности и как трансисторичности гуманитарных универсалий становится более адекватным философско-антропологическое понимание гуманизма как рефлексии человека о своей сущности. Человеческое бытие в актах саморефлексии воспринимается как несовершенное и незавершенное, но вместе с тем обладающее признаками достаточности и необходимости, полноты осуществленности. Подчеркивая данный факт, мы проводим методологическую процедуру, суть которой заключается в актуализации философско-антропологического содержания понятия «гуманизм». Данная процедура необходима для выявления ограниченности партикулярных (идеологизированных) версий гуманизма, построенных на социально-феноменальных основаниях, где провозглашается самоценность конкретных социальных феноменов: власти, партии, нации, экономики, информационных технологий, политики, права. Поэтому в учении о человечности большое значение приобретает такой его срез, в котором фиксируется перманентный кризис взаимодействия антропологического и социального миров. Проблема гуманизма в философско-антропологическом дискурсе есть рефлексия исторической ограниченности и трудностей реализации в социальном мире феномена человечности, прежде всего такой его экзистенциальной формы, как нравственность.

Когда мы говорим о человечности как о нравственности, то, согласно традиции, здесь человечность понимается как гуманизм. Правда, возникает вопрос: что такое гуманизм? Чтобы дать на него ответ, необходимо увидеть человеческий мир в его историчности. Историчность объективна, но ее объективность есть онтологически производный модус человеческого существования, и она не может быть понята без учета фундаментальных ценностей антропологического мира, который многообразен и поливариантен, что и обусловливает многообразие гуманистических проектов. Этот веер интерпретаций идей гуманизма порождает вопрос о *подлинности* человеческого существования. Видимо, не будет ошибочным утверждение того факта, что европейская философия в сфере «чистого разума» (посредством теоретической рациональности в кантовском понимании) на протяжении всей своей истории постоянно решала эту проблему, результатом чего явилась идея гуманизма как рефлексии человеческой сущности. Действительно, «чистый разум» способен создавать понятия «человечность», «гуманизм», но он необходимо связан с практическим благом, добродетелью, пониманием и осуществлением морального закона, влечением к прекрасному (эстетическим творчеством), религиозной трансценденцией. В этой связи для нас принципиальным является то, что философское понятие гуманизма имплицитно содержит в себе рецепцию *всех форм человеческой креативности в их динамике, взаимосвязи и взаимозависимости*.

Феномен человечности в онтологическом плане (антропологической всеобщности) представляет собой синтез различных форм экзистенциальной креативности личности. Понятие «человечность» обозначает состояние человеческого бытия, содержанием которого выступает экзистенциальная креативность личности, поэтому оно интерпретируется не только в традиционном мировоззренческом смысле как человеколюбие, но рассматривается в качестве концепта, предполагающего теоретический синтез антропологических констант и инвариантных структур целостного человеческого бытия. Понятие «человечность» позволяет выйти за границы смысловых коннотаций, сопутствующих понятию «гуманность» в аксиологическом смысле, где гуманность выступает как положительно-оценочная категория, накладываемая на тот или иной фрагмент эмпирического бытия. Понятие «человечность» обозначает те содержательные импликации внутреннего мира личности (сферы идеального), которые определяют человеческий способ существования как экзистенциально-креативный. В этом смысле оно предполагает указание не только на этичность как фундаментальный признак человеческого существования, но и на философский разум, религиозную веру, эстетическое творчество,

осуществляемые в модусе персоналистического бытия. В данном модусе феномен человечности в онтологическом плане (антропологической всеобщности) представляет собой синтез различных форм экзистенциальной креативности личности.

5

Исходя из вышесказанного, имеет смысл аналитика методологических установок, обеспечивающих экспликацию содержания феномена человечности и выступающих в качестве конститутивных теоретических принципов концепции гуманизма, таких как: *антропоцентризм, космополис, европоцентризм.*

Принцип антропоцентризма в философско-антропологическом дискурсе не исчерпал своего методологического и теоретического потенциала, но нуждается в новом теоретическом осмыслении (гуманитарной оснащенности). Данный принцип выступает в качестве онтологического конструкта для построения современной антропологии гуманизма, где понятиям экзистенции и креативности принадлежит ключевое значение. То, что мы в настоящее время постоянно сталкиваемся с критикой идей антропоцентризма, вполне объяснимо. Эта критика справедливо обусловлена неприятием негативных следствий технико-инструментальной системы, созданной человеком. Действительно, идея возвышения человека спорна в технико-инструментальном аспекте, но она бесспорна в экзистенциально-креативном смысле, который предполагает формирование эмпирической человечности. Критика человеческой активности как «активизма» должна учитывать тот факт, что в ситуации модерна возвеличивание человека было необходимо для преодоления его отчуждения и ущербного положения в предыдущие религиозные эпохи. В философско-антропологическом аспекте принцип антропоцентризма есть гуманитарный принцип (Н.А. Бердяев), благодаря которому становится возможной теоретическая аналитика не природного и социального бытия, а экзистенциально-креативного. Ведь мы не можем пройти мимо того факта, что традиционный образ новоевропейского гуманизма (где принципу антропоцентризма принадлежит важнейшая роль) отражает не только негации технократизма, этицизма, эстетизма, религиозного, социального и националистического радикализма. Этот образ отображает реалии бытийно-статусного состояния человечности в модусе персоналистической реальности. Принцип антропоцентризма есть признание реальности человека как человека, как центра интенции самосозидания, поэтому он имманентен состоянию антропологического мира в его историчности и трансисторичности (телеологичности).

6

Человечность представляет собой планетарное явление, исток которого находится в греко-римской античности и в иудео-христианском религиозном сознании. Поэтому именно Европа явилась тем хронотопом антропологического бытия и тем синтезом культурно-цивилизационных потенциалов, в которых осуществилась эмпирически-феноменально реальность человечности. Поэтому есть смысл говорить о европейской социальной онтологии и феноменологии человечности. Генезис человечности обусловлен европейской историей, которая определила парадигму глобальной креативности. Ю.А. Шичалин справедливо отмечает: «Стремление к глобальному единству взгляда на мир обусловлено всепоглощающей открытостью европейского разума и его готовностью вместить всю полноту данного человеку в опыте. Европейцы первыми научились вмещать все иные культуры, попадающие в поле нашего зрения, и, заметим, в этом *остались единственными* (курсив мой. – И.Р.). Браниться европоцентризмом придумали также европейцы, <…> идеалы равноправия культур и народов – европейские идеалы». [1] Принцип европоцентризма не может быть сведен к апологетическим оценкам политического, экономического, правового или научно-технологического развития Европы, но этот принцип позволяет увидеть меру экзистенциально-ценностного универсализма в аспекте общечеловеческих ценностей. Обосновывая в рамках философско-антропологического дискурса онтологический статус феномена человечности, мы подчеркиваем принципиальную значимость утверждения Э. Гуссерля о том, что именно европейская философия выступает не только как конкретно-историческое «схватывание» человеком своей сущности, но и как телеология европейского человечества, как постановка идеальных и универсальных «бесконечных задач» в движении к «универсальности истин». [2] Именно в таком толковании следует понимать человечность как «универсальность истин», добытых философией на протяжении тысячелетий и ставших духовно-практическим основанием европейской культуры и цивилизации. Именно в этом ключе возможно понимание европейской философии как телеологии человечности.

Принцип европоцентризма не может быть сведен к апологетическим оценкам политического, экономического, правового или научно-технологического развития Европы. Он позволяет увидеть меру экзистенциально-ценностного универсализма в аспекте глобальной креативности и общечеловеческих ценностей, но с учетом генезиса данного универсализма. В связи со сказанным представляется, что понимание феномена человечности на основе «национальной идеи» в рамках натуралистических (расовых, природно-ландшафтных) или социологических прин-

[1] Шичалин Ю.А. «Осевые века» европейской истории // Вопросы философии. 1995. № 6. С.75–76.

[2] См.: Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3.

ципов непродуктивно, так как личность есть феномен не природного или социального, но экзистенциально-креативного бытия. В этом контексте методологической продуктивностью обладает идея *космополиса*.

Идея космополиса, возникшая в древнегреческой философии и иудео-христианской религии, оказала существенное влияние на практический и теоретический аспекты современного европейского гуманизма. О философской идее космополиса размышляли Сократ, Эразм Роттердамский, И.В. Гете. Понятие «космополис» включает в себя смыслы деятельной «всечеловечности», о которой мечтал Ф.М. Достоевский, и универсализма человеческого бытия, к которому призывал И. Кант. Идея космополиса в европейском самосознании не противостоит идее «родины», понимаемой в общегражданском, этническом, национальном смысле.

Концепция космополиса как духовного единства планетарного человечества созвучна концепции ноосферы, которую разрабатывал В.И. Вернадский. Ноосфера (сфера разума) – высшая ступень развития природы, общества и человека, становящаяся особым структурным элементом космоса. В концепции ноосферы отображена объективированная экзистенциально-креативная сущность человека.

Идеи ноосферы и космополиса являются составными частями философской концепции гуманизма; в них отображены планетарная ценность человека и то общее, что делает людей творческими субъектами, несмотря на все различия между ними.

Идея космополиса предполагает не узко понятый национальный путь, а универсальные общечеловеческие ценности в экономической, политической, информационной, педагогически-образовательной и научно-технической сферах социальной жизни. Такой универсализм – это требование современности. Его можно понимать и как глобализацию мира, т. е. движение народов к тому, чтобы существовать по единым для всех правилам и уважать общекультурные ценности планетарной цивилизации. Важно подчеркнуть, что процесс глобализации не исключает многообразия личностного и коллективного творчества; более того, только благодаря личностному духовному разнообразию он может осуществляться. Мы можем говорить о планетарной креативности в *телеологическом* аспекте.

7

Становление социального мира в его историчности не является *телеологическим* процессом. Иное дело – становление и развитие антропологического мира как мира человечности. Человеческое бытие в составе сущего возникает естественно-исторически; человечность же появляется в результате человеческого стремления, направленного личностного усилия. Становление человечности есть *телеологический процесс*, обусловленный динамикой и энергией экзистенциально-креативного содержания человеческого сознания. То, что человек *должен* воспроизводить условия своего физического существования, не зависит от его субъективности. От человека не зависит необходимость его предметной практической деятельности. Материально-предметная практика человека обусловлена социальной эволюцией, но то, в каких экзистенциально-креативных формах реализуется его существование, зависит от него самого. Состояния существования (экзистенция) человека определяются личностными смыслами, онтологически конституирующими его персоналистическое бытие. Рефлексия личностных смыслов и интегральных гуманитарных установок, осуществляемая личностью, есть перманентный «первоопыт откровения», где концепт *откровение* несет в себе не только и не столько теологический смысл, сколько – смысл антропологический, передающий фундаментальный факт возникновения и функционирования сознания-бытия. Сознание-бытие есть самосозидающая субъективность, определяющая существование гуманитарных ценностей антропологического мира. От человека не зависит то, что ему диктует природа или социальная эволюция; другое дело – *отношение* к этому диктату. Человеческое *отношение* возможно как проявление субъективности, где последняя являет собой вариации отношений. Говоря о субъективности, мы учитываем проблемность определения данного понятия и многообразие его смысловых коннотаций в современном философствовании. Однако несомненно то, что в философско-антропологическом дискурсе понятию «субъективность» принадлежит ключевая роль: это понятие позволяет увидеть присутствие бытия в самом историческом существе человека. Здесь сознание-бытие есть реальность *самосознания* человека, есть персоналистическая реальность. Именно самосознание придает бытийный статус субъективности и вызывает постоянное философское вопрошание по поводу того, *какой* она должна быть. Здесь сама субъективность становится объектом культивирования, преобразования. Она в данном процессе приобретает гуманитарное[1] содержание и открывает перспективу для философско-антропологического осмысления человеческой экзистенции. Однако сомнительно было бы говорить о том, что антропологический мир наследует (в новом качестве, на ином уровне) телеологию биоприродного развития. Если биоприродное развитие «предполагает» воспроизводство и сохранение витальности без какой-либо цели, то антропологическое развитие содержит в себе целевую причину формирования субъективности как человеч-

[1] «Гуманитарное», в нашем понимании, означает тот момент «всеобщего труда», который, как пишет В.С. Библер, «необходимо существует и непосредственно участвует в развитии *творческой личности*» (Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975. С. 242).

ности. Поэтому здесь речь не может идти об аналогии между биоприродным и антропологическим и о том, что антропологическое есть «возведенное в степень» биоприродное. Но можно говорить о глубокой сущностной и содержательной связи витальности природного мира и антропологической креативности, где аналитика этой связи не предполагает редукционистских или теолого-спекулятивных процедур. Однако данная аналитика не может пройти мимо того, что, во-первых, природная витальность и экзистенциальная креативность человека объединены некой тайной, которая неподвластна современной науке; во-вторых, важно указание того, что уже в исторических истоках человеческого мира религиозное переживание непосредственного жизненного процесса явилось первичной рефлексией этой тайны, чтобы затем стимулировать появление и развитие теологических и философско-антропологических парадигм, в которых исследовательский интерес был направлен на понимание и объяснение сущности человеческого бытия как уникального жизненного процесса, как творческой эволюции.

В данной связи следует отметить, что артикулированная Ф. Ницше интуиция сущностной связи природного и культурно-антропологического, как известно, выразилась в философеме «сверхчеловек». Эта философема строилась на рецепции драматического конфликта между естественным человеком и человеком социальным, таким, каким его видело Просвещение, где социальное получало телеологический статус высшей ступени в иерархии бытия. Ницше обнаружил конфликт этих телеологий и отдал предпочтение телеологии естественного развития, пытаясь преодолеть социальное как фундаментально необеспеченное подлинной жизненностью, экзистенциальной креативностью. Ницшевская критика наличной социальности мотивирована стремлением постичь сущность антропологической реальности, понимаемой как нечто *высшее* по сравнению с социальной реальностью. Причем утверждение этого высшего потребовало от Ницше перехода от теологического к философско-антропологическому дискурсу. Формула «Бог умер» означала замену теологических принципов философствования философско антропологическими, а теологическая «смерть бога» вела к философскому открытию антропологической реальности. «Сверхчеловек» – в данном контексте – есть философски артикулируемая интуиция человечности, а также поэтическая рефлексия антропологической реальности. То, что Ницше в своем обосновании подлинности человеческого существования использовал натуралистическую аргументацию, говорит о недостаточной для его времени разработанности философско-антропологического понятийного аппарата.

Действительно, благодаря буквальному использованию терминологии Ницше стали возможными опасные для философской антропологии интерпретации (своеобразный путь «вниз», а не «наверх»), так как актуализация биологического принципа вела к онтологизации природного среза человеческого бытия, в конечном счете – к утверждению натуралистической воли к власти.

Однако подобные интерпретации не должны закрывать от нас фундаментальную интуицию мыслителя о том, что подлинными выразителями человечности являются философы, художники и святые. Современный исследователь отмечает, что у Ницше творческое начало как «воля к власти» понимается только в его высших духовных формах, а «творческие, свершающие и жизнеутверждающие проявления воли к власти получают перевес над самоотрицающими, гибельными, нигилистическими…».[1]

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что понятие «человечность» должно быть интерпретировано в качестве концепта, предполагающего теоретический синтез антропологических универсалий и инвариантных структур антропологической реальности европейского и планетарного человечества. Феноменология человечности в разнообразии эмпирических проявлений есть обращенность экзистенциальной креативности на индивида, который находится в состоянии перманентного преодоления своей индивидуальной ограниченности, т. е. – в состоянии становления себя как личности в актах рационального постижения, религиозного призыва, философского вопрошания, эстетического творчества и морального требования. В этом смысле феномен человечности есть не только нечто, порожденное антропологической реальностью, но также – причина, ее порождающая. Феномен человечности в своей специфичности представляет собой трансформацию экзистенциальной креативности личности в креативность эссенциальную, т. е. в собственно человеческое бытие «внутри» природной и социальной реальности. Понятие «человечность» позволяет увидеть связь человеческой экзистенции с миром объективированных форм его жизнедеятельности дает возможность; увидеть, как персоналистическая реальность становится *телеологическим* истоком историчности антропологического мира. Артикулированное в философско-антропологической теории содержание феномена человечности позволяет актуализировать онтологический ресурс понятия «человечность» в исследовании антропологии гуманизма и открывает новые теоретические возможности для экспликации реалий планетарной креативности, развития современной концепции антропоцентризма, обоснования идей европоцентризма и космополиса посредством преодоления их партикулярных смысловых коннотаций, построения представлений о принципиальной соизмеримости экзистенциально-креативных содержаний феномена человечности в разных культурах и религиях, в различных исторических и актуальных версиях гуманизма.

[1] Клюс Э. Ницше в России. Революция морального сознания. СПб., 1999. С. 35.

НЕМЕЦКИЕ ПРОФЕССОРА У ИСТОКОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В НАЧАЛЕ XIX В.

С.В. Пишун

ПИШУН Сергей Викторович – доктор философских наук, проректор по научной работе Уссурийского государственного педагогического института.

В статье исследован вклад немецких учёных в формирование профессиональной философской школы в православных духовных академиях в начале XIX в. Представлена деятельность профессоров Игнатия Фесслера и Иоганна фон Горна, заложивших основы серьёзного отношения к философским наукам в Санкт-Петербургской духовной академии. Отмечены важнейшие вехи их творческой биографии. Осуществлён анализ содержания курсов философских дисциплин, преподававшихся ими. Показана борьба между «консерваторами» и «либералами» в русской образованной среде того времени по поводу предоставления возможности немецким философам-идеалистам вести свои курсы в православных учебных заведениях.

S.V. Pishun in his article studies the contribution of German scientists to the formation of the professional philosophical school in the Orthodox ecclesiastical academy in the XIXth century. He gives the picture of the activity of Ignatiy Fesslerr and Ioghan Von Gorn who made the basis for the serious attitude to philosophical sciences in St. Petersburg ecclesiastical academy.

S.V. Pishun points out the most important landmarks in the biography of these German scientists. The author analyzes the contents of the philosophical courses, given by these professors.

S.V. Pishun shows the struggle between conservative and liberal branches of the Russian educational field concerning the possibility of giving the permission to German philosophers to give their courses in the Orthodox schools.

Известно, что философское образование в России имело сложную историю. Вместе с тем в российских университетах и духовных академиях со времени их преобразования в начале XIX в. философская подготовка студентов сразу же была поставлена на должную высоту. Залогом этого являлся высокий уровень подготовки самих преподавателей.

Каким образом удалось за короткое время достичь значительных успехов в преподавании философских наук в университетах и православных духовных академиях? Всё это стало возможным благодаря приглашению ведущих зарубежных специалистов на философские кафедры в Московский и Санкт-Петербургский университеты, а также в открывшуюся в 1809 г. Санкт-Петербургскую духовную академию. Научная и преподавательская деятельность европейских специалистов была облегчена тем, что латынь являлась основным языком в русских учебных заведениях, на латыни читалось большинство лекций и готовились курсовые сочинения, и поэтому о каком-то языковом барьере между студентами и преподавателями говорить не приходилось. О немецких профессорах философии, приехавших на работу в Россию в конце XVIII и начале XIX вв. в университеты – **И.М. Шадене**, **И. Буле**, **И. Шаде**, **Л. Якоби**, **Х.Ф. Рейнгардте**, **И.Х. Финке** и др., – имеется достаточно много литературы [1]. Гораздо меньше исследований посвящено тем немецким профессорам философии, которые преподавали в то время в православных духовных академиях. Настоящая статья хотя бы отчасти должна восполнить этот пробел.

В период проведения реформы православных высших учебных заведений в начале XIX в. [2] настоятельной необходимостью стало улучшение качества преподавания философских дисциплин. Самым первым преподавателем философии во вновь открытой в 1809 г. Санкт-Петербургской духовной академии был **русский** иеромонах Евгений (Казанцев). Но этот бакалавр философии не выдержал экзамена перед Комиссией духовных училищ на знание своего предмета и был вскоре заменён по предложению профессора Петербургского главного педагогического института, а затем Петербургского университета **П.Д. Лодия** (1764–1829), ранее учившегося в Львовском (Лембергском) университете, на прибывшего в том же году в Россию первоначально для преподавания древнееврейского языка **Игнатия Аврелия Фесслера**.

Фесслер родился в Венгрии в 1756 г. Он рано вступил в орден капуцинов и проживал в монастырях, посвятив свободное время изучению католической философии и казуистики. Но в 1784 г. он вышел из ордена и возглавил кафедру восточных языков и ветхозаветной герменевтики в Львовском университете. Итогом его преподавательской деятельности в Львове стали учебные пособия «Антология гебраистики» (1787) и «Курс изучения восточных языков» (1788). Но уже спустя четыре года после начала его профессорства в Львовском университете ему пришлось покинуть своё место работы из-за свободолюбивого характера. Поводом для изгнания Фесслера из Львова стала его антикатолическая трагедия «Сидней» (1788). Фесслер перебрался во Вроцлав (Бреславль), перешел в протестантизм и женился. Затем он переселился в 1796 г. в Берлин, где вступил в один из масонских орденов, попутно занявшись профессиональным изучением истории масонства. Его «Собрание писем о

масонстве» увидело свет только в 1864 г. Как уже указывалось выше, в 1809 г. начинается русская часть жизненного пути Фесслера. Он был приглашён сначала в Невскую семинарию, а затем на кафедру восточных языков в Санкт-Петербургскую духовную академию. Но почти сразу стал преподавать также и философию, предварительно представив в Комиссию духовных училищ конспект своих лекций по философии. Правда, преподавателем философии он был всего лишь неполных шесть месяцев (с февраля по июль). В академии ему почти сразу же пришлось столкнуться с некоторыми консервативными преподавателями. Особенное неприятие Игнатий Фесслер вызывал у противника немецкого мистицизма и сторонника французской образованности рязанского епископа Феофилакта (Русанова), являвшегося также профессором Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре словесности. По одной из версий, ненависть Феофилакта (Русанова) к Фесслеру объяснялась завистью первого к превосходному знанию философских наук вторым. Феофилакт действительно имел очень властный характер и не любил конкурентов. Исследователь Н. Стеллецкий так описывает эту историю: «Познакомившись с Фесслером, Феофилакт, считавший себя лучшим знатоком философии в России, не мог не заметить, что приезжий профессор далеко превосходит его в знании философских наук. Это уязвляло его самолюбие. Преподававший в академии под руководством Феофилакта бакалавр Леонид Зарецкий незадолго перед этим достал русский перевод «Эстетики» геттингенского профессора Фридриха Бутервека, последователя Канта. Не умея объяснить студентам встречавшуюся в этой «Эстетике» новую философскую терминологию, он обратился за помощью к Феофилакту. Феофилакт отвечал Леониду: «Мне и самому так же кажется, как и тебе». Студенты стали просить Фесслера объяснить им «Эстетику» Бутервека. Обладавший блестящим даром слова, Фесслер, со свойственной ему вместе с тем общедоступностью в изложении, объяснил им встречавшиеся в этой «Эстетике» понятия Канта. Это был нестерпимый удар для самолюбия Феофилакта, и он воздвиг против учёного Фесслера настоящее гонение» [3].

Фесслер после ухода из академии не уехал из России, а был назначен корреспондентом по предметам уголовного права в Комиссии о составлении законов, которую возглавлял знаменитый русский либеральный политик М.М. Сперанский. Во время гонений на масонов в 1810 г. Фесслер вместе со Сперанским был отправлен в ссылку в г. Вольск Саратовской губернии, где поступил на службу в качестве надзирателя в приют. В 1813 г. Фесслер переехал в Саратов, где закончил свой капитальный научный труд «История угров» (1812–1815). В 1820 г. теперь уже вполне обрусевший немец был назначен евангелическим суперинтендентом и начальником саратовской консистории. Незадолго до смерти он получил должность генерал-суперинтендента и церковного советника евангелическо-лютеранской общины в Петербурге. Умер Игнатий Фесслер 4 мая 1839 г. [4].

Вслед за изложением биографии Фесслера вновь обратимся к периоду его недолгого преподавания философии в Санкт-Петербургской духовной академии. У него была своя, особая методика преподавания философии. Её отличала трёхслойность: изложение самой лекции, использование приёма доказательства и длительные беседы со студентами (последний метод сам Фесслер называл «сократическим» и применялся он им в «академических опытах» – “*in tentaminibus*”). Своими авторитетами в философии («наставниками, руководителями, спутниками») он признавал Платона и Плотина.

Фесслер обладал широкими знаниями и вместе с тем мистическим настроением и пылким характером. Это отразилось на содержании его философского курса. Сам Фесслер по этому поводу писал в представленном на суд академического начальства конспекте: «Философия, которую я намерен преподавать академическим слушателям, прямо будет направлена к раскрытию, обнаружению и истолкованию внутренней связи, которая находится между религией и философией, между благочестием и образом мудрствования. Она будет рассматривать идеи о Боге, о свободе и о бессмертии души не как простые постулаты практического рассудка, употребляемые или для изъяснения некоторых обоюдностей, или для соглашения противоречий, которые находят в душе человеческой и порядке мира; но поскольку они суть очевидное знание созерцающего разума, которое отсвечивается в образовавшихся из них понятиях и составляет самую сущность внутренней жизни человека как в рассуждении её созерцательности, так и в рассуждении деятельности» [5].

Изложение Фесслером своих мыслей отличалось, с одной стороны, замысловатостью, с другой стороны, яркостью с привлечением игры воображения. Например, он описывает свой курс философии следующим образом: «Так как большая часть слушателей получили уже наставление в начатках Логики и Метафизики по руководству Винклера и Баумейстера, то курс высшей философии, по моему мнению, начать должно тем, чтобы показать академикам, каким образом, под какими формами и с

каким успехом с древнейших времён до нашего века умозаключающий рассудок силился вводить от часу правильнейший и основательнейший образ мудрствования; разрешать проблемы, предлагаемые ему идеями разума и миром чувственным; и свои заключения приводить в систему философических познаний. Это составит первую науку философского курса, т. е. историю систем философских» [6]. После прохождения курса истории философии или, что то же по Фесслеру, «по разобрании ветхих зданий, доселе воздвигнутых, и по испытании материалов в том, сколько ещё они по свойству своему годны к сооружению нового здания» необходимо будет «установить тот образ философских исследований, который мне показался правильным». И далее Фесслер пишет: «Приноровя сей образ исследования к существованию существ как разума, так и мира чувственного, частью так, как они существовали, частью так, как имеют бытие, частью так, как должны быть, я произведу отселе двоякую систему философских познаний – одну теоретическую, а другую практическую. Теоретическая система заключать будет те науки, которые непосредственно имеют предметом разум и рассудок, идеи и понятия, законы мыслить и познавать. Её составят: Логика, или система правил, относящихся к форме познания, которыми рассудок и покоряется верховному владычеству разума и управляется в познавании и размышлении, и Метафизика натуры, или система необходимых и всеобщих начал и законов, касающихся до идей разума и до существ, которые составляют предметы представительной способности». При этом логика разделялась Фесслером на две части – учение начальное, или «исследование свойств и различных действий разума или рассудка», и методологию, а метафизика разделялась им на умственную онтологию, физиологию природы, умственную космологию, умственное богопознание и эмпирическую психологию.

Фесслер резко отделяет разум (ratio) и идею (idea) от рассудка (intellectus) и понятия (conceptus). Разум есть способность идей; созерцая себя, разум созерцает врождённую ему идею Бога, бесконечного и необходимого Всецелого; из этой первоначальной идеи разум порождает свои общие идеи и отражает их в рассудок. Рассудок постигает в сознании, объемлет и преображает в понятия как это отражение идей разума, так и представления чувственности; неопределённые идеи разума рассудок ограничивает, определяет и придаёт им форму, а разнообразие и множественность представлений о чувственности он слагает в единство. Врождённой идее о Боге Бесконечном и Всецелом Фесслер приписывает объективную реальность и истину, а понятиям рассудка – лишь условную реальность и условную истину. Соответственно созерцающий разум может обладать независимым знанием идей, а рассудок – только условным и символическим [7].

Кроме логики и метафизики Фесслер считает обязательным введение в курс философии «системы практических познаний», в которую он полагает включить те науки, которые «рассматривают разум, поколику он есть вместе и благоразумие (consilium), и воля, и начало деяний; и которые показывают внутреннюю связь и тождество между теорией и практикой, между истинным знанием разума и между правильной деятельностью воли». Конкретно Фесслер относил к «системе практических познаний» нравственную метафизику, этику и естественное право.

Конспект И. Фесслера, представленный академическим правлением Комиссии духовных училищ, вызвал, как уже отмечалось выше, возражения со стороны некоторых церковных иерархов, преподававших в академии, и особенно Феофилакта (Русанова). В своих замечаниях по этому конспекту Феофилакт резко выступает против идеалистической односторонности Фесслера, утверждая, что из учения, опирающегося только лишь на врождённые идеи и отвергающего данные чувств и опыта, невозможно почерпнуть каких-то коренных и бесспорных истин [8]. Вместе с тем, обвиняя Фесслера в пантеизме и чрезмерном идеализме, Феофилакт (Русанов) сам, по сути, впадал в крайность грубого сенсуализма и номинализма. Не случайно известный русский философ XX в. Г.Г. Шпет писал о Феофилакте: «Как это ни забавно, но наши материалистические нигилисты позднейшего времени могли бы считать архиеп. Феофилакта своим предтечей» [9]. В частности, Феофилакт пишет: «Врождённая первоначальная идея есть произвольное положение, которого г. Фесслер ничем доказать не может. Может быть он сошлётся на врождённые идеи? Но это ничто иное будет значить, как ложь доказывать ложью же. Если бы человек с младенчества лишён был употребления чувств, то не мог бы иметь никакого понятия не только о Боге, но и о себе самом. Из сего следует, что в разуме нет источника познаний, а получаются оные или через опыт, или через Божественное откровение. И для чего же даны нам самочувствование и чувства, если не для того, чтобы через них начинать познание?» [10]. Феофилакт видел в замыслах Фесслера не более чем извращение здравого смысла, попутно выдвигая против него обвинения в неверии и мисти-

цизме («иллюминатстве») [11]. Указанное огульное обвинение Феофилакта вызвало решительные возражения упоминавшегося выше русского либерального мыслителя М.М. Сперанского, который в своём особом «мнении» о конспекте Фесслера, оппонируя Феофилакту (Русанову), замечает: «Цель философского учения в точном разуме устава академий не в том состоит, чтобы продолжать мрачную систему материализма, на коей вся чувственная философия основана, но чтоб отвергнув все сии суесловные блуждения разума, призвать его и приготовить к христианской философии, которая по слову свят. Павла, не по стихиям мира, но по началам вечной истины, которая есть едина и коей источников тщетно мы будем искать в глазах, в ушах, в руках и в прочих чувствах» [12].

Несмотря на покровительство влиятельного М.М. Сперанского, И. Фесслер всё же был вынужден оставить преподавание философских наук в Санкт-Петербургской духовной академии [13]. После его ухода, казалось бы, в преподавании философии в академии должны были восторжествовать косность и консерватизм, возврат к чтению лекций по уже отжившим учебникам Хр. Вольфа и И.Г. Винклера. В частности, как указывает современный исследователь протоиерей Вл. Мустафин, учебник Винклера, несмотря на ясность и стройность изложения, «содержал в себе слишком много бесполезных и трудных для усвоения тонкостей, особенно в той своей части, где излагалось учение Лейбница о монадах» [14]. Всё это уже не отвечало запросам времени, бурному росту философских наук в начале XIX в. в Европе, и потому академическому начальству хватило здравого смысла пригласить на место Фесслера не послушного недоучку, а настоящего философа-профессионала, также из немецкой культурной среды, профессора **Иоганна фон Горна**.

Горн родился в 1779 г. в княжестве Верден. Первоначальное образование получил в местной гимназии, а затем поступил в Галльский университет. Одновременно Горн учился проповеднической деятельности, а также усиленно изучал филологические науки. Гельмштадтское общество германской литературы в 1803 г. избрало его своим членом, а вскоре Горн прошёл экзамены в Йенском университете и получил учёную степень доктора философии. Перед Горном открылась карьера преподавателя и в том же 1803 г. он стал адъюнкт-профессором богословского факультета Геттингенского университета. Предметом его лекционного курса было толкование Священного Писания, кроме того, он обучал студентов восточным языкам. Одновременно Горн издавал любительский научный журнал под названием «Хранилище теологии и литературы».

В 1804 г. Горн переезжает в Россию и становится ординарным профессором богословия и церковной истории Тартуского (Дерптского) университета, одновременно ведя курс философии религии. Обер-прокурор Свящ. синода князь А.Н. Голицын по инициативе либерально настроенного новгородского митрополита Амвросия в 1805 г. пригласил Горна на кафедру философии в Санкт-Петербургскую духовную академию. Горн, наслышанный о суровых нравах в академии и той несправедливости, которой подвергся И. Фесслер, сразу же поставил условие иметь относительную свободу в выборе содержания своего философского курса. В частности, он объявил, что не будет строго следовать старым вольфианским учебникам, так как, по его мнению, вольфианская школа после «коперниканского переворота» Канта и философских трактатов Фихте, Якоби, Шеллинга и Гегеля оказалась во многом несостоятельной. В служебной записке академическому правлению Горн утверждает: «Недостатки, с первого раза ощутительные для того, кто Вольфову философию подвергал испытанию, состоят в том, что она не даёт правильного понятия о философии, нравоучении, нравственности и праве естественном, не отличает надлежащим образом математики от философии, в нравственной области поставляет последним началом деятельности внешнее совершенство или благополучие, которое ни в коем случае не может породить чистой добродетели, наконец, содержит в себе множество самых бесполезных тонкостей, именно о стихиях вещей или монад» [15].

В отличие от Игнатия Фесслера Иоганн фон Горн в достаточно полной мере смог реализовать в академии свои замыслы как преподаватель философии. Весь цикл философских занятий он разделял на пять курсов. В первый курс он включал философскую историю, во второй курс – логику, или «формальную философию», в третий – теоретическую философию, т. е. а) онтологию; б) космологию; в) психологию; г) естественное богословие; четвёртый курс включал в себя практическую философию: а) нравственную метафизику; б) философскую нравственную науку; в) естественное право. Пятый курс содержал в себе чтение сочинений знаменитых философов – Фр. Бэкона, Н. Мальбранша, Лейбница и других с их критическим разбором. Реально преподавание по Горну выглядело следующим образом: вначале он как очень осторожный, «благонадёжный преподаватель» формально излагал содержание философских наук по

устаревшим учебникам профессора Лейпцигского университета **Иоганна Генриха Винклера** [16] и **Иоганна Якова Бруккера** [17], а затем давал собственную интерпретацию их теоретических положений. Со способными студентами он занимался так: предлагал им самим ознакомиться с философскими учебниками упомянутых авторов, а всё время занятий посвящал критике прочитанного ими. По поводу своей особой методики преподавания философии в одном из соответствующих донесений академическому правлению фон Горн писал: «Я предлагал учащимся самим изъяснять изустно Винклерову философию, разобрав с ними тщательно все пункты и, напоследок, в кратких обозрениях обнимал всё то, что полезнейшего и справедливейшего в философии. Сим способом не только отвращены совершенно вредные следствия для образования студентов, могущие произойти из преподавания теперь почти забытой философии; но непрерывная критика Винклеровой системы и беспрестанное сравнение его мнений с понятиями нынешнего века, доставляли ещё и ту значительную выгоду, что учащиеся привыкали к философическому размышлению» [18]. Вместе с тем критиковал фон Горн старую школу вольфианства с позиций философского теизма, в качестве новейшей альтернативы предлагая им немецких оппонентов кантианства – скептика, поклонника юмизма, профессора в университете г. Гельмштадта **Готтлиба Эрнеста Шульце**, профессора **Беттервека**, а также своего учителя, профессора из университета г. Галле **Эбергарда**, основавшего в 1789 г. свой «Философский журнал» для борьбы с новой критической философией. Поэтому философия Иоганна фон Горна была в целом враждебна кантианству [19].

Помимо преподавания философских наук иностранцы вели в Петербургской академии и другие дисциплины. В частности, доктор философии Лейпцигской академии **Христиан Фридрих Грефе** с 1810 г. читал там же курс греческой словесности, а с 1814 г. – курс немецкого языка. В 1819 г. он перешёл в Петербургский университет. Доктор права университета г. Галле **Отто Эвальд Смоляно** в 1810–1814 гг. преподавал курс немецкого языка, французы аббат **де Бое** и **Ле Кок де Вюстен** в 1810–1812 гг. вели курс французского языка.

В целом европейские и главным образом немецкие профессора заложили основы научной школы в Санкт-Петербургской духовной академии, что особенно характерно для философских наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом см.: Пустарнаков В.Ф. Русско-немецкие философские связи в контексте политико-идеологической и философской ситуации в эпохи Александра I и Николая I // Философия Фихте в России. СПб., 2000. С.37.

2. О реформе духовных академий при правлении Александра I-го см.: Ростиславлев Д.И. Петербургская духовная академия до графа Протасова // Вестник Европы. 1872. Т.5. С.179–180; Прот. Владимир Мустафин. Философские дисциплины в С.-Петербургской Духовной Академии // Богословские труды. Сборник, посвящённый 175-летию Ленинградской Духовной Академии. М., 1986. С.187–188; Пишун С.В. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX в. М., 1996. С.392–393; Шапошников Л.Е., Фёдоров А.А. Изучение философии и пути развития философской мысли в русских духовных академиях в XIX веке// Русская философия. Новые исследования и материалы. (Проблемы методологии и методики). СПб., 2001. С.226–228.

3. Стеллецкий Н. Князь А.Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность// Труды Киевской духовной академии. 1900. № 3. С.513–514.

4. Подробнее о биографии Фесслера (с перечислением его научных трактатов и художественных произведений) см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т.70. С.625–626. О Фесслере также см.: Корф М. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т.1. С.256–258; Скворцов В. Мистицизм в России в конце XVIII и начале XIX веков. СПб., 1897.

5. Конспект Фесслера, находящийся в делах Комиссии духовных Училищ 1808 г. за № 24 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.172. МДА. К.232. Е.х.10. (приложение).

6. Там же.

7. Учение Фесслера о врождённых идеях изложено по кн.: Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С.171.

8. Преосвящ. Феофилакт (Русанов). Некоторые замечания на конспект Фесслера // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн.2. С.115–124.

9. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С.171.

10. Там же. С.116.

11. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн.2. С.117–119, 122.

12. Цит.: Даниловский А. История преподавания философских наук в духовно-учебных заведениях России. М., 1912. С.391.

13. О конфликте Фесслера и Феофилакта (Русанова) также см.: Котович Ал. Духовная цензура в России. СПб., 1909. С.93–96.

14. Прот. Мустафин В. Указ. ст. С.188.

15. Цит. по кн.: Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С.199.

16. Основной философский трактат вольфианца Иоганна Генриха Винклера – «Institutiones Philosophiae Wolfianae usibus acade micus aecommodatae» – вышел в Лейпциге в 1735 г. и был издан в русском переводе в 1785 г. Об этом см.: Абрамов А.И. Христиан Вольф в русской духовно-академической философии // Христиан Вольф и философия в России. СПб.: РХГИ, 2001. С.197

17. По Иоанну Якову Бруккеру (1696–1770) излагалась в духовных академиях история философии. О нём см.: Абрамов А.И. Указ. ст. С.196–197.

18. Чистович И.А. Указ. соч. С.199–200.

19. См.: там же. С.200-201.

ОККУЛЬТИЗМ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТЕ *

А. А. Тесля, Е.А. Цицкевичуте

ТЕСЛЯ Андрей Александрович – аспирант кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

ЦИЦКЕВИЧУТЕ Елена Артуровна – студентка гуманитарного факультета Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье рассматривается степень представленности неооккультной информации в русскоязычном Интернете, отмечаются основные типы сайтов и аудиторные группы, на которые они рассчитаны. На основании полученных данных предпринимается попытка проанализировать связанность и специфику оккультных интересов с общекультурной ситуацией в России.

The article is dedicated to the problem of representation of occult's information in Russian-languages Internet. In the article is also considering the basic types of occult's sites and the main gropes of the auditorium of them. According to the previous revised information the authors are making an attempt to analyze the links and the specific of the occult interests in Russia and the common cultural situation in the country.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ. Проект РГНФ № 02-03-00073а.

Настоящий обзор ставит своей целью, во-первых, дать картину общего положения по представленности сайтов оккультной тематики в русскоязычном Интернете; во-вторых, рассмотреть основные типы таких сайтов и наметить те группы интернет-аудитории, на которые они ориентированы; в-третьих, разобрать через некоторые наличествующие в Интернете материалы оккультного характера связанность и специфику оккультных интересов с общекультурной ситуацией в России.

Прежде чем приступать непосредственно к обзору, целесообразно определить термин «оккультизм», используемый в современной литературе в весьма разнообразных значениях. Согласно The American Heritage Dictionary оккультизм есть изучение оккультного или вера в него. Соответственно под оккультным понимается воздействие или претерпевание сверхъестественного влияния; контакты с субъектами сверхъестественного мира или сами сверхъественные феномены[1].

Термин «оккультизм» происходит от латинского occultus тайный, скрытый и этимологически близок термину «эзотеризм». Однако ныне общепринятое словоупотребление выглядит следующим образом: оккультизм означает знание о тайных, скрытых силах и веру в них, в свою очередь подразделяясь на знание о скрытых силах мира, доступное для всех (экзотерическое), и знание само по себе скрытое, являющееся самостоятельным оккультным объектом – эзотерическое знание.

В оккультизме выделяют теоретическую и практическую составляющие: теософию (иногда также именуемую «оккультной философией») и теургию или, как более принято выражаться теперь, магию[2].

Отличительной стороной оккультизма, по мнению проф. Н. Грушке, выступает стремление к синтетическому знанию, объяснению мира и человека в целом. Но в отличие от религии, теологии, философии или науки оккультизм выдвигает целью дать такое общее объяснение не в рамках определенной системы при признании ее ограниченности, но как совокупное знание, т. е. через объединение указанных выше отдельных областей человеческого знания[3]. С середины XX в. для стран западной культуры «стало характерным распространение массового коммерческого оккультизма (астрологии, оккультной медицины, мантики)[5]». Причинами данного явления выступают «растущее отчуждение и механизация жизни, чувство неуверенности, широко распространенное разочарование в традиционных общественных ценностях»[6], и на современном этапе для его обозначения нередко используется термин «неооккультизм».

При составлении настоящего обзора применялись поисковые системы Rambler (http://www.rambler.ru) и Metabot (http://www.metabot.ru)[7]. Некоторое общее представление о распространении информации ок-

[1] The American Heritage Dictionary, 2-nd ed. Boston, 1985. p. 860.
[2] Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. II. Вып. 3. СПб., 1907. С. 799.

[3] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: 84 т. Доп. том. СПб., 1907 (в первоначальном издании в соответствующем томе – XXI-а, СПб., 1897 – статья об оккультизме отсутствовала, но в связи с распространением подобных воззрений и ростом интереса к сверхъестественному и потустороннему в русском образованном обществе в начале XX в. была включена в дополнительный том).
[5] Энциклопедия мистицизма. Под ред. А. Семенова. СПб., 1996. С. 279.
[6] Там же
[7] Metabot является не самостоятельной поисковой системой, а интегральной системой, объединяющей результаты поиска в системах Rambler, Ozon и Яndex. В силу того, что каждая из указанных поисковых систем использует собственные принципы поиска, а общим в форме представления информации выступает категория «документ», то Metabot оперирует исключительно последней категорией.

культного характера в русскоязычном Интернете и распределении ее по ключевым группам дает табл. 1[1].

Существенную ценность при анализе положения оккультного сообщества в русскоязычном Интернете представляет рейтинг «Rambler's Top 100–Религия» (http://top100.rambler.ru/top100/religion), в которой указаны равно и сайты оккультного характера. Приведем таблицу, в которой указаны результаты рейтингования на 1 сентября 2003 г.[2] (табл. 2).

Таблица 1

Виды оккультных услуг, представленные в русскоязычном Интернете

Вид услуги оккультного характера	Rambler		Metabot
	сайты	документы	документы
Биоэнергетика	3469	10648	19959
Венец безбрачия	398	725	4587
Гипноз	3024	81447	143818
Гороскопы (изготовление)	2551	24096	49966
Заговор	18454	185354	322979
Колдовство	12460	72537	120465
Магия (обучение)	7617	41073	56312
Магические салоны	3656	20533	16136
Магия	31092	371502	787183
Магия белая	13685	81802	509119
Магия вуду	1940	5355	9181
Магия домашняя	9279	64163	72607
Магия лечебная	212	307	11680
Магия любовная	5409	29251	44252
Магия практическая	13809	82982	95263
Магия прогностическая	233	347	447
Магия серая	7720	39192	43539
Магия чёрная	15902	107250	138952
Мантика	246	421	100224
Мистика	4890	20558	565965
Нумерология	2540	13737	29219
Оккультизм	913	2226	89985
Отворота наведение	169	341	369
Порчи наведение	22108	89462	3225
Порчи снятие	4292	9579	15151
Предсказание (прорицание)	22097	55282	241115
Приворота наведение	107	143	187
Приворота снятие	509	1052	1413
Рэйки	272	808	1196
Сглаза наведение	5306	21622	608
Сглаза снятие	1.369	3059	5228
Талисманов изготовление	1.948	4406	5438
Фен-шуй	115	1266	10867
Эзотерика	500	1182	287482
Экзорцизм	276	437	4916
Ясновидение	5357	20705	36231
Итого	222924	1464850	3746264
Всего документов	5211114		
Всего сайтов	222924		

Таблица 2

Рейтинг сайтов оккультного характера по посещению заглавных станиц

Место в рейтинге оккультных сайтов	Место в рейтинге «Rambler's Top 100–Религия»	Название	Хосты	Посетители	Хиты
1	17	Магия: Практическая Белая Магия и Христианство http://www.belmagik.narod.ru	140	141	203
2	18	Диакон Андрей Кураев[3] http://www.kuraev.ru	133	133	184
3	20	Библия и магия, Христос и Антихрист http://www.avkbible.narod.ru	127	127	159
4	24	Астрологический прогноз 2004 http://www.clouds.ru	103	104	125
5	37	Салон Магии Анастасии http://www.allmagic.ru	75	75	78
6	38	http://магов.нет – портал для изучающих эзотерику http://www.magov.net	73	71	90
7	40	Башня Магов http://www.magictower.ru	70	71	93
8	45	Satanism.Ru – Сатанизм в России http://www.satanism.ru	63	61	266
9	50	Сайт Лотоса – системы развития человека http://www.ariom.ru	53	53	57
10	54	Нагуализм нового цикла http://www.nagualism.ru	49	49	81
11	59	Руны Одина http://www.runa-odin.narod.ru	46	46	50
12	61	Язычество Славян http://www.paganism.msk.ru	44	43	52
13	65	Сайт Лотоса. Эзотерика. Магия. Религия. http://www.ariom.narod.ru	41	41	45
14	79	ЙОГА на Куличках http://www.yoga.kulichki.net	35	35	44
15	81	Все о современных сектах http://www.iriney.vinchi.ru/index.htlm	34	34	38
16	82	Советы практикующей ведьмы gekata.info http://www.gekata.info	33	33	36
17	84	Сатанинский сайт «Черный Свет» http://www.blaklight.h1.ru	32	32	53

[1] Три последних строки данной таблицы («Итого», «Всего документов» и «Всего сайтов») носят условный характер. Причины этого суть следующие: во-первых, большинство интернет-сайтов оккультного характера предлагают все или большую часть из приведенных в таблице услуг и, следовательно, учитываются по каждой услуге отдельно. Во-вторых, общее число документов, получаемое сложением данных Rambler и Metabot, дает искаженную картину также и вследствие имеющих место случаев двойного учета документов по указанным системам (поэтому более корректным будет ориентироваться на количество документов только по системе Metabot). В-третьих, в число сайтов и документов, учитываемых в таблице, попали также и все те, в содержании которых поисковые системы нашли в указанных табличных строках ключевые слова. Поэтому значительное количество из приведенных сайтов не относятся не только к сфере оккультных услуг, но и к числу сайтов оккультного характера. Тем не менее табл. 1 сохраняет известную ценность, поскольку дает представление о распределении интересов оккультного характера в русскоязычном Интернете и преобладающих направлениях.

[2] Данный рейтинг создан на основе учета числа посещений **заглавных страниц** сайтов.

[3] Сайт диакона Андрея Кураева непосредственно в своем заглавии отношения к оккультной тематике не имеет, однако его содержание и репутация автора связаны именно с данной сферой интересов, поскольку имя себе о. Андрей Кураев сделал на критике с позиций православия всевозможных оккультных течений, преимущественно тех, что претендуют на синтез христианских начал с религиями Востока и древними магическими практиками [см. его работу «Сатанизм для интеллигенции»: В 2 т. М., 1997].

Место в рейтинге оккульт-ных сайтов	Место в рейтинге «Ram-bler's Top 100– Религия»	Название	Хосты	Посетители	Хиты
18	85	Энциклопедия религии, магии и колдовства http://www.aboutmagic.narod.ru	32	32	35
19	88	Официальный сайт Авигдора Эскина http://www.avigdor-eskin.com	31	31	52
20	89	Орден Восточных Тамплиеров в Москве http://www.oto.ru	30	31	37
21	92	Межрегиональный эзотерический ресурс – ЭZO-Сеть http://www.ezonet.net	29	29	35
22	95	Гороскоп, гороскоп на совместимость, любовный гороскоп… http://www.goroscop2003.narod.ru	28	28	31
23	97	Кришна.ru – первый вайшнавский сайт рунета http://www.krishna.ru	27	28	31
24	98	Восточная культура http://www.hi-braa.spb.ru	27	27	34

Значительный интерес вызывает также рейтинг непосредственно самих сайтов, а не заглавных страниц. Данный рейтинг особенно любопытен тем, что отражает посещение отдельных документов сайтов, в том числе и через узко направленную выборку, без посещения заглавных страниц – т. е. эта разновидность рейтинга позволяет уловить тенденцию узкого поиска в русскоязычном Интернете[1] (табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг сайтов оккультного характера по общему числу посещений

Место в рейтинге оккульт-ных сайтов	Место в рейтинге «Ram-bler's Top 100 – Религия»	Название	Хосты	Посе-тители	Хиты
1	2	UFOZONE – Зона аномальной активности http://www.anomalia.narod.ru	1022	1052	3184
2	9	Сайт о магии (познай себя) http://www.all-magic.hut.ru	534	526	2739
3 [1]	12 [17]	Магия: Практическая Белая Магия и Христианство http://www.belmagik.narod.ru	437	444	2535
4 [4]	20 [24]	Астрологический прогноз 2004 http://www.clouds.ru	333	337	2237
5	25	Территория Ши http://www.sidheland.com	275	275	1624
6 [9]	31 [50]	Сайт Лотоса – системы развития человека http://www.ariom.ru	269	275	805
7 [22]	41 [95]	Гороскоп, гороскоп на совместимость, любовный гороскоп… http://www.goroscop2003.narod.ru	207	209	817
8 [3]	45 [20]	Библия и магия, Христос и Антихрист http://www.avkbible.narod.ru	192	194	370
9 [2]	46 [18]	Диакон Андрей Кураев http://www.kuraev.ru	174	181	561
10 [13]	48 [65]	Сайт Лотоса. Эзотерика. Магия. Религия. http://www.ariom.narod.ru	174	177	323
11	52	ХАРЕ_КРИШНА – портал Харе Кришна http://www.hari-katha.org	164	164	475
12	54	СИМВОЛИСТ.RU – Ваш проводник в мир непознанного http://www.simbolist.ru	160	162	222
13	62	ОУМ! http://www.oum.ru	148	147	209
14	68.	ASATRU – Магические мистерии севера http://www.asatru.ru	131	135	945
15 [8]	70 [45]	Satanism.Ru – Сатанизм в России http://www.satanism.ru	130	131	2011
16 [10]	73 [54]	Нагуализм нового цикла http://www.nagualism.ru	127	124	436
17 [6]	76 [38]	http://магов.нет – портал для изучающих эзотерику http://www.magov.net	112	111	172
18 [12]	79 [61]	Язычество Славян http://www.paganism.msk.ru	108	106	355
19	81	МетаФорум – форум истинной виртуальной реальности http://www.metaforum.ru	104	98	885
20 [23]	83 [97]	Кришна.ru – первый вайшнавский сайт рунета http://www.krishna.ru	102	103	855
21 [5]	84 [37]	Салон Магии Анастасии http://www.allmagic.ru	101	102	168
22 [21]	86 [92]	Межрегиональный эзотерический ресурс – ЭZO-Сеть http://www.ezonet.net	97	98	269
23 [7]	89 [40]	Башня Магов http://www.magictower.ru	95	96	128
24	92	Эзотерический магазин-клуб ЛОГОС. Одесский СИМОРОН http://www.logos.org.ua	94	102	384
25	94	Библиотека Дома Сварога http://www.books.swarog.ru	93	92	210

Из сравнения двух вышепредставленных рейтингов видно, что чаще всего пользователи обращаются к оккультным сайтам попутно, т. е. поиск таковых интернет-ресурсов не является их непосредственной задачей. При этом рейтинг по обращениям к сайтам в целом, а не сугубо по заглавным страницам демонстрирует гораздо большую популярность оккультных сайтов в общем числе ресурсов Интернета, предоставляющих информацию религиозного и околорелигиозного характера, чем рейтинг непосредственных обращений. Из этого следует, что пользователи, ведя поиск информации в Интернете по своим проблемам, не предполагают обращаться именно на оккультные сайты, но не отвергают такой перспективы, когда поисковая система предлагает соответствующие варианты.

Данные табл. 2, 3 позволяют также сделать вывод о заявлениях, говорящих о переполненности Интернета материалами оккультного свойства, о тотальной

[1] **Жирным шрифтом** выделены названия тех сайтов, что представлены также и в предыдущем рейтинге заглавных страниц. В таком случае в квадратных скобках приводятся данные о месте в предшествующем рейтинге.

ном наступлении оккультизма[1], как преувеличениях[2]. Наибольшей и устойчивой популярностью пользуются сайты традиционных конфессий, в первую очередь мусульманские (сайт http://www.islam.ru устойчиво занимает первое место в обоих рейтингах) и православные (прежде всего такие сайты, как: http://pravoslavie.ru http://www.russian-orthodox-church.org.ru http://www.pravoslavie.ru), а также те, которые можно условно обозначить как общехристианские (как правило, с достаточно выраженными протестантскими предпочтениями, например, http://www. Evangelie.ru). Оккультные сайты остаются на периферии интересов пользователей Интернета, хотя и занимают достаточно устойчивую и крупную долю пользовательского сообщества. Существенным моментом в распространении влияний оккультного сообщества посредством Интернета выступает опосредованное воздействие, а именно через расположение материалов оккультного характера (или ссылок на оккультные сайты) на ресурсах, оккультными в целом не являющихся (см., например, http://www.magia.ru и http://www.test.msk.ru или http://www.ad-store.ru/gorod, где интересующая нас тематика выступает наряду с прочими темами, как правило, в виде развлекательного компонента), либо же оказание через оккультные сайты популярных в русскоязычном интернет-сообществе услуг, не носящих оккультного характера, однако выполняющих функцию привлечения пользовательского внимания к данного рода сайтам (например, http://www.psy-magic.ru, где предлагаются также различные, ориентированные на массовый интерес услуги и информация из сферы так называемой прикладной психологии).

С конца 1990-х гг. наблюдается быстрый рост числа пользователей Интернета (в 2002 г. данный показатель увеличился на 23 %, составив 13 % общего числа экономически-активного населения страны и тем самым перейдя порог коммерческой эффективности Интернета, составляющий 10 %[3]), а следовательно, возрастает и значение Интернета как средства распространения влияния отдельных групп и как коммерческого ресурса. В итоге расширяется представительство как сугубо интеллектуальных, так и коммерчески-ориентированных сообществ. В числе сайтов оккультной тематики[4] можно выделить три основных группы ресурсов:

1) информационные сайты, нейтральные по способу подачи информации, направленные на распространение сведений по оккультизму и в большинстве случаев носящие исторический характер (например http://www.aboutmagic. narod.ru). Из оккультных сайтов только немногие содержат информацию теоретического характера, т. е. могут быть отнесены к числу теософских. По большей части теософская информация сообщается попутно, в качестве кратких комментариев к услугам магического характера. Единичным исключением является «Библиотека Лотоса», представляющая собой хаотическое скопление как текстов оккультной тематики, так и собственно литературных произведений, популярных в данной среде, однако в целом дающая достаточно солидную подборку теософских текстов (http://|ezoterika.nm.ru/litera.htm)[5];

2) сайты крупных оккультных салонов коммерческого характера, целью которых является расширение круга клиентов за счет интернет-сообщества (например, http://www.celitel.ru);

3) сайты, предназначенные для общения, обмена информацией между членами неооккультного сообщества (например, http://www.orc.ru/~uniso/TERMAGIC.HTM).

Практически полностью отсутствуют сайты, ставящие своей целью (основной или хотя бы только ясно сформулированной побочной) борьбу с распространением неооккультных увлечений в современном обществе (редкий пример такого рода интернет-ресурса – http://www.ateism.ru). Оппонируют неооккульным сайтам по преимуществу ресурсы традиционных конфессий (из достаточно популярных: http://www.kuraev.ru), однако эффективность такой отрицательной пропаганды весьма невелика (ниже мы попытаемся предложить свое объяснение причин этого).

Характерной чертой как представленной на оккультных сайтах информации, так и сообщений посетителей данных сайтов, оставленных на гостевых книгах или размещенных на форумах, выступает *некритичность восприятия* или, по словам Умберто Эко, *«нечувствительность к противоречиям»*[6]. Не только одновременно практикуют самые разнохарактерные магические ритуалы (например, когда

[1] См., например: Найдыш В. М. Философия мифологии. М., 2001. С. 10–14.

[2] Например, показатели сайта, занявшего первое место в рейтинге по **заглавным страницам** – ИСЛАМ.RU (http://www.islam.ru)– следующие: по хостам – 632, по пользователям – 656 и по хитам – 865. А показатели наиболее популярного сайта оккультной тематики по тому же рейтингу – Магия: Белая Магия и Христианство (http://www.belmagik.narod.ru) соответственно следующие: 140, 141 и 215.

[3] Эксперт. 2003, № 23. С. 46.

[4] Под сайтами оккультной тематики мы подразумеваем те ресурсы, что вообще представляют некоторую информацию, касающуюся данной области интересов – равно общеобразовательного, развлекательного, аналитического или коммерческого свойств. Термин же «оккультные сайты» используется нами в более узком значении – а именно для обозначения тех групп ресурсов, что позитивно освещают оккультизм и нацелены на распространение такого рода воззрений, т. е. относятся собственно к оккультному сообществу.

[5] Помимо коллекции оккультной литературы «Сайт Лотоса» представляет также специализированную поисковую систему по оккультной и родственной тематике – http://ezoterika.nm.ru/trening.htm.

[6] Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2002. С. 73.

одно и то же лицо предлагает услуги в области черной и белой магии, хотя в самих же основных магических трактатах указывается невозможность такового совмещения, ведь сам маг также есть «элемент заклинания» – http://www.logos.org.ua), но и нередко в магических практиках смешиваются разнородные элементы (http://www.ariom.ru). Довольно часто можно встретить соседство, например, каббалистических практик и каких-либо «народных» заклинаний, «индейских» обрядов и т. п. (http://www.oum.ru; http://www.asatru.ru).

Посетителями наиболее популярных оккультных сайтов магия по преимуществу воспринимается как техническое средство для разрешения определенных проблем, с которыми традиционные в обществе практики не смогли справиться (http://www.celitel.ru/salon. htlm). Соответственно даже при обращении к традиционным оккультным практикам преобладает технологический элемент, а связь с мистической традицией в большинстве случаев оказывается порванной. Например связь каббалистики с богопознанием, с доктриной мистического совершенствования в лучшем случае отходит на задний план.

Для того чтобы попытаться объяснить это явление, следует первоначально указать на две основные категории пользователей, обращающихся на такие сайты: во-первых, это люди с вполне определенной проблемой (monoideas)[1], исключительная цель которых – найти средство ее разрешения или хотя бы только надежду на таковое. Ясно, что именно на их привлечение в первую очередь и направлен технический подход – обоснованием практик данного рода пользователи не интересуются и ищут только внешней убедительности и заверения в достижении результатов (см., например, http://www.magicdom.com/forum). Вторая же категория – любопытствующие, кого привлекает сама необычность оккультизма, посещающие данные сайты из интереса, т. е. рассматривающие их как развлекательные ресурсы (на них ориентированы всевозможные популярно-психологические тесты, услуги по проверке «любовной совместимости имен», простые гороскопы и т. п., представленные, например, http://www.psy-magic.ru). Вероятно, что и в собственно оккультной составляющей данная категория посетителей нацелена на поиск «интересного». Их отношение к оккультной информации – игровое, они ищут здесь не смысл, а стремятся к легкому времяпрепровождению.

Подавляющее большинство предлагаемых на сайтах услуг – личного свойства (http://www. celitel. ru/salon. html; http://www.magia.ru/magik/maim.asp); предложений, связанных с «успехом в бизнесе», «удачи в делах» весьма мало; по большей части непосредственно через Интернет они не предлагаются, а на сайтах размещается информация о способах нахождения салонов, оказывающих такие услуги традиционными способами, через непосредственное обращение (http://www.magia.ru/catalog/all.asp). Связано это, как можно предположить, с возросшей социальной уверенностью населения, преобладанием в последние годы рационального отношения к сфере предпринимательства. Отношение к собственному социальному статусу и средствам его изменения стало также более прагматичным – традиционные способы здесь выглядят предпочтительными, а, следовательно уменьшается область применения оккультных практик, сами практики в этой сфере стремятся обрести солидность и используют Интернет преимущественно как средство контакта. В то же время личное пространство остается закрытым от жестких рациональных схем, предполагает в сознании людей спонтанность и случайность, а магические практики предлагают *«управление случайностью»*, что и делает их в этой области особенно привлекательными. В дополнение к этому остается значительное место для игрового элемента, опять же способствующего проявлению и укреплению интереса к оккультизму.

Для большей наглядности приведем таблицу услуг, предлагаемых наиболее популярными сайтами оккультного характера (табл. 4).

Таблица 4

Оккультные услуги, оказываемые основными магическими интернет-салонами

Psi-Магия http://www.psy-magic.ru/	Магия.RU http://www.magya.ru	Магический салон http://www.celitel.ru/salon.html	Магия. Практическая Белая магия и Христианство http://belmagik.narod.ru
Нумерология	Нумерология	–	Нумерология
Руны	–	Руны	Руны
И-Цзын; Фэн-Шуй	–	–	–
Таро	Таро	[представлено в разделе «магия любовная»]	Таро
Кости	–	[представлено в разделе «гадания»]	–
Астрология	Астрология	Астрология	Астрология
Сонник	Сонник	–	–
–	Животное в тебе	–	–
–	Тайна имени	–	–

Оккультное сообщество в той мере, в какой оно представлено в русскоязычном Интернете, стремит-

[1] Типичными проблемами, в поисках решения которых этого рода пользователи прибегают к услугам оккультных сайтов, являются тяжелые, хронические заболевания, трудности в общении, в личной жизни, карьерные интересы (как правило, это служащие низшего звена) и т. п.

ся использовать как можно большее число из возможных средств легитимации, а именно прибегает к оформлению как своего корпоративного статуса, так и личного статуса членов путем выдачи разнообразных сертификатов, грамот, организации в академии, институты, кафедры и т. п. (http://m-academy.by.ru; http://uportal.ru/magic; http://latspellnm.ru/fac.htm). При этом данные формы служат как средствами укрепления внешнего авторитета, так и достижения определенного структурного единства внутри сообщества.

Последнего рода задача направлена параллельно на достижение трех целей. Во-первых, унификации оккультного сообщества, образования некоторой внутренней иерархии, посредством которой достижимо сравнение статусов различных его членов. Во-вторых, очищения, избавления сообщества от неугодных ему членов.

Но основная цель, достигаемая таким образом, состоит в структурировании самих магических практик, давая адептам возможность серьезного отношения к своим занятиям. Если оккультное сообщество несколько лет назад представляло из себя во многом собрание по интересам, объединение любопытствующих, не слишком серьезно воспринимающих собственные интересы, т. е. оставалось на уровне хобби, развлечения, то за последние годы сообщество смогло выработать нечто вроде внутренних стандартов своей деятельности, продемонстрировало способность к самоорганизации, чему наиболее ярким примером служит общий информационный портал самых различных оккультных направлений – http://magic.ru, являющийся одним из самых популярных в русскоязычном Интернете по оккультной тематике.

Оккультизм в том виде, в каком он представлен в Интернете, привлекателен как своего рода *открытая идеология*. В отличие от конкурирующих мирообъяснительных схем оккультизм не влечет за собой принятия некоей жесткой схемы, предлагает большое пространство для варьирования, отбора и в то же время присоединение к определенной модели. Его *открытость* позволяет не вступать в конфликт с множеством частных предпочтений, идейных и идеологических установок членов сообщества, в то же время давая возможную базу для объединения.

Интеллектуальное пространство, оставшееся незаполненным после краха прежней, советской модели, внешним образом делавшей упор на примат рационального, настоятельно требует объединения. Попытки заполнения его иными видами традиционных идеологических систем значимого положительного эффекта не дали. Православие не демонстрирует способности отказа от официозности, что препятствует ему стать *идеологией частной жизни*, приемлемой в качестве общей модели для общества. Прочие системы либо слишком тесно связаны с советской моделью (что предопределяет малую их привлекательность именно в условиях *кризиса опоры*, когда основное стремление состоит в поиске альтернативы прежней системе, признанной несостоятельной[1]), либо являются прямыми заимствованиями инокультурных систем, возникая на достаточно разработанном, но чуждом, не воспринятом в качестве собственного базисе, из-за чего в чистом виде оказываются нежизнеспособны, а проходя через местную, «практическую» обработку утрачивают целостность и, как результат, объяснительную силу, поскольку построены в виде самодостаточных систем, мало пригодных к включению иноприродных элементов.

Традиционная идеология предполагает сознательное самоограничение, исходный выбор (по существу – выбор экзистенциальный), который фиксирует пределы допустимого, ставит сознанию фильтры по отношению к альтернативным идеям, через которые могут пройти только имеющие некоторую общую опору точки соприкосновения в существе. Прочие же идеи отвергаются без рассуждения – поскольку рассуждение здесь невозможно, ведь речь идет о конечных основаниях, принятых именно в результате выбора, а не рассуждения, через *прыжок*, а не плавный переход в цепочке размышления. Оккультизм во многих своих современных версиях предлагает избежать подобного выбора, оставить всю сумму имеющихся, внешним образом возникших предпочтений без постановки вопроса об их согласовании, т. е. это та модель, что позволяет спокойно жить с «разрухой в голове».

Но в отличие от ряда иных, интеллектуально честных постмодернистских систем[2], открыто принимающих такую безосновность, пространство игры переживающих как единственно оставшееся возможным и предлагающих сознательный выбор данной интеллектуальной парадигмы, оккультизм как мировоззренческая система не принимает вариабельности, изменчивости наших рациональных кон-

[1] Здесь не имеет значения вопрос о действительной степени несостоятельности прежней идеологической модели – важно только, что внешнее ее крушение предопределяет непривлекательность сколько-нибудь *явно* близких к ней моделей. В то же время, поскольку отказ произошел некритически, без отчетливого осознания недостатков прежней модели, это порождает феномены *скрытой реставрации*, где неотрефлексированные элементы прошлой системы воспроизводятся в виде, весьма близком к оригиналу, но без осознания связей, принимаются в качестве «естественной установки», а, следовательно, остаются вынесенными за пределы обсуждения.

[2] Постмодернизм в данной ситуации понимается преимущественно как одно из преобладающих течений современной интеллектуальной жизни, вариант рассмотрения и понимания мира, а не в привязке к какой-либо конкретной философской доктрине. Условно говоря, нынешнюю культурную ситуацию в целом можно назвать пространством постмодерна, в рамках которой иные системы, построенные на отличных от постмодернистских постулатах, вынуждены встраиваться, принимать возможность постмодернистского прочтения их философской позиции. Можно сказать, что постмодернизм – это ориентация наблюдателя, в той или иной степени свойственная нам всем.

струкций, отказывается признавать свои построения только вариантом частного значения, без всякой надежды на укоренение в объективности, без определения степени собственной достоверности. И именно поэтому в пространстве постмодерна оккультизм оказывается особенно популярен – он дает результат без принятия его бремени, «игру разума» без признания игрового характера, являясь удобной промежуточной точкой между прежним идеологическим состоянием и современной ситуацией принципиальной безосновности, комфортной с практической позиции при отказе от лишних вопросов.

Современные направления оккультизма предлагают систему без жесткого диктата, способную принимать самые разнородные, внутренне противоречивые взгляды и в то же время имеющую две весьма для него ценных опоры:

– во-первых, личное участие «адептов», проверка магических практик собственным опытом, т. е. опора на активность, задействованность принявших эту модель людей, возможность не ограничиваться одним только пассивным усвоением предлагаемых воззрений, другими словами, современный оккультизм есть *идеология действия*;

– во-вторых, наличие внешней, сверхчеловеческой опоры. Авторитетность оккультных практик и объяснений получает основание за пределами личного доверия персоналиям и тем более доверия логике – основа оказывается перенесенной за пределы частного опыта и это, в свою очередь, роднит оккультизм с религиозными идеологиями как укрепленными на внеличностном авторитете, позволяет претендовать на объективную достоверность и тем самым служит «спасением» от современного господствующего обыденного релятивного сознания.

Поскольку увлечение оккультизмом в России связано с жаждой простых решений и мировоззренческих моделей, позволяющих давать удобное, доведенное по своей общей схеме почти до автоматизма объяснение самых сложных проблем и ситуаций, а оккультизм предлагает не только доступные решения, но и удовлетворяет стремление к деятельному, активному отношению к ситуации, не требуя взамен принятия на себя бремени ответственности рационального выбора, то предполагать скорое уменьшение влияния данного феномена нашей социальной жизни не приходится. Скорее напротив, тенденция к структурированию оккультизма во внутренне оформленное сообщество заставляет прогнозировать дальнейшее повышение его общественного воздействия, основанного уже не на массовой популярности скандального характера, а на сознательно создаваемой репутации, на имиджевых усилиях сообщества.

В то же время к благоприятным тенденциям следует отнести повышение актуальности в оккультной среде мировоззренческих вопросов, стремление к разработке идейного обоснования своей деятельности. Поскольку здесь сильна тенденция к рационализации, переводу обсуждаемых вопросов в сферу достаточно строгой дискуссии, то соответственно повышается и возможность рационального сопротивления оккультному движению, а последнее внушает умеренный оптимизм.

Первой целью настоящего обзора было выявление представленности сайтов оккультной тематики в русскоязычном Интернете. В результате рассмотрения было установлено, что общее число интернет-ресурсов такого рода, по данным системы Metabot на 1 сентября 2003 г., составило 3746264, а количество обращений только к одному, наиболее популярному сайту на ту же дату превысило 1000. При этом, как видно из приведенных таблиц, в русскоязычном Интернете представлены материалы практически по всем направлениям оккультизма.

Вторая цель обзора – анализ основных типов сайтов оккультной тематики и выявление групп пользователей, на которых они ориентированы. По результатам рассмотрения были вычленены три основных группы сайтов: информационные, коммерческого характера и предназначенные для обмена информацией между членами оккультного сообщества. Пользователей в целом можно разделить на две большие группы: «профаны» и «посвященные». «Профанные» пользователи в свою очередь подразделяются на две категории: ищущие решения конкретных проблем и любопытствующие. Первые представляют реальных клиентов, вторые – потенциальную клиентскую базу. Третьей, особой категорией пользователей оккультных сайтов являются профессиональные члены оккультного сообщества («посвященные»), для которых данные интернет-ресурсы выполняют двойственную функцию: обмена информацией, преимущественно через форумы, и образования единых стандартов поведения.

Третья цель – рассмотрение через проведенный выше анализ оккультных сайтов в русскоязычном Интернете связанности и специфики оккультных интересов в нашей стране с общекультурной ситуацией. В результате исследования мы склонны квалифицировать современное распространение оккультных воззрений как частное проявление общекультурного кризиса, а относительный успех оккультизма начавшийся в 1990-е гг. в России, относить к таким свойствам последнего, как ориентированность на действие (активизм) и укрепление собственных воззрений сверхчеловеческим внеличностным авторитетом. Указанные качества позволяют оккультизму являться притягательной идеологической системой, допускающей в своих пределах известный простор для частных воззрений.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭМПАТИИ

И.В. Лазарева

ЛАЗАРЕВА Инна Владимировна – аспирантка кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В современной гносеологии обозначена тенденция к переосмыслению основных понятий и проблем традиционной теории познания: появляется ориентированность на анализ целостного познавательного отношения в условиях социокультурной реальности; переоценивается взгляд на знание как на противопоставление науки и иных форм когнитивной деятельности; расширяется предметное поле гносеологических исследований; с внесением антропологических смыслов изменяется подход к пониманию категории «субъект познания» – «абстрактный» субъект познания уступает место познающему человеку в реальном жизненном мире во всей совокупности бытийных феноменов.

Обращение к социокультурным и антропологическим аспектам когнитивной деятельности способствует обогащению и обновлению методологической базы гносеологии, так как описание многообразия ситуаций порождения знания в процессе человеческой деятельности и общения фиксирует новые познавательные формы и приемы. Одним из познавательных механизмов, проявляющим себя в процессе человеческой деятельности, в частности в межличностном общении, является феномен эмпатии, который представляет собой способность познания человеком внутреннего мира других людей (постижение эмоционального состояния, проникновение-вчувствование в переживания другого человека).

Несмотря на многообразие направлений, изучающих эмпатию, в настоящее время данное явление мало исследовано, единое понимание его сущности и механизма действия не достигнуто. В истории философии к феномену эмпатии обращались мыслители различных традиций:

- *феноменологической* (Э. Гуссерль при анализе проблемы интерсубъективности, Э. Штейн в феноменологии религии, М. Шелер в теории симпатии);
- *герменевтической* (В. Дильтей как условие возможности понимания культурно-исторической, человеческой реальности, Г.-Г. Гадамер в концепции пред-понимания, П. Рикер в концепции интерпретации);
- *экзистенциальной* (М. Бубер в рассмотрении «Я-Ты отношения», Г. Марсель в проблеме понимания бытия и интерсубъективности, М. Хайдеггер в «понимающем бытии-друг-с-другом») традициях.

Общим в понимании эмпатии в этих различных философских направлениях является то, что эмпатия предстает как специфический способ познания, с помощью которого возможно проникновение в другую реальность (познаваемый объект).

Рассмотрение феномена эмпатии в разрезе современной гносеологии позволяет характеризовать его как способ познания, с помощью которого возможно получение достоверной информации о познаваемом объекте. Отличительной чертой эмпатии как способа познания является то, что в ней рефлексивное пронизано нерефлексивным и гармонично укладывается в единую схему – механизм эмпатии основан на чувственных (сенситивных), рациональных, эмоциональных и интуитивных компонентах. Эмпатическое познание позволяет не просто проникнуть во внутренний мир человека, а ощутить, временно отождествиться с ним, «понять чувством» переживания другого человека, достичь реального когнитивного единения познающего и познаваемого.

Такие эмпатические процессы, как проникновение, вчувствование, вживание, вслушивание в познаваемое преодолевают ограниченность рациональности и дают возможность целостности восприятия, что является необходимым условием достоверности знания. В связи с этим эмпатический способ познания может быть применим не только в обыденной жизни, но и в науке – при исследовании специфических объектов (например, в истории, искусствознании, психологии, психиатрии); в научном творчестве (творческие функции эмпатии необходимы в процессе изобретения, а также при получении новых идей, подходов и в результате – новых знаний). Затронутые аспекты обращают к феномену эмпатии большее внимание для изучения данного явления в рамках современной гносеологии.

GNOSIOLOGICAL ASPECT OF EMPATHY

I.V. Lazareva

Modern gnosiology is characterized by a tendency to revise basic concepts and issues of traditional theory of cognition. This is revealed in the analysis of integral cognition in the context of socio-cultural reality;

the idea that knowledge is the opposition of science and other types of cognitive activity is being revised;

the range of the subject matter of gnosiological research has become much wider;

the notion of anthropological meaning has transformed the concept of the category «subject of cognition» – the «abstract» subject of cognition into the concept of a cognitive human being in the world of reality in the total set of existence phenomena.

The socio-cultural and anthropological viewpoints of cognition have made it possible to enrich and improve the methodological foundation of gnosiology. The description of variety and diversity of knowledge formation in the process of human activity and social intercourse results in revealing new forms and means of cognition. The phenomenon of empathy, which is activated in the process of human activity, namely in interpersonal communication, is one such mechanism of cognition. The phenomenon of empathy is the ability of a human being to understand the inner world of other human beings, i.e. their emotional state, to "penetrate-co-feel» the mood of another person.

However, though there exist lots of different sciences that study empathy, nowadays this phenomenon is still not completely known. Thus there is no universal understanding of the nature of empathy and the essence of its activity. There have been several attempts in the history of philosophy to explain the phenomenon of empathy:

- phenomenologically, E. Husserl analyzed it describing the problem of inter-subjectivity; E. Stein used the approach while describing the religion phenomenon; and M. Scheler studied it in the context of the theory of sympathy;
- hermeneutically, W. Dilthey treated empathy as the condition which made it possible to understand sociocultural, human existence; H. Gadamer analyzed it in the context of 'pre-cognition'; and P. Ricoeur studied it in the context of the interpretation conception;
- existentially, M. Buber researched the «I-You relations»; H. Marcel analyzed the notion of existence and inter-subjectivity; and M. Heidegger studied it in the traditions of «understanding-each-other existence».

What makes a common opinion of empathy, of all the diverse branches of philosophy, is the understanding of empathy as a specific means of cognition that makes it possible to interfere in another reality (the object under study).

Based on modern gnosiology this approach allows us to examine the phenomenon of empathy as a means of cognition, which makes it possible to get true information about the object under study. As a means of cognition, empathy possesses a specific feature, i.e. a concordant interception of reflexive and non-reflexive, which can be summed up as an integral pattern. The latter means that the phenomenon of empathy is a unity of sensory, rational, emotional and intuitive elements. Empathic cognition allows us not just to interfere in a human inner world, but to feel, to 'co-identify' with it for some period of time, to «understand by feelings» the emotions of another person, to reach the state of cognitive unity of being cognized and cognizing.

Such empathic processes as interfering, co-feeling, co-living, co-hearing into the object under study overcome the limits of rationality and make it possible to have a total whole of perception, which is a necessary condition of true knowledge. Considering this, the empathic means of cognition can be applicable not only in everyday occurrence but also in science (in cognition of specific objects, say, of history, arts, psychology, psychiatry), and scientific creativity (the creative functions of empathy are necessary in the process of creation of something, getting new ideas, new approaches, and finally new knowledge). The issue discussed in this article reveals the need of studying the phenomenon of empathy in the context of modern gnosiology.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

К.И. Воробьева, Г.Л. Пучкова

ВОРОБЬЕВА Клариса Ивановна – доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

ПУЧКОВА Галина Леонидовна – исполнительный директор Дальневосточного института психологии и психоанализа.

В статье анализируется проблема субъективного благополучия. Авторы выявляют структурные компоненты субъективного благополучия: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Представлены результаты экспериментального исследования субъективно благополучных и неблагополучных испытуемых и их типология. Определяются функции основных компонентов субъективного благополучия: антиципационное, регулятивное и функция развития.

The article analyses the problem of subjective well-being. The authors distinguish the structural components of subjective well-being: cognitive, emotional, and behavioral. The article presents the results of the research of subjective well-being and not well-being and its typology. The research reveals functions of the subjective well-being main components: anticipation, regulation, and evolution.

Исследования счастья, субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью начинаются в зарубежной психологии в 1960-х гг. Среди ранних классических работ можно назвать «Модель человеческих тревог» Кентрила (1965); «Структура психологического благополучия» (1969); «Качество американской жизни» (1976) Кэмпбелла, Конверса и Роджерса. В 1967 г. Уилсон опубликовал обзор литературы по вопросам субъективного благополучия в «Психологическом бюллетене». Динер в 1984 г. повторил эту работу, обновив обозрение в 1999 г. В 1974 г. основан журнал «Исследования социальных показателей» *(Social Indicators Research),* в котором появилось много материалов по проблемам счастья, благополучия и удовлетворения жизнью. В 1999 г. был создан журнал «Исследования счастья» *(Journal of Happiness Research),* редактор которого – Венховен. Этот ученый в 1994 г. выпустил свой объемный трехтомник «Корреляты счастья» *(Correlates of Happiness),* где заново проанализировал 630 крупнейших исследований со всего мира. Канман, Динер и Шварц подготовили другой объемный труд – «Основы гедонистической психологии» *(Foundations of Hedonic Psychology,* Kahneman, Diener, & Schwarz, 1999), базирующийся на результатах состоявшейся в Принстоне конференции. Психологии счастья и субъективного благополучия посвящены монографии Аргайла, переведенные на русский язык.

В отечественной науке проблема субъективного благополучия практически не изучена, хотя оценка человеком своей жизни, его эмоциональное отношение к ней являлись темой многих философских, социологических и психологических исследований.

Ученые различают три варианта субъективного благополучия – физическое, психологическое и социальное. Такое понимание родилось не случайно. Оно согласуется с подходами психологов к внутренней структуре личности, включающей неразрывное единство трех «Я»: физического «Я», социального «Я» и духовного «Я» (У. Джеймс). Физическое «Я» включает телесную организацию и все материальное, чем обладает человек. Структуру социального «Я» составляют роли, нормы и стремление человека к обществу. Духовное «Я» – это полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств.

По мнению исследователей, субъективное благополучие (СБ) личности представляет собой интегральное социально-психологическое образование, включающее оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе. Оно содержит все три компонента психического явления – когнитивный, эмоциональный, конотативный (поведенческий), и характеризуется субъективностью, позитивностью и глобальностью измерения (И. Динер).

Целью экспериментального исследования, предпринятого авторами статьи, является изучение структуры, содержания и типологии субъективного благополучия.

На основании теоретического анализа психологических компонентов субъективного благополучия были выделены следующие показатели СБ.

1. Когнитивный компонент, включающий представления об удовлетворенности жизнью; образ будущего.

2. Эмоционально-оценочный компонент, включающий оптимизм; удовлетворенность настоящим и прошлым; позитивное отношение к другим; самооценку здоровья; индекс Надежды; независимость; принятие себя и аутентичность.

3. Мотивационно-поведенческий компонент, включающий контроль над обстоятельствами и наличие цели жизни.

Для достижения целей исследования были использованы следующие методы сбора эмпирических данных: семантический дифференциал; Шкала ожидаемого баланса (С. Стаатс); Шкала субъективного благополучия (Perrudel-Badoux, Mendelsohn и Chiche); Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory – OHI; Argyle et al); Самоактуализационный тест (CAT) в адаптации Л.Я. Гозмана и М.В. Кроза; Индикатор стратегий преодоления стресса, разработанный Д. Амирханом.

В экспериментально-психологическом исследовании приняли участие испытуемые в возрасте от 32 до 50 лет в количестве 178 чел. (92 женщины, 86 мужчин): 29 чел. – руководители среднего и высшего звена как государственных, так и частных предприятий; 149 чел. – преподаватели, учителя, врачи, служащие. Все семейные. 32 чел. – родители молодых наркоманов, находившихся на лечении в стационаре в Краевой психиатрической больнице г. Хабаровска в период 2001–2002 гг., 37 чел. – родители старшеклассников, обучавшихся в этот же период в Лицее информационных технологий г. Хабаровска. Все имели приблизительно одинаковый материальный уровень: выше среднего. Образование: 52 % имеют высшее образование; 34 % – среднее-специальное; 14 % – среднее и неполное среднее.

Для изучения выделенных параметров СБ на первом этапе эмпирического исследования использовались Оксфордский опросник счастья (OHI), созданный М. Аргайлом, и Шкала субъективного благополучия (ШСБ, Perrudel-Badoux, Mendelsohn и Chiche).

С учетом многомерности опросников осуществлялось выявление связей между шкалами OHI и ШСБ с помощью факторного анализа (ФА), который позволяет перейти от совокупности непосредственно измеряемых свойств субъективного благополучия к комплексным обобщенным факторам, за которыми стоят комбинации исходных признаков, выделяемых на основе их внутренних закономерностей и отражающих структуру СБ. Процедура факторного анализа проводилась на основе корреляций, полученных методом моментов Пирсона. В результате обнаружилось три фактора, соответствующие типам благополучных (неблагополучных) испытуемых, содержание которых выражено определенными шкалами.

Соответственно содержанию и выраженности показателей по той или иной шкале были определены типы субъективно благополучных (неблагополучных) испытуемых, условно названных: благополучные – группа 1 («творческий и реалистичный оптимист», сокращенно «оптимист», «идеалист» и «гедонист»); неблагополучные – группа 2 («критик», «пессимист» и «фанатик»). Для сокращения написания группам были присвоены следующие шифры: 1а, 1б, 1в; 2а, 2б, 2в. Группу субъективно благополучных составили 82 чел. (46 %) и субъективно неблагополучных – 96 (54 %) из 178 испытуемых. Математическая обработка результатов обследования при помощи параметрического метода Стьюдента позволила определить значимые отличия в выделенных группах по всем шкалам, что дает основания считать их принадлежащими к разным выборкам.

На следующем этапе исследования решалась задача выявления различий в содержании основных компонентов субъективного благополучия: когнитивного, эмоционального и поведенческого.

Исследование когнитивного компонента субъективного благополучия. Как было сказано выше, когнитивный компонент СБ включает представления о благополучии и о собственном будущем.

Конкретное содержание субъективного благополучия, как и образ будущего, в сознании человека соотносится с мировосприятием конкретной личности, с присущими ей способами категоризации действительности. Образы благополучия и будущего имеют свою категориальную структуру в индивидуальном сознании, для изучения которой был использован метод семантического дифференциала.

В целях исследования субъективной оценки удовлетворенности жизнью и отношения к будущему как важной составляющей субъективного благополучия был разработан и апробирован частный семантический дифференциал «Благополучие» и «Будущее» (табл. 1).

Проведение ассоциативного эксперимента позволило выявить в качестве дескрипторов благополучия самые разные по своему психологическому содержанию и предметной направленности суждения: семейное благополучие, любовь, здоровье, успешность, душевное спокойствие, радость, покой, равновесие, удовлетворение, воодушевление, оптимизм, умиротворение, уверенность, энтузиазм, легкость, нежность, материальная независимость, гармония, и т. д. Методом контент-анализа из 237 суждений было отобрано 52.

В качестве дескрипторов будущего были выявлены следующие суждения: удача, здоровье, радость, друзья, работа, семья, веселье, знание, смысл, интерес, одиночество, жизнь, обида, безопасность, деньги, пустота, люди, свобода, страх и т. д. Всего в двух выборках из 289 суждений методом контент-анализа было отобрано 44.

Таблица 1

Типология субъективного благополучия по результатам факторного анализа параметров ОНІ и ШСБ

№ фактора и шифр шкал	Название факторов и шкал	Факторная нагрузка
1	«Реализм – утопизм»	
Ж	Контроль над обстоятельствами	0,715
Д	Принятие себя	0,438
Е	Позитивное отношение к другим	0,426
2	«Эмоциональный комфорт– эмоциональный дискомфорт»	
Б	Удовлетворенность настоящей жизнью	0,623
В	Удовлетворенность своим прошлым	0,451
З	Независимость	0,506
	Позитивная оценка своего здоровья	0,479
3	«Направленность на творчество – ориентация на гедонизм»	
И	Цель жизни	0,578
Г	Надежда на будущее	0,622
Л	Личностный рост	0,731

С целью изучения категориальной структуры, отражающей представленность понятий «благополучие» и «будущее» в индивидуальном сознании респондентов, использовался семантический дифференциал, построенный на базе русской лексики (по материалам В.Ф. Петренко), позволяющий выделить 6 факторов: «Оценка», «Активность», «Сила», «Упорядоченность», «Сложность» и «Комфортность». Результаты, полученные с помощью факторного анализа, позволяют сравнить категориальную структуру понятий «благополучие» и «будущее» в двух выборках.

Прежде всего следует отметить сходные факторные нагрузки по всем шкалам понятий «благополучие» и «будущее», что подтверждает необходимость изучения субъективного благополучия через призму временной парадигмы. Выявленное сходство говорит о том, что в ощущении благополучия «здесь и сейчас» слиты оценки своего прошлого и отношение к будущему, соотнесение переживаемых событий с действительными или возможными, прошлыми, настоящими или будущими (табл. 2, 3).

Таблица 2

Результаты теста «Семантический дифференциал» в группе субъективно благополучных испытуемых

Шкалы СД	«Благополучие»			«Будущее»		
	2а	2б	2в	2а	2б	2в
Оценка	0,443	0,513	0,580	0,460	0,421	0,538
Активность	0,287	0,211	0,527	0,306	0,235	0,541
Сила	0,276	0,254	0,568	0,265	0,207	0,497
Упорядоченность	0,305	0,221	0,342	0,337	0,245	0,344
Сложность	0,619	0,668	0,227	0,559	0,553	0,240
Комфортность	0,566	0,679	0,345	0,381	0,127	0,334

Таблица 3

Результаты теста «Семантический дифференциал» в группе субъективно неблагополучных испытуемых

Шкалы СД	«Благополучие»			«Будущее»		
	1а	1б	1в	1а	1б	1в
Оценка	0,723	0,685	0,694	0,768	0,673	0,238
Активность	0,657	0,451	0,347	0,733	0,551	0,218
Сила	0,658	0,392	0,217	0,657	0,536	0,202
Упорядоченность	0,430	0,402	0,423	0,446	0,371	0,324
Сложность	0.726	0,426	0,310	0,724	0,255	0,232
Комфортность	0,205	0,643	0,699	0,189	0,468	0,539

Результаты, полученные с помощью факторного анализа, позволяют сравнить категориальную структуру понятия «благополучие» в двух группах:

– в группе 1 благополучие имеет более высокую оценку, активность, силу и сложность ($p < 0,01$), чем в группе 2. При этом у оптимиста сильнее выражена сила и сложность, т. е. благополучие переживается им как сложное состояние, имеющее множество нюансов, высокую значимость и силу в регуляции жизнедеятельности. Для «идеалиста» и «гедониста» благополучие определяется как простое с высокой степенью комфортности, не имеющее силы и активности;

– в группе 2 у «критика» и «пессимиста» высокий показатель по факторам «Оценка» и «Сложность» сочетается с низкими показателями по факторам «Сила» и «Активность» и свидетельствует о слабости регулирующего воздействия представлений о благополучии при высокой его оценке и когнитивной сложности. У «фанатика» высокие показатели по факторам «Оценка», «Сила» и «Активность» сочетаются с низкими по фактору «Сложность», что говорит об упрощении образа благопо-

лучия при высокой степени его энергетического заряда;

– понятие «будущее» в группе 1 имеет более высокую активность, силу и оценку, чем в группе неблагополучных испытуемых: сравнение среднегрупповых оценок показывает значимые различия по всем факторам для понятия «будущее» ($p < 0,01$) в двух выборках. «Оптимист» представляет его как сложное с отрицанием комфортности. «Будущее» для него, обладающее высокой силой, активностью и когнитивной сложностью, выступает катализатором активности. Оно предполагает преодоление различного рода внешних и внутренних препятствий. У «гедониста» оценки по всем факторам ниже, что означает слабую выраженность установок на будущее и их направленность на поиск благополучия в настоящем. При высокой степени значимости, активности и силы представлений о будущем «идеалист» ожидает его как простое и комфортное, в то время как норма предполагает возникновение сложностей и опасностей, что говорит о когнитивной простоте образа будущего и недооценке возможных трудностей. Образ будущего, обладающий заниженной силой и активностью, выступает для «идеалиста» катализатором пассивности, предполагающей бездейственное ожидание благополучия;

– в группе неблагополучных у «пессимиста» высокая когнитивная сложность понятия «будущее» сочетается с низкой оценкой, силой и активностью, что свидетельствует о высокой степени тревожности по отношению к будущему и низкой готовности к преодолению предполагаемых препятствий. У «критика» высокая оценка и когнитивная сложность образа будущего сочетается с низкой его силой и активностью, что говорит о противоречивости этого образа. У «фанатика» представления о будущем отличаются когнитивной простотой, но высокой степенью силы и активности.

Таким образом, представления о субъективном благополучии, выполняя антиципационную функцию у испытуемых с высоким уровнем его проявления, связаны со способностью жить настоящим, видеть свою жизнь целостной во временном континууме, повышают активность и формируют готовность к преодолению предполагаемых жизненных трудностей. Реалистичность представлений о субъективном благополучии у «оптимиста» приводит к отказу от нереалистического стремления к «глобальному» счастью и бесконечной радости или полному исключению тревоги, беспокойства и жизненных проблем. Представления о субъективном благополучии в группе с невысоким уровнем его выраженности противоречивы и имеют низкую степень силы и активности.

Исследование эмоционально-оценочного компонента субъективного благополучия. В качестве основных параметров эмоционально-оценочного компонента субъективного благополучия для исследования были определены: оптимизм; удовлетворенность настоящим и прошлым; позитивное отношение к другим; самооценка здоровья; индекс Надежды; независимость; принятие себя и аутентичность.

Основным методом исследования явился Оксфордский опросник счастья (табл. 4).

Анализ результатов обследования по названным выше шкалам показал, что испытуемые групп 1 и 2 отличаются выраженностью таких личностных качеств, как оптимизм, удовлетворенность настоящей жизнью, принятие себя, отношение к другим людям и самооценка здоровья: в группе неблагополучных среднегрупповые оценки по названным параметрам статистически достоверно ниже ($p < 0,001$).

Таблица 4

Показатели эмоционально-оценочного компонента по методике OHI

Шкалы ООС	Группа 1	Группа 2	t-критерий Стьюдента
А. Оптимизм	2,8	1,1	$p < 0,001$
Б. Удовлетворенность настоящей жизнью	3,5	2,1	$p < 0,001$
В. Удовлетворенность своим Прошлым	2,6	2,2	–
Г. Надежда на будущее	2,9	2,4	–
Д. Позитивное отношение к другим людям	3,7	1,4	$P < 0,001$
Е. Принятие себя и аутентичность	3,8	0,9	$p < 0,001$
К. Самооценка здоровья	2,7	1,3	$p < 0,001$

При этом в группе благополучных между «оптимистом», «идеалистом» и «гедонистом» в проявлении параметров эмоционально-оценочного компонента статистически достоверных различий не выявлено. Анализ результатов обследования неблагополучных позволил установить следующие различия между подгруппами:

– у «пессимиста» обнаружены низкие показатели по все шкалам, что свидетельствует об общем эмоциональном дискомфорте, раздражительности,

непринятии себя и других. Имея невысокий тестовый балл по шкале «надежда на будущее» и выраженную пассивность в отношении, «пессимисты» заранее предрешили собственное неблагополучное будущее и отказались от стремлений к лучшему;

– «критик» и «фанатик» неудовлетворены своей настоящей и прошлой жизнью, излишне требовательны к себе и другим, что мешает проявлению аутентичности и независимости. При этом высоко оценивают свое здоровье и по сравнению с «пессимистом» имеют высокий балл по шкале «надежда на будущее». Выявленное несоответствие между пассивностью в отношении будущего, выраженной в низких показателях по факторам «Активность» и «Сила» семантического дифференциала, и высоким показателем «надежды на будущее» по шкалам ОНІ и ШСБ свидетельствует о том, что субъективное благополучие и счастливое будущее предстают в сознании «критика» как желаемое, но недосягаемое. В отличие от «критика» «фанатик» оптимистически настроен в отношении своего будущего.

С целью уточнения и проверки названных параметров эмоционально-оценочного компонента субъективного благополучия в группах испытуемых были использованы в качестве дополнительных следующие методики: Шкала социальной желательности (для изучения отношения к другим); Шкала ожидаемого баланса (для изучения индекса Надежды) и тест социально-психологической адаптации (СПА) (для изучения уровня принятия себя, уровня принятия других, эмоционального комфорта или дискомфорта, зависимости от других или стремления к доминированию). Результаты исследования отражены в табл. 5.

Таблица 5

Выраженность эмоционально-оценочного компонента субъективного благополучия по тесту СПА

Шкалы СПА	Группа 1	Группа 2
Самопринятие	76,8	48,3
Принятие других	74,3	51,4
Эмоциональная комфортность	85,6	42,6
Интернальность	54,1	55,3
Стремление к доминированию	61,4	67,4

Как видно из приведенных данных, результаты обследования, полученные с помощью СПА, свидетельствуют о значительном различии испытуемых двух выборок по параметрам самопринятия, принятия других и эмоциональной комфортности: в группе 1 эти показатели статистически выше ($p < 0,01$). Выраженность названных параметров говорит об одобрении себя в целом, доверии к себе и позитивной самооценке, принятии людей, одобрении их жизни, ожидании позитивного отношения к себе окружающих; преобладании положительных эмоций, ощущении благополучия своей жизни у испытуемых группы 1. В группе 2 проявились: видение в себе по преимуществу недостатков, низкая самооценка, готовность к самообвинению; критическое отношение к людям, раздражение, презрение по отношению к ним, ожидание негативного отношения к себе; наличие выраженных отрицательных эмоциональных состояний, чувства эмоционального дискомфорта.

Эмоциональный комфорт, сопровождающий субъективное благополучие, оценивается не только по модальности проявляемых эмоций, но в большей степени по их количественному соотношению, т. е. По преобладанию положительных эмоций над отрицательными. С целью уточнения проявления названного соотношения было проведено обследование по Шкале ожидаемого баланса (EBS, С. Стаатс, 1985).

Результаты обследования по названной шкале показали статистически значимое различие в индексе Надежды в двух выборках испытуемых: $r = 0,45$ при $p < 0,05$. Показатель индекса Надежды выражен сильнее в группе 1, что свидетельствует о доминировании ожидаемых положительных эмоций над ожидаемыми отрицательными у испытуемых с высоким уровнем субъективного благополучия. Что касается группы 2, несмотря на более низкий среднегрупповой показатель индекса Надежды, в подгруппе «пессимист» был выявлен невысокий тестовый балл, что можно расценить как высокий уровень тревожности в отношении будущего, доминирующий над положительными ожиданиями.

Для оценки зависимости (независимости) испытуемых использовалась Шкала социальной желательности Кроуна – Марлоу (Crowne – Marlowe Social Desirability Scale, CM SDS), разработанная Д. Кроуном и Д. Марлоу в 1960 г. для диагностики мотивации одобрения.

Результаты обследования позволили выявить статистически значимое различие в двух выборках ($r = 0,65$ при $p < 0,001$), что свидетельствует о высокой степени аутентичности и конгруэнтности у испытуемых группы 1, показатель по Шкале у которых значительно ниже, чем в группе 2, что расценивается как проявление независимости суждений и поведения от мнения других.

Таким образом, высокий уровень субъективного благополучия положительно коррелирует с такими личностными показателями, как оптимизм, удовлетворенность настоящим и прошлым, позитивное

отношение к другим, положительная самооценка здоровья, высокий уровень Надежды, независимость, принятие себя и аутентичность.

Результаты обследования обнаружили более выраженную дифференциацию в проявлении показателей эмоционально-оценочного компонента у благополучных и неблагополучных испытуемых. Высокий уровень субъективного благополучия связан с доминированием положительных эмоциональных состояний над отрицательными, интересом к самому себе, отказом от оценки своей внутренней ценности по внешним достижениям или под влиянием оценок других, высокой фрустрационной толерантностью (предоставление себе и другим права совершать ошибки) и аутентичностью, что свидетельствует о регулирующей функции эмоционально-оценочного компонента.

Высокий тестовый балл по шкале «самооценка здоровья» свидетельствует о позитивной оценке своего здоровья и отношении к нему как к ценности у испытуемых с высоким уровнем субъективного благополучия.

Высокая степень значимости социального окружения, проявившаяся в группе неблагополучных, снижает уровень самооценки, самопринятия и самоуважения (эмоциональный компонент субъективного благополучия) и препятствует проявлению аутентичности.

Исследование мотивационно-поведенческого компонента субъективного благополучия. Для оценки мотивационно-поведенческого компонента субъективного благополучия были выделены следующие параметры: контроль над обстоятельствами, цель жизни, личностный рост. Для их измерения были использованы шкалы 4, 8 и 11 Оксфордского опросника счастья.

Анализ значений по трем шкалам OHI обнаружил высокий уровень контроля над обстоятельствами у «оптимиста», «критика» и «фанатика». Их показатели достоверно ниже ($p < 0,01$), чем у «идеалиста», «гедониста» и «пессимиста». Обнаружены высокие оценки по шкале «личностный рост» у «оптимиста» и «идеалиста» и низкие – у «гедониста» и «пессимиста»; высокие показатели по шкале «наличие цели в жизни» у «оптимиста» и «фанатика» и низкие – у «пессимиста».

Таким образом, высокие показатели по всем шкалам у «оптимиста» свидетельствуют об его ориентации на творческие планы, но в отличие от «гедониста» он вовлечен в процесс их реализации. Личностный рост и целеустремленность свидетельствуют о длительном гедонизме, который приводит «оптимиста» к поиску удовольствия как в настоящем, так и в возможном будущем. «Гедонист», отказываясь от личностного роста и долгосрочного планирования, одержим ситуативным, немедленным получением максимума удовольствий «здесь и сейчас» в ущерб творческому самосовершенствованию.

«Идеалист», поглощенный процессом личностного роста, не умеющий контролировать обстоятельства собственной жизни и планировать будущее, попадает в зависимость от случайных событий и людей, что лишает его аутентичности и, как следствие, возможности самоактуализации как в настоящем, так и в будущем. «Фанатик» при высоком контроле над обстоятельствами жизни, устремленности в будущее и отсутствии личностного роста направляет свои усилия на самоутверждение в будущем, лишая себя возможности радоваться жизни в настоящем. Последнее доказывается низкими оценками по шкале «удовлетворенность настоящей жизнью». Низкие оценки «пессимиста» по всем шкалам говорят о пассивном принятии жизненных обстоятельств, приводящих его к эмоциональному дискомфорту, общей неудовлетворенности и фатализму в отношении дальнейшей его жизни.

Для выявления индивидуальных стратегий совладающего поведения в стрессовых ситуациях благополучных и неблагополучных испытуемых и особенностей выбора ими стратегий решения жизненных проблем использовался Индикатор стратегий преодоления стресса, разработанный Д. Амирханом. Корреляционный анализ результатов обследования по трем диагностическим шкалам: «разрешение проблем», «поиск социальной поддержки» и «избегание» показал, что стратегию «разрешения проблем» чаще ($p < 0,05$) применяют в группе 1. Благополучные испытуемые предпочитают в конфликтных ситуациях находить зоны сотрудничества с оппонентом, приходить к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон, либо прибегают к компромиссу, достигая соглашения с оппонентом путем взаимных уступок. «Поиск социальной поддержки» чаще ($p < 0,05$) используют «идеалист» и «пессимист», нередко они применяют «избегание», уходя в мечты и фантазии. «Критик» и «Фанатик» выбирают агрессию ($p < 0,05$), «оптимист» стремится к открытому выражению своих эмоций ($p < 0,01$) и переключению на другие виды деятельности: заниматься любимыми делами, спортом, смотреть телевизор и т. п. Испытуемые с низким уровнем субъективного благополучия, выбирая избегание, находят неэффективные способы решения проблем: им приходится идти на уступки и приносить в жертву свои интере-

сы ради интересов оппонента. В ситуации ухода от решения проблем поставленные цели остаются нереализованными, а нерешенная проблема приводит к повышению тревожности и фрустрированности, что снижает уровень психологического здоровья и препятствует самоактуализации личности.

Опросник PSI, предложенный П. Хеппнером и К. Петерсеном в 1981 г., направлен на исследование стиля, присущего личности при решении проблем в реальной жизни. Методика содержит 35 утверждений. Испытуемому предлагается указать степень согласия (несогласия) с каждым утверждением по 6-балльной шкале (от 1 балла – «полностью согласен» до 6 баллов – «полностью не согласен»). Чем ниже показатель по шкале, тем сильнее выражено ее содержание. В ходе разработки теста данные, полученные при его использовании, подвергались факторному анализу, в результате чего были отобраны 3 фактора, соответствующие трем диагностическим шкалам. Несмотря на ортогональность факторов, возможно и получение общего показателя.

1. Шкала 1. «Уверенность в решении проблемы» (11 заданий). Примеры утверждений: «Когда я составляю план решения проблемы, я почти уверен в том, что смогу его осуществить»; «Столкнувшись с новой ситуацией, я почти уверен в том, что смогу преодолеть возникнувшие трудности».

2. Шкала 2. «Уклонение от решения проблемы» (16 заданий). Примеры утверждений: «Столкнувшись с проблемой, я обычно делаю первое, что приходит в голову в процессе ее решения»; «Решив проблему, я не анализирую, что было правильным или неправильным в моих действиях».

3. Шкала 3. «Самоконтроль» (5 заданий). Примеры утверждений: «Хотя я и пытаюсь решить проблему, порой все же чувствую себя неуверенно, не нахожу реального выхода»; «Я высказываю резкие суждения и позднее сожалею об этом».

Анализ результатов теста PSI позволил выявить предпочтения в стратегиях решения жизненных проблем в двух выборках испытуемых (табл. 6).

Таблица 6

Стратегии решения жизненных проблем по тесту PSI

Шкалы PSI	Группа 1	Группа 2	t-критерий Стьюдента
Уверенность в решении проблемы	13.8	41,1	$p < 0,001$
Уклонение от решения проблемы	74,2	19,3	$p < 0,001$
Самоконтроль	6,7	24,5	$p < 0,001$

Таким образом, наиболее предпочитаемыми стратегиями являются в группе 1 – «Уверенность в решении проблемы», в группе 2 – «Уклонение от решения проблемы».

Использование теста описания поведения Т. Томаса позволило уточнить выбор стратегий решения проблем в группах испытуемых с разным уровнем субъективного благополучия (табл. 7).

Таблица 7

Стратегии поведения в конфликтной ситуации по тесту Т.Томаса

Шкалы по тесту Т. Томаса	Группа 1	Группа 2	t-критерий Стьюдента
Конкуренция	12,4	10,5	$p < 0,05$
Приспособление	9,6	22,3	$p < 0,001$
Компромисс	22,4	24,7	$p < 0,05$
Избегание	4,9	24,9	$p < 0,001$
Сотрудничество	26,4	15,8	$p < 0,001$

По данным методики Т. Томаса, испытуемые группы 1 предпочитают в конфликтных ситуация находить зоны сотрудничества с оппонентом, приходить к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон. В случае невозможности использования стратегии сотрудничества испытуемые с высоким уровнем субъективного благополучия прибегают к компромиссу, достигая соглашения с оппонентом путем взаимных уступок.

Что касается испытуемых группы 2 с низким уровнем субъективного благополучия, их выбор стратегий решения конфликтных ситуаций говорит о том, что, выбирая избегание, компромисс или приспособление к ситуации, оппоненту, они находят неэффективные способы решения проблем. В ситуации приспособления им приходится идти на уступки и приносить в жертву свои интересы ради интересов оппонента. В ситуации ухода от решения проблем поставленные цели остаются нереализованными, а нерешенная проблема приводит к повышению тревожности и фрустрированности.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

М.В. Сокольская, Е.Ю. Рубанова

СОКОЛЬСКАЯ Марина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

РУБАНОВА Евгения Юрьевна – старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы и права Хабаровского государственного технического университета.

Хорошей приметой нашего времени явились кардинальные перестановки смысловых акцентов, связанных с изменением глобальной парадигмы с патоцентрической на саноцентрическую, что закономерно вызвало живой интерес к проблеме психического здоровья. Совершая попытку в определении этого феномена, считаем целесообразным рассмотрение известных на сегодняшний день определений психического здоровья, а также разнообразных подходов и мнений относительно того, какую личность можно считать психически здоровой?

A good sign of the present time is cardinal change of sence accents, connected with shift from patocentric to sanocentric idea. The cause of it is rising interest to psychical health problem. Trying to understand such phenomena, we should examine various definitions for the term «psychical health», existing now.

Здоровье так же заразительно, как и болезнь.
Ромен Роллан

В любой социальной практике, имеющей прямое или косвенное отношение к здоровью человека, специалисту неизбежно приходится столкнуться с фундаментальными вопросами: что такое здоровье и каково самое общее определение болезни? На сегодняшний день мы едва ли найдем окончательный и предельно корректный ответ на этот вопрос.

Понятие «здоровье» характеризуется сложностью, многозначностью и неоднородностью состава. Несмотря на мнимую простоту его обыденного понимания, в нем отражаются фундаментальные аспекты биологического, социального, психического и духовного бытия человека.

Длительное время проблема здоровья почти не рассматривалась психологической наукой. Психология XX столетия была сфокусирована на аномалиях человеческой природы и отдала дань уважения таким феноменам, как страдание, внутриличностный конфликт, кризис; в то же время психическое здоровье личности редко становилось предметом основательного исследования. Только во второй половине XX века главным образом в рамках гуманистической и трансперсональной психологии усилия крупнейших ученых (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, С. Гроф и др.) были консолидированы для изучения основ полноценного функционирования психики и началась систематизированная разработка психологических концепций здоровья. Затем в общем своде психологических дисциплин выделилась так называемая Health psychology (психология здоровья) – научно-практическое направление, призванное исследовать социокультурные и социально-психологические проблемы здоровья.

В отечественной психологической науке подъем исследовательского интереса в этой области приходится на последнее десятилетие XX века. Конкретные попытки заполнить «пробел» и пересмотреть теорию личности в свете новейших концепций психического здоровья предпринимаются в наши дни крупнейшими отечественными учеными (Б.С. Братусь, В.Я. Дорфман, Е.Р. Калитеевская, Ю.М. Орлов, Д.А. Леонтьев и др.). В работах этих авторов намечен синтез естественно-научных и гуманитарных подходов к проблеме психического здоровья личности, исследуются ценности и смысложизненные ориентации, духовные и нравственные измерения человека как детерминанты его благополучного развития.

Другим вектором, существенно дополняющим проблематику психического здоровья, явилось большое количество научных работ, посвященных изучению влияния социально-психологических и социокультурных факторов на здоровье человека [1, 2, 7, 8, 9].

В «Толковом словаре русского языка» можно прочесть общеизвестное определение: «Здоровье – это нормальное состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма», или «правильная, нормальная деятельность организма» [4]. Следуя этой логике, при самом широком рассмотрении можно предположить, что психическое здоровье есть нормальное состояние правильно функционирующей, неповрежденной психики или правильная нормальная деятельность психики. Изучение природы психического здоровья требует детального анализа многочисленных составляющих этого феномена.

Определить условия, границы, детерминанты психического здоровья – задача очень сложная в силу многогранности самого исходного понятия «психическое здоровье». Совершая попытку определения этого феномена, видится целесообразным рассмотрение уже известных на сегодняшний день

определений психического здоровья, а также разнообразных подходов и мнений относительно того, какую личность можно считать психически здоровой.

Используя выражения: «нормальный человек» (в значении адекватный, здоровый), «нормальная, здоровая психика» и т. п., говорящие употребляют в данном контексте разные по смыслу слова в качестве синонимов. Нередко происходит отождествление понятий «здоровый» и «нормальный». Используя эти слова в таком качестве, мы подразумеваем, что если человек здоров, значит, он нормален (с точки зрения функционирования психических структур), и, наоборот, если он нормален, то, вероятнее всего, он здоров. Следующее рассуждение, представляющееся важным, логично вытекает из первого, – это обязательное присутствие некой нормы, которая и определяет соответствие либо отклонение от общепринятой психической нормы. Именно психическая норма является основным «водоразделом» между здоровьем и болезнью в самых разнообразных ее формах и проявлениях. Однако, как показывает опыт, определиться с понятием нормы означает решить очень сложную проблему. Основная причина тому – разновариантное человечество, не сводимое к единому общему знаменателю. И все же разные отрасли человекознания пытаются решить эту многоаспектную проблему.

Согласно общему определению Устава Всемирной организации здравоохранения здоровье есть состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Квалификационным основанием меры (полноты) здоровья является совокупность представлений о норме. В самом общем виде можно выделить *теоретическую и практическую норму*.

Теоретическая норма – своего рода система отсчета, эталон, позволяющий анализировать и оценивать состояние объекта.

П*рактическая норма* – одно из действительных состояний объекта исследования.

В медицине норма – образец правильного (оптимального) состояния и функционирования человеческого организма.

В медико-психологической литературе психическое здоровье рассматривается как состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических явлений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения и деятельности.

Содержательно психическая норма задается посредством логического критерия. *Положительный логический критерий* есть описательный набор признаков психического здоровья, *отрицательный или синдромальный* – есть совокупность симптомов психических заболеваний. Формула психического здоровья, основанная на негативном логическом критерии: все, что не «-N» (a,b,c), есть «N». Такая интерпретация наиболее характерна для нозологической парадигмы и соответствующего клинического подхода к проблеме психического здоровья. Для общегуманистического подхода квалификация психического здоровья основана на соотнесении индивидуального бытия с положительным логическим критерием: все, что обладает качествами (a,b,c), является нормой «N».

Согласно статистическому подходу *норма есть образец типичного, среднего, широко распространенного*. Статистическая норма задается совокупностью средних показателей по ключевому критерию. Главный результат – определение относительного положения индивида в группе и интерпретация по принципу «как он выглядит на фоне других».

Наиболее востребованным для психологической и психотерапевтической практики остаются инструментальные критерии статистически-адаптационного подхода: норма – это, во-первых, нечто среднее, устоявшееся, во-вторых, – наиболее приспособленное, адаптированное к окружающей среде. Согласно этому подходу поведение и образ жизни человека детерминированы средой и жестко обусловлены требованиями существующего социального уклада. Любая форма расхождения с господствующими социальными канонами априори выходит за рамки нормального.

Статистически-адаптационный подход вызывает давнюю и резкую критику [1, 3]. Главный аргумент, выдвигаемый авторами, – интерпретация нормальности как часто встречающегося низводит представление о человеческом развитии на уровень приспособления, стереотипизации поведения. Подобная односторонность приводит к тому, что конвенциональное поведение (даже если оно посредственно) квалифицируется как образец нормы, а лучшие проявления самобытности, творчества, новаторство, рост автоматически попадают в разряд аномалии. К.Г. Юнг утверждал, что понятие «нормальный человек», отождествляемое с понятием «адаптация», становится ограниченным, существует немало невротиков, которые заболевают потому, что они просто нормальны [10, с. 30]. В свою очередь А. Маслоу также призывает озадачиться вопросом: «Следует ли рассматривать среднее как полезное и желательное для человека?» [10, с. 351].

Согласно положениям культурного релятивизма о норме можно судить лишь на основании соотнесения особенностей культуры определенных этнических социальных групп, к которым принадлежат обследуемые индивиды: то, что вполне нормально для одной группы, для другой будет выглядеть как патология.

Экзистенциалисты отстаивают уникальность внутреннего мира человека в качестве безусловной ценности. В научном плане представление, что «…любой индивид нормален в силу своей уникальности» есть, по сути, снятие проблемы нормы.

В области малой психиатрии представление о норме сохраняется чаще в скрытом, имплицитном виде. Оно заключается в том, что человек, даже являясь носителем скрытых патологических психических процессов, здоров настолько, насколько он избегает крайностей невроза или психопатии. П.Б. Ганнушкин не раз подчеркивал относительность границ нормы, утверждая, что «гармонические» натуры по большей части есть плод воображения» (Цит. по: [1, с.12]). С позиций малой психиатрии психический статус чаще всего определяется мерой адаптивности индивида.

Для рассмотренных подходов характерна методологическая и инструментальная ограниченность: они не обнаруживают сквозного критерия психической нормы, адекватного сложному онтогенезу человеческой реальности. Ссылки на отсутствие выраженной патологии, статистическое большинство, высокую приспособляемость, непротиворечивость требованиям культуры возможно рассматривать лишь как приемы частных решений проблемы психической нормы.

Психика человека – исторически первый (но не исчерпывающий) предмет психологической науки. С позиций материализма внутренний мир человека в качестве объекта изучения интерпретируется как функциональная система психической саморегуляции. *Психическая норма есть оптимальное состояние и функционирование системы психической саморегуляции* [12], обусловленное согласованностью интра- и интерпсихических процессов. Психически благополучный человек – такой как все, хорошо приспособленный и уравновешенный со средой, явно не больной. Традиционные психологические теории, полагающие в качестве предельного объекта изучения психический аппарат, «выхолащивают то, что делает человека человеком и в конце концов определяют картину психического» [13, с. 17].

С акцентом на адаптивную функцию психики игнорировался другой, не менее значимый атрибут, без которого личность можно назвать скорее адекватной (от лат. adaequatus приравненный, совпадающий), нежели здоровой – интенция к развитию. Наиболее существенными тенденциями в плане разработки проблемы психической нормы стали поиски, направленные на расширение области исследований природы психического и сдвиг в понимании *психической нормы как нормы развития*.

Результаты многочисленных научных исследований последних лет, анализ опыта специалистов социальной сферы позволяют утверждать, что *основу психического здоровья составляет полноценное развитие психического строя человека на всех этапах онтогенеза.* Этим обусловлено признание особого значения методологического принципа развития для проблемы психической нормы.

В таких авторитетных среди практиков психологических течениях как бихевиоризм и психоанализ проблема нормального психического развития фактически не ставилась. Реакцией на это можно считать возрастающий интерес к изучению здоровой продуктивной личности и появление описательных моделей психического здоровья. Желая преодолеть доминанты психиатрической терминологии, описательный подход предполагает использование общечеловеческих принципов и понятий: интерес к внешнему миру, целостность личности и наличие жизненной позиции, способность к установлению близких отношений с окружающими, креативность и др.

В своей монографии, посвященной аномалиям личности, Б.С. Братусь специально подчеркивает наличие общности во взглядах большинства авторов, использующих описательные критерии в отношении здоровой личности [1]. Наиболее ярко здесь проявилось направление гуманистической психологии (Ш. Бюллер, Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл). Выдвинутые гуманистами концепции человеческой природы содержат представления не только об актуальных психических характеристиках человека, но и о резервах и потенциях человеческой сущности, которые в действительности могут оставаться незамеченными, подавленными или невостребованными.

Описательный подход отличается от предыдущих по самой постановке проблемы: *психическая норма рассматривается как особое достояние, а не отсутствие тех или иных недугов и ущербов*. Однако несомненная эвристическая ценность описательного подхода сочетается с ограничениями в его реализации. Большинство описаний носит неоднозначный характер, не всегда соотнесено с психологическим категориальным аппаратом, поэтому не может быть в полной мере использовано психологической наукой. Как правило, описывается идеальный результат – установившаяся психическая норма. Исследования А. Маслоу и Г. Олпорта отличает смещение внимания к выдающимся, творческим, прогрессивным представителям человечества. Апелляция к esse Homo – признанным и совершенным (по мнению авторов) человеческим образцам – есть по сути «редукция вверх» [11, 14].

Личностное здоровье человека. Констатация психической нормы, основанная на традиционных научных подходах, нам мало что сообщает о самом человеке. В результате научных поисков и открытий было выявлено, что психический аппарат человека наделен ресурсом, необходимым для осуществления продуктивной деятельности, социально

приемлемого образа жизни и самоактуализации. Но это не проясняет меру осмысленности и цельности индивидуальной жизни. В традиционных интерпретациях ключевой детерминантой и критерием психического здоровья остается жизнеспособность индивида, обеспеченная исправно функционирующим психическим аппаратом.

Целый ряд современных исследований разоблачает недостаточность критериального статуса «жизнеспособности» для оценки психического статуса человека, так как в ней не проявлен характер востребованности человеком своего психического потенциала. К.А. Абульханова-Славская теоретически выделила два полярных способа воспроизводства жизни: жизнь как совокупность обстоятельств или как последовательность достижения целей [15]. В.И. Слободчиков утверждает, что жизнеспособное большинство может реализовать, по крайней мере, две возможности: или полностью совпадать со своей жизнедеятельностью (животный способ), или быть в отношении к ней (собственно человеческий способ). Другими словами, жизнеспособный индивид в определенном смысле тоже может быть «здоров» или «нездоров» [16].

Закономерно, что категориальная недостаточность психиатрии и лабораторно-экспериментальной психологии отчасти компенсируется новыми понятиями, такими как личностное здоровье [1], психологическое здоровье [17], духовное здоровье и духовный кризис [13], биографический кризис [18], «энергетическая цена» [18, 19]. Р.А. Ахмеров считает возможным рассматривать потерю здоровья, как энергетическую цену организма за неоптимальную, жизненную программу и высказывает предположение, что инвалидность по психосоматической нозологии может быть следствием отсутствия успешной самореализации.

Проблема биографических кризисов интерпретируется прежде всего как проблема вклада самого человека в провоцирование жизненного кризиса [18]. И.В. Дубровина, развивая идею ограниченности определения психического здоровья, как жизнеспособности индивида, вводит термин «психологическое здоровье», которым характеризуется личность в целом [17]. Как метко замечает Б.С. Братусь, «…человек может быть вполне психически здоровым (хорошо запоминать и мыслить, ставить сложные цели, быть деятельным, руководствоваться осознанными мотивами, достигать успехов, избегать неудач и т. п.), и одновременно, – личностно ущербным, больным (не координировать, не направлять свою жизнь к достижению человеческой сущности, разобщаться с ней, удовлетворяться суррогатами и т. п.)». И тут же проблематизирует: «… если говорить о тенденциях современного общества, то надо признать, что для все большего количества людей становится характерным именно этот диагноз: психически здоров, но личностно болен» [1, с.77].

Этапным для проблемы психической нормы стало принципиальное различение понятий «личность» и «психика», впоследствии «человек» и «личность».

Таким образом, даже при кратком рассмотрении проблемы психического здоровья очевидна тенденция расширения поиска от изучения проблемы психического как такового к фундаментальной философской проблеме соотношения «человек–мир». Методологическую важность этой проблемы для психологии осознавали такие авторитеты отечественной психологии, как С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов. А. Маслоу указывал, что психологические исследования должны основываться на определенной философской концепции человека [11].

В поиске оснований решения проблемы психической нормы, в результате философско-психологического анализа Б.С. Братусь констатирует, что центральным составляющим сущность человека является способ его отношения к другому человеку. Связывая именно с этой позицией вектор дальнейшего развития системы наук о человеке, он делает два основных вывода [1].

1. Ведущим для собственно человеческого развития является процесс самоосуществления. **Нормальное развитие** положительно согласуется с этим процессом и ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности.

Условиями и одновременно критериями этого развития являются:

- отношение к другому как к самоценности;
- способность к децентрации, самоотдаче и любви;
- творческий, целетворящий характер жизнедеятельности;
- способность к свободному волепроявлению;
- возможность самопроектирования будущего;
- наличие внутренней ответственности перед собой и другими;
- стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни.

2. **Аномальным, отклоняющимся от нормального**, является такое развитие, которое ведет человека к отрыву, отъединению от всеобщей родовой сущности.

Условиями и одновременно критериями такого развития следует считать:

- отношение к человеку как к средству;
- эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви;
- причинно обусловленный, подчиняющийся внешним обстоятельствам характер жизнедеятельности;

- отсутствие или слабая выраженность потребности в позитивной свободе;
- неспособность к свободному волепроявлению, самопроектированию своего будущего;
- неверие в свои возможности;
- отсутствие или крайне слабая внутренняя ответственность перед собой и другими;
- отсутствие стремления к обретению сквозного общего смысла своей жизни [1, с. 51].

Практическая ценность перечисленных определений состоит в том, что они покрывают обширное феноменологическое поле между условными полюсами нормы и патологии. Мнение Б.С. Братуся о психической норме основано на исходном, философском представлении о человеческой сущности как сложном ансамбле интериоризированных и персонифицированных человеческих отношений (С.Л. Рубинштейн, Г.С. Батищев, М.С. Каган, И.С. Кон и др.). Норма понимается как онтогенетическая тенденция, собственно развитие, восходящее к обретению и утверждению человеческой сущности. Личность полагается инструментом развития, органом самостроительства. Б.С. Братусь строит описательное представление о психическом здоровье, придерживаясь традиции трехчленного деления психической организации человека.

Проблема психической нормы требует разработанности предметно-теоретических обоснований. Базы разных парадигм, к которым тяготеют общие представления о сущности человека, являются исходными, ключевыми для понимания и определения условий и критериев психической нормы. Приведенный обзор показывает, как взгляды о психической норме меняются сообразно смене представлений о детерминантах развития психического строя человека. Но эти изменения условны, так как остаются, согласно лаконичному выражению В.И. Слободчикова, в «плоскости представлений» о сущности, развитии, его предпосылках и условиях, норме [16].

Жизнедеятельность человека как сложной живой системы обеспечивается на разных, но взаимосвязанных между собой уровнях функционирования. В самом общем приближении можно выделить три достаточно специфичных уровня рассмотрения: биологический, психологический и социальный. И на каждом из названных уровней здоровье человека имеет особенности своего проявления. К сожалению, имеющиеся представления о сущности и путях обеспечения здоровья, связанного с психологическим уровнем, пока еще не могут быть признаны удовлетворительными.

Вопросы здоровья на этом уровне так или иначе связаны с личностным контекстом рассмотрения, в рамках которого человек предстает как психическое целое. Верно найденные ответы на подобные вопросы помогут понять главное: что такое здоровая личность. Чем более гармонично, как подчеркивал крупнейший российский психиатр С.С. Корсаков, соединены все существующие свойства, составляющие личность, тем она более устойчива, уравновешена и способна противостоять влияниям, стремящимся нарушить ее цельность. Благополучие в психическом здоровье личности может быть нарушено доминированием определенных и негативных по своей сути черт характера, дефектами в нравственной сфере, неправильным выбором ценностных ориентаций [20].

Переход от психологического уровня к социальному достаточно условен. По мнению профессора А.А. Крылова, психологические свойства личности просто не существуют вне системы общественных отношений, в которую она включена. Человек на этом уровне предстает прежде всего как существо общественное. И соответственно на передний план выдвигаются вопросы влияния социума на здоровье личности. Психическое здоровье испытывает воздействия со стороны различных социальных связей, причем последствия этих воздействий могут носить как благотворный, так и негативный характер [21].

Люди со здоровой психикой обычно чувствуют себя активными участниками в социальной системе. Личность может деградировать или измениться, если изменятся ее отношения к людям и окружающему миру в целом. Только устойчивость и постоянство активных отношений позволит личности поддерживать собственную надежность, противостоять воздействиям среды и осуществлять реализацию своих намерений.

В проблеме психического здоровья вопрос о критериях оценки последнего является ключевым. Понятно, что каким-то одним критерием не исчерпать всей сути вопроса. Вместе с тем есть немало примеров того, когда для характеристики психического здоровья предлагаются какие-то отдельные признаки его выраженности. Среди них особого внимания заслуживает критерий психического равновесия. С его помощью можно судить о характере функционирования психической сферы человека с различных сторон (познавательной, эмоциональной, волевой).

Аномалии в развитии личности наиболее ярко заявляют о себе в проявлениях ее дисгармонии, утрате равновесия с социальным окружением, т. е. нарушение процессов социальной адаптации сопряжено с социумом. Этот критерий органично связан с двумя другими: гармоничностью организации психики и ее адаптивными возможностями. Что касается психического равновесия, то от степени его выраженности зависит уравновешенность человека с объективными условиями, его приспособленность к ним. Причем сама по себе уравновешенность не выступает как застывшее в своем

проявлении равновесие, а разворачивается в поступательном движении жизненно важных психологических процессов. По мнению В.Н. Мясищева, уравновешенность человека и адекватность его реакции на внешние воздействия имеют большое значение в плане разграничения нормы и патологии [22]. У человека неуравновешенного, неустойчивого фактически нарушено равновесие, гармоничное взаимодействие между свойствами, лежащими в основе его личностного статуса. Только у психически здорового, т. е. уравновешенного человека мы наблюдаем проявление относительного постоянства поведения и адекватности его внешним условиям.

И все-таки идея комплексного подхода к оценке психического здоровья человека представляется наиболее перспективной. В литературе встречаются отдельные попытки охарактеризовать основные проявления здоровой психики с помощью совокупности критериев. Относительно них можно сделать, по крайней мере, два общих вывода. Во-первых, наряду с очевидным разбросом мнений просматривается и определенная повторяемость в выборе ряда критериев психического здоровья. Это можно воспринимать как свидетельство того, что они наиболее точно характеризуют это состояние. Во-вторых, трактовать приведенные перечни критериев следует не более как их некоторые совокупности, ибо в них не заложен какой-либо классифицирующий признак, который позволил бы придать им возможную внутреннюю организацию.

А.А. Крылов предлагает распределить наиболее часто называемые критерии психического здоровья в соответствии с их видами проявления психического (свойства, состояния, процессы) [21]. Среди свойств личности, обусловливающих адекватный уровень функционирования, выделяют оптимизм, сосредоточенность, уравновешенность, нравственность, адекватный уровень притязаний, чувство долга, независимость, ответственность, доброжелательность, самоуважение, самоконтроль. В сфере психических состояний в их число обычно включают: эмоциональную устойчивость (самообладание), зрелость чувств, соответственно возрасту, совладание с негативными эмоциями, свободное, естественное проявление чувств и эмоций, сохранность оптимального самочувствия.

Из психических процессов чаще упоминаются: адекватность психического отражения, адекватное восприятие самого себя, оптимальная работа познавательных процессов, критичность мышления, креативность (способность к творчеству, умение пользоваться интеллектом), знание себя.

Особое значение среди критериев психического здоровья личности придается степени ее интегрированности, гармоничности, консолидированности, уравновешенности, а также таким составляющим ее направленности, как духовность (познание, стремление к истине); приоритет гуманистических ценностей; ориентация на саморазвитие, обогащение своей личности.

С позиции самоуправления здоровая личность характеризуется выраженностью целеустремленности (обретением смысла жизни), воли, энергичности, активности, самоконтроля, адекватной самооценки.

С другой стороны, можно говорить и о характерных признаках психического нездоровья, неблагополучия. В целом такая личность достаточно дезинтегрирована; ей присущи утрата интереса, любви по отношению к близким; пассивная жизненная позиция. В плане самоуправления она отмечается неадекватностью самооценки; ослабленным, вплоть до утраты или, напротив, неоправданно гипертрофированным самоконтролем; ослаблением воли. Ее социальное неблагополучие проявляется в неадекватном восприятии окружающего мира; дезадаптивном поведении, конфликтности, враждебности, эгоцентризме; стремлении к власти (как самоцель); вещизме и др.

Важнейшим критерием психического здоровья является способность человека сознательно воздействовать на присущие ему психические явления. Идея самоуправления в обеспечении психического здоровья привлекала к себе внимание еще на рубеже XX века. Говорилось, например, что здоровый человек в отличие от больного способен управлять миром своих психических явлений и держать их под контролем. Позиция С.С. Корсакова по этому вопросу заслуживает особого внимания [20]. Для нее характерен выраженный акцент на интегрированный, личностный подход. По мнению ученого, душевные болезни – это нарушение индивидуальности человека, утрата целостности единства личности. Определяющая роль в обеспечении здоровой психики принадлежит внешнему фактору, особенностям взаимосвязи и взаимодействия личности с внешним миром. В общем случае психическое самоуправление включает следующие стадии: постановку цели управления, прием и переработку информации, принятие решения, его реализация и контроль. И на каждой стадии разворачиваются процессы, которые могут оказывать влияние на обеспечение психического здоровья.

На наш взгляд, довольно показательным в плане определения граней психического здоровья является критерий, выявляющий способность личности устанавливать близкие, доверительные отношения с другими людьми. Нормальные индивиды способны устанавливать и поддерживать приятные отношения с другими. Они умеют сочувствовать и не предъявляют чрезмерных требований с целью удовлетворения своих потребностей. Часто люди с нарушениями психики настолько беспокоятся о своей безопасности, что становятся крайне эгоцен-

тричными. Они озабочены своими собственными чувствами и стремлениями, ищут привязанности, но не способны ответить взаимностью. Подобное поведение провоцирует эмоциональное неблагополучие личности, что, безусловно, будет являться сильным фактором ухудшения психического здоровья человека.

Проведенное нами исследование среди студентов вузов и работающих лиц показало достаточно яркую тенденцию у определенного числа респондентов обеих групп, проявляющуюся в желании быть менее общительными, менее открытыми, более жестокими и не выглядеть доступными и безопасными для других. При выборе желаемой партнерской модели взаимодействия с другим человеком предпочитали манипулятивные или потребительские (иждивенческие) модели отношений. Вряд ли подобные паттерны поведения будут способствовать установлению доверительных отношений с другими людьми и вообще гуманизации отношений. Вероятнее всего они выступят разъединяющим или разрушающим фактором в установлении желаемых отношений и, как следствие, дезадаптации личности.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что хорошей приметой нашего времени являются кардинальные перестановки смысловых акцентов, связанных с изменением глобальной парадигмы с патоцентрической на саноцентрическую, и живой интерес собственно к проблеме психического здоровья. В этом плане знаменательно высказанное на страницах «Вопросов психологии» предложение А.Б Орлова: «В 1929 г. А.Р. Лурия ввел в научный оборот термин, которому было суждено стать одним из ключевых в отечественной медицинской психологии. Я имею в виду термин «внутренняя картина болезни». Предлагаю не менее мощный по своему содержательному потенциалу антоним, а именно – термин **«внутренняя картина здоровья»** [6, с. 129]. Сам А.Б Орлов оценивает это предложение как «сугубо терминологическое», однако совершенно прозрачна концептуальная суть этого умозаключения.

Совершая попытку обозначения хотя бы некоторых, но важных, на наш взгляд, психологических аспектов психического здоровья, мы пытаемся спроектировать некое особое психологическое пространство, в котором возможно развитие и функционирование здоровой личности. Однако реалии текущего момента таковы, что наряду со все возрастающим интересом людей к сохранению своего здоровья, продлению собственной жизни и поддержанию положительного эмоционального фона проявляется очевидная недооценка связи психического здоровья с нравственной сферой и правильным выбором ценностных ориентаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Братусь, Б.С.* Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
2. *Васильева, О.С.* Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / О.С. Васильева, Ф.Р. Филатов. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 352 с.
3. *Ганнушкин, П.Б.* Постановка вопроса о границах душевного здоровья / П.Б. Ганнушкин // Избр. труды. – М., 1964. – С. 97–108.
4. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.1. / *В.И. Даль*. – М., 1999.
5. *Орлов, А.Б.* Психология личности и сущность человека: Парадигмы, проекции, практики / *А.Б. Орлов*. – М., 1995.
6. *Орлов, А.Б.* Возникновение новой психодиагностики: некоторые симптомы и тенденции / А.Б. Орлов // Вопросы психологии. 1991. – № 5. – С. 129–130.
7. *Холмогорова, А.Б.* Культура, эмоции и психическое здоровье / А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гараян // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 61–74.
8. *Юдин, Б.Г.* Здоровье: факт, норма и ценность / Б.Г. Юдин // Мир психологии. – 2000. – № 1(21). – С. 54–68.
9. *Шувалов, А.В.* Интерсубъективные условия психологического здоровья детей: Автореф. дис… канд. псх. наук: 19.00.13 / А.В. Шувалов. – М.: 2000.
10. *Юнг, К.Г.* Проблемы души нашего времени. – М.: Изд. группа «Прогресс». Универс, 1993. – 329 с.; – (Сер. Библиотека зарубежной психологии).
11. *Маслоу, Абрахам.* Новые рубежи человеческой природы. / А. Маслоу. Под общ. ред. Г.А. Балла и др. – М. : Смысл, 1999. – 424 с. – (Сер. Золотой фонд мировой психологии).
12. Ануфриев, А.Ф. Как преодолеть трудности в обучении детей: Психодиагностические таблицы, психодиагностические методики, коррекционные упражнения / А.Ф. Ануфриев, С.Н. Костромина. – М.: Ось – 89, 1999. – 221 с. (Сер. Практическая психология).
13. *Зеличенко, А.И.* Психология духовности / А.И. Зеличенко. – М.: Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996. – 400 с.
14. *Олпорт, Г.* Становление личности: Избр. тр. / Г. Олпорт; Под общ. ред. Д.А. Леонтьева; – М.: Смысл, 2002. – 461 с. – (Сер. живая классика).
15. *Абульханова-Славская, К.А.* Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991.
16. *Слободчиков, В.И.* Основы психоантропологии. Психология человека: Введ. в психологию субъективности: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-пресс, 1995. – 383 с.
17. *Дубровина, И.В.* Школьная психологическая служба: вопросы, теории и практика / И.В. Дубровина. – М.: Педагогика, 1991. – 230 с. – (Сер. Образование. пед. науки: ОПН. Пед. психология).
18. *Ахмеров, Р.А.* Тени грядущего / Р.А. Ахмеров. – Казань: Казанский ун-т, 1994. – 159 с. – (Сер. Б-ка психоаналитической литературы).
19. *Ананьев, Б.Г.* Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2001.
20. *Корсаков, С.С.* Избранные произведения / С.С. Корсаков. – М.: Медгиз, 1954.
21. Психология: Учеб. / Под ред. А.А. Крылова. – М.: Проспект, 1998. – 584 с.

Мясищев, В.Н. Личность и неврозы / В.Н. Мясищев. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. – 426 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Л.В. Каширина

КАШИРИНА Лариса Васильевна – кандидат психологических наук, директор информационно-аналитического центра Дальневосточной академии государственной службы.

В статье изложено теоретическое исследование актуальной проблемы социально-психологических состояний как феномена и научной категории. Показаны основные подходы исследований социально-психологических состояний в социальной психологии и социологии. Обоснована статусно-ролевая парадигма изучения социально-психологических состояний больших социальных групп современного российского общества; определены детерминанты, механизмы регуляции.

The article covers basic theoretical points of socio-psychological state as the scientific category as well as the main scientific approaches to socio-psychological condition in social psychology and sociology. The main agent in the article is made on the research of status-role paradigm socio-psychological state of large social groups in modern Russian society and mechanisms of its regulation.

Осуществление радикальных социально-экономических и политических реформ современной России свидетельствует о том, что социальные познания в условиях нестабильности общества превращаются в один из наиболее важных ресурсов развития и управления. Социальный запрос знаний об объекте управления выразился в том, что от государственных служащих ожидают таких управленческих решений и действий, которые бы наиболее полно отражали потребности, особенности, проблемы и состояния всех социальных групп общества.

Одним из главных психологических условий социального познания и активизации предметно-деятельностной компетентности государственных служащих является знание динамики, специфики и качественного своеобразия социально-психологических состояний (СПС), которые наиболее полно и дифференцированно отражают переживания людей различных социальных групп общества в ответ на любые социально-экономические преобразования.

Необходимость научного познания социально-психологических состояний различных групп населения детерминирована характером и спецификой предмета деятельности государственных служащих, суть которого – состояния населения. Социально-психологические состояния способны определять и диагностировать:

– предельную психологическую нагрузку общества (способность выживания и развитие);

– психологическую устойчивость общества в периоды потрясений (толерантность и противостояние);

– психическое здоровье общества (запасы энергии для целеустремленного поведения);

– психологическую управляемость населения (усвояемость и адаптированность).

Исследования, проводимые на протяжении нескольких лет в Информационно-аналитическом центре ДВАГС, показали, что социально-психологические состояния различных социальных групп частично или вовсе не учитываются в процессе принятия управленческих решений, что приводит к их неэффективности и как следствие – к появлению у населения негативных состояний, таких как аномия, стресс и страх. Социально-психологические состояния, выявленные автором, свидетельствуют также о дезинтеграции нравственных ценностей, смешении ценностных ориентаций, наступлении ценностного вакуума по принципу «все дозволено», сужении поля социальных интересов, духовной примитивизации, культурной нетребовательности, агрессивных проявлениях. Все это порождает у человека состояние, которое можно назвать экзистенциональным вакуумом (по Франклу) и которое сопровождается потерей смысла, высоким уровнем эмоциональной напряженности, фрустрацией и когнитивным диссонансом.

Знание механизмов преобразования социально-психологических состояний, их природы и детерминирующих факторов, связанных с социальным статусом, позволяет выработать средства управления СПС не только для субъекта, но и объекта управления. (Б.Г. Ананьев [1], К.А. Абульханова-Славская [2], А.В. Брушлинский, А.А. Деркач, Б.Д. Парыгин, И.Р. Сушков, П.Н. Шихирев, J.A. Geschwender).

Однако реализация информационного социально-психологического обеспечения управленческих решений затруднена из-за ряда объективных и субъективных противоречий:

– между утверждающейся в реальной практике необходимостью использования научных знаний о состоянии социальных групп общества и девальвацией концепта состояний населения, вопреки реальности рассматриваемых как нечто уже известное и не требующее специальных фундаментальных изысканий;

– односторонней ориентацией управленческих решений на «среднестатистического» гражданина и провозглашением идей улучшения качества жизни

населения без учета их принадлежности к социальным группам;

– желанием добиться стабилизации и развития общества и игнорированием глубокого анализа и моделирования социально-психологических состояний различных социальных групп с учетом их новых стратификационных характеристик в современных условиях;

– индивидуальными стратегиями личностно профессионального развития и отсутствием в системе знаний, умений и навыков адекватных моделей, алгоритмов и технологий анализа социально-психологических состояний населения в целом;

– высокой информационной ценностью социально-психологических состояний различных социальных групп и сложностью их оценки.

Разрешение этих противоречий актуализирует разработку теоретических и методологических основ изучения феномена и динамики социально-психологических состояний. Это позволит выявить их содержание, базовые характеристики и соотнести их с потребностями развития российского общества в рамках создания социокультурных, психологических и организационных условий исследования, а также внедрения этих исследований в практику принятия управленческих решений, профессиональной подготовки и переподготовки государственных служащих.

Поставленные задачи являются составной и неотъемлемой частью главной практической цели психологической науки: содействия обеспечению гармоничного и гуманного развития социально-экономических отношений современного общества. Решение этих прикладных задач невозможно без основательного научного осмысления всего комплекса перечисленных выше проблем и создания интегративной концепции развития и динамики социально-психологических состояний больших социальных групп. Разработка в рамках этой концепции принципов и закономерностей, категориального аппарата и системы диагностики и т. д. позволит создать эффективные методологические и методические модели содержательно-технологического обеспечения системы государственного управления знаниями о социально-психологических состояниях любой группы населения как индикаторах степени эффективности управленческой деятельности и социально-психологических условиях развития гуманного общества.

Проблема познания социально-психологических состояний принадлежит к классу теоретико-прикладных социально-психологических аспектов. Её постановка инициирована двумя основными направлениями предпосылок: практическим – необходимостью учета социально-психологических состояний на этапе подготовки и приятия управленческого решения как одного из основных факторов повышения его эффективности; теоретическим – отсутствием концептуальной базы, на основе которой формулируется данная проблема, намечаются основные направления анализа социально-психологических состояний больших социальных групп.

Теоретико-методологическое значение социально-психологического анализа состоит в постановке ключевых вопросов, формирующих предметно-онтологическую схему познания социально-психологических состояний. При изучении социально-психологических явлений постулируется надындивидуальное многоединство «мы», анализ которого и есть анализ душевных состояний, владеющих целой группой. (Г. Лебон, Н. Михайловский, С. Московичи [5], С. Сигеле, Л. Франк, З. Фрейд, Э. Фромм). Взаимодействие с другими людьми и даже их присутствие – реальное, воображаемое или подразумеваемое – существенно влияет на мысли, чувства и поведение человека и, более того, сопровождается возникновением «надындивидуальных» явлений, свойственных некоторой совокупности лиц как целому (А.И. Донцов) – единый вывод, который объединяет другую группу исследователей, утверждавших естественно-научную парадигму в социальной психологии, ориентированную на идеал строгого объективного знания (В.М. Бехтерев, Б.В. Беляев, А.С. Залужный, М.В. Ланге, У. Макдуголл, В. Мёде Ф. Олпорт, Ф. Трэшер).

Определение места социальной группы в обществе высвечивает важные психологические и социологические аспекты в понимании социально-психологического состояния: становление социального субъекта в процессе социальной идентичности (В.С. Агеев [3], Е.А. Яблокова), социальное взаимодействие в «социальном пространстве» (П. Сорокин [6], П. Штомпка и др.), а также основные стратегии взаимодействия между группами (Г. Тэджел, Дж. Тэрнер), которые, в свою очередь, через социальное сравнение (Б.Г. Ананьев [1], М. Вебер) и психологическую динамику актуализируют понятие «социальный статус» (Г.М. Андреева, А.А. Деркач, А.И. Донцов, А.Г. Ковалев, Е.С. Кузьмин, А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова и др.)

Теоретико-методологическим основанием постановки проблемы феномена и динамики социально-психологических состояний больших социальных групп выступает комплекс представлений, раскрывающих понятие социального статуса, его динамики и степени кристаллизации. (Б.Г. Ананьев [1], Л. Брум, И.С. Кон, Г. Ленски, П. Сорокин [6], Г. Силласте, В.А. Ядов).

К первому этапу изучения этой проблемы в науке можно отнести преимущественно умозрительные

исследования последней четверти XIX в. таких психологов, как В. Вундт, Г. Лебон, С. Сигеле, Г. Тард, З. Фрейд, и С. Московичи [5], которые пытались найти решение проблемы «психологии индивида и психологии массы», невольно касаясь социально-психологических состояний. Так, объясняя организацию толпы через механизмы подражания и внушения, Г. Тард отмечал проявление «известного душевного состояния»; С. Сигеле называл «душевное движение» толпы «нравственным опьянением», «нравственной эпидемией»; З. Фрейд исследовал «либидозные» состояния; Г. Лебон выделял состояния «массовой загипнотизированной души». Вильгельма Вундта больше интересовало состояние «национального духа», а Эмиль Дюркгейм писал об «аномии» как состоянии социальной структуры, связанном с рассогласованием ценностей. Серж Московичи приводил описания социально-психологических состояний «коллективной иллюзии» и «коллективного отрезвления», сформированных волей харизматических лидеров [5]. Несколько позже, уже в первой четверти XX в., в поле зрения социальных психологов попал такой феномен группового и массового психического состояния, каким являлись общественное настроение, психологический климат, побуждавшие людей к тем или иным действиям и движениям (В.М. Бехтерев). Все это было учтено при разработке концепции феномена и динамики социально-психологических состояний больших социальных групп.

Ко второму этапу в исследовании проблемы феномена и динамики социально-психологических состояний следует отнести ее постановку в контексте изучения процессов и массовидных состояний, т. е. психических состояний определенных общностей людей (Э. Фромм), состояний социальной психики (Б.Д. Парыгин), духовных состояний групп общества (А.К. Уледов), духовной силы масс (И. Ильин, Н. Бердяев), изменяющихся в ответ на социально-экономические преобразования.

Современные представления о феномене и динамике социально-психологических состояний находят многообразные формы выражения как у социальных и политических психологов, так и у представителей общей психологии и социологии. Об этом свидетельствует, например, рост публикаций по проблемам общественного настроения, социальной напряженности, социального самочувствия и аномии общества (Б.Д. Парыгин, А.Г. Ковалев, Л. Войтоловский, Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко, Н. Стефанов, Н.Е. Симонович, Л.В. Куликов, А.К. Зайцев).

Признавая существенность вклада, который внесли эти исследования в разработку теории социально-психологических состояний, нельзя не отметить их направленность на решение частных проблем социально-психологических состояний, а также на то, что они проводились преимущественно в стабильных условиях общества. Рассмотренные взаимосвязи и структуры в основном ограничивались либо контактными группами, либо сравнениями качественных показателей больших социальных групп по каким-либо характеристикам. Само социально-психологическое состояние как явление социально-психологического порядка подменялось психологическим.

Результаты анализа научных информационных источников позволили выявить нарастающее внимание к проблеме социально-психологических состояний не только традиционных социальных групп, но и новых сегментов общества, например таких, как предприниматели, беспризорные и безнадзорные дети.

Однако среди исследователей, к сожалению, еще нет единства во взглядах относительно того, какие же духовные образования следует относить к социально-психологическим состояниям. У одних ученых оно является структурным компонентом психического состояния (В.А. Ганзен), у других – психическим складом или настроением (Л.В. Куликов). Нет еще сколько-нибудь точного определения социально-психологических состояний, их классификации, не выделены структуры и конструкты этого феномена, не определены системообразующие факторы, сущностные признаки, закономерности, механизмы и условия развития, стабилизации и угасания.

Многие авторы объясняют это, во-первых, сложностью, структурной многозначностью и многокачественностью проявлений состояния социальной психики, во-вторых – трудностью перехода от специальных исследований тех или иных проявлений, видов и форм психических состояний к их обобщенному осмыслению, в-третьих – большим разрывом во времени между первыми исследованиями психических состояний, чувств, эмоций, переживаний, аффектов, страстей, настроений, изучавшихся еще Г. Тардом, Г. Лебоном, Н.К. Михайловским.

При всем множестве заслуживающих внимания подходов к оценке социально-психологических состояний можно выделить несколько.

Феноменологическая концепция СПС С. Московичи [5], в которой он определил, что «состояние общества дано – психическое состояние из него следует». Автор тем самым подчеркивал заданность властью социально-психологического состояния и производность психического состояния.

Если вкратце сравнить состояния общественной психики, детерминированной общественно-политическими событиями со времен культа личности Сталина и до наших дней, то можно представить их в четырех исторических периодах. (К сожалению, в 1930-х гг. в России не проводились систематиче-

ские социально-психологические исследования, однако восстановление событий позволяет выделить доминирующие факторы, предопределяющие и формирующие социально-психологические состояния тех лет).

Период 1930–1960-х г. – почти эпоха. (Годы коллективизации, Великой Отечественной войны, перемещения целых народов из одних регионов в другие, невиданного трудового энтузиазма). Считается, что ведущими социально-психологическими состояниями были: «страх», «вера в идеалы социализма», «вера в лучшее будущее».

Второй период (1960–1985 г.) – «хрущевская оттепель», «психология покорности и терпения». В сознании населения покорность сращивалась с терпением, оправданием своей лени, нежеланием трудиться, пассивностью, падением жизненных потребностей.

Периоды 1985–1990 и 1991–1995 гг. – это стрессовые периоды. Для них характерны такие социально-психологические состояния, как «пробуждение», «активизация общественного мнения», «выражение своей гражданской позиции», «свобода суждений и мнений», «преодоление раздвоенности». Тоталитарный режим отброшен, новый строй не дал ответа на коренные вопросы бытия: каков смысл жизни, идеалы, цели, ради которых люди должны жить и умирать. И параллельно этим состояниям появляются социально-психологические состояния «социальной напряженности», «эмоционального возбуждения», «массового беспокойства». Общественное мнение в современных условиях почти не выступает духом и голосом народа, занимая незавидное положение разменной монеты.

Известно, что резкая смена общественного порядка, даже если в конечном счете она и способна повысить эффективность производства, демократизировать социально-политическую систему, всегда нарушает нормальное функционирование социума. В эти периоды отмечается преобладание таких социально-психологических состояний, как массовая социальная неудовлетворенность и когнитивный диссонанс (последний обозначает состояние напряжения, которое появляется при осознании несовместимости каких-либо двух знаний, ценностей, установок).

В рамках психологического подхода исследования состояний, связанных с чувствами, настроениями, мнениями, установками контактных групп, последние рассматриваются как состояния отдельных индивидов, составляющих группу (малую или большую). Это позволяет исследователям судить о психологии группы по психическому состоянию отдельных индивидов, а психологию группы определять, исходя из индивидуальных психических свойств и качеств. Фактически это соответствует механистической формуле: социально-психологическое состояние не равно сумме индивидуальных психических состояний.

В социологическом подходе это условие инвертировано: за исходное условие берется социальная структура общества, а общественно-психологические явления рассматриваются как надындивидуальные образования, не сводимые к психическим состояниям отдельных индивидов. При этом исследователи в рамках социологического подхода, не всегда соединяя диалектику общего (психология группы) и единичного (психология личности), нередко судят о психологии социальных групп, в особенности больших – классов, наций, народов – без выделения самого механизма образования массовидных психических явлений. (Б.А. Грушин, Г.Г. Дилигенский, А.К. Уледов).

В рамках системно-структурного анализа психических состояний социально-психологический феномен состояния рассматривается как один из четырех уровней первой подструктуры и в основном в постановочно-проблемном плане, пока не получив экспериментального развития. (В.А. Ганзен, Л.В. Куликов, А.О. Прохоров).

Таким образом, несмотря на то, что становление социальной психологии оказалось изначально связанным прежде всего с изучением феноменологии состояния группового и массового сознания и поведения людей, это явление до настоящего времени не нашло должного отражения в соответствующих ему понятиях и категориях. Не только в учебниках, но и в монографической литературе по проблемам социальной психологии, состояние как социально-психологическое явление пока не стало предметом специальной разработки.

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что исследование феномена и динамики социально-психологических состояний характеризуется недостаточностью по сравнению с познанием таких явлений, как социально-психологические процессы и свойства.

В этой связи первым шагом в изучении нами проблемы феномена и динамики социально-психологических состояний явилась ее постановка в контексте изучения самого феномена социально-психологических состояний как важного явления в процессе жизнедеятельности людей в составе больших социальных групп и перевода его в научную категорию. Результаты исследований привели к пониманию закономерностей действия механизмов самоидентификации, социальных представлений и социальных сравнений в формировании социально-психологических состояний группы, а также причин природы кризисов неприятия членами группы своей статусной позиции в обществе (социальном про-

странстве), которая изменяет, искажает или трансформирует «Я-концепцию», (В.С. Агеев [3], В. Ильин [4]) самооценку, формирует адекватное социально-психологическое состояние.

По Б.Г. Ананьеву [1] и Е.С. Кузьмину, статус личности задан сложившейся системой общественных отношений, социальных образований, объективно выделяющих место личности в социальной структуре.

В классической социологии по Веберу, статус не только социально-экономическое положение в обществе, но и сословное, основанное на специфическом стиле жизни, имеющем свои ценности, представления и ряд других психологических особенностей.

В зарубежной психологии вопросы связи «Я-концепции» с групповой идентификацией и статусной позицией изучались в рамках формирования адекватного образа «Я». По мнению ряда американских исследователей, образ «Я-статуса» зависит от наличия сильного, стабильного чувства идентичности и степени социальной гордости, а также поддержки со стороны культурной группы, к которой принадлежит данный индивид (К. Браун, М. Вилей, А. Джахас, М. Кларк, С. Моор, Д. Мюхлбайер, М. Паул, С. Рихман, К. Роджерс, Д. Розенталь, М. Тейлор, Д. Фишер, А. Эскилсон и др.), что было учтено при разработке статусно-ролевой концепции социально-психологических состояний.

Современные представления о социальном статусе отражены в работах А.Л. Журавлева, Е.В. Шороховой о социально-экономическом статусе, определивших его как переживание своей принадлежности к определенной имущественной группе и идентификации с ней; динамика социально-политического статуса как социальной позиции и идентификации с субъектом политики представлена у А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева, что позволяет осознавать и фиксировать социально-психологическое состояние в конкретном интервале времени. Т.Ю. Богомолова и С. Саблина приблизились к измерению социального статуса. Развивая идеи Г. Ленски о степени кристаллизации социального статуса (как невертикального измерения), они пришли к выводу: чем больше согласованы доходы, профессия, образование и этническая принадлежность, тем выше статусная кристаллизация.

Практические аспекты проблемы взаимосвязи социально-психологических состояний со статусными характеристиками пока еще слабо отражены в научных публикациях, но имплицитно присутствуют в работах Л. Брума, Е. Лемана, Д. Сегала, Дж. Блокера, П. Ридзела, Е. Зиммермана. В исследованиях Дж. Гештвендера приводятся пять стадий изменения состояний по поводу несбывшихся статусных ожиданий: это эмоциональная реакция, стремление к мобильности, попытка социальных изменений, социальная изоляция, психический стресс.

Существенно важным для наших исследований являются взгляды современных психологов и социологов по вопросу детерминации СПС социально-статусными характеристиками. Так, в «Избранных психологических трудах» И.С. Кона подчеркивается информативность социального статуса при описании состояний социальной группы и говорится о тесной связи этих категорий. Связь социального и профессионального статусов с состояниями миллионов специалистов, ставших безработными, отмечается в работе Г. Силласте. Б.В. Поршнев показал, что состояния общности исторически были связаны с обособлением данной общности.

В научных публикациях В. Ильина [4], О. Кланберга, М. Завалони утверждается, что смена статусной позиции вносит существенные изменения в образ жизни человека, большой социальной группы и общества. В.С. Агеев показал, что чаще всего состояние несправедливости обрушивается на человека не в силу каких-то его личностных или случайных обстоятельств, а именно и только потому, что он является членом какой-то социальной группы, т. е. обладает статусом этой группы [3]. Согласно установившемуся западному образцу принадлежности к «среднему классу» существует три основных показателя, в составе которых (наряду с уровнем доходов и социальным положением) указывается социальный статус.

Второй шаг развития исследований феномена и динамики социально-психологических состояний больших социальных групп связан с постановкой этой проблемы как научно-практической задачи по оптимизации СПС населения (объекта управления). На этом этапе по результатам психологических, социологических и социально-психологических исследований важно было проследить, как социально-психологическое состояние в форме интеллектуальной конструкции (в виде представлений и переживаний) превращается в объективную социально-психологическую конструкцию, когда она становится руководством к действию, ориентиром в социальном поведении рядовых жителей страны, государственных органов, различных социальных институтов. Поэтому идеальное определение групп: «молодежь», «пожилые», «дети группы риска», «служащие», «предприниматели» и др., действительно имея форму реального социального существования, превращается в объективную социально-психологическую конструкцию. К примеру это проявляется в том, что социальные группы, находящиеся снизу социальной пирамиды, испытывают действительные моральные страдания от того, что

они «живут не как нормальные люди», что они лишены права на управление, на долю национального богатства и т. д. Результатом этого является появление соответствующих социально-психологических состояний социальных групп, которые и определяют электоральное поведение, шлифуют личностные свойства или изменяют их. При этом СПС «группы власть имущих» также отражают их социальный статус, позицию, социальную роль, ценности, идентификацию с властью.

Важным направлением в развитии поиска критериев сравнения социальных статусов, а значит – социального ранжирования статусных позиций в социальном пространстве, является серия исследований В. Ильина, в рамках теории социальной стратификации, в которых прослеживается два подхода. Первый, идущий от М. Вебера, дифференцирует население по индикаторам социальной позиции (уровень доходов, престиж, власть, образование). Второй подход рассматривает социальную стратификацию через призму отношений элементов социальной структуры и процессуально означает сравнение тесно взаимосвязанных позиций в рамках единого социального поля по важным критериям в системе ценностей данного общества. В связи с этим индикаторами социального статуса определены: 1) административная и политическая власть; 2) наличие и объем капитала как проявление экономической власти; 3) объем находящегося в потреблении личного имущества (непроизводительное богатство); 4) объем и характер доходов; моральное вознаграждение, престиж, влияние (духовная власть); 5) условия труда (вредность для здоровья, риск для жизни, степень комфортности рабочего места и т. д.); перспективы, открываемые данной позицией для вертикально восходящей социальной мобильности; свободное время; удовлетворенность своим статусом [4].

В российских социологических исследованиях широко распространенными индикаторами социального статуса являются: самооценка своего материального положения (финансовое благополучие: зарплата, собственность); удовлетворенность своим социальным положением (социальным статусом, профессией, связями, востребованностью обществом); степень уверенности в завтрашнем дне (уровень социального оптимизма). (Ю. Левада, В.В. Радаев, Г.Ю. Чернов, О.И. Шкаратан).

Социально-психологические состояния, детерминированные статусной динамикой, следует рассматривать не только как базисную социально-психологическую характеристику большой социальной группы, но и в качестве структурного элемента группы как социального субъекта. (Е.А. Яблокова, Н.И. Яблокова).

Несмотря на довольно широкий спектр теоретических подходов, содержательно связанных с изучением феномена и динамики социально-психологических состояний больших социальных групп, эта проблема не получила пока целостного и систематического научного анализа. Поэтому в настоящем исследовании сделана попытка обобщить, систематизировать и теоретически осмыслить весь комплекс подходов, теорий и представлений, сущностно связанных с изучением феномена и динамики социально-психологических состояний больших социальных групп, и на этой основе разработать целостную статусно-ролевую концепцию развития СПС.

Автор предположил, что феномен социально-психологических состояний выражается в надындивидуальных переживаниях каждым членом группы своего места в социальном пространстве общества и является результатом идентификации, актуализации «Я-» и «Мы-концепции» по получению нового знания о себе, регуляции своих психических состояний, изменения свойств личности, а также поведенческих характеристик. Социально-психологические состояния являются результатом социально-психологических реакций внутренней преобразующей деятельности человека в ответ на управленческие воздействия.

Социально-психологическая функция феномена социально-психологических состояний больших социальных групп состоит в предопределении аксиологических составляющих группового сознания.

Выявленные социально-психологические закономерности, механизмы, условия и факторы динамики социально-психологических состояний обеспечат оптимальную реализацию СПС различных социальных групп в ответ на то или иное управленческое решение.

Социально-психологические основы феномена и динамики социально-психологических состояний больших социальных групп активизируют технологическую систему анализа и учета СПС в процессе принятия управленческих решений.

Оптимизация социально-психологических состояний больших социальных групп может быть достигнута путем уменьшения статусных рассогласований.

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составили общеметодологические принципы детерминизма, развития, гуманизма; общеметодологические подходы – комплексный, системный и полисистемный (В.П. Кузьмин, Б.Ф. Ломов), а также фундаментальные принципы психологической науки: единства сознания и деятельности, единства внешнего и внутреннего плана деятельности, развития, субъекта (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский К.А. Абуль-

ханова-Славская); деятельностного подхода к исследованию психического (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн).

В социально-психологическом аспекте в качестве методологических оснований исследования явились базовые принципы единства и взаимозависимости человека и общества, социальной детерминации личности и группы (Б.Ф. Ломов, А.А. Бодалев, Л.С. Выготдский, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский); теоретические положения о психологических отношениях как системе сознательных связей субъекта с окружающей действиительностью (В.Н. Мясищев); системная детерминация психических явлений (Б.Ф. Ломов); взаимодействие внешних и внутренних условий, объективных отношений, в которые включается человек, и его субъективные отношения к окружающему миру в социальной детерминиции поведения (Е.В. Шорохова); динамика социально-психологических феноменов как результат взаимодействия организационно-экономических и социально-психологических факторов (А.Л. Журавлев); идея оптимального состояния как функционального комфорта, выявленного на основе закона соответствия, смысл которого в согласовании внешних и внутренних средств жизнедеятельности человека (Л.Д. Чайнова); современные социологические концепции стратификации общества, социального поля (М. Вебер, П. Сорокин, В. Ильин, П. Штомпка).

Теоретическим фундаментом анализа психологических проблем социально-психологических состояний стала совокупность методологических подходов и концепций многоуровневого представления психических процессов, свойств и состояний, отражающих условия жизнедеятельности человека и управление им. (Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, К.А. Абульханова-Славская, Г.М. Андреева, Л.И. Анцыферова, Н.А. Бернштейн, А.А. Деркач, Е.А. Климов, О.А. Конопкин, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин, А.В. Петровский, А.А. Реан и др.). Для данной работы также важными явились теоретические определения личности как субъекта жизненного пути и активности личности как ее жизненно-функциональных высших особенностей, обеспечивающих (или нет) ее возможность быть субъектом (К.А. Абульханова-Славская); определения группы как социального субъекта (Е.А. Яблокова), развитие системного подхода к оценке личности (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов) и группы на основе преодоления локального исследования отдельных актов поведения, отдельных поступков и видов деятельности и расширения категории деятельности до общефилософского понятия жизни как способа существования человека (С.Л. Рубинштейн); современной концепции переживания (Ф.Е. Василюк); теории социального статуса (Р. Линтон, Ф. Мерил; Т. Шибутани); теории когнитивного диссонанса (Л. Фестингер,), а также социальная идентификация (Б.Г. Ананьев, В.А. Ядов); идеи «межличностного социального поля» (П. Штомпка) и социального пространства (В. Ильин), теории социокультурной динамики и стратификации (П. Сорокин).

Научно-теоретическим фундаментом исследования социально-психологических проблем СПС явилось соотношение индивидуального и общественного (Г.М. Андреева, К.А. Абульханова-Славская, Е.В. Шорохова, Б.Ф. Ломов). Этот методологический принцип позволил связать психологию личности как раздел общей психологии с социальной психологией, именно поэтому проблема социальной психологии личности остается и поныне связующим звеном этих областей. Причем точкой отсчета анализа выступает не личность сама по себе, а то конкретно-историческое общество, те социальные группы (общности), в которых развертывается ее жизнедеятельность, действуют социальные и социально-психологические закономерности, условия, факторы, механизмы становления концепции ее жизни и жизненного пути.

Разработка статусно-ролевой концепции и содержательного анализа социально-психологических состояний базировалась на понятийном аппарате социологических и психологических исследований статуса как феномена социальной психологии (Б.Г. Ананьев, В.С. Агеев, Ф.М. Бородкин, Т.Ю. Богомолова, М. Вебер, А.А. Деркач, А.Л.Журавлев, В.Ильин, Е.С. Кузьмин, Л.Г. Лаптев, Е.В. Масленников, О.И. Марченко, С.Ю. Наумов, С. Саблина, П. Сорокин, Е.В. Шорохова, O. Klinberg, G. Lenski, M. Zavaloni и др.)

Обоснование методических средств структурного и содержательного анализа социально-психологических состояний проводилось с учетом опыта исследований феномена «состояния» как явления в области психологии, психофизиологии, социальной психологии (В.А. Ганзен, А.О. Прохоров, А.К. Левыкин, А.К. Уледов, Е.А. Яблокова, А.Б. Леонова, Л.Д. Чайнова, Л.Г. Дикая, Л.В. Куликов и др.).

На основе изучения и оценки современного состояния проблемы осуществлялась разработка концептуальных представлений о феномене, моделях формирования и развития социально-психологических состояний. Исследование логически завершилось уточнением и обобщением общей гипотезы, экспериментальной проверкой связи социально-психологических состояний со свойствами и личностными характеристиками. Для решения поставленных задач и проверки исходных предположений использовалась целостная познавательно-оценивающая технология, опирающаяся на системно-структурный подход, который объединил в соответствии с методо-

логией познания, развития и социальной активности общенаучные, междисциплинарные и частнонаучные методы исследования.

Это методы теоретического анализа (историографический, сравнительно-сопоставительный, моделирование); диагностические (психологическое тестирование, метод экспертных оценок, фокус-группы, метод семантического дифференциала, обобщение независимых характеристик); методы наблюдения (прямое, косвенное, включенное); праксиметрические (контент-анализ документации, анализ результатов деятельности, профессиографический анализ, изучение и обобщение опыта управленческой деятельности); экспериментальные (констатирующий эксперимент).

В состав психодиагностического комплекса входили:

– основные и дополнительные шкалы MMPI для выявления

– психологического профиля личности и личностных изменений;

– метод семантического дифференциала Бартенверфера в модификации автора данного исследования для оценки социально-психологических состояний детей;

– опросник ценностных ориентаций по Рокичу;

– тест Рисса для изучения интеллектуальных качеств;

– Hand-тест для оценки состояний страха, тревоги и агрессии;

– проективные рисуночные методики по оценке когнитивных процессов;

– тест Лири как индикатор межличностного взаимодействия;

– тест Ч. Спилберга и Ю. Ханина для оценки тревожности как свойства и состояния;

– краткий ориентировочный тест для оценки оперативного интеллекта.

Методы обработки эмпирических и экспериментальных данных включали: сравнительный анализ эмпирических данных, метод автоматизированной обработки и парных распределений результатов социологических опросов по Программе SPSS, корреляционный анализ с использованием критерия Стьюдента. При интерпретации применялись сравнительные таблицы, диаграммы, графики.

Общее число опрошенных и тестированных составило 7140 чел. В основную выборку пропорционально вошли дети подросткового возраста, молодежь, предприниматели, государственные, муниципальные служащие и пожилые люди. Эмпирическую базу исследования составили результаты научно-исследовательской и экспериментальной работы, которая проводилась в вузах, администрациях государственных и муниципальных органов власти, государственных учреждениях, органах социальной защиты населения, детских приемниках, жилмассивах городов Хабаровского края и Еврейской автономной области, включая Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Амурск, Солнечный, Вяземский, Биробиджан, Смидовичи. Теоретические положения, сформулированные в работе, опираются на данные этих социально-психологических исследований, проведенных лично автором и под его руководством. Результаты исследований оформлены в научные отчеты и депонированы во ВНТИ Центре.

В результате исследований, которые проводились более пяти лет, обоснована необходимость изучения феномена социально- психологического состояния как самостоятельного явления, исключительность которого состоит в аккумулировании информации аксиологической направленности социальных групп. Вскрыты внутренние и внешние противоречия, тормозящие развитие исследований социально-психологических состояний. Внутренние противоречия проявляются в диалектике развития самого состояния, многопланового и многокомпонентного явления, которое условно находится между процессами и свойствами как психическими явлениями, а во временных параметрах – медленнее быстротечных процессов и быстрее более стабильных свойств. Выявлено, что длительное пребывание человека в рамках определенного социально-психологического состояния существенно изменяет его личностные свойства. Внешние противоречия социально-психологических состояний порождаются социально-экономическими и социально-политическими детерминантами. Показано, что социальное управление – это управление социально-психологическими состояниями. Проанализированы способы развития и разрешения вышеназванных противоречий.

Показано, что без анализа больших групп упускается тот самый «социальный контекст», который, с одной стороны, и делает социальную психологию социальной, а с другой стороны – исследует большие социальные группы (возрастные и профессиональные), оказывающие существенное влияние на общественную жизнь. Отмечено, что информативность социально-психологических состояний выделенных нами групп имеет методологическое значение в контексте статусно-ролевой концепции: так, если социально-психологические состояния детей и пожилых людей представляют собой «начало и окончание» реализации статусных притязаний, то социально-психологические состояния социальных групп молодежи, предпринимателей и служащих – активный период реализации социальных статусов. Конструктивная направленность выбора социаль-

ных групп дает проекцию некого континуума социально-психологических состояний, детерминированных статусными притязаниями на роль и место в обществе.

Разработана статусно-ролевая концепция социально-психологических состояний больших социальных групп, которая дает целостное понимание сущностно-содержательных, структурных, регулятивных процессов становления и функционирования этого социально-психологического явления. Дана интерпретация и уточнено определение социально-психологического состояния. В рамках концепции введены новые понятия: «статусная детерминанта», «пространство социально-психологического состояния»; классификация социально-психологических состояний. Концепция дает целостное представление о системообразующем и системодифференцирующем факторах социально-психологических состояний в зависимости от статусных притязаний. Предложенная автором модель статусно-ролевой концепции социально-психологических состояний свидетельствует о том, что социально-психологические состояния как бы вплетены в жизнь людей, их практическую деятельность и проявляются в повседневном общении, в отношениях людей и отношении к своей «Я-концепции» в зависимости от статусно-ролевой позиции в обществе. Они преобладают не во всем обществе, а в рамках определенного социального слоя, социальной группы как переживания, связанные с динамикой социального статуса, что отражает процесс формирования СПС как адекватного переживания своего социального статуса членами группы. В модели представлены стадии формирования СПС: самоидентификация, социальные представления и социальные сравнения, оценка отличия, осознание порожденного состояния.

Предложен алгоритм «пусковых стратегий» социально-психологических состояний, который определяет порядок активизации, этапы и стадии их становления в процессе жизнедеятельности социальных групп. Представлены механизмы и закономерности функционирования социально-психологических состояний различных социальных групп: социально-психологические, когнитивные, познавательные, креативные, индивидуально-дифференцирующие, организационно-управленческие – как формы реагирования и отражения условий, связанных со статусно-ролевыми притязаниями.

Выявлена динамика социально-психологических состояний, представляющая собой закономерные изменения, включающие движение, развитие и перспективы. Основными специфическими особенностями динамичного движения СПС являются душевные переживания как внутренняя деятельность по принятию фактов и событий жизни, установлению смыслового соответствия между статусными притязаниями и реальными положениями в обществе. Эти переживания отражаются в качественных изменениях социально-психологических состояний. В исследовании представлены психологические конструкты социально-психологических состояний, отражающие их структурные видоизменения, показана графическая конфигурация конструктов социально-психологических состояний различных социальных групп. Выделены типовые психограммы, отражающие собирательные личностные профили, свойственные различным переживаниям статусно-ролевой динамики. Развитие социально-психологических состояний как вторая динамическая характеристика в рамках «исторического» времени предопределяет длительные, так называемые фоновые социально-психологические состояния, которые существенно влияют на социально-психологические и психологические свойства личности. В рамках исторического времени СПС «задаются» различным социальным группам и обществу в целом, детерминируя тем самым индивидные психические состояния. Показаны особенности социально-психологических состояний, свойственные современному периоду развития общества. Перспектива изменения СПС как третья характеристика его динамики обеспечивает возможность коррекции и моделирования социально-психологических состояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев, Б.Г.* Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2001.

2. *Абульханова-Славская, К.А.* Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991.

3. *Агеев, В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В.С. Агеев – М.: Изд-во МГУ, 1990.

4. *Ильин, В.* Социология: структуралистско-конструктивистский подход / В. Ильин. – М., 2002.

5. *Московичи, С.* Век толп. / С. Московичи, Пер. с франц. – Париж, 1981.

6. *Сорокин, П.А.* Социальная и культурная мобильность / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.

7. *Каширина, Л.В.* Социально-психологические состояния больших социальных групп: статусно-ролевая парадигма / Л.В. Каширина. – Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2002.

8. *Каширина, Л.В.* Социально-психологические состояния как социально-психологические явления / Л.В. Каширина. – М. – Хабаровск: Изд-во МААН, ДВАГС, 2002.

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИГРАНИЧЬЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)*

Л.Е. Бляхер

БЛЯХЕР Леонид Ефимович – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Хабаровского государственного технического университета.

Приграничное социально-экономическое пространство современной России представляет собой своеобразный испытательный полигон, на котором многие, прежде всего, экономические процессы проявляют себя более явственно. Распад советского социокультурного пространства 90-х гг. XX в. определил становление нового послеимперского пространства. От возможности корреляции региональных социально-политических, экономических и культурных структур, составлявших единство Советского Союза (России), зависит действительная, а не номинальная целостность страны на современном этапе общественного развития. Для сохранения реальной целостности России необходимо изучение устойчивых факторов, детерминирующих региональное своеобразие. В статье раскрывается восприятие границы и межкультурного диалога, опосредованного ею, в рамках экономического сотрудничества через анализ трансграничного диалога в двух различных регионах страны: Санкт-Петербурге с его опытом межкультурной коммуникации и самосознанием «второй столицы» России во взаимодействии с Финляндией, и Хабаровском крае как образце «проточной культуры» на «осваиваемой территории» с незначительным «досоветским» прошлым во взаимодействии с Китаем.

Due to the geographic location of the modern Russia's borders and its socio-economic space, this country presents peculiar proving ground where economic processes become apparent. Disintegration of soviet socio-cultural space in the 90s of the 20th century determined the formation of new post imperial space. Not nominal, but real presentation of country's integrity of the social development on the modern level depends on the opportunity of correlation of regional, socio-political, cultural structures which made up the integrity of Soviet Union (Russia). For keeping the real integrity of Russia it is necessary to study the stable factors which determinate regional peculiarity. In the article the idea of border perception and intercultural dialogue is revealed through the economic cooperation due to the analysis of transborder dialogue in two different regions of the country. On the one hand, St Petersburg with its experience of intercultural communication and self-consciousness of the «second capital» of Russia and the cooperation with Finland, and on the other hand, the Khabarovsk Krai as a sample of «developing culture» on the «navigating territory» with the insignificant the «before soviet» past and relationship with China.

* Статья написана на основе исследования «Культурные особенности экономического трансграничного взаимодействия: региональные аспекты (на примере Хабаровска и Санкт-Петербурга)» – грант КТК 486-1-01 программы МИОН ИНО-центра (Л.Е. Бляхер – руководитель, Ю.А. Зеликова, Э.Л. Панеях).

Приграничное социально-экономическое пространство современной России выступает своего рода испытательным полигоном, на котором многие, прежде всего, экономические процессы, проявляют себя более явственно. Наличие границы и другой культуры «по ту сторону» выступает провоцирующим фактором, делающим необходимым экспликацию участниками взаимодействия собственных оснований поведения и принципов организации интеракции. Здесь оказывается возможной фиксация и описание механизмов, детерминирующих характер неформальных процессов на всем постсоветском пространстве.

Распад советского социокультурного пространства, произошедший в 90-е гг. XX в., открыл взгляду исследователя множество достаточно разных и несводимых структур, которые в советский период оставались латентными. Именно они сегодня реально определяют становление нового послеимперского пространства. От того, насколько различными окажутся региональные социально-политические, экономические и культурные структуры, составлявшие единство Советского Союза (России), от того, насколько возможна и возможна ли корреляция между ними, зависит сохранение действительной, а не номинальной целостности страны. Вместе с тем именно для сохранения реальной целостности России необходимо изучение устойчивых факторов, детерминирующих региональное своеобразие.[1]

Описание одного из факторов, от которых зависит реальная конфигурация регионального социокультурного пространства – восприятия границы и межкультурного диалога, опосредованного границей, в рамках экономического сотрудничества – ***цель настоящего исследования***.

Вместе с тем организация *позитивного исследования* региональных структур данного типа сталкивается со значительными сложностями. Первая из них состоит в *крайней гетерогенности пространства* России и всего постсоветского пространства, огромной протяженности границы, опосредующей взаимодействие различных регионов России и очень разных в культурном и социально-экономическом отношении стран. Вторая сложность определяется тем, что процессы, влияющие на характер приграничных взаимодейс-

[1] Politik und Kultur in der Russichen Provinz (Hauptstadte der russischen Provinz: Geschichte, Politik, Kultur in Nowgorod, Woronesch, Saratow und Jekaterinburg) / Hrsg. G. Luchterhandt, S. Ryschenkow und A. Kuzmin. – Bremen: Edition Temmen, 1999.

приграничных взаимодействий, особенно на региональном уровне, нередко *не имеют легальной презентации*, протекают на доинституциональном уровне.

Для того чтобы провести корректное и одновременно значимое исследование заявленной темы, необходима *географическая конкретизация* рамок предстоящей работы. В настоящем проекте предлагается анализ трансграничного диалога в двух различных регионах страны:

– Санкт-Петербурге, регионе со значительным историческим «шлейфом», опытом межкультурной коммуникации и самосознанием «второй столицы» России во взаимодействии с Финляндией;

– Хабаровском крае как образце «проточной культуры»[1] на «осваиваемой территории» с незначительным «досоветским» прошлым во взаимодействии с Китаем.

Не менее важным является дедуктивное «*сужение» количества сфер*, предлагаемых для анализа. Стараться учесть все акцидентные проявления культурной и социальной жизни региона, значит изначально ставить себе нереальную задачу. Наиболее уместно проследить особенности межкультурной коммуникации в сфере *экономической культуры*. Под термином «экономическая культура» мы понимаем систему культурных образцов и принципов их взаимодействия, предопределяющих собою протекание экономического акта. В данном варианте протекание экономического акта оказывается детерминированным «сотрудничеством» двух систем культурных образцов: регионального варианта русской культуры (дальневосточного или петербургского) и системой культурных образцов стран, с которыми осуществляется взаимодействие. И в первом, и во втором случаях нас интересуют, прежде всего, культурные образцы, связанные с границей и образом другого, «на той стороне».[2]

При отборе респондентов мы ориентировались в основном на мелких предпринимателей и самозанятых (46 интервью из 53). Такая установка была связана с тем, что именно эта категория экономических агентов основывает свою деятельность на культурные стереотипы, в большей степени связана с общением лицом к лицу с представителями другой культуры. Предприниматели более крупного уровня в меньшей степени детерминированы культурными стереотипами, опосредованными границей.

Исходя из предполагаемой эмпирической базы, определяется *метод анализа и интерпретации данных*. Для анализа текста использовалась методика «анализ категоризации взаимодействий» (membership categorization device), разработанная Х. Саксом.[3] Сакс, а позднее Сильверман[4] исследовали, как в текстах «производятся» описания социальной реальности, обеспечивающие взаимопонимание участников взаимодействия.

Интервью представляет собой текст, содержащий категории, посредством которых индивид описывает социальное взаимодействие как имеющее смысл. Согласно методике, предложенной Саксом и Сильверманом, в ходе анализа интервью сначала выделяются категории, которыми пользуется респондент, потом – лексемы, обозначающие виды действий и отношений, которые респондент связывает с данными категориями. И, наконец, реконструируются моральные оценки, которыми респондент наделяет данные категории и соответствующие им действия и отношения.

Анализ категоризации взаимодействия опирается на принципы социального конструктивизма, который исходит из того, что речь есть слепок социальной реальности. В связи с этим методика предполагает следование двум правилам. Во-первых, исследователь допускает, что данная категория принадлежит к некоторому общему родовому классу категорий (collection). Во-вторых, он исходит из правила «консистентности» (consistency) категорий, используемых в интервью. Суть этого правила заключается в том, что в нарративе респондент сохраняет некоторую логику изложения и объединяет категории в рамках одного смыслового блока.

Следующий шаг анализа категоризации взаимодействия заключается в выявлении лексем, обозначающих действия, связанные с категориями (category – bound activities). Лица и события, описанные в интервью и обозначенные соответствующими категориями, связываются в тексте с определенными видами действий и отношений. С помощью реконструкции этих связок можно уяснить те смыслы, которыми наделяются взаимодействия.

[1] Термин «проточная культура» образован по аналогии с биологическим термином «проточная популяция». В данном случае рассматривается сообщество с относительным балансом положительной и отрицательной миграции и слабой сформированностью «популяционного ядра». Подробнее см. Пространство российских городов: попытка осмысления. М., 1999.

[2] Эмпирическая база исследования была сформирована из 17 неформализованных биографических интервью (экономических биографий) у лиц, чья экономическая деятельность опосредована границей, выборочного анализа местной прессы, посвященной исследуемому вопросу. Материалы исследований «Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса» (грант МОНФ, 1999) и «Конкуренция за налогоплательщика: региональные варианты фискальной мифологии» (грант МОНФ, 2000) – 120 неформализованных интервью, из них 36 – респонденты, чья экономическая деятельность опосредована границей.

[3] Sacks H. On the Analyzability of stories by Children.' In R. Turner (ed.) Ethnomethodology. Harmondsworks: Penguin. 1972.

[4] Silverman D. Interpreting Qualitative Data. Methods for Analysing Talk, Text and Interaction. London: Sage Publication, 1993.

Далее при определении связанности категорий и действий выявляется их оценка с точки зрения респондента. При этом исследователь исходит из правила морального суждения. Оно заключается в том, что любое описание опыта рассматривается как содержащее (явно или неявно) его моральную оценку, а также из того, что респондент постоянно оценивает, правильно или неправильно осуществлялись данные действия со стороны лиц, обозначенных категориями.

Другим основанием для теоретического осмысления эмпирического материала стала концепция *фигурации* Н. Элиаса.[1] Фигурация здесь понимается как пространство, где действует набор взаимно ориентированных акторов, согласующих свои действия с действиями другого. В зависимости от того, какие акторы действуют в данном пространстве, можно выделить несколько уровней взаимодействия.

В ходе реализации проекта были выделены следующие пространства культурного взаимодействия со свойственным каждому пространству набором акторов.

1. *Пространство «большого взаимодействия»*. Игроками этого пространства выступают страны как целое со свойственной им концептуализацией границы. На этом игровом поле конкретные участники экономического акта не задействованы. Здесь смысл границы близок к правовому пониманию. Участниками взаимодействия выступают Финляндия, Россия, Китай или «все финны», «все китайцы», «все русские». Иногда географически они конкретизируются – «все дальневосточники», «северные китайцы» и т. д.

В структуре такого взаимодействия регулируют отношения наличные правовые нормы. Но оно не сводится к ним. Значимыми в этом контексте становятся и «социальные мифы», окружающие ту или иную страну (в нашем случае Китай и Финляндию) в глазах другой. Столь же значимыми оказываются «мифы» и устойчивые коллективные представления, связанные с самой границей. Эти мифы часто противоречивы, но все они так или иначе соотносятся с концептуализацией границы и трансграничного взаимодействия. Они более, чем наличные договоры или юридические нормы, определяли собой направление взаимодействия. Чаще всего эти представления фиксировались в публикациях СМИ, но проявлялись и в интервью, когда речь заходила о странах в целом. По отношению к **Китаю** наиболее устойчивыми были три «мифа». *Первый*, наиболее распространенный, связан со смыслом «желтой угрозы». Перенаселенный, экономически мощный Китай, соседствующий с малонаселенными территориями Российской Федерации, воспринимается как реальная угроза безопасности России. Это настроение подогревается передачами по местным и центральным телеканалам, публикациями в газетах. Наиболее устойчивые концепты, выделяемые в этих публикациях и передачах, – «*скрытая экспансия*», «*экономическое давление*», «*организованная иммиграция*», «*опасность с Востока*».[2] *Другое*, не менее яркое, представление о Китае связано с «китайским путем развития». Здесь Китай воспринимается как образец для подражания. В этом качестве образ Китая воспринимается как аналог «цивилизованных стран», но с понятными «советскими особенностями».[3] Этот мотив проявляется и в интервью. В этом варианте респонденты сообщают о невероятных темпах развития китайских городов, об уровне курортов, о неутомимости китайских работников и т. д. «*Я тут ездил на юг Китая. Там город. Ему 26 лет. Все там есть. Как полагается. Город вырос практически с нуля, с пустого места. А у нас? Сколько Хабаровску? Полтораста лет. Это что – город? Село-переросток. И все в России так: пыжимся, кряхтим. А у них: раз и сделали*». (Респондент: мужчина, 27 лет, образование высшее, посредническая торговля).

Третий образ Китая связан с традиционной китайской культурой. Здесь педалируются мотивы «чайной церемонии», национальных костюмов, фейерверков и т. д. Китай здесь – это квинтэссенция восточной мудрости, которой желательно поучиться «западной» России. Как правило, эта проблема обсуждается в достаточно эфемерном контексте «Восток–Запад». Этот образ чаще проявляется в публицистических или «научных» изысканиях разной степени публицистичности.[4] В интервью этнография сводится главным образом к китайской кухне и китайской неутомимости в труде. «*Правда, пашут они как проклятые. Видел в городе. Китаяночка тоненькая идет и тащит на себе баул в два раза больше себя. Там все такие, пашут, пашут и пашут*». (Респондент: мужчина, 39 лет, образование высшее, торговля).

Все эти «образы страны» достаточно тесно взаимосвязаны. Культурными традициями Китая («порядок» как главный концепт китайской культуры) объясняется экономический взлет, который становится реальной угрозой целостности России, ее экономическому положению в системе АТР. На уровне межгосударственного взаимодействия это

[1] Elias N. What is sociology? Transl. by Stephen Mennell and Grace Morrissey. London: Hutchinson & C. C. 128–133. 1978.

[2] Балуев Д. Конфликт, которого никто не ждет // P& C. Т. 3. № 1. 1998.

[3] Мировая экономика и международные отношения. № 12. 1996.

[4] См. Материалы всероссийской конференции «Китайская философия и современная цивилизация». Вып.1. М., 1996.

приводит к стремлению решить все проблемы переговорным путем. Завершить размежевание границы, урегулировать таможенное законодательство, режим пребывания на сопредельной территории и т.д. Однако на уровне субъектов Федерации эта политика вызывает серьезное недовольство. По мнению представителей региональной власти, проникновение на территорию РФ китайских граждан и вытеснение ими российских производителей и заполнение российского рынка труда поддерживается на государственном уровне. В то же время российская торговля с Китаем ведется российскими экономическими агентами на свой страх и риск, никак не поддерживаясь государством. Причем государство не только не оказывает своим гражданам никакой помощи в их деловой активности, но и «ставит палки в колеса». Бюрократические препоны, несовершенное законнодательство и мздоимство государственных служащих ставят россиян в невыгодное положение по отношению к китайских контрагентам. Китайские же предприниматели, по мнению наших респондентов, пользуются значительной, практически безоговорочной поддержкой со стороны китайских властей. «*У них как Новый год, их, китайский, все уезжают в Китай. И тамошние китайцы едут, и наши – все, кто связан с лесом. У нас уже знают: после этого надо ждать падения цен. Это их китайская государственная политика. У них же все так или иначе связаны с государством. Оно их поддерживает. Думаете, кто их финансирует? Китайский народный банк. Наши только ушами хлопать успевают*». (Респондент: мужчина, 32 года, образование высшее, торговля лесом).

Характер приграничного размежевания просто называется государственным преступлением. В интервью указывались даже размеры взяток, которые получали государственные служащие за проведение демаркации «на китайских условиях» (1000 USD за 1 метр). Нестабильность, «не окончательность» границы является важным мотивом значительного количества интервью. Этот момент отмечался как «опасный фактор» в отношениях с соседом. Относительная свобода перемещений в приграничной полосе воспринималась как прямая угроза целостности России. «*Ты в Казакевичах (приграничная застава – прим. интервьюера) был? Вот. Видел, как там китайские джонки ходят? Как хотят, так и ходят. Китайцы наглеют с каждым днем. Настоящего приграничного контроля нет. Границы настоящей нет. Как раньше было? Граница на замке. А сейчас… Полный бардак*». (Респондент: мужчина, 47 лет, работник таможни). В Хабаровском крае камнем преткновения стал о. Большой Уссурийский. Согласно межправительственному договору остров может отойти к Китаю, но именно на нем находятся дачи жителей города Хабаровска. Вместе с тем идея «добрососедства и сотрудничества» накладывает жесткие ограничения на воинственные заявления региональных лидеров. Возникает двойственность осмысления соседа и культурных практик по отношению к нему. С одной стороны идет обмен дружественными делегациями (от государственных делегаций до «народной дипломатии»). С другой – постоянные гонения на китайцев, проживающих (находящихся) на территории России.

Отношение Китая к России тоже достаточно сложное. Хотя корректности ради необходимо отметить, что в ходе проекта оно эксплицировалось гораздо слабее, нежели отношение России к Китаю. Здесь оказывался значимым не только языковой барьер, перевод не передавал всех нюансов речи респондента, но и нежелание гражданина КНР разговаривать с русским. Россия оказывалась важным источником благ, рынком сбыта китайских товаров, поставщиком необходимых ресурсов для китайской промышленности. Значимым для КНР оказывался интеллектуальный рынок России (образование, специалисты). С другой стороны, русские – захватчики, стремившиеся не раз захватить исконные китайские территории. Не случайно русское и японское кладбища в Порт-Артуре находятся рядом, за одной оградой.

Отношения с **Финляндией** на государственном уровне (судя по публикациям в СМИ) носят гораздо менее сложный характер. Сами публикации чаще касаются второго пространства взаимодействия (бытового, поведенческого), нежели политического. Отношения с Финляндией имеют отрегулированный и взаимовыгодный характер. Финляндия воспринимается как северное «окно в Европу», «почти заграница». В этом качестве она выступает поставщиком технологий, особенно в лесной отрасли, источником конвертируемого образования, пространством вхождения в мировую экономику. Тем не менее в качестве *почти* Европы она рассматривается как не совсем полноценная возможность доступа к «европейским ценностям». Как и в Китае, граница с Финляндией оказывается «не на замке». Однако «запереть» ее пытается противоположная сторона, «русские» же выступают как «потенциальные нарушители» закона. «*Стандартный товар, который везут наши соотечественники в Финляндию – блоки сигарет «LM». Их можно продать на рынках и около отелей за 75–100 FM. Напоминаю, что данное действие может повлечь со стороны финской полиции наказание и, как следствие, лишение визы в дальнейшем минимум на 2 года*». (Дайджест публикаций в прессе о Финляндии). Все же в случае среднего и крупного бизнеса желание «проникнуть в Европу» через финское «окно»

не выглядит таким уж явным. По мнению крупных экономических акторов, предпочтительнее вести дела с «настоящей Европой», нежели с Финляндией. В последние годы образ Финляндии приближался к образу стран Балтии – бывших республик СССР. Россия и прежде всего Санкт-Петербург рассматриваются как носители более высоких культурных традиций, чем Финляндия. Если в отношениях Китая и России Китай воспринимается как некая угроза, то в случае взаимодействия Финляндии и России именно Россия выступает как «опасный сосед». До вступления Финляндии в НАТО и ЕС угроза России ощущалась на всех уровнях: и на политическом, и на бытовом. Можно привести один показательный пример из интервью:

«*Только когда Финляндия вступила в НАТО, мы вздохнули свободно. Нельзя сказать, что мы боялись войны, но ни один политик, ни одна партия, ни один бизнесмен не мог не учитывать интересы России в своих действиях. Сейчас уже никого не интересует, что думает Россия по тому или иному поводу*». (Респондент: финн, 39 лет, мелкооптовая торговля).

Здесь видно, что страх перед Россией долгие годы присутствовал как фон для граждан Финляндии. И если финские политики избавились от этого страха и перестали ориентироваться на интересы России, то на бытовом уровне страх, который формировался и поддерживался многие годы, не может исчезнуть бесследно за столь короткий срок.

Кроме опасности на политическом уровне, Россия воспринимается в Финляндии как источник криминальной угрозы. С одной стороны, Финляндии крайне выгодны всевозможные туристские и деловые контакты с Россией, но, с другой стороны, именно русскими совершается значительная часть преступлений в Финляндии. Эта двойственность однозначно присутствует в интервью:

«*Несколько лет назад в Хельсинки убили двух полицейских. Это было как национальная трагедия. Люди приносили свечи к месту, где их убили. Все газеты только об этом писали, по телевизору только об этом говорили. И все время возникала идея, что, наверное, это русские. Я очень боялся, что это действительно окажутся русские. Потому что тогда начнется просто националистическая истерия. А это очень плохо. Слава богу, убийца был из Дании*». (Респондент: финн, 41 год, владелец магазина).

Показателен страх респондента, что из-за одного инцидента испортятся отношения с русскими, и это затруднит контакты с Россией. В то же время данная цитата наглядно демонстрирует, что уровень правонарушений со стороны граждан России настолько велик, что этот образ экстраполируется на всех жителей России. Тот факт, что реальным убийцей оказался гражданин Дании, не заставляет финнов думать, что такое поведение свойственно всем жителям этой страны. Они восприняли это как единичный, исключительный случай.

Таким образом, несмотря на ровные и беспроблемные отношения между современной Россией и Финляндией на официальном межгосударственном уровне, на уровне повседневности существуют стереотипы, связанные с прошлой политикой СССР по отношению к Финляндии и с криминогенностью современного российского общества.

2. *Второе пространство «близкого взаимодействия»*. Здесь «образ другого» связан не с нюансами межгосударственных отношений или официальной концептуализацией границы. Участники взаимодействия здесь не «финны вообще» или «китайцы вообще», а конкретные представители этих стран. Однако при этом на каждого из них распространяются все предрассудки, связанные с пониманием «вообще». Это задает контекст осознания жителя сопредельного государства, его моральных и деловых качеств, условий организации с ним экономической интеракции. В этом плане восприятие финна оказывается ничуть не менее сложным и противоречивым, чем китайца. Кроме того, от финна, в свою очередь, ожидается и двойственное понимание русских. Прежде всего, нетривиальным выступает явное преобладание негативных концептов в плане постижения другого. Позитивных концептов предельно мало. Для финнов в качестве положительных сторон назывались добросовестность, старательность в работе, простодушие. Негативных проявлений оказывалось гораздо больше. Жители Финляндии, по мнению респондентов, в подавляющем большинстве люди низкой культуры («*финские лесорубы*» в интервью). Они злоупотребляют спиртными напитками. Большие охотники до платной любви. При этом отличаются недоверчивостью, упрямством. Легко заимствуют у русских партнеров «теневые» экономические практики и после этого воспринимают попытку вести дела «по белому» как стремление их обмануть; одновременно они пренебрежительно относятся к русским партнерам как к не европейцам, не одобряют русский деловой стиль и не доверяют русским контрагентам. «*Им удалось уговорить финнов, я до сих пор не понимаю как, но они часть денег переводили через банк, а часть привозили налом в Финляндию. Потому, что в России мы продавали это оборудование за нал, совсем по другой цене, и переводить деньги через банк было не выгодно. Мы эти деньги возили в Финляндию на машине. Этим в основном я и занимался. Финны сначала не понимали, как это можно перевезти столько денег на машине просто так. А потом им самим понравилось*». (Респондент: мужчина, 41 год, директор посреднической фирмы, торгующей западным оборудованием). Трансграничное сотруд-

ем). Трансграничное сотрудничество с Финляндией преимущественно исчерпывалось следующими видами деятельности: шоп-туры русских в Финляндию, развлекательные туры («пьяные») финнов в Санкт-Петербург, научно-образовательные туры, направленные и в ту, и в другую сторону, крупные деловые контакты, связанные с лесной и целлюлозно-бумажной отраслью, отчасти с продукцией сельского хозяйства и бытовой техникой. В процессе этого взаимодействия обостряется обоюдная неприязнь, особенно ярко проявляющаяся на бытовом уровне. На уровне научно-образовательного контакта взаимное отторжение минимально, но только по отношению к своим коллегам. Применительно к «финнам вообще» («русским вообще») оно вполне ощутимо. В плане ведения крупного и среднего бизнеса это проявляется в максиме «*Мы – более европейцы, чем финны, и нам незачем с ними общаться*». Предприниматели достаточно четко выделяют этап интенсификации российско-финского экономического сотрудничества (1991–1997) и этап ослабления двухстороннего интереса (с 1998 г. по настоящее время), который (кроме «лесных» отраслей и поставок оборудования) определялся тем, что ведение бизнеса в Финляндии сопряжено с более высокими рисками, чем в «настоящей Европе», но существенно менее выгодно, чем в Турции или Южной Европе. Более высокие риски были, по мнению интервьюеров, связаны с тем, что финские предприниматели достаточно легко перенимают российские неформальные практики, но не способ ведения бизнеса в целом. Если в «настоящей Европе» сложилась практика, позволяющая преобразовывать формализованные трансакции в неформальные, то в отношении с Финляндией эта практика срабатывает не всегда. Однако, несмотря на эти соображения, респонденты продолжают вести бизнес с финнами. *«Главное, это было выгодно всем. У нас оставались чистые деньги, нигде не зафиксированные, налоги платить не надо, чистая прибыль. Как финны этими деньгами распоряжались, я не знаю, но они мне всегда были рады*». (Респондент: мужчина, 41 год, директор посреднической фирмы, торгующей западным оборудованием).

Если на уровне крупного и среднего бизнеса значимыми оказываются экономико-трансакционные параметры, то на уровне мелких предпринимателей и самозанятых именно культурные характеристики выходят на первый план. Это понятно, поскольку здесь взаимодействие происходит лицом к лицу, минуя какие-либо посредующие звенья, и толерантность взаимного восприятия сходит на нет. Но это не ведет к прекращению совместного бизнеса.

Мелкие предприниматели из России так же, как участники шоп-туров, являются источником благосостояния для жителей приграничных районов Финляндии. Экономическая выгода настолько ощутима, что кроме надписей на русском языке во всех магазинах и кафе, расположенных в непосредственной близости к границе, финны учат русский и достигают в этом заметных успехов. Этот факт сам по себе, с одной стороны, говорит о том, что финны стараются упростить коммуникацию с гражданами России, а с другой стороны, показывает, что финны воспринимают русских, как людей, которые не знают европейских языков и еще не скоро, с их точки зрения, средний россиянин заговорит по-английски или по-немецки.

Нечто подобное происходит и в ходе российско-китайского «близкого взаимодействия». Китайцы, по мнению русских, и русские, по мнению китайцев, нечистоплотны («*грязные*»), некультурны. «*Грязь там. Мама дорогая. Китайцы вообще в грязи живут. Курят везде, плюют в комнате. Антисанитария полная. К этому привыкнуть надо*». (Респондент: мужчина, 39 лет, образование высшее, оптовая торговля).

И те, и другие обвиняют «соседей» в стремлении схитрить, не соблюсти условия договора. «*Русские люди очень хитрые. Они всегда стараются платить меньше. Очень любят подарки. Мы – китайцы – всегда честные, но, когда работаешь в России, нужно быть осторожным*». (Респондент: женщина, гражданка КНР, продавец на рынке (перевод наш. – Л.Б.)). Впрочем здесь отмечается определенное расхождение: китайцы блюдут письменные соглашения, но все, что в них не оговорено, не осознается ими как договоренность. Если русские партнеры видят в этом обман, то китайцы, напротив, воспринимают это как соблюдение условий совместной деятельности. Требования российских экономических акторов рассматриваются ими как нарушение, попытка получить сверх того, что было первоначально запланировано. В свою очередь, для российских акторов имеется принципиальная разница между договором «по бумаге» и «на самом деле». Договор «по бумаге» легко нарушается, однако строго соблюдается договор «на самом деле», что для китайских предпринимателей равнозначно обману. При этом у китайцев так же существуют достаточно сложные неформальные отношения, но структурированы они иначе, нежели у русских, что и создает взаимное непонимание. Практически все средние и крупные китайские фирмы взаимодействуют с государством и активно им поддерживаются. Неформальные отношения здесь связаны с борьбой за большую или меньшую помощь государственной структурой их бизнеса. Однако при этом государство же уменьшает пространство маневра для бизнеса, определяя цены и деловые приоритеты. Впрочем, как показывают интервью с русскими партнерами, государственные структуры

почти всегда идут навстречу интересам бизнеса. В отличие от такого подхода в России государственные и иные структуры, призванные обеспечивать международную трансакцию, стремятся «*снять с бизнеса свою долю*».

Еще большее неприятие вызывают бытовые расхождения. Иной режим питания у китайцев воспринимается русскими как «*обжорство*», иной этикет – как неумение себя вести. В ходе интервью постоянно возникала оппозиция «китайцы, с которыми мы ведем дело» и «настоящие китайцы», носители древнейшей культуры, люди, которые умеют работать. При этом негативные интенции были направлены на китайцев в России и в минимальной степени – на китайцев в Китае.

Однако и в варианте российско-финского и в варианте российско-китайского сотрудничества достаточно явно различаются смыслы взаимного неприятия. В то же время в сферах, где во взаимодействии действительно заинтересованы обе стороны, обоюдная неприязнь легко преодолевается. Это и происходит в третьем пространстве.

3. *Пространство «посредник»*. Длительность отношений привела к тому, что в сопредельных государствах формируются особые социальные сферы, специально предназначенные для граждан другого государства. Особенно явно они просматриваются в ходе приграничного взаимодействия России и Китая. На приграничных территориях (в городах Хейхэ, Муданьдзян, Харбин и др.) формируется инфраструктура, ориентированная на шоптуры из России и русских «челноков». Возникают фирмы, предназначенные для организации коммерческого туризма, безболезненного пересечения границы и преодоления таможенных барьеров. «*Второе, там была нужна промежуточная структура в виде таможенного брокера, которому надо заплатить с тем, чтобы он нашу продукцию, скажем так, под контракт правильно затаможил вовремя*». (Респондент: мужчина, 41 год, образование высшее, международная торговля). Эти фирмы берут на себя оформление виз, грузов, легализацию пребывания, определяют оптимальные маршруты группы, и если на первых порах они были слабо связаны с государственными структурами (более или менее криминальные «крыши»), то во второй половине 1990-х гг. организация коммерческого туризма и в Китае, и в России ставится под опеку государственных органов, хотя и не связанных с данным родом деятельности напрямую. В функцию этих структур и на российско-китайской, и на российско-финской границе входит не только обеспечение самого тура, но и приспособление «российских правил» к «мировым», правилам той страны, с которой совершается трансакция. Не менее важным было создание «своего пространства» в сопредельной стране. Здесь большая заинтересованность Китая в приграничной торговле выступает совершенно отчетливо.

В Китае открываются гостиницы с характерными названиями «Москва», «Ленинград», «Россия» и т. п. В этих гостиницах организуется отдых «челноков» с учетом специфики их работы, горячее питание по минимальным ценам. Эти гостиницы бывают тесно связаны с магазинами, работающими на русский рынок. Товары в эти магазины, как правило, кустарного производства, но с «западными» фирменными знаками, производит местное население. При этом работа на русских туристов является для них одним из основных источников дохода. Создана сеть ресторанов, особенно значительная в провинции Хейлундзян, где кухня, обслуживание, интерьер ориентированы на русских клиентов. Здесь фиксируются, причем очень тонко, идеальные представления о Китае, как о стране загадок, восточной сказке. Сама рецептура блюд приближена к европейской вкусовой гамме, но предполагает максимум экзотических ингредиентов. «*А какие там рестораны? Ты бы видел. Все чисто. Стены затянуты батиком с иероглифами, фонтанчики везде, официантки все «Наташи». Только сигарету возьмешь, уже спичку подносят. Ну и кухня. Блюдо такое, что вчетвером не съесть*». (Респондент: мужчина, 27 лет, образование высшее, посредническая торговля). Возникают особые виды деятельности, свойственные только приграничью. В интервью упоминаются два подобных вида деятельности: «*помогай*» и «*кэмэл*». «Помогаями» называют китайцев, выполняющих при русских «челноках» роль проводников, носильщиков, охранников и т.д. Как правило, у каждого «челнока» есть свой «помогай». С самим «помогаем» достаточно часто связана целая инфраструктура: мелкие производители ширпотреба, содержатели гостиниц, ресторанов. Каждый из них платит ему за поставленного клиента. Тем самым в сферу экономического взаимодействия втягивается значительная часть населения сопредельных территорий. Нечто близкое происходит и в России. Особенно характерно это для депрессивных районов, где китайская торговля – единственная возможность заработать. Например, Амурская и Еврейская автономная области. «Кэмэл» – профессия, возникшая во второй половине 1990-х гг. В этот период в среде «челноков» наблюдается существенная дифференциация. Это обстоятельство отмечают многие участники «челночного» движения. Прежнее единство распадается. Часть бывших «челноков» становятся хозяевами сети розничных торговых точек, магазинов, переориентируются на иные виды деятельности. Часть же оказывается не в состоянии собрать сумму, необходимую для поездки. Из этой среды и рекрутируются «кэмэлы». Это «челноки», работающие «на хозяина». Представители среднего бизнеса не ори-

ентируются на приграничную торговлю как таковую. Их интересуют оптовые партии фабричных товаров. «Мы грузим вагонами. Нам мешками не обойтись». Они вынуждены находить общий язык с таможней[1], выстраивать отношения с китайскими и российскими властями. Мелкие предприниматели, хозяева 3–4 торговых точек, довольствуются «мешками» (мелкооптовыми поставками), но хотят избавить себя от рисков, связанных с «челночными рейсами». Они и являются хозяевами «кэмэлов». Последние могут быть как китайцами, так и русскими. При этом китайцам отдается предпочтение. В целом, досуговая и деловая инфраструктура приграничных территорий КНР во многом определяется их связями с приграничными территориями России. Аналогичная структура на территории России тоже существует, но развита несколько слабее. Это связано с достаточно сильными антикитайскими настроениями региональных властей. Эти настроения в равной степени направлены и на китайцев в России, и на русских в Китае. «Прозрачность» границы между Россией и Китаем является криминальной, по их мнению, в самой своей сути. «*Знаете, какое расхождение между «легальными» китайцами и «нелегалами»? Порядки. Если официально, через туризм, через обучение, через приглашения хабаровских фирм их человек триста в городе, то реально их десятки тысяч. У нас уже нормой стало, что из каждой туристической группы человека три исчезает*». (Респондент: 39 лет, мужчина, офицер ФСБ).

Реакцией на эту «ненормальную» ситуацию являются периодические рейды силовых структур по «китайским общагам» и рынкам; ужесточение таможенного контроля. Все эти меры вызывают мгновенную ответную реакцию «пространства-посредника». Возникают структуры, позволяющие преодолевать усложненные административные барьеры. Даже бытовая неприязнь к «китайцам здесь» нивелируется экономической заинтересованностью. Необходимость контактов с соседями диктует свои законы. В Амурской и Иркутской областях, Хабаровском и Приморском краях наряду с «китайскими ресторанами» для русских (адаптированный сервис и кухня) возникают китайские рестораны для китайцев. Значительное количество общежитий техникумов и вузов улучшают свое материальное положение, переоборудуя отдельные этажи под гостиницы для китайских торговцев, предоставляя складские помещения. Функцию «проводников» и «посредников» в России для граждан КНР выполняют, как правило, этнические китайцы, граждане России. «Туристы» из России – это в массе своей торговцы или высококвалифицированные специалисты, приезжающие по приглашению крупных китайских фирм. Китайские «гости», кроме крупных бизнесменов, представителей официальных госструктур Китая и «челноков», представлены еще одной группой: временных рабочих (гастарбайтеров). В трех интервью предприниматели – граждане России отмечали, что при прочих равных условиях предпочтут нанять китайца. По их мнению, китайцы лучше работают (речь шла о строительстве и ремонте квартир), не пьют, не предъявляют претензий к условиям труда. Представляется важным отметить, что, практически отсутствуют смешанные бригады (русские и китайские). Создается особое **пространство взаимодействия**, которое не является ни русским, ни китайским, но позволяет жителям приграничных территорий эффективно сотрудничать, осуществлять совместную экономическую деятельность.

Поскольку отношения России и Финляндии носят более институционально оформленный характер, такая общая или, точнее, «нейтральная» территория выражена здесь намного слабее. В наличии приграничной торговли были заинтересованы гораздо менее широкие круги населения. Во всяком случае, в Санкт-Петербурге о «челночной» торговле с Финляндией говорили как о «пройденном этапе». Однако и здесь, в период наиболее интенсивных поездок русских «челноков», сложилась некоторая инфраструктура, позволяющая осуществлять «коммуникацию без понимания» (Ж.-П. Сартр). В Санкт-Петербурге возникает круг небольших туристических фирм, организующих регулярные поездки в сопредельную страну. В Финляндии, в целом, стране достаточно «дорогой», возник круг магазинов, куда свозили вещи с дешевых распродаж. В этих магазинах и «отоваривались» русские шоп-туристы. Возникли «русские» гостиницы, не имеющие, правда, «национального колорита». Этнические русские, проживающие на территории Финляндии, организовывали кафе и пельменные «для русских». Однако если во взаимодействии России и Китая мелкооптовая торговля дешевым китайским ширпотребом имеет важнейшее значение, то взаимодействие России и Финляндии существенно многообразнее. Здесь и прямая эмиграция, переезд на временное жительство в Финляндию для работы по контракту, образовательный туризм, экономическое сотрудничество на уровне средних и крупных фирм. «Челночная» торговля играет далеко не первую роль. Даже в Санкт-Петербурге, по мнению респондентов, более выгодной оказывается поездка в Югославию (до войны) и Турцию. На территории Финляндии не создается специфической «Финляндии для русских». Напротив, русские «челноки», а за ними и «все русские» воспринимаются как потенциальные преступники, путь которых в страну должен быть ограничен. Если в про-

[1] Радаев В.В. Издержки легализации // Эксперт. 2001. 29 октября (№ 40). С. 50.

цессе взаимодействия с Китаем основным препятствием для мелкого бизнеса выступает российская таможня, то в Финляндии ситуация является обратной. Взаимодействие осложняет таможня финская. Существенно более развитой, хотя и уступающей китайской, оказалась инфраструктура «для финнов» в России. Еще с советских времен возник «алкогольный туризм» в Санкт-Петербурге и структура, его обслуживающая (рестораны, гостиницы, проституция и т. д.). Она сохраняется до сих пор, но значение ее неуклонно снижается. Приграничная торговля все более вытесняется в маргинальные сферы, уступая место институционально оформленным торговым отношениям. В области таких отношений культура-посредник является не менее необходимой. Она сохраняет свою основную функцию – обеспечивать взаимодействие двух экономических систем с различными типами организации трансакции. Если на уровне мелкого бизнеса сравнительно более жесткие условия возникают на российско-финской границе, то для среднего и крупного бизнеса проблемной областью оказывается Дальний Восток России. Огромное количество согласований и с российской, и с китайской сторонами, высокие таможенные пошлины на ввоз в Китай изделий, упрощенные схемы ввоза сырья создают определенные проблемы для ведения бизнеса. При этом российская сторона отнюдь не заинтересована в поддержке «своего» бизнеса. Официальная позиция таможенного комитета связана с необходимостью увеличить поступления с российского Дальнего Востока. Здесь российские партнеры выступают в роли заинтересованной стороны. Это дает возможность крупным китайским экспортерам внедряться на российский рынок, вытесняя местных посредников. Создаются общие неформальные правила игры (в рамках культуры-посредника), в которые встроены внутренние законодательства России и Китая, таможенные правила той и другой страны, неформальные практики. Пространство этой культуры-посредника тем шире, чем больше расхождение между неформальными правилами взаимодействующих культур, чем более негативен «образ другого» в точке соприкосновения. В рамках культуры-посредника гасится различие в экономических системах. Это происходит за счет последовательного движения продукции по цепочке фирм, каждая из которых приближается к условиям будущей страны-реципиента. В создании и функционировании этой цепочки заинтересованы обе стороны. «*Понимаете, как оно происходит. Некая фирма, подставная, конечно, получает квоту на вырубку леса. Потом этот лес «закрывается» как неотработанный. Ну… понятно, подарки лесникам, туда-сюда. Дальше его грузит и транспортирует другая фирма. Накладные, конечно, поддельные, но все чисто. Она уже «купила» лес. На склад приходит чистый товар. Здесь его покупает совместное предприятие. Чаще всего его и организуют местные китайцы. Она готовит лес к таможне. Лес проходит русскую таможню. Через китайцев организуется его приемка по другим уже документам. Потом последняя как бы продажа уже действительному потребителю. Так идет более трети леса*». (Респондент: мужчина, офицер ФСБ).

Процесс экономического взаимодействия на российско-финской границе, по мнению респондентов, менее отработан. Финны достаточно легко принимают частные виды «неформальных практик» российского бизнеса, но не правила игры в целом. «***И**: Так почему же они не согласились? **Р**: Ну, у меня нет ответа на этот вопрос... Видимо, то ли финский характер, то ли, скажем, желание...*». (Респондент: мужчина, образование высшее, международная торговля). Однако то обстоятельство, что бизнес все-таки продолжается, свидетельствует о том, что «посредник», медиатор все-таки сложился. Он не столь явный как в китайском варианте, но тем не менее позволяет «перетекать» одним экономическим правилам в другие, поддерживая движение товара. При этом негативный «образ другого», несостыковки законодательства сглаживаются.

Таким образом, на приграничных территориях, рассмотренных в ходе реализации проекта для преодоления «образа врага» и административных барьеров с той и другой стороны возникает особая **культура-посредник**. В ее рамках и осуществляется интеракция, которая оказывается невозможной или затруднительной на всех иных уровнях. Эта культура-посредник обладает развитой инфраструктурой, которая тем значительнее, чем больше приграничное население заинтересовано в торговле такого рода и чем существеннее взаимный антагонизм и несовпадение правил экономической игры. В инфраструктуру культуры-посредника входят: *экономические агенты* взаимодействующих стран, *физические лица*, осуществляющие контакт, *«бытовые помощники»*, позволяющие нивелировать культурный антагонизм, *досугово-бытовая инфраструктура* с ними связанная, *специфические экономические посредники*, осуществляющие перевод «экономических правил» с одного «языка» на другой и их инфраструктура. В качестве экономических агентов выступают мелкие и средние фирмы оптовой торговли, хозяева магазинов товаров народного потребления. После 1998 г. представители этих фирм редко сами осуществляют приграничное взаимодействие. Для этого существуют физические лица. Они принимают на себя риски и тяготы шоптуров, получая за это оплату от «хозяев». В ряде случаев «хозяева» и физические лица совпадают. «Бытовые помощники», как правило, выступают в

двух вариантах. В первом варианте это тоже физическое лицо, обладающее личными, неформальными связями с магазинами для шоп-туристов, или семьями, изготовляющими товар для них, владельцами гостиниц и ресторанов «для русских» («для китайцев», «для финнов»). Сами эти магазины и гостиницы тоже обладают определенными особенностями. Чаще всего магазины, в которых «*отовариваются*» участники шоп-туров, представляют собой точки, куда свозят товары, вышедшие из моды, имеющие небольшой дефект и т.д. В Китае это могут быть частные (незарегистрированные) мастерские, где производят товар предельно низкого качества, мелкие фабрики с 8–9 работниками и т.д. Более крупные партнеры предпочитают не связываться с индивидуальными посредниками и шоптурами. Гостиницы, ориентированные на участников приграничной торговли, тоже обладают спецификой. Как правило, высокий уровень сервиса не входит в перечень необходимых услуг. Это дешевые гостиницы, но с «*серьезной охраной*» и наличием складских помещений при них. При гостинице чаще всего имеется и ресторан с «русским» набором блюд, бар с недорогим алкоголем. Однако если в Китае индивидуальные «бытовые помощники» продолжают играть важную роль, то в Финляндии эту нишу заполняют тур-фирмы. Они обеспечивают транзит «от места до места», включая размещение, «экскурсии» по магазинам, досуговую программу. При этом проблемы таможни решаются «туристами» самостоятельно. Представители более крупных экономических структур практически не пользуются бытовой стороной культуры-посредника. Здесь возникает ориентация на «международные стандарты»: дорогие гостиницы, рестораны, конференц-залы и т. д. Даже сам процесс пересечения границы достаточно жестко дифференцирован. Так, от Петербурга до Финляндии можно добраться на автобусе, почувствовав на себе все прелести финской таможни, или тот же путь проделать на такси и «зеленому коридору». При пересечении русско-китайской границы ту же функцию выполняет класс вагона (плацкартный, купе или люкс). Вместо «помогаев» появляются штатные переводчики, носильщики, экскурсоводы.

Если роль специфических «бытовых помощников» несколько снижается, то роль экономических посредников по мере ужесточения таможенного контроля неуклонно возрастает. Большая часть таможенных операций готовится таможенными брокерами, согласующими законодательства двух стран. При прохождении товара происходит несколько стадий согласования, приспособления одних «правил игры» к другим. Здесь можно отметить следующее отличие. Если правила экономической игры в России и Китае сходным образом неформальны, то в Финляндии преобладают легальные правила. Однако это не приводит к установлению формальных принципов взаимодействия России и Финляндии на уровне мелкого и среднего бизнеса. Напротив, финские предприниматели достаточно легко перенимают «русские правила». Однако принятие конкретных правил, оплата наличными, работа с большим количеством посредников, механизмы снижения таможенных выплат и т. д., не приводит к их совмещению с «русскими правилами» в целом. Респонденты отмечают предельно низкий уровень доверия к российским партнерам, даже если те пытаются играть по формальным правилам. Неэффективность же этих правил для бизнеса и недоверие партнера толкают российских экономических агентов к их нарушению.[1] Здесь и вступают в действие экономические посредники, позволяющие осуществлять экономический акт в условиях взаимного недоверия. С другой стороны, наличие даже не совпадающих неформальных правил в варианте русско-китайского взаимодействия дает возможность легко эти правила совместить. В этом случае значение экономических посредников при трансграничном экономическом взаимодействии возрастает. Создаются «сквозные схемы» сопровождения товара от российского (китайского) производителя до потребителя, включая российскую и китайскую таможню.

Культура-посредник нивелирует или снижает риски от столкновения с неизвестными и непонятными культурно-экономическими стереотипами и правовыми нормами другого государства. Эта культура не есть ни русская, ни финская, ни китайская, но именно ее наличие создает возможность для продуктивного сотрудничества, для диалога культур в экономической сфере. При всех различиях в направлении и соотношении культур на российско-китайском и российско-финском приграничье можно выделить общие компоненты, которые и являются основанием этого диалога. Уникальные неформальные практики российского бизнеса, определяемые структурой налогового и таможенного законодательства, необходимостью обеспечить безопасность экономического акта, научились «включать себя» в мировую экономику. Создается впечатление, что именно механизм этого включения, переход от «национальных» к «интернациональным» экономическим практикам более чем что-то другое поддерживает экономическую целостность России. Однако для проверки этой гипотезы необходима организация более масштабного исследования трансграничного взаимодействия в области экономической культуры.

[1] Радаев В.В. Там же.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В.А. Томилов

ТОМИЛОВ Владимир Анатольевич – кандидат философских наук, заведующий кафедрой социологии, экономики и философии Уссурийского государственного педагогического института.

В статье обращается внимание на то, что в процессе своей жизни люди участвуют в деятельности социальных институтов как относительно устойчивых типах и формах социальной практики. Способности человека являются биологически заданными, что делает его представителем какой-либо группы. Отношения между этими группами и определяют темп совместной деятельности людей, а также режим функционирования социальных институтов к качестве либо достаточного, либо оптимального для воспроизводства жизни общества. Анализируются некоторые условия оптимизации деятельности социальных институтов в современном обществе.

In the article, attention is paid to the fact that during their life people participate in the activity of social institutes as concerning steady types and forms of social practice. The abilities of a man are biologically given, which makes him (a man) the representative of the certain group. The relations between these groups also determine the rate of people's joint activity, the mode of functioning of social institutes either as sufficient or optimum for reproduction of society' life. Some conditions of optimization of social institutes' activity in a modern society are analyzed.

Современное состояние российского общества отечественные ученые определяют словами «кризисный социум», имея в виду тот патологический социокультурный кризис, который проявляется в кризисе отчужденного бытия и ценностей [1]. Альтернатива сложившейся ситуации – либо маргинализация общества, либо его развитие. Потребность в осмыслении направлений развития нашей страны, происходящих сдвигов в структуре социально-экономических отношений содействовала формированию такого научного направления, как теория социально-экономических трансформаций общества. В рамках общей теории переходных процессов и социально-экономических трансформаций выделилось несколько направлений, одним из которых является транзитология – теория межсистемных общественных трансформаций. Она оформилась как антипод марксизму и стала изучать «обратное» развитие – от социализма к капитализму, от плановой системы – к рыночной [2].

Транзитология вошла в число новых модернизационных теорий, которые считают излишне сложной задачу классической модернизации – переход к современному обществу (modern society). Она «требует достижения только двух параметров модернизации: демократизации и маркетизации» [3, с. 8].

Практика «обратного» развития России, обобщение ее результатов позволяет отечественным философам, политологам и социологам сделать вывод о том, что российский «транзит» себя исчерпал [4]. Новая концепция множества модернизмов и национальных модернизаций исходит из признания того, что закономерны различия в модернизации разных стран: она отрицает единый образец [3, с. 21], признавая тем самым, что у каждой страны есть свой путь социально-экономической трансформации в современном мире [5].

Демократизация по упрощенной схеме, которая ограничивается тем, что появляются демократические идеи, лидеры и движения, осуществляется либерализация, заключается пакт (соглашение) между противоборствующими силами, возникает консолидированная демократия, хотя и демонстрирует признаки демократической институционализации, тем не менее приводит к созданию специфических квазидемократий. Понимание институциональных преобразований в экономике только как «передел собственности» обусловило развитие таких изменений в системе социально-экономических отношений, которые приняли форму процесса «институционализации теневой экономики». Происходит «закрепление теневого экономического поведения (например «обналичивание» денег, теневой вывоз капитала) в те или иные организационно устойчивые формы, признаваемые всеми участниками данной деятельности и транслируемые следующим поколениям занятых ею субъектов» [3, с. 10; 6; 7].

Что является теми условиями, при которых социальные институты – организационно устойчивые формы, признаваемые участниками деятельности – определяют движение России по пути развития, а не маргинализации? Ответ на поставленный вопрос предполагает рассмотрение механизма связи социальных институтов с процессом устойчивого развития общества.

На Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро (июнь, 1992), было заявлено, что человечество переживает решающий момент в истории: или будет спасен весь мир, или погибнет вся цивилизация. Чтобы избавить человечество от опасности уничтожения, необходимо обеспечить реализацию его устремлений в рамках сбалансированного взаимодействия как внутри социальных, экономических, национально-культурных систем, так и во взаимодействии составляющих «окружающая среда–общество–цивилизация». Оно возможно на пути устойчивого развития человеческой цивилиза-

ции, который не только ориентирован на человека и приоритет гуманитарных ценностей, но требует от правительств всех стран развития ресурсосберегающей направленности промышленно-технологической деятельности [8].

Идея устойчивого развития привлекла внимание и зарубежных [9–12], и отечественных ученых, предложивших рассматривать понятие «устойчивое развитие» в «качестве синонима термина СТРАТЕГИЯ перехода общества к состоянии его коэволюции с биосферой» [13, с. 154]. Вне этого, как считается, не представляется возможным понять особенности «взаимосвязи между природой и человеком, между эволюцией психики и поведения животных, с одной стороны, и человека с другой, между биологической и социокультурной эволюцией» [14, с. 10].

Переход человеческого общества в состояние устойчивого социального развития связывается с переводом системы слабосбалансированного состояния в устойчивое. Устойчивое развитие подразумевает определенный баланс и продолжительность во времени между обществом и окружающей средой, между социальными системами и территориально-государственными сообществами, между обществом и его социальными, экономическими, культурными и иными сферами. Речь идет об общественном идеале, который выражен системой взаимосвязанных ценностей, а разделяющие их индивиды – как находящиеся во взаимодействии. Здесь «устойчивое социальное развитие» структурируется как «социальное взаимодействие»: «государственно-правовое, социально-экономическое, политическое, межкультурное и др.» [8, с. 29–30] и предполагает активное использование в деле воспитания современного человека «ценностей глобального развития» [8, с. 33, 41].

Оценивая представления об устойчивом характере развития общества и «питающих» их идеях, необходимо обратить внимание на следующий вывод Алвина Тоффлера. «Большинство существующих теорий о социальных и психологических переменах, – замечает он, – представляют действительную картину человека в сравнительно статичном обществе, но по отношению к современному человеку эта картина неполна и искажена. В ней упущено критическое отличие людей прошлого и настоящего от людей будущего. Это отличие отображено термином «трансенция» (быстротечность)» [15, с. 36]. А. Тоффлер обратил внимание на то, что технологические инновации, ***скорость*** обновления техники, погружают человека в состояние, близкое к культурному шоку. Оно называется «будущий шок (future shock)» – «шок из-за «восприятия» перспектив мира, который изменяется растущими темпами и способами, разрушающими людские надежды и имеющими тенденцию вносить беспорядок» [16, с. 64–65].

В понимании Тоффлера, трансенция – это новая темпоральность в повседневной жизни, которую «можно определить через совершенно специфические параметры, например, скорость, с которой протекают наши взаимоотношения» [15, с. 36–37]. Они имеют прямое отношение к становлению того или иного ***темпа*** (лат. *tempus* время) совместной жизни или деятельности людей. Связывая технологию производства с темпом жизни в современном обществе, Тоффлер признает: проблема его ускорения часто обсуждается простыми людьми, что «до сих пор не привлекало внимания ни психологов, ни социологов» [15, с. 30], а между тем темп жизни – это «необходимая психологическая переменная величина, которая до сих пор почти игнорировалась» [15, с. 36].

«Странно» [15] не только то, что проблема ускорения темпа жизни в современном обществе не привлекает внимание психологов и социологов, но и постановка социологами вопроса: нужна ли социологии живая личность? Как пишет Л.А. Гуцаленко, «…социология оперирует не понятием человека вообще (существа родового), а его социализированным аналогом, т. е. категорией личности. …Свойство быть живым в социологическом знании соотносимо с человеком, с его биосоциальной природой. Если личность считать феноменом социальным, надбиологическим, в жизни она как бы не "прописана"» [17, с. 3].

Человек проявляет себя как личность через участие в социальных институтах – относительно устойчивых типах и формах социальной практики, организующих и обеспечивающих существование связей в рамках социальной организации общества [18]. При этом возникает вопрос: если социальные институты являются *относительно* устойчивыми типами и формами социальной практики, то в какой мере? Дело в том, что нормативно-ролевые требования, определяющие содержание, направление и контролирующие институциональное поведение человека в обществе, – это уровень *компетентности*, способности осознанно вступать в межличностные взаимодействия. Он не тождественен *эффективности* [6, с. 317] – уровню взаимодействия, который можно определить как ***способ*** межличностного взаимодействия. При этом предполагается, что личность *рациональна* и потому осознанно ставит перед собой те или иные цели. В ходе совместной деятельности цели различных индивидов могут как совпадать, так и различаться. Но способ межличностного взаимодействия допускает и то, что индивиды, стремящиеся к достижению одной цели, могут совершать свои действия с неодинаковой скоростью, а последние – исполняться ими как *синхронно* (гр. *synchronos* одновременный), так и *асинхронно*.

Потребности в синхронизации действий людей нет в обществе, в котором видом промышленной организации является *фордизм*. Здесь труд работ-

ника не только рационален, но организован с помощью конвейера, учитывающего как физические, так и физиологические возможности человека [19]. Хотя уже в этих условиях делается вывод, имеющий отношение к социальной и экономической организации общества, а именно: сложные комплексные системы, такие как экономические порядки, не могут эффективно управляться с помощью внешнего, даже кибернетического контроля. Рынки, несмотря на то, что они обеспечивают сигнальные устройства, заключенные в сложных системах обмена, не только поддерживают, но обусловливают главные виды нищеты населения. Иными словами, для того, чтобы они действовали эффективно, необходима система отношений, которую Энтони Гидденс называет «система-после-бедности». Отсюда «детальное и постоянное отслеживание состояния таких систем должно осуществляться скорее «на местности» небольшими структурами, чем сверху» [20, с. 340–341]. Очевидно, что национальные экономики, как и региональные или локальные (местные) рынки, должны *синхронизировать* различные проявления активности субъектов хозяйственной жизни, прежде всего посредством институционализации их деятельности. В еще большей мере она – синхронизация – стала необходимой в 1980–1990-е гг., в условиях перехода к такому виду промышленной организации, как *постфордизм*.

В постфордистской системе ключевым словом является ***гибкость*** [21]. В условиях современного *гибкого* производства в управленческой идиоме появляется новое магическое слово – ***флексибилизация***: повышение гибкости в использовании рабочей силы [22]. Аспектами данного процесса являются: переход на ограниченные временем контракты, работу с частичной занятостью, упразднение пожизненных *карьер* и растущую ненадежность занятости в сфере производства [16, с. 117]. В этих условиях снижается роль профессионального, в том числе жизненного опыта, и усиливается роль человеческих факторов, которые влияют на *скорость* исполнения человеком действий и имеют биологически заданную природу.

«Любой эмпирический анализ действия, – отмечал Толкотт Парсонс, – предполагает биологически заданные способности. Нам известно, что между индивидами они распределены в высшей степени дифференцированно. …Для большинства социологических задач влияние генов и жизненного опыта можно учесть, не выделяя их в виде самостоятельных факторов» [3, с. 451, 453–454]. При этом Парсонс считал, что такой подход к анализу человеческого действия имеет место тогда, когда «наше динамическое знание о процессах действия весьма фрагментарно»; поэтому он может быть осуществлен в структурно-функциональных терминах [23, с. 462].

Структурно-функциональный анализ используется и в том случае, когда возникает необходимость выявить условия оптимизации деятельности социальных институтов. При этом не всегда учитывается тот факт, что социальный институт рассматривается как система, «единый и замкнутый объект, характеризуемый полным числом людей, и свойства которого определяются внутренними взаимодействиями» [24, с. 8]. И как *система действий* социальный институт будет устойчив, когда индивиды выполняют предписываемые им действия с одинаковой *скоростью,* и неустойчив, если – с неодинаковой. Но дело не только в этом: «…если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью. Например, прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры – наиболее тихоходным кораблем и пр.» [25, с. 353].

Институциональный анализ общества, не выходя за рамки оценки взаимодействия индивидов друг с другом в контексте проявления ими того или иного уровня *компетентности*, не учитывает, что устойчивое развитие общества осуществляется в двух формах: как минимально и максимально устойчивое. Минимально устойчивый уровень связан с мерой активности человека, являющейся культурно обусловленной и ***достаточной*** для воспроизводства целостности системы, частью которой он является. Тогда как для развития современного общества ***оптимален*** максимально устойчивый уровень. Последний – результат не социокультурной обусловленности, а трансформации индивидуальных действий каждого индивида, связанных с затратой энергии и имеющих эргическую (лат. *ergon* работа) природу, в совокупную коллективную деятельность. Результатом трансформации такого родя является становление ***темпа*** совместной (коллективной) деятельности людей в составе того или иного социального института.

С точки зрения *скорости* выполнения индивидом своих действий, которая задана биологически, система с его участием является *гетерогенной*, неоднородной по составу *темпорально-эргических* участников, или людей с неодинаковым уровнем активности. Поэтому она самопроизвольно, спонтанно воспроизводит лишь минимальный уровень своей активности. В качестве примера можно указать на профессиональный отбор как фактор оптимизации уровня организации профессиональной деятельности человека в условиях разделения общественного труда.

Профессиональный отбор обеспечивает становление и воспроизводство трудового коллектива предприятия как однотипной (гомогенной) системы. Ее элементы, взаимодействуя как *однородные* величины, включены в «процессы, которые выражают массовость, проявление в «среднем», когда

индивидуальные отклонения в ту или иную сторону взаимопогашаются» [26, с. 115, 124].

Предприятие с хорошо налаженной системой профессионального отбора работников не только взаимодействует с другими предприятиями как элемент хозяйственной системы общества в целом. Это предприятие превосходит все другие по уровню своей эффективности, производительности труда. Система, элементы которой не являются однородными, перестает быть *гомогенной* (гр. homos общий). По составу участников она становится *гетерогенной* системой (гр. heteros другой). И состояние *гетерогенной* системы выражают уже не «средние» величины, а «предельные». Они имеют отношение к изучению трудового коллектива как системы *гомогенного* и *гетерогенного* типа, так и к механизму процесса их трансформации, т. е. *перехода* друг в друга.

Профессиональный отбор исходит из того, что существуют две модели организации профессиональной (предметной) деятельности человека. Модель «А» (р = т + с) и модель «В» (р = т – с), где р – это конкретный работник, т – его трудовая активность, а с – способности к труду [27]. Они делают возможной оценку ее эффективности в «средних» и «предельных» величинах.

Модель «А» (р = т + с) имеет отношение к производительности труда работника высокого уровня. Напротив, модель «В» (р = т – с) связана с производительностью труда низкого уровня. И при этом имеется в виду, что в зависимости от ситуации, характера связи человека с трудом один и тот же работник демонстрирует производительность труда на «предельно» высоком уровне в одной профессиональной деятельности и на «предельно» низком – в другой.

С методологией «предельного» анализа связаны перемены в предмете и методе экономической теории, которые затем были названы маржиналистской (лат. margo края, граница) революцией 1870–1880 гг. Научная деятельность «отцов» этих перемен была наполнена «пафосом методологического очищения экономической теории от «посторонних» примесей в виде политических и моральных принципов» [28, с. 19].

Уильямс Стенли Джевонс, один из «отцов» маржинализма, писал: «Я допускаю как очевидно верное, что способности человека бесконечно разнообразны, будь то связано с природой или образованием, так что способности одного и того же человека могут меняться в зависимости от того, какой предмет он производит, так и любые два человека могут проявлять различные способности относительно производства одного и того же предмета» [29, с. 75]. Вывод У.С. Джевонса должен приниматься во внимание при анализе совместной (коллективной) деятельности. Если по составу участников она является типом гомогенной или гетерогенной системы, «средняя» величина ее производительности формируется по-разному.

По отношению к непрерывному характеру совместной (коллективной) деятельности, ее целостности производительность определяется как «предельно» высокая в модели «А», тогда как в модели «В» – как «предельно» низкая. Однако в том и в другом случае она является «средней», т. е. **средне**высокой и **средне**низкой. «Средняя» производительность совместной (коллективной) деятельности в модели «С» («А» + «В») соотносится с механизмом действия принципа «С = (В ← А)». В коллективной (совместной) деятельности по типу гетерогенной системы ее «средняя» производительность тождественна «С = В (р = т – с) ← А (р = т + с)», т. е. равна активности самого малопроизводительного из работников, ее членов. В этом проявляется функция действия «слабого звена» [30].

В статье «От философии к организационной науке» (1923) А.А. Богданов уточняет: «Прочность цепи зависит от наименее крепкого звена, устойчивость линии фронта – от наиболее уязвимого участка; движение производства задерживается по масштабу наиболее отстающей из необходимых отраслей – они могут работать лишь в меру средств, которые она им доставляет; здоровье организма зависит от наиболее ослабленной из его необходимых функций; скорость эскадры в целом есть скорость наиболее тихоходных ее судов; реальная программа политического блока может идти не далее того, что допускает наиболее отсталая из союзных групп – иначе блок распадается и т. д. » [30, с. 117].

Проявляясь в задержке или ускорении движения производства, эффект «слабого звена» имеет отношение к такому его аспекту, как становление **темпа** совместной (коллективной) профессионально-трудовой деятельности людей. По мере того, как проявление эффекта «слабого звена» становится условием решения задачи оптимизации профессиональной деятельности человека, необходимо определить ее характер: является она статической или же динамической?

Предметное поле решения статических задач: сфера потребностей, интересов, ориентаций, мотивов и стимулов – словом, всего, что имеет значение в рамках культуры или субкультуры. По отношению к ним фактор времени не учитывается, поскольку эффективность определяется через отношение затрат к тому результату, ради достижения которого они были произведены. Эти задачи по своему характеру являются темпорально-статическими, в них такой фактор, как время может не приниматься во внимание.

Темпорально-динамические задачи имеют дело с ситуациями, в которых меняется скорость выполняемых действий вместе с тем, как изменяется состав коллектива (группы), членами которого они являются. Изменение состава участников совместной деятельности, синхронизация скорости выполняемых ими действий вызывают преобразование ее темпа.

Совместная деятельность людей, ее темп необходимо отличается от темпа деятельности индивида, который определяется количеством «движений в единицу времени или скоростью движений» [31, с. 213]. Изменение состава работников влечет и колебания (флуктуации) темпа совместной деятельности людей, его ускорение или, напротив, замедление.

Совместная (коллективная) деятельность по уровню эффективности может быть высоко- и малопродуктивной. Каждый из уровней *достаточен* для сохранения ее *целостности*. Вместе с тем воспроизводство целостности совместной деятельности людей на малопродуктивном уровне не является для нее оптимальным. Достаточный и оптимальный уровни организации и осуществления совместной (коллективной) деятельности людей совпадают только тогда, когда она является высокопродуктивной. Ее условие – *транзит* (лат. transitus прохождение): самопроизвольный *переход* к высокому уровню продуктивности совместной (коллективной) деятельности, *минуя* его реальный, фактически минимальный, уровень. В организации условий для социального *транзита* в современном обществе важную роль играет государство. Оно создает *среду*, в которой проявляются механизмы регуляции и саморегуляции развития общества.

Роль государства сохраняется и в условиях глобализации производства, изменяющей все сферы жизнедеятельности общества. Именно государство имеет прямое отношение к переходу (транзиту) современного общества на уровень максимальной (оптимальной) устойчивости, который включает в себя решение как статических – «**деперсонализация**, «обезличение», уничтожение индивидуальной самостоятельности» [32, с. 142], так и динамических задач. Их существование вызвано тем, что институциональное поведение человека «…суть модели поведения, которое составляет желаемый вклад данных участников в групповое действие. Но даже в стабильных обществах люди не являются автоматами, слепо выполняющими конвенциальные роли» [5, с. 51]. В связи с этим и возникает потребность в изучении условий совместной деятельности людей, оптимизация которой обеспечивает устойчивое состояние общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. – М., 1994.
2. *Шургалина, И.Н.* К вопросу о методологических основах изучения переходной экономики / И.Н. Шургалина // Альманах Центра общественных наук / Под ред. Ю.М. Осипова, Е. С. Зотовой. – М., 1997. С. 168 – 169.
3. *Федотова, В.Г.* Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории / В.Г. Федотова // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 8.
4. *Капустин, Б.Г.* Конец “транзитологии”? О теоретическом осмыслении первого коммунистического десятилетия / Б.Г. Капустин // Полис. – 2001. – № 4.
5. *Беляев, Э.В.* Трансформация: у каждой страны свой уникальный путь / Э.В. Беляев // Социс. – 2002. – № 1.
6. *Дубянская, Г.Ю.* Переходные процессы: развитие или маргинализация? / Г.Ю. Дубянская // Альманах Центра общественных наук. Периодическое издание / Под ред. Ю.М. Осипова, Е. С. Зотовой. – М., 1997. – С. 145;
7. *Косалс, Л.Я.* Становление институтов теневой экономики в постсоветской России / Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина // Социс. – 2002. – № 4. – С. 13.
8. *Бойко, В.И.* Ценности и технологии устойчивого социального развития / В.И.Бойко. – Новосибирск, 1994.
9. *Cahn, M.* Managing the human impact on the natural environment patterns and processes / M. Cahn // Appl. Geography. – 1993. – Vol. 13. – № 3. – P. 285;
10. *Coates, J.F.* Impacts we will be assessing in the 21 century / J.F. Coates // Impact Assess. Bull. – 1991. – Vol. 9, – № 4. – P. 9–25;
11. *Selman, P.* Managing the human impact on the natural environment / P. Selman // J. Rural Studies. – 1993. – Vol. 9. – № 1. – P. 99;
12. *Wadley, D.* Beyond growth – elements of sustainable development / D. Wadley // Austral. Geographer. – 1993. – Vol. 24. – № 1. – P. 96–97.
13. *Моисеев, Н.Н.* Возможные шаги СТРАТЕГИИ // Н.Н. Моисеев // С мыслями о будущем России. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – С. 154.
14. *Карпинская, Р.С.* Философия природы: коэволюционная стратегия / Р.С. Карпинская, И.К. Лисеев, А.П. Огурцов. – М.: Интерпракс, 1995. – С. 10.
15. *Тоффлер, А.* Футурошок / А. Тоффлер. –СПб.: Лань, 1997. – С. 36.
16. Большой толковый социологический словарь (Collins): В 2 т. Т. 1 (А–О). – М.: Вече, АСТ, 1999. – С. 64–65.
17. *Гуцаленко, Л.А.* Нужна ли социологии жизни живая личность? / Л.А. Гуцаленко // Социс. – 2003. – № 10.
18. Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. – М., 1995. – 227 с.
19. *Тощенко, Ж.Т.* Социология: Общий курс / Ж.Т. Тощенко. – М.: Прометей; Юрайт, 2000. – 96 с.
20. *Гидденс, Э.* Постмодерн / Э. Гидденс // Философия истории: Антология. – М.: АО Аспект Пресс, 1994.
21. *Томпсон, Д.Л.* Социология: Вводный курс / Д.Л. Томпсон, Д. Пристли; Пер. с англ. – М.: ООО «Фирма Издательство АСТ»; Львов «Инициатива», 1998.
22. *Соколова, Г.Н.* Экономическая социология / Г.Н. Соколова. – М.: ИИД «Филин»; – Мн.: «Беларуская навука», 2000. – 111 с.
23. *Парсонс, Т.* Система координат действий и общая теория систем действий: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
24. *Капица, С.П.* Население земли и предвидимое будущее человечества / С.П. Капица // Социс. 2003. – № 1. – С. 8.
25. *Богданов, А.А.* Вопросы социализма: Работы разных лет / А.А. Богданов. – М.: Политиздат, 1990.
26. Социология труда. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
27. *Томилов, В.А.* Теоретические проблемы профориентационной работы учителя / В.А. Томилов // Совершенствование подготовки будущего учителя: Межвузовский сборник: В 2 ч. Ч. II. – Уссурийск, 1993. – 96 с.
28. *Богданов, А.А.* К тектологическому преобразованию науки / А.А. Богданов // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 117.
29. *Генкин, Б.М.* Экономика и социология труда / Б.М. Генкин. – М.: Издательство НОРМА, 2001.
30. *Бауман, З.* Мыслить социологически / З. Бауман. – М.: Аспект Пресс, 1996.
31. *Шибутани, Т.* Социальная психология / Т. Шибутани. – М., 1969.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ О ПАРТИИ В КИТАЕ И ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ТЕОРИИ

В. В. Пупей

ПУПЕЙ Владимир Витальевич – кандидат политических наук, заведующий кафедрой китайского языка Уссурийского государственного педагогического института.

Статья посвящена исследованию развития партийной теории в Китае с начала XX в. и до наших дней. В работе освещается процесс становления партийной системы в Китае и выделяются черты, характерные только для Китая. Так как после 1949 г. эволюция партийной теории в Китае шла двумя путями, то рассматривается как тайваньский путь, так и динамика развития учения о партии в Китайской Народной Республике. Помимо этого в статье отводится место описанию истории и современного состояния политологии как науки в Китае и дается прогноз дальнейшей эволюции партийных систем КНР и Тайваня.

The article deals with the development of the political theory in China from the beginning of the 20th century up to now. The writer analyses the process of the formation of the political system in China and points out its most typical characteristic features. Since after 1949 the development of the political theory in China had two ways, the writer considers both: the dynamics of the political study in People's Republic of China and its Taiwan variant. The article also presents the peculiarities of Politology as a science in China and gives perspectives of the further development of political systems in People's Republic of China and Taiwan.

В настоящее время нет недостатка в исследованиях, посвященных различным теориям о партии, однако наибольшую известность в мире получили работы европейских и американских ученых в области партийной теории. В нашей стране известны труды российских специалистов, написанные до или сразу после революции, и работы современных исследователей.

Что же касается Китая, то, глядя на ход его развития в XX в., на первый взгляд нельзя найти никаких предпосылок для того, чтобы говорить о том, что там могла сформироваться хоть какая-то партийная теория. Все, что известно не только большинству людей, интересующихся политикой, но и достаточному количеству специалистов в области партийной теории о китайских политических партиях, это то, что после окончания Второй мировой войны на территории Китайской республики разразилась кровопролитная гражданская война между сторонниками партии Гоминьдан и Коммунистической партии Китая (КПК). Эта война закончилась в 1949 г. победой КПК, которая стала правящей партией на материковой части Китая и образовала там Китайскую Народную Республику, а остатки Гоминьдана эвакуировались на остров Тайвань, учредив там Китайскую Республику на Тайване.

Что касается разработки идеи о партии вообще, то, по мнению большинства, в КНР она заключалась только в адаптации марксистской теории китайским реалиям, а на Тайване в силу реакционной политики Гоминьдана совсем не велась.

Однако если углубиться в эту проблему, видна вся ошибочность поверхностных взглядов. Китай имеет большую историю существования на своей территории политических партий, более того, там помимо переводов западных классиков партологии всегда занимались и продолжают заниматься собственными изысканиями в области партийной теории. Эти изыскания совсем не похожи на то, что делают на Западе и в России, однако можно утверждать, что партийная теория в китайской интерпретации не только имеет право на существование, но и некоторые ее положения успешно применяются в жизни, что является лучшим показателем того, что данная теория жизнеспособна.

В данной статье представлен ход развития китайской политологии вообще и взглядов на партии в частности.

Целесообразным будет выделить вначале одну из особенностей китайского менталитета, характерную только для жителей «Поднебесной». Это господствующее на протяжении столетий почтение к власти, в настоящее время оно выражается в неприятии западных форм политической жизни. Очень хорошо это видно в том, как большинство китайцев относится к смене руководства. По их мнению, выборы руководства – это что-то очень несовершенное, сопряженное с риском выбрать не того, кого нужно. Отсюда и негативное отношение среди большинства китайцев к образованию в стране многопартийности по западному образцу.

Первые политические организации, по своей форме напоминающие политические партии, стали появляться в Китае в конце XIX в. Это были небольшие группы, в большинстве состоящие из представителей передовой китайской интеллигенции, недовольной как политикой китайского императора, так и общим отношением к Китаю со стороны крупнейших мировых держав, превративших огромную страну в колонию. Наибольшей известностью в тот период времени пользовался Сунь Ятсен, под руководством которого создавалась первая

в Китае политическая партия. Китай всегда славился своими тайными обществами, но большинство из них были преступными организациями, главной целью которых было обогащение своих членов с помощью уголовных преступлений. Однако к концу XIX в. стали появляться тайные общества, целью которых было свержение маньчжурской династии Цин, а затем и смена формы правления в Китае. Одним из первых стало тайное общество «Небо и земля», базировавшееся в Сянгане, членом которого Сунь Ятсен стал, будучи студентом Сянганского медицинского института в 1887–1892 гг.

В 1894 г. Сунь Ятсен организовал на Гавайях Союз возрождения Китая (Синьчжунхуи). Этот союз в результате ряда эволюций превратился в партию Гоминьдан – старейшую из действующих на китайской территории политических партий. Именно эту дату отмечают в Китае как дату образования первой политической партии.

Сам термин «партия» появился в китайской литературе несколько позже. К одному из ранних упоминаний этого термина можно отнести статью в первом номере печатного органа Союза возрождения Китая – газете «Чжунго жибао» («Китайская газета»). На страницах этой газеты, вышедшей в конце 1899 г. в Сянгане, было объявлено, что Союз возрождения Китая будет бороться с созданной Кан Ювэем Партией защиты императора, [1, с. 29]. Затем в Китае состоялась Синьхайская революция, в результате которой император отрекся от престола. Первые выборы в парламент должны были состояться в декабре 1912 г. Во время подготовки к ним сформировалось несколько партий. Тогда же была создана партия Гоминьдан, учредительный съезд которой состоялся в Пекине 25 августа 1912 г.

Деятельность политических партий в Китае в то время уже была настолько активной, что об их наличии заговорили за рубежом. Широкую известность получили статьи В.И. Ленина на эту тему. Так, в газете «Правда» от 8 ноября 1912 г. появилась статья «Обновленный Китай». В этой статье В.И. Ленин, говоря о наличии в Китае политических партий, в качестве основных выделял три: Радикально-социалистическую, называя ее партией «буржуазной демократии», Либеральную – партию Сунь Ятсена – Гоминьдан и Союз республиканцев, охарактеризованный им как "консервативная партия", опирающаяся на чиновников и буржуазию северного Китая» [2, с. 190] . Данные партии боролись между собой за места в парламенте. Комментируя результаты выборов в китайский парламент, В.И. Ленин в статье «Борьба партий в Китае» писал, что партия демократии «националисты» получила значительное большинство в нижней палате парламента и более значительное преимущество в верхней. В той же статье В.И. Ленин подчеркивал, что партии Сунь Ятсена противостоит целый ряд других мелких политических партий, тяготеющих к лидеру северной военно-феодальной и компрадорской группировки Юань Шикаю. В этой статье описывалась борьба между политическими партиями в Китае и раскрывались причины относительных неудач партии Сунь Ятсена [3, с. 139] .

Таким образом, можно говорить, что к 1912 г. в Китае сформировался институт политических партий, которые играли достаточно заметную роль в жизни китайского общества. Более того, об их существовании было известно за рубежом.

В процессе развития партия Гоминьдан, руководимая Сунь Ятсеном, претерпела существенные изменения. Так, после роспуска 10 января 1914 г. Юань Шикаем парламента партия была объявлена вне закона. В Токио 8 июля 1914 г. Гоминьдан был создан практически заново. Тогда же Сунь Ятсен сформулировал одну из основных характеристик политической партии. Осознавая, что причина поражения Гоминьдана не в последнюю очередь кроется в его организационной слабости, Сунь Ятсен заявил, что чего-то добиться может только та партия, которая прочна в организационном отношении и в которой установлена строжайшая партийная дисциплина [1, с. 111]. Забегая вперед, скажем, что во всех современных китайских политических партиях этому придается первоочередное значение.

После смерти Юань Шикая сменивший его на посту президента Ли Юаньхун вновь созвал парламент, который опять стал ареной борьбы между политическими партиями, причем эта борьба сопровождалась появлением новых партий. Партии стали блокироваться между собой, и когда в июле 1917 г. парламент был вновь распущен, партии, составляющие антиправительственный блок, сформировали в Гуанчжоу собственный парламент. Образование блока партий, противостоящего другому блоку, говорит о том, что партийная система в Китайской Республике вышла на более высокую ступень развития.

Новый этап эволюции партий и партийного строительства в Китае наступил с образованием Коммунистической партии Китая, первый съезд которой прошел в июле-августе 1921 г. в Шанхае и Цзянсине.

С образованием КПК было внесено одно очень серьезное дополнение в области разработки партийной теории в Китае. Начав тесно сотрудничать с Гоминьданом, КПК вскоре разрешила своим членам вступать в ряды этой партии, при условии, что они останутся и членами КПК. Официально такое

положение вещей было одобрено на III съезде КПК, проходившем в Гуанчжоу 10–19 июня 1923 г. На этом съезде членам КПК было рекомендовано вступать в Гоминьдан в индивидуальном порядке при сохранении полной идеологической и организационной самостоятельности КПК. Но еще раньше, в сентябре 1922 г, Сунь Ятсен лично принял в Гоминьдан таких видных деятелей КПК, как Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Чжан Тайлэя и некоторых других. Причем не только принял, но и назначил на видные посты. Так, Чэнь Дусю был членом пропагандистской комиссии в Гуанчжоу, а Ли Дачжао руководил пекинским отделением Гоминьдана (ГМД). Даже ставший на многие годы главным теоретиком Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун в этот период активно участвовал в работе ГМД. Более того, будучи членом ЦК КПК, в 1924 г. Мао выбирается кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана [4, с.17]. Возможность для придерживающихся различных взглядов людей вступать в ряды партии конкурента и плодотворно там работать для общего блага, а самое главное – достаточно хорошие результаты этого сотрудничества, на наш взгляд, заложили основу создания впоследствии концепции «одна страна – две системы», аналогов которой нет нигде в мире, а в Китае она с успехом применяется в Сянгане и является основой для мирного объединения с Тайванем. Ведь идея существования в рамках одного государства двух политических систем возникла не на пустом месте, и, по нашему мнению, корни появления этой концепции лежат как раз в успешном сотрудничестве КПК и ГМД в рамках одного государства.

Следующий этап развития партийной теории и партийного строительства в Китае проходил при непосредственном участии советских специалистов. Изучая опыт русской революции, Сунь Ятсен пришел к выводу, что организационная структура ВКП(б) является одной из основных составляющих победы этой партии. С целью укрепления структуры партии Гоминьдан в Китай был приглашен политический советник М.М. Бородин и целая группа советских военных специалистов. В разное время в Гоминьдане работали В.К. Блюхер, А.И. Черепанов, Г.И. Гилев, В.П. Рогачев и многие другие известные советские командиры [1, с. 171]. В результате их деятельности впервые были созданы районные и низовые комитеты Гоминьдана, в крупных городах стали работать бюро исполкома партии, а с осени 1923 г. стали более или менее регулярно проводиться районные конференции партии Гоминьдан.

Следует отметить, что столь пристальное внимание к Гоминьдану ни в коем случае не означает, что в те годы это была единственная политическая партия в Китае. Просто именно лидеру этой партии Сунь Ятсену принадлежит пальма первенства в разработке структуры и формы деятельности политических партий в то время. Гоминьдан в тот период был самой передовой политической партией и служил для остальных партий (которых в Китае было довольно много) своего рода образцом в деле построения партийной структуры и методов партийной работы. Так, Сунь Ятсен первым понял, что партия, опирающаяся на какой-то один слой населения и не имеющая поддержки других, обречена на поражение. В своих публичных выступлениях в конце 1923 – начале 1924 гг. Сунь Ятсен обращал внимание партийного актива на необходимость развертывания работы среди всех групп населения. Он часто говорил: «Революционное движение, лишенное моральной поддержки народа, можно сравнить с "рекой, отрезанной от источника" или "деревом, оторванным от корней"» [1, с. 178] .

К этому времени изменились отношения внутри самих партий. Если раньше внутри партии возникали какие-то разногласия, то меньшинство просто выходило из партии и создавало новую, то к началу 20-х гг. XX в. уже стали появляться партийные фракции, боровшиеся между собой внутри партии. Однако члены всех фракций поддерживали официальную партийную линию, выработанную в результате этой борьбы. Примером этому может служить все тот же Гоминьдан. Несмотря на то, что авторитет Сунь Ятсена как организатора и бессменного лидера этой партии был признан не только в Китае, но и за рубежом, ему очень часто приходилось бороться с различными течениями внутри Гоминьдана. Например, в вопросе о разрешении членам Гоминьдана вступать в другие партии Сунь Ятсену пришлось преодолеть серьезное сопротивление противников этого предложения. Однако когда в устав партии все же было внесено положение, разрешающее вступление, никто из руководства Гоминьдана открыто не выступил против этого.

После смерти Сунь Ятсена в 1925 г. партийное строительство в Китае продолжало развиваться. Причем это развитие шло не только в практическом плане, но и в области теории. Интерес к политическим партиям и всему, что с ними связано, был так велик, что в 1929 г. в Шанхае был издан справочник, в котором были представлены все известные к тому времени политические партии мира. О полноте данного издания может говорить тот факт, что там были упомянуты, например, политические партии Персии [5, с. 531] . Много ли даже куда более развитых в политическом плане стран могли похвастаться в то время наличием у себя подобного издания? Следует отметить, что в КНР и на Тайване до сих пор издаются подобные словари.

Большой вклад в развитие в Китае теории партии внес наш соотечественник Н.Е. Эсперов. Эмигрировав в Харбин, этот видный русский политолог продолжил там работу над своей монографией «Политические партии и представительный строй». Книга профессора Эсперова была издана в 1931 г. в Харбине. Конечно, Харбин в то время назывался «русским городом», и монография была издана на русском языке, однако ни в коей мере нельзя утверждать, что столь серьезное научное исследование не оставило в Китае никакого следа. Эсперова невозможно причислить к китайским ученым, но бесспорен тот факт, что влияние его работы на формирование теоретического багажа китайских специалистов по политическим партиям заметно.

Что же выделяли китайские исследователи в работах Н.Е. Эсперова? Во-первых, был заимствован тезис о естественности деления людей на партии: «… деление населения на партии вполне естественно и вызывается не только государственной структурой, но оно заложено в самой человеческой психике… . Как только население страны призывается в каких-либо формах к участию в управлении, так сейчас же появляются партийные группировки» [6, с. 6] . Этот тезис в различных вариантах его интерпретации неизменно присутствует во всех трудах китайских авторов, посвященных политическим партиям.

Кроме того, очень большое влияние на развитие китайской партийной теории оказало разработанное Эсперовым положение о господстве в обществе крупных политических партий. Аргументируя это положение, Н.Е. Эсперов писал: «Народные массы получают политические права и призываются к участию в политической жизни страны. Для того, чтобы как-то организовать колоссальные народные массы, которые получили избирательные права, и привлечь их на свою сторону, потребовалась организация партий на рациональных началах с постоянным правлением и развитой внутренней системой. Избирательная кампания теперь требует затраты огромных денежных средств и развитой сети партийных отделений, что только под силу большим объединениям и при том руководимым из одного центра. Без этих данных вряд ли партии могут рассчитывать на победу» [6, с. 6].

С тех пор тезис о том, что чем больше партия, тем больше у нее власти и влияния в обществе, в китайской литературе не оспаривался. Не случайно уже в те годы две основные политические партии Китайской Республики – ГМД и КПК – основное внимание уделяли повышению своего количественного состава, порой даже в ущерб качественному. Подтверждением этому могут быть крупные чистки партийных рядов как в Гоминьдане, так и в Коммунистической партии, время от времени устраивавшиеся в 1940–1970 гг.

В 1931 г. Китай подвергся японской агрессии, и, конечно же, во время войны не велись никакие теоретические исследования. Однако в партийной жизни Китая в то время имел место факт, вся важность которого была оценена намного позже. Речь идет о так называемом втором сотрудничестве между Гоминьданом и КПК. Как известно, борьба за власть между Гоминьданом и коммунистами к моменту нападения Японии уже приобрела форму вооруженной борьбы. Китай был разделен на две части, контролируемые этими партиями, и в стране велись полномасштабные военные действия. Однако перед лицом внешнего врага эти партии по предложению КПК прекратили военные действия и объединили свои силы в борьбе против японской агрессии. Причем интересен не сам факт примирения, а то, каким образом это произошло. Коммунистическая партия Китая, которая терпела поражения в борьбе с Гоминьданом, признала верховное руководство ГМД, однако вся власть в районах, бывших под контролем КПК, осталась в руках коммунистов. Это было первое, хрупкое, но реальное воплощение концепции «одна страна – две системы», концепции, которая сейчас играет ключевую роль в процессе объединения китайской нации.

После разгрома японской армии и завершения гражданской войны два общества на материковой части Китая и на Тайване пошли по разному пути, поэтому правомерным будет, представляя ход дальнейшего развития китайской политической мысли, говорить отдельно о Тайване и отдельно – о КНР.

В условиях военно-авторитарного режима на Тайване не публиковались работы, посвященные партийной теории, так как любые разработки в этой области неизменно ставили под вопрос монопольное господство Гоминьдана. Однако работа в этом направлении все-таки велась, подтверждением чему служит большое количество монографий, посвященных партийной теории вообще и развитию многопартийности на Тайване в частности, вышедших в свет сразу после того, как был снят запрет на издание подобных материалов.

К основным трудам в области партийной теории, изданным на Тайване, можно отнести монографии Пэн Хуайэня «Партийная политика Тайваня» (1994); Сао Цзуньхая «Путь к партийной политике» (1991); Ян Тайшуня «Партийная политика и демократизация Тайваня» (1991); Сюй Цзялина «Порядок и этика партийной политики» (1990). По

вопросам теории партийного строительства на Тайване уже в начале 90-х гг. XX в. регулярно проводились конференции.

В большинстве работ содержится критика существовавшей на Тайване однопартийной системы. Все без исключения авторы, аргументируя необходимость введения многопартийности, опирались на авторитет Сунь Ятсена, который считал, что человек не должен быть ограничен в выборе своих политических пристрастий. Вместе с тем в основе их работ лежит американский политический опыт. И это не случайно. Подавляющее большинство тайваньских ученых-обществоведов обучались или проходили стажировку в университетах США, что, конечно же, не могло не наложить отпечаток на их мировоззрение. Кроме того, среди тайваньской интеллигенции очень сильны тенденции к возведению всего, что приходит из США, в ранг «абсолютной истины». Естественно, что они, недовольные политической ситуацией, сложившейся в тайваньском обществе, направляли свои взгляды в сторону США. Именно Америка с ее демократической системой стала примером для тайваньских интеллектуалов во всем, включая и разработку партийной теории. Поэтому неудивительно, что большинство идей тайваньской партологии было заимствовано из трудов американских авторов, таких как Роуз, Шлизенберг, Шварценберг и др. Естественно, адаптация работ западных специалистов к азиатским, в том числе и к тайваньским реалиям, обогатила мировую партологию. Кроме того, это послужило прекрасным доказательством тому, что идеи о партии носят универсальный характер, и построение какой-либо из известных партийных систем возможно практически в любом обществе при условии, что эти идеи найдут поддержку большинства его членов.

Однако работы тайваньских специалистов очень мало привнесли в развитие партийного строительства с китайской спецификой. Большую часть тайваньской партологии можно назвать «окитаенной» западной партологией, нас же в рамках данной статьи больше интересует разработка именно китайских положений партийной теории.

Вопреки заявлениям многих специалистов как за рубежом, так и в России, скажем, что, несмотря на господствующее положение, которое в китайском обществе занимает КПК, и отсутствие у коммунистов хоть сколько-нибудь серьезной оппозиции, политические катаклизмы сотрясали китайское общество гораздо чаще, чем общества западной демократии. В этом заключается одно из коренных отличий между политическими системами КНР и Тайваня. И там, и там после 1949 г. монополией на власть обладала одна партия, но Тайвань отличался редкой стабильностью. Это справедливо заметил американский исследователь Тайваня Ральф Клэф: «Политическая стабильность Китайской республики является особым примером среди развивающихся стран мира. Гоминьдановское правительство никогда не сталкивалось с политическими беспорядками, бунтами и военными мятежами, которые неизменно возникают в развивающихся странах» [7, с. 33] .

В Китайской Народной Республике большинство членов общества были вовлечены в постоянно проводимые в стране широкомасштабные политические кампании и в силу этого вынуждены были проявлять политическую активность. А в активном обществе, как известно, всегда возникает больше различных идей.

Несмотря на то, что о принятии руководства со стороны КПК демократические партии заявили еще в 1949–1950 гг., этот процесс не всегда проходил гладко. Так, на форумах и заседаниях руководящего совета некоторых партий высказывались мнения о том, чтобы перейти в оппозицию и в условиях диктатуры народной демократии создать из демократических партий единую буржуазную политическую партию [8, с. 16] .

И хотя такое решение не было принято, данная идея всегда находила поддержку среди некоторых членов демократических партий.

Что же собой представляют демократические партии КНР? Некоторые исследователи считают, что их нельзя считать партиями, другие, напротив, утверждают, что в Китае действует полноценная многопартийная система. Что же такое демократические партии КНР, какова их роль в современной политической жизни, и есть ли у них перспективы для дальнейшего развития? На эти вопросы сейчас и предстоит ответить.

Сначала перечислим все демократические партии, существующие в КНР. Всего их восемь: Революционный комитет Гоминьдана Китая (РКГ), Демократическая Лига Китая (ДЛК), Китайская ассоциация демократического национального строительства (АДНСК), Китайская ассоциация содействия развитию демократии (АСРДК), Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая (КРДПК), Чжунго Чжигундан (Партия стремления к справедливости), Общество «3 сентября», Лига демократического самоуправления Тайваня (ЛДСТ).

Шесть из вышеперечисленных партий сформировались в период антияпонской войны и лишь две (Чжунго Чжигундан и КРДПК) созданы в 1925 и 1930 гг. соответственно. Социальной базой демократических партий в Китае послужили национальная буржуазия, верхние слои городского чиновничества, представители патриотически-

настроенной интеллигенции, отражавшей интересы промежуточных политических сил. Колебавшиеся между КПК и Гоминьданом, они в конечном счете поддержали линию КПК.

В настоящее время существование демократических партий официально закреплено в Конституции КНР и Уставе КПК.

Однако так было далеко не всегда. Несколько раз за более чем полувековую историю КНР существование демократических партий стояло под вопросом. В первые годы существования государства демократические партии активно участвовали в формировании правительства, а их представители занимали пусть не ключевые, но важные посты в руководстве страной. Но все изменилось в 1957 г., когда началась «борьба с правыми». В руководстве КНР стало преобладать негативное отношение к демократическим партиям. Можно привести широко известное заявление Мао Цзэдуна «о правых элементах в демократических партиях и вузах, выступающих с особой яростью и бешенством» и о «бешенном наступлении реакционных элементов из демократических партий» [9, с. 534, 535] . В декабре 1957 г., в результате работы 9-го Всекитайского совещания по вопросам Единого фронта, подавляющая часть деятелей демократических партий была причислена к «правым элементам». Они лишились своих постов в руководстве страной или были понижены в должности. В период 1957–1958 гг. демократические партии называли не иначе как «буржуазные партии». Однако следует отметить, что когда ДЛК и Общество «3 сентября» были готовы к самороспуску, этому воспрепятствовали Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай. Отношение руководства КПК к демократическим партиям в то время очень хорошо характеризует заявление Чжоу Эньлая: «Если допустить роспуск партий, то народ этого не сможет понять, а империалисты будут говорить, что КПК ликвидировала демократические партии. Поэтому их нельзя в *настоящее время* уничтожить» [12, с. 12] (курсив наш. – В.П.). Отсюда видно, что идея упразднения института демократических партий овладела умами руководства КНР, и нужно было лишь дождаться подходящего момента.

Следует отметить, что сами демократические партии (по крайней мере некоторые из них) были центром скрытой оппозиции КПК в ее борьбе с «правыми». Так, пекинская «Гуанмин жибао» и шанхайская «Вэньхуй бао» – две наиболее популярные в среде интеллигентов газеты – из номера в номер печатали статьи лидеров демократических партий, критикующих действия КПК. Это во многом помогло остановить развитие «борьбы с правыми» в Китае. Внутриполитическая обстановка в стране к 1960 г. относительно нормализовалась. Огромное государство получило передышку, и немалую роль в этом сыграли члены демократических партий. Конечно, нельзя говорить о том, что условия существования партий заметно улучшились (чего стоит хотя бы решение X пленума ЦК КПК IX созыва, в котором отдел Единого фронта ЦК КПК обвинялся в капитулянтстве и ревизионизме, а его председатель Ли Вэйхань был снят с должности за «ошибочные взгляды») [8, с. 201–202], однако в целом особых препятствий существованию демократических партий не было.

Ситуация резко изменилась в 1966 г. с началом «культурной революции». Сначала из средств массовой информации исчезла вся информация о деятельности партий. Затем из-за нападок и обвинений с последующими арестами руководителей демократические партии вынуждены были свернуть свою деятельность. Их стали называть не иначе, как «реакционные организации», а их членов – «контрреволюционными учеными авторитетами» и «помещичьими элементами». Понятно, какое отношение в обществе было к таким людям во время «культурной революции», когда могли убить и за меньшую «провинность». Разумеется, руководители и члены демократических партий подвергались гонениям, арестам с конфискацией имущества или отправке в деревню на «перевоспитание трудом». Руководители РКГ, ДЛК и Общества «3 сентября» были убиты. Деятельность демократических партий в этот период была полностью парализована, однако от полного разрушения их спасла все та же КПК. В частности, Мао Цзэдун в своих выступлениях неоднократно заявлял, что демократические партии нужны, и это необходимо объяснить хунвэйбинам. Такие выступления имели место в 1968 и 1971 гг. [8, с. 202–203]. Однако на хунвэйбинов уже трудно было воздействовать словами. Тогда был составлен знаменитый «список премьера Чжоу». В этом списке были перечислены известные беспартийные деятели, которых необходимо было взять под защиту. В их числе были и лидеры демократических партий. Соответствующие органы направляли в дома к этим людям по два вооруженных солдата для охраны [11, с. 45] . Кроме того, по личному распоряжению Чжоу Эньлая некоторых демократических деятелей разместили в одном из военных госпиталей для обеспечения их безопасности. Скончавшихся деятелей демократических партий, по указанию того же Чжоу Эньлая, хоронили со всеми почестями. После окончания «культурной революции» все беды, выпавшие на долю демократических партий в то время, стали приписывать Линь Бяо и «банде четырех», которые «пытались уничтожить

работу партии по Единому фронту и прекратить деятельность демократических партий» [12] .

Лишь в начале 1970-х гг. в китайской прессе стали появляться сообщения о «деятелях различных кругов», принимавших участие в официальных государственных мероприятиях. Под этим подразумевались деятели демократических партий, но даже не упоминалась их партийная принадлежность. В те годы партии существовали лишь номинально, их руководство было подвергнуто гонениям, деятельность местных организаций парализована.

С середины 1970-х гг. руководством Китая были приняты меры к возрождению демократических партий. Начало этому дала речь Мао Цзэдуна «о важнейших взаимоотношениях», в которой говорилось «о длительном существовании КПК и демократических партий» и «сознательном сохранении демократических партий» [11, с. 46]. С этого момента начался новый этап в жизни партий в Китае. Власти всячески выказывали свою поддержку, а партии ввели в свои уставы пункты о принятии линии КПК и совместном движении к социализму. Свою преданность КПК демократические партии доказали во время печально известных событий на площади Тяньанмынь. В то время все партии поддержали линию китайского руководства и проводили очень большую работу по разъяснению пекинских событий в провинциях. Партии использовали всё свое влияние на китайскую интеллигенцию, чтобы не допустить «брожения умов». Надо отметить, что им удалось этого достичь.

С начала 1990-х гг. сотрудничество между КПК и демократическими партиями обретает все новые формы. Однако есть ряд моментов, которые не дают с уверенностью утверждать, что так будет и в дальнейшем. Лидеры демократических партий, за редким исключением, – это те люди, которые стояли у истоков их создания. Сейчас они в силу возраста не могут осуществлять руководство. В результате омоложения управленческого аппарата на главные роли выходят деятели новой волны, которые хотят большей независимости и политической самостоятельности для своих партий. Ведь согласно основному на сегодняшний день документу, регламентирующему деятельность демократических партий, – «Соображениям ЦК КПК об отстаивании и совершенствовании системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК» – демократические партии получили статус «партий, официально участвующих в политической жизни» и «пользующихся политическими свободами» [11, с. 191]. Однако эти свободы существенно ограничены перечнем ряда направлений деятельности демократических партий, выходить за который не рекомендуется. Это, конечно, не устраивает молодых амбициозных лидеров демократических партий. Пока еще редко и очень тихо, но уже раздаются голоса о пересмотре системы сотрудничества с КПК. Кроме того, влияние на настроения в демократических кругах оказало присоединение Сянгана с его демократической системой и демократическими партиями. Пока их влияние незаметно, но по мере развития контактов между интеллигенцией материкового Китая и Сянгана оно, несомненно, будет расти. А если еще произойдет воссоединение с Тайванем, то эта проблема станет одной из главных в развитии сотрудничества между КПК и демократическими партиями. На данный момент у руководства КПК нет четкого плана решения этой проблемы, но можно с уверенностью говорить о том, что работа над ней идет полным ходом.

Нам видится следующее решение данной проблемы: КПК предоставит демократическим партиям больше свободы, одновременно не допуская к их руководству явных радикалов. Это даст возможность сохранить ситуацию под контролем, а значит – и политическую стабильность в стране. А некоторое усиление демократических партий позволит создать базу для их последующего объединения с политическими партиями Тайваня. Принятием решения о следовании курсом КПК лидеры демократических партий не только спасли свои партии от роспуска, но и предоставили возможность китайским руководителям делать заявления на международной арене о наличии в КНР многопартийности. Однако это не было многопартийностью в общепринятом смысле этого слова, и в сложившейся ситуации появилась необходимость в теоретическом обосновании того, что на практике уже существовало. Главная заслуга в создании теоретической базы принадлежит демократическим партиям. Именно на съездах этих партий было заявлено о создании «Системы многопартийного сотрудничества под руководством КПК». Это еще одно из чисто китайских изобретений, когда демократические партии не борются ни с КПК, ни между собой, а совместно участвуют в управлении страной. Формой такого участия служит работа представителей демократических партий в Народном политическом консультативном совете Китая (НПКСК). Конечно, руководящая роль КПК не оспаривается, и китайскую партийную систему нельзя назвать многопартийной в общепризнанном смысле этого термина. Однако такая система позволяет гражданам Китая, которые не принимают полностью установки КПК, посредством демократических партий все-таки не быть выключенными из политической жизни общества. «Система многопартийного сотрудничества под руководством КПК» – это одна из реалий современ-

ной политической жизни в Китае, ее существование помогает сохранять в обществе стабильность.

Но в Китае, особенно в последнее время, когда возрос интерес к политике, все громче голоса тех, кто ратует за введение полноценной многопартийности со всеми ее атрибутами: выборами, борьбой партий за электорат, как это было в Китайской республике в начале века.

Эти предложения по большей части исходят от появившихся в Китае специалистов-политологов, но прежде чем изучить их взгляды, целесообразно кратко описать ход развития политологии в Китае.

Китайская политология имеет достаточно давнюю историю. Так, в самом начале XX в. (по другим источникам в конце XIX в.) была основана Ассоциация политических наук Китая, в которой состояло свыше 80 членов. Были созданы факультеты политологических наук при университетах и институтах. Известно, что до 1949 г. в 45 из имевшихся в Китае 200 вузов существовали факультеты политологии [13, с. 125]. Активно велась работа над переводом трудов зарубежных авторов.

В период с 1952 и до конца 1970 гг. политология в КНР переживала упадок. Во многом это происходило из-за того, что китайские ученые находились под влиянием советской модели, которая подменяла политологию теорией государства и права и историческим материализмом.

Возрождение политологии как науки началось в 1980 г.. В относительно короткие сроки были созданы Ассоциация политологов в Китае, институт политологии АОН Китая, местные отделения Ассоциации, факультеты политологии при университетах. К 1985 г. факультеты политологии были созданы в Фуцзянском, Пекинском, Цзилиньском университетах, а также в Китайском политико-юридическом институте. Группы повышения квалификации по специальности «политические науки» – в Нанькайском, Шаньдунском и Шанхайском университетах, а также в Восточно-китайском педагогическом институте. В 1984 г. Ассоциация политологов Китая была принята в Международную Ассоциацию политических наук [14, с. 110]. С 1985 г. в Китае издается специальный политологический журнал «Чжэнчжисюэ яньцзю» («Политологические исследования»). В настоящее время политология оказывает существенное влияние на ход общественного развития китайского общества. Одним из важнейших направлений этого влияния являются исследования проблем реформы политической системы и демократизации.

Среди основных сфер политических исследований политологи КНР выделяют классовые признаки, общественные системы, политические концепции, государственные различия (политические системы государств различных типов), политические явления и некоторые другие.

К политическим явлениям, по мнению китайских ученых, относятся теории государства, политики, политических партий и т. д. [15, с. 24] . Таким образом, можно говорить, что разработкой партийной теории занимаются не только партийные функционеры, но и ученые, имеющие специальное образование. Без всякого сомнения, их работа существенно обогатила китайскую партийную теорию.

Некоторые из китайских ученых, опираясь на опыт других стран (в первую очередь европейских), предлагают ввести в Китае многопартийность. Сторонники многопартийности считают, что соревнование между политическими партиями на общественно-политической арене облегчит рост демократии и позволит устранить беззаконие, произвол чиновников, создаст противовес власти бюрократического аппарата, будет гарантировать полный плюрализм мнений. Такая точка зрения особенно популярна среди студентов и некоторых преподавателей высших учебных заведений Китая. Так, в конце 1980-[гг. споры о преимуществе одно и многопартийных систем приняли особенно бурный характер. Причем количество студентов и преподавателей, выступавших за введение многопартийности, росло. Согласно выборочным опросам в 1986 г. за многопартийность в Китае высказалось 20 % опрошенных, а в 1988 г. – уже более 21 % [16]. Эти данные взяты из официального источника КПК, следовательно? можно предположить, что на самом деле процент ратовавших за введение в Китае многопартийности несколько выше. Не случайно для примера взято китайское студенчество, так как именно студенты всегда считались самой политически активной частью общества.

Требование о введении в Китае полноценной многопартийности выдвигалось и во время печально известных событий на площади Тяньаньмынь. После жестокого подавления студенческих выступлений разговоры о введении многопартийности несколько стихли, однако сейчас эта тема вновь обретает актуальность.

Уже нет и, наверное, не будет массовых выступлений с требованием введения многопартийной системы, однако дискуссии на эту тему ведутся как в стенах вузов, так и на страницах печати. Пока в этой дискуссии верх одерживают сторонники сохранения прежней системы. Так, на конференции, посвященной развитию в Китае политологии, проводимой редакцией журнала «Чжунго шэхуй кэсюэ», помимо всего прочего было заявлено, что успешная политика реформ в КНР возможна только при сохранении руководящей роли КПК, в против-

ном же случае общество быстро скатится к конфронтации [17, с. 13] .

Отстаивая идею сохранения системы политических партий КНР в неприкосновенности, ее сторонники приводят следующие аргументы. В условиях двух или многопартийной системы создается ситуация, когда «ты свою песню спел, и на сцену выхожу я», т. е. когда государственная власть может переходить из рук в руки от одной партии к другой. Последствием этого неизбежно будет раскол государства, социальный хаос, бедствия народа. Это, по их словам, подтверждает история. После Синьхайской революции в Китае появилось больше 300 партий и политических группировок, что привело к плачевным результатам.

Необходимость сохранения существующей однопартийной системы диктуется и наличием враждебных социализму сил как внутри страны, так и за ее пределами.

В Китае, где феодализм насчитывает многотысячную историю, до сих пор сохраняются различные тайные союзы и реакционные организации, которые носят не только религиозную окраску, но и преследуют политические цели. Если представить свободу организации партий, то эти союзы легализуют свою деятельность и, создав «партии», от подпольной работы перейдут к открытой, легальной.

По мнению известного китайского ученого Сунь Сикэ, исторический и современный опыт, китайский и международный – все говорит в пользу сохранения «многопартийного сотрудничества при руководящей роли КПК, поскольку, именно благодаря ей, поддерживается в стране политическая стабильность, укрепляется сплочение всех национальностей страны, успешно осуществляется социалистическая модернизация» [18, с. 91].

Говоря о руководящей роли КПК, один из наиболее почитаемых в Китае политиков XX века Дэн Сяопин говорил: «Эта система отвечает требованиям национальной специфики, ее особенность состоит в сотрудничестве партий, в системе политических консультаций, едином политическом фронте, руководимая КПК, она отличается от многопартийной или двухпартийной системы западных стран, а также от однопартийной системы некоторых социалистических стран. Ее особенность и преимущество состоят в сохранении руководящей роли КПК, что предопределено историческим опытом и поддерживается китайским народом и всеми демократическими партиями. Это основа их сплочения и сотрудничества.

Руководящая роль КПК не означает, что она подминает под себя все дела, монопольно решает все вопросы. Нет, она осуществляет политическое руководство демократическими партиями и группами, которые пользуются согласно Конституции политической свободой и правами, сохраняя организационную самостоятельность и определенное законом равенство.

Каждая из демократических партий и групп участвует в работе правительства. Они не являются правящими, как КПК, и в этом их коренное отличие от КПК. Между ними существует система взаимного контроля. Они совместно отвечают за судьбу государства» [18, с. 100] .

Далее Дэн Сяопин говорил: «При осуществлении политической реформы надо сохранять социалистическую направленность. Враждебные силы внутри и вне страны выступают за такую политическую систему, при которой была бы парламентская демократия, разделение трех властей, многопартийная система. Их цель – вызвать в Китае беспорядки, изменить характер общественного и политического строя, вернуть Китай на путь капитализма. Наша цель – сохранить и улучшить социалистическую политическую систему» [18, с. 101] .

Таким образом, можно говорить, что в Китае имеются традиции существования политических партий, восходящие к концу XIX началу – XX вв. История Китая знает периоды многопартийности, когда существовало до 300 партий (после Синьхайской революции), периоды двухпартийности (когда сначала мирными методами, а затем с помощью оружия боролись КПК и Гоминьдан) и периоды монопольного господства одной партии (Тайвань 1949–1986 гг., КНР в период «культурной революции»).

Параллельно с ходом развития партий в Китае развивалась их теоретическая база, причем во многом она имела специфические китайские черты. На начальном этапе формирования идей о партиях, большую помощь китайским ученым оказали советские специалисты. Существенное влияние на становление партологии в Китае в 30-е гг. оказали исследования русского эмигранта, жившего в Харбине, профессора политологии Н.Е. Эсперова.

После раскола китайского общества в 1949 г. теория политических партий развивалась двумя путями. Тайваньские ученые в основной своей массе занимались адаптацией западной и в первую очередь американской модели к реалиям Тайваня, а в КНР велась работа по созданию своей собственной теории партийного строительства на марксистской основе сталинского типа.

В результате на Тайване сформировалась многопартийная система, напоминающая западную, а в КНР была образована «Система многопартийного сотрудничества под руководством КПК».

Следует отметить, что степень интенсивности научных исследований в этой области в КНР напрямую зависит от того, какое место в жизни ки-

тайского общества занимает политология – наука, которая занимается этими проблемами.

Ввиду того что политология в Китае становится все более популярной, можно прогнозировать, что в ближайшее время появятся новые труды в области теории партии.

Каковы же особенности китайской партологии? В китайских политических партиях особое внимание уделяется укреплению партийной структуры и партийной дисциплины. Считается аксиомой, что добиться успеха может только крупная политическая партия. Кроме того, характерной чертой китайского партийного строительства является то, что членам одной из партий разрешалось вступать в другую при сохранении своего членства в первой.

Одним из самых важных результатов деятельности политических партий в Китае является создание концепции «одна страна – две системы», которая сейчас лежит в основе процесса мирного объединения китайской нации.

Особое место в китайской партологии занимает разработка теоретической базы «Системы многопартийного сотрудничества под руководством КПК». Основными трудами в этой области являются монографии Чжан Миншу «Краткий очерк политической системы Китайской Народной Республики» (Нинся, 1993), Юй Гана «Демократические партии и группировки в Китае» (Пекин, 1987), Чжэнь Цяня «Развитие политической системы современного Китая (1949–1988)» (Пекин, 1988) и Сяо Чаожаня «Политическое развитие Китая в XX в. и система многопартийного сотрудничества» (Пекин, 1991). Основу всех этих трудов заложили разработки одного из самых известных китайских политиков Чжоу Эньлая (1898–1976) в области теории «Единого фронта». Сборник его трудов под названием «Чжоу Эньлай о "Едином фронте"» регулярно издается в КНР.

При фактически монопольном праве КПК на власть у большого числа представителей интеллигенции, не считающих для себя приемлемым состоять в Коммунистической партии, есть прекрасная возможность реализовать свой потенциал, участвуя в работе демократических партий.

Все вышеперечисленные китайские ученые, а также и многие другие, такие как Ван Няньи, Чжэнь Цянь, Ван Цзинь, а с ними и руководство КНР, считают, что введение полноценной многопартийности является нецелесообразным, так как это существенно дестабилизирует политическую обстановку в стране. Китай, начавший реформу политической системы раньше СССР, уже добился существенных результатов, сохранив целостность страны и относительный покой в обществе. Основной причиной этого, несомненно, является то, что в Китае сохраняется руководящая роль КПК, которая является важнейшим стабилизирующим фактором. Политическое руководство КНР предпочитает не развивать многопартийность, а постепенно давать больше свобод уже имеющимся демократическим партиям.

Конечно, многие как на Западе, так и в России считают систему многопартийного сотрудничества не демократичной и не отвечающей современным требованиям партийной науки. Но коль скоро такая система существует и успешно развивается в столь крупном государстве как КНР, то эта система, несомненно, является частью обширного багажа мировой политической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тихвинский, С.Л.* Завещание китайского революционера / С.Л. Тихвинский. – М., 1986. – 244 с.

2. *Ленин, В.И.* ПСС: Т. 22. Обновленный Китай / В.И. Ленин. – М., 1980. – С. 189–193.

3. *Ленин, В.И.* // ПСС. Т.23: Борьба партий в Китае / В.И. Ленин. – М., 1980. – С. 139–143.

4. *Бурлацкий, Ф.М.* Мао Цзэдун и его наследники / Ф.М. Бурлацкий. – М., 1979. – 248 с.

5. Цзуйцзинь шице гэго чжэндан. (Политические партии стран мира). – Шанхай, 1929.– 861с.

6. *Эсперов, Н.Е.* Политические партии и представительный строй / Н.Е. Эсперов. – Харбин, 1931. – 148 с.

7. *Ralph, N.* Clough, Island China / N. Ralph. – Massachusetts, Harvard University Press, 1978. – 264 p.

8. Чжунго чжэнчжи фачжань юй дуодан хэцзо чжиду. (Политическое развитие Китая и система многопартийного сотрудничества. Пекин, 1991.

9. *Мао, Цзэдун.* Избранные произведения / Мао Цзэдун. – Пекин, 1977. Т. 5. – 348 с.

10. Чжоу, Эньлай. Туньи чжаньсянь вэньсюань (Э. Чжоу о Едином фронте) / Чжоу Эньлай. – Пекин, 1984. – 204 с.

11. *Степанова, Г.А.* Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике / Г.А. Степанова. – М., 1999. – 212 с.

12. Социализм и демократические партии // Жэньминь жибао, 1976, 25 августа.

13. *Brugger, B.* The revival of political science in China / B. Brugger // Austral. j. of Chin. – Affairs. – 1998. – № 5. – P. 132–140.

14. Реформа политической системы в КНР/ Под ред. Никитиной Т.И. – М., 1991. – 189 с.

15. Гуаньюй чжэнчжисюэ яньцзю дуйсян хэ фаньвэй ды таолунь. (Обсуждение проекта и рамок политологических исследований) // Синьхуа вэньчжай. – 1986. – № 10. – С.20–31.

16. Чжан Кун Сяндай додан хэцзо (Современное многопартийное сотрудничество) // Жэньминь жибао. – 1989. – 06 сентября.

17. Чжунго чжэнчжисюэ сюэпэн хуйи цзылэй (Материалы научной конференции о будущем китайской политологии) // Чжунго шэхуй кэсюэ.- 1996.- № 4.-С.13-78.

18. *Делюсин, Л.* Политическая реформа и проблема демократии в Китае / Л. Делюсин. – М., 1993. – 259 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

С.В. Синякин

СИНЯКИН Станислав Валериевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии Уссурийского государственного педагогического института.

В современном обществе постоянно воспроизводится и обновляется политическая и бюрократическая элита (выборные политики и назначаемые управленцы), непосредственно обеспечивающая политический процесс. Это своего рода «центральная политическая система» как совокупность органов управления политическим процессом и его координацией (парламент, правительство, администрация). Обнаружение механизмов выдвижения людей на государственные должности и выявление источников централизации и децентрализации процессов принятия политических решений является предметом анализа данной статьи. Элитарная концепция политического процесса позволяет исследовать роль государственных структур, социальные, культурные характеристики элиты и способы ее рекрутирования.

The political and bureaucratic elite such as elective politicians and appointed business – managers who ensure divectly the political process in the modern society, is constantly substituted and renovated. It is kind of the «central political system», presenting is the bulk of the leading bodies which direct of political process and its coordination (parliament, government, administration). Indication people by mechanism of revealing to the state vacancies and the sources of centralization and decentralization in the process of reaching political decisions is the subject of this article. The elite conception of the political process let us analyze both the role of the state organizations and unformal participants and social, cultural characteristics of the elite and ways of its recruiting.

История политической мысли человечества в значительной мере связана с решением принципиального как для научного политического анализа, так и для политической истории человеческой цивилизации вопроса: кому принадлежит власть и кто должен управлять? Столь же старыми являются и две оппозиционные по отношению друг к другу модели организации общественной, в частности, политической жизни – элитарная и демократическая. Спор между сторонниками этих моделей, зародившийся еще в античности, приобрел в истории аспект противостояния цивилизаций: «Восток–Запад». Политическая традиция древнекитайской и древнеиндийской цивилизаций, которая настаивала на природном неравенстве людей, естественной иерархии и «таинстве» политики и правления, в сочетании с античной традицией, в которой Платон наиболее последовательно и систематично развивал аналогичные подходы, обеспечивала доминирование подобного отношения к обществу в истории социальной и политической мысли. «Христианский мир» средних веков практически свел на нет сформировавшуюся в Древней Греции демократическую традицию. Только Новое время, Реформация и общий процесс становления капитализма в Европе дали новый шанс сторонникам демократизма, в первую очередь в рамках западной цивилизации. Новым в истории политической мысли Запада становится попытка разработки новых концепций демократии, которые предполагают цивилизованную «демократическую элитарность» необходимым условием существования любого сложного организованного общества.

Наиболее общим утверждением элитарных концепций безотносительно к их разновидностям является тезис о существовании в любом обществе господствующего меньшинства и управляемого большинства. Тем самым радикализируется дихотомия «элита–масса».

Разнообразие элитарных концепций фиксирует неоднозначность понимания самого понятия «элита», а также различные подходы к вопросам о природе и внутренней структуре элит, механизмах их формирования, функционирования, трансформации, легитимности. Элитарные концепции также подразделяют в зависимости от того, какие характеристики позволяют некоторой группе достигать статуса элиты. Здесь можно говорить о психологическом (Парето), организационном (Моска, Михельс), экономическом (Бернхем) и институциональном (Миллс) подходах. В целом под политической элитой понимается некоторая социальная группа, обладающая наиболее высоким *индексом* (по термину Парето) власти или доступа к ресурсам власти, представления о которых могут быть совершенно разными не только в рамках различных исследовательских традиций, но и в конкретике политического пространства и времени.

Политическая элита – это достаточно самостоятельная, относительно привилегированная группа (группы), обладающая в той или иной степени выдающимися социально-политическими и психологическими качествами, участвующая в принятии и реализации решений, связанных с использованием государственной власти или воздействием на нее. Существование элиты высоко функционально для политической системы и в силу этого имеет основополагающее значение для политического процесса.

Формальное определение политической элиты как группы (или групп), выделяющейся из остального общества, отличающейся от других групп влиянием, привилегированным положением и пре-

стижем, непосредственно и постоянно участвующей в принятии решений, связанных с использованием государственной власти или воздействием на нее, означает, в сущности, что политическая власть осуществляется именно ею, этим меньшинством, правящей элитой. Включение в состав политической элиты людей, занимающих руководящие или господствующие позиции в обществе, отражает самую непосредственную связь политической элиты с политическим лидерством, означающим управленческий статус, обладание властью личностью, способной оказывать приоритетное влияние на других либо в силу этих статусных, должностных позиций, либо (неформальный аспект политического лидерства) в силу индивидуальных качеств, способностей, а также признания за лидером этого права.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что о существовании элиты можно говорить тогда, когда в обществе имеется четко определенная и стабильная группа, которая может быть названа также «правящим классом». Правящая элита всегда одна, представляет ли она какую-либо из «отраслевых» элит или формируется на основе консенсуса, слияния или же взаимопроникновения нескольких.

Члены элиты не только имеют общие интересы, но также чувствуют собственную принадлежность к некоему особому, единому, узкому и закрытому миру, в котором согласие и сотрудничество достигаются спонтанно, даже в условиях ограниченного общения. Это является результатом существования господствующего и подчиненного классов, ясное и отчетливое представление о принадлежности к которым внушает участникам их социальная система. Данное внушение в свою очередь осуществляется легче в более закрытых системах, с жесткой иерархией, ограниченными и стабильными социальными статусами и ролями, более или менее непрозрачными границами между классами.

С точки зрения данного подхода номенклатура является правящей элитой общества, т. е. группой, обладающей наиболее высоким индексом власти или доступа к ресурсам и центрам власти. Это закрытая, внутренне неоднородная, иерархически выстроенная и организованная на принципах строгого подчинения и жесткой централизации социальная группа. Внутренняя ее неоднородность может быть определена в данном контексте двояко – как иерархичность построения и как множественность сфер деятельности и функций, с которыми связаны номенклатурные должности. Механизм формирования данной группы ограничивается чисто внутренними процедурами и не требует согласования с обществом в целом. Это также подразумевает, что критерии отбора кандидатур и их назначения всецело определяются высшими представителями иерархии и находятся в соответствии с господствующей идеологией, которая в данном случае является государственной.

Коммунистическая партия, выступая в качестве института, организующего функционирование Советского государства, формировала корпорацию управленцев, опираясь при этом на номенклатурный принцип отбора, который в данном контексте можно охарактеризовать как захват командных высот и осуществление контроля над государством через систему номенклатуры должностей, не ограничивающуюся установлением контроля над государственным аппаратом, но стремящуюся охватить все сферы общественной жизни. С другой стороны, номенклатурный принцип позволяет группе, захватившей контроль над государством, трансформировать и общество в целом, имея целью не только подчинить его своей собственной идеологии, но и сформировать иные или наполнить новым содержанием прежние каналы социальной мобильности для обеспечения в конечном счете собственной безопасности и стабильности своей власти.

Необходимо также выявить те ограничения, которые накладывают исследования номенклатуры на объяснительные схемы теории элит. Главным здесь является вопрос о причинах и механизмах трансформационных процессов внутри номенклатуры, которые привели к принципиальным изменениям в системе организации и функционирования советской правящей элиты. Недостаток в этом смысле элитарных построений проявляется при анализе процессов институционализации и бюрократизации управляющих категорий в советском обществе – процессов, характерных прежде всего для современного общества. Ведь элитарные концепции фиксируют в первую очередь сам факт существования некоторого привилегированного меньшинства, противостоящего подчиненному большинству. Представления же о бюрократии связаны как раз с процессом институционализации и рационализации управления, со становлением управления как профессиональной сферы деятельности. Вебер рассматривал рационализацию как объективный закон развития общества; появление бюрократии и ее анализ непосредственно связаны с действием этого закона.

Действительно, феномен «бюрократической организации», «аппарата» становится ключевым компонентом в анализе как элитарных концепций, так и социальной реальности в той мере, в какой речь идет об институционализации политической элиты и профессионализации процесса управления. Функционирование правящей элиты может быть организовано различными способами, а сама эта элита, имея сложную внутреннюю структуру, лишь в одном из своих проявлений выступает как управляющая. Бюрократическая или административная элита формирует аппарат управления, выступая посредником между собственно политической эли-

той и населением. Таким образом, вряд ли возможно, чтобы бюрократия сама по себе рассматривалась как политическая элита и чтобы понятия «бюрократия» и «элита» отождествлялись. С другой стороны, в бюрократических структурах заложена тенденция к организации собственного господства. В. Брудер указывал, что накопление бюрократией запаса профессиональных знаний открывает перед ней возможность в перспективе применять эти знания как средство господства. Управленческий аппарат, движущийся по пути все большей профессионализации и специализации, во всевозрастающей мере приобретает политические функции. В результате этого бюрократизируются и сами политические институты.[1] Таким образом, различение, с одной стороны, бюрократической и административной, а с другой – бюрократической и политической элит имеет выраженную ценностную (негативную) нагрузку.

Если господство проявляется прежде всего в управлении, то это позволяет рассматривать контроль над управленческим аппаратом как наиболее ценный ресурс власти; сам аппарат начинает играть роль значимого ее центра. Это дает основания рассматривать советскую бюрократическую управленческую систему как относительно независимый политический институт, который не находится уже в жесткой связи с существующей политической элитой и может сохраняться даже при смене политических элит. При этом неизбежна борьба за аппарат между различными представителями высшей политической элиты. На этот счет П. Бурдье писал: «По мере того как политика профессионализируется и партии бюрократизируются, борьба за политическую мобилизационную власть все более превращается в двухступенчатое соревнование: от исхода конкурентной борьбы за власть над аппаратом, которая разворачивается внутри аппарата исключительно между профессионалами, зависит выбор тех, кто сможет вступить в борьбу за завоевание простых мирян».[2] В определенный момент победа в борьбе за аппарат становится для некоторых политических субъектов (лидеров) мировой, так как ее итогом является не подчинение аппарата себе, а наоборот: аппарат выбирает, кому он будет подчиняться. Политический лидер попадает в зависимость от аппарата и, выполняя функции его главы, расплачивается за высокий социальный статус тем, что становится заложником системы. Яркий тому пример – новейшая история президентства в России.

Еще один исследовательский подход рассматривает политическую элиту как некоторый «новый класс» (Джилас, Восленский). Этот подход генетически связан с марксистской теорией и соответствующим рассмотрением понятия «социальный класс». Отсюда можно констатировать и неприятие здесь понятия «элита». Можно представить этот факт, как простой спор о терминах. Однако более важным является то, что, когда элитарные концепции одним из своих постулатов выдвигают дихотомию «элита–масса», они имеют в виду не только и не столько оппозицию «меньшинство–большинство», а противостояние «организация–хаос». При этом предполагается, что лишь меньшинство является организованным и способно на коллективные действия, тогда как масса лишена организованности и аналогичной способности. Еще Платон говорил, что толпа и демократия как власть толпы не способны адекватно реагировать на сложную действительность, а следовательно, и лишены политической привлекательности и потенциала, и не могут быть востребованы полноценным обществом. Таким образом, элита властвует и правит, опираясь на то, что она является реальной группой (а не абстракцией типа «народной» воли) в силу собственной малочисленности и способности к реальным действиям. Ибо в политике только реальные дела имеют вес, слова и резолюции здесь легче воздуха. Пример – современные политические процессы в мире.

Итак, можно говорить, что метафора «новый класс» достаточно ясно определяет положение номенклатуры в системе общественного разделения труда. Она выступает как «новый класс управляющих», и основывает свою экономическую власть на политической власти, которая предоставляет ему реальное обладание средствами производства. Такой подход может служить объяснительным принципом при анализе взаимоотношений правящей элиты с зависимым населением при рассмотрении вопроса о номенклатурной приватизации в условиях дезинтеграции социалистической системы хозяйствования.

Таким образом, можно резюмировать, что изучение политической элиты заключается в содержательном соотнесении широкого круга пересекающихся и взаимодополняющих понятий.

Логика нынешней политической ситуации подсказывает и то, что ее генезис не может быть связан только с системными социально-экономическими изменениями, формированием новой структуры общества. Принципиальным является вопрос о смене логики воспитания и трансформации самой нынешней элиты. В этом контексте можно вспомнить знаменитое высказывание Моски: «Существует единственный способ избежать смерти государства или нации в один из тех острых кризисных периодов, которые вызывают исчезновение цивилизации, принося с собой величайшее несчастье для современников. Необходимо, чтобы правящие классы не переставали по своей воле трансформироваться и усиливать свою связанность, последовательно усваивая новые принципы, которые до этого постепенно вытесняли старые».

[1] Брудер В. Бюрократия // Политические исследования. 1991. № 5.
[2] Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 215.

ИСТОРИЯ

БАЗОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (1923–1941)

Ю.В. Пикалов

ПИКАЛОВ Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Хабаровского государственного педагогического университета.

В статье рассматриваются проблемы развития социальных групп населения, на которые опиралось партийное и государственное руководство СССР при проведении специфической социальной политики. Анализируется процесс становления инфраструктуры и материальной базы этой политики. Делается вывод о том, что низкий уровень развития социальной сферы был обусловлен большими затратами государства на строительство военно-промышленной базы для подготовки к отражению агрессии.

In the article of U.V. Pikalov are analyzed the problems of social development in the Far East of Russia (1923–1941 years). The main of them are: social group of population; material basis of social politics and its structure. The conclusion of the article is the next: a low level of social programs in the Far East of Russa has been determined by needing of military industrial development.

Переход Дальнего Востока от войны к мирной жизни протекал в очень трудных условиях. Американские, японские, английские, канадские, французские, итальянские, китайские, чехословацкие войска, отряды белогвардейцев и контрреволюционных сил нанесли значительный урон его экономике и социальной сфере.

Погибло в боях, умерло от ран, расстреляно интервентами около 80 тыс. чел. Общие потери сельского населения Дальнего Востока были значительно больше, чем в других районах РСФСР. Свыше 5 % хозяйств остались без взрослых мужчин, более 35 тыс. инвалидов, вдов и сирот нуждались в помощи[1].

В Приамурье интервенты разграбили 5775 крестьянских хозяйств, сожгли 1617 дворов. Из Владивостока и других портов они увели около 500 судов. Ущерб, нанесенный Амурскому пароходству, составил 35 млн золотых рублей[2].

Более длительному опустошению вплоть до 1925 г. подвергалась российская часть о. Сахалина, оккупированная японскими войсками. Сахалинский ревком в докладе о политико-экономическом положении северной части острова отмечал, что японцы вывозили лес в больших количествах; эксплуатировали 23 «рыбалки», 31 нефтяную скважину, добывали уголь из 7 месторождений; за 1921–1925 гг. вывезли 306117 тонн угля[3].

Довоенный уровень народного хозяйства региона был достигнут лишь к 1928 г. Если в целом по СССР восстановительный период закончился в 1926 г.[4], то на Дальнем Востоке он продлился еще на 2 года. Это в определенной степени сказалось на формировании материальной базы социальной политики.

Одним из основных показателей состояния материальной базы социальной политики, характеризующим ее направленность и развитие, является бюджетное финансирование.

Бюджетное финансирование образования и здравоохранения Дальнего Востока делится на два периода. В первый период 1923–1928 гг. финансирование незначительное. По СССР в среднем за этот же период тратилось больше средств: на образование – на 1,6 %, на здравоохранение – в 2 раза[5]. С 1926 по 1928 г. средства из бюджета СССР хотя и поступали на Дальний Восток, но, как уже отмечалось выше, шли на развитие экспортных отраслей промышленности. Отсюда и скудность местного бюджета. С 1929 г. картина меняется. Активное включение региона в индустриализацию и форсированное развитие экспортных отраслей; заинтересованность центра в укреплении дальневосточного форпоста на Тихом океане позволили резко увели-

[1] См.: Ильюхов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье. Л., 1928. С.137.
[2] Из истории организаций КПСС на Дальнем Востоке. С. 140.
[3] ГАХК. Ф.937. Оп. 1. Д. 30. Л. 3-11.
[4] В резолюции XV конференции ВКП(б), работавшей 26 октября – 3 ноября 1926 г,. «О хозяйственном положении страны и задачах партии» было сказано: «Восстановительный период может считаться в общих чертах законченным» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 9-е изд. С. 364.
[5] ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 47. Л. 9 об.

чить финансирование важнейших направлений социальной политики. Теперь уже на Дальнем Востоке, по данным 1940 г., тратилось больше средств, чем в среднем по СССР: на образование – в 2,7 раза, на здравоохранение – в 4,3 раза[1].

Весомым базовым показателем формирования социальной политики является развитие сельского хозяйства. Обеспечение населения Дальнего Востока продуктами питания являлось делом государственной политики.

В восстановительный период 1923–1928 гг. обеспечение дальневосточников продовольствием осуществлялось в значительной мере посредством рыночных распределительных механизмов. Анализ оптового оборота сельскохозяйственных товаров Дальневосточной области за 1923 и 1924 гг. показывает, что наибольшим спросом пользовались пшеница, рис, хлеб (2–2,5 оборота в год); наименьшим – картофель (0,3 оборота в год). Картофель и свинина являлись единственными сельхозтоварами, обеспеченность которыми достигалась полностью за счет местного производства. Товарная структура пшеницы складывалась из следующих частей: 587 тыс. пудов (13,5 %) производилось на месте; 2609,2 тыс. пудов (59,8 %) завозилось из других регионов СССР; 1167,2 тыс. пудов (26,7 %) импортировалось из-за рубежа. По остальным продовольственным товарам зависимость ввоза была гораздо меньшей. Местное производство обеспечивало внутренние потребности населения: в рисе – на 97 %, в мясе – на 89 %, в муке пшеничной – на 91 %[2]. Наибольшая зависимость региона от ввоза из других районов СССР, как видим, была связана с нехваткой пшеницы. По остальным позициям ассортимента продовольственных товаров положение не вызывало особой тревоги. Сельское население Дальнего Востока, по данным переписи 1923 г., составляло 77,1 %, или 1205 тыс. чел.[3]. При этом в хозяйствах крестьян содержалось: 902319 голов крупнорогатого скота; 755830 овец и коз, 371670 свиней[4]. На одно хозяйство приходилось в среднем 7,2 головы скота, а по СССР – 6,3[5]. К концу восстановительного периода, в 1928 г., на одно крестьянское хозяйство приходилось в среднем 3,3 головы только крупного рогатого скота[6].

Норма потребления пшеницы на душу сельского населения составляла в среднем за восстановительный период 99,2 кг в год[7].

В итоге развития сельского хозяйства Дальнего Востока в 1923–1928 гг. определилась следующая картина. Сельские жители, составлявшие 3/4 всего населения, обеспечивали себя мясом, овощами и хлебом. Кроме того, они поставляли горожанам овощи и мясо. Снабжение городского населения хлебом и всех жителей другими продовольственными товарами осуществлялось за счет ввоза из других районов СССР и импорта.

В реконструктивный период 1929–1941 гг. картина развития сельского хозяйства и обеспечения населения продовольствием принципиально поменялась. Связано это было с проведенной на Дальнем Востоке в 1930–1938 гг. сплошной коллективизацией. В целом по Дальнему Востоку в 1938 г. в колхозы было объединено 94,7 % всех крестьянских хозяйств[8].

Официально заявленные партийным руководством цели коллективизации – преодоление отсталости сельского хозяйства и превращение его в крупное социалистическое производство – никак не соответствовали полученным результатам. В 1934–1936 гг. доходы сельского хозяйства превышали расходы в среднем в 2,5 раза. Такая политика приводила к истощению сельского хозяйства. В 1937 г. его доходы и расходы сравнялись, а с 1938 г. и сельское хозяйство стало убыточным, так как теперь уже его расходы превышали доходы в 2,5 раза. Другими словами, ситуация изменилась в диаметрально противоположном направлении.

Вопреки официальным заявлениям об успехах коллективизации на Дальнем Востоке[9], большое количество фактов свидетельствовало об обратном. В 1937 г. в Хабаровской области по всем отраслям сельскохозяйственного производства работы были проведены плохо. План сева не был выполнен. 53,8 % посева провели вручную,сортовыми семенами пшеницы засеяли лишь 62,9 % пашни, а потому собрали низкий урожай, в среднем – по 4,08 ц с га. Все это сказалось на весомости трудодня. Из 118 колхозов области выдали на трудодень сельхозпродукции: менее 1 кг – 56 хозяйств, 1–2 кг – 37

[1] Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 629, 631.
[2] ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 70. Л. 15 об.
[3] ГАХК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 46. Л. 12.
[4] Предварительные итоги переписи населения по ДВК. Хабаровск, 1927. С. 28.
[5] ГАХК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 46. Л. 22.
[6] ГАХК. Ф. 353. Оп. 278. Л. 5.
[7] Подсчитано на основании: ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 20. Л. 59; Д. 67. Л. 20.
[8] ГАХК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 46. Л. 17, 22.
[9] В отчете Хабаровского крайисполкома об итогах социально-экономического развития края в 1928-1935 гг. сказано: «Колхозная деревня стала твердо на рельсы социалистического производства,… для построения бесклассового общества создана твердая незыблемая основа не только в городе, но и в деревне…» См.: ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 20. Л. 14.

хозяйств, 1–3 кг – 16 хозяйств, ничего не выдали – 9 хозяйств[1].

Таким образом, в 1929–1941 гг. в результате социально-экономических и политических мер партийно-государственного руководства страны и региона развитие сельского хозяйства и уровень обеспечения населения продовольствием стали целиком зависеть от государства. На базе этого строилась соответствующая партийно-государственная социальная политика.

Успех реализации партийно-государственной политики в области социального развития Дальнего Востока, как и любого другого региона страны, зависел от качества и уровня организации инфраструктуры социальной сферы. Она включала в себя системы образования, здравоохранения, организации торговли и т.п. Это были своего рода каналы, по которым реализовывалась партийно-государственная социальная политика.

Состояние народного образования Дальнего Востока в начале восстановительного периода отражено в информации отдела народного образования Дальневосточного революционного комитета, направленной в информбюро Дальревкома 27 марта 1923 г. [2] По этой информации, на Дальнем Востоке имелись 2 вуза: Государственный Дальневосточный университет во Владивостоке (ГДУ) и Государственный институт народного образования в Чите (ИНО). Состав студентов в Чите насчитывал 864 чел. По социальному положению они распределялись следующим образом: крестьян – 43,6 %, рабочих – 2,8 %, служащих – 14,9 %, прочих – 38,7 %. При обоих вузах имелись рабфаки: 300 чел. – в ГДУ и 326 чел – в ИНО. Учебные заведения среднего профобразования насчитывали: техникумов – 11, училищ – 7, сельхозучилищ – 3, художественных школ – 2. Отмечалась недостаточная материальная база профтехучилищ. Исключение составляли лишь Владивостокский промышленно-экономический техникум, железнодорожное училище в Хабаровске и речное училище в Благовещенске. Преподавательский состав техникумов и училищ был представлен следующим образом: с высшим образованием – 42,6 %, со средним специальным – 20 %, прочие – 37,4 %.

Общее число школ составляло 1904 со 153000 учащихся. Указывалось, что ряд школ был закрыт в связи с тяжелыми экономическими условиями, в которых оказались местные органы управления. Было отмечено, что школы целиком обучают по старым программам и методикам. Реформирование школ в трудовые, как это было принято в других регионах РСФСР, только начиналось. Материальное положение учителей было крайне тяжелым вследствии сокращения штатов, невысокой оплаты труда, неаккуратной выплаты зарплаты. В городах учителя должны были давать до 60 и более уроков в неделю. На селе учителя питались у родителей своих учеников по специально установленному графику.

Из общего числа школ лишь 141 (10 %) состояли на полном государственном обеспечении. В них работало 844 учителя, которые получали зарплату в 100 %-м размере. За счет сельских обществ содержалось 43 % школ. Оставшаяся часть школ – 47 % их общего числа – находились в крайне нестабильном финансовом положении.

Таков был уровень народного образования на Дальнем Востоке, с которого местным партийным и советским органам приходилось начинать его реформирование. Они исходили при этом из тех материальных возможностей, которые имелись.

Первой главной задачей в этой области являлась ликвидация неграмотности населения. Цель этой деятельности состояла не просто в том, чтобы научить неграмотных читать и писать. В.И. Ленин, выступая на II Всероссийском съезде политсоветов в октябре 1921 г., разъяснил истинную цель ликвидации неграмотности: «Относительно второго врага – безграмотности – я могу сказать, что, пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, эт. е. условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке»[3]. Иными словами, ликвидация неграмотности была лишь средством достижения главной социальной цели ЦК партии – воспитания общественного сознания масс в духе марксисткой идеологии. ЦК РКП(б) придавал самое серьезное значение этой работе, поскольку, как отмечалось на XIII съезде РКП(б) (май, 1924), «…на первый план должна быть выдвинута пропаганда и разъяснение основных задач, стоящих перед партией, государством и профсоюзами в области хозяйственного, государственного и профсоюзного строительства, тактики партии и политики советской власти на основах ленинизма. Пропаганде ленинизма должно быть отведено … виднейшее место»[4].

В 1923 г. было создано добровольное общество «Долой неграмотность». В мае 1925 г. опубликова-

[1] См.: Чаусов П.Х. Завершение коллективизации крестьянских хозяйств на Дальнем Востоке СССР (1935–1937) // Форирование и развитие рабочего класса и крестьянства на советском Дальнем Востоке. Хабаровск, 1988.
[2] ГАХК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–5.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 174.
[4] КПСС в резолюциях… Т. 3. 9-е изд. С. 264.

но постановление ЦК РКП(б) «О работе общества «Долой неграмотность»«. В нем перед партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими органами была поставлена задача содействия работе общества[1]. Вплоть до 1929 г. это постановление являлось основным руководством в деле ликвидации неграмотности.

На Дальнем Востоке партийные, советские и профсоюзные организации также включались в эту работу. Результатом их деятельности стало увеличение грамотности населения от 37 % в 1923 г. до 67 % в 1929 г.[2]

В 1929 г. ЦК ВКП(б), опираясь на достижения в работе по ликвидации неграмотности, поставил более сложные задачи: «..добиться планомерной организации всей работы по ликвидации неграмотности на основе единого плана, объединения сил и средств и широкой самодеятельности всех организаций, принимающих участие в ликвидации неграмотности,…в сочетании ликвидации неграмотности со всеми формами массовой политико-просветительной работы…»[3].

Это последнее указание ЦК ВКП(б) о сочетании ликвидации неграмотности с политико-просветительной работой неукоснительно соблюдалось в Дальневосточном крае. В смете расходов на просвещение Дальневосточного края постоянно предусматривалась статья на политико-просветительную работу. В годы первой пятилетки в среднем за год эта сумма составляла около 3 млн рублей. В годы второй пятилетки она составила более 9200 тыс. рублей. При этом среднегодовое финансирование политпросветучебы в 2 раза превышало среднегодовое финансирование дошкольных учреждений[4].

Следующим важным звеном проведения социальной политики в системе народного образования было развитие общеобразовательных школ. Осуществление планов социалистической реконструкции народного хозяйства требовало повышения общеобразовательного уровня населения. ЦК ВКП(б) видел путь решения этой задачи через введение всеобщего начального обучения. На это и было направлено его постановление от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» [5]. Интерес представляют два момента этого постановления. Во-первых, с 1930/31 г. водилось обязательное повсеместное обучение в начальной школе детей в возрасте 8–9–10 лет. С этого же года нужно было приступить к введению всеобщего обязательного обучения в объеме школы-семилетки.

Во-вторых, предусматривалось значительное увеличение финансирования этого мероприятия, а также привлечение к дополнительному финансированию, строительству, ремонту и оборудованию начальных школ хозяйственных, профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций.

Введение всеобщего начального обучения на Дальнем Востоке столкнулось с большими проблемами. Главной из них являлся хронический недостаток школ. В связи с этим динамика охвата детей школьным обучением была незначительной. Этот показатель вырос от 58,2 % в 1927 г. до 58,6 % в 1929 г., т. е. всего лишь на 0,4 %[6]. Основной причиной такого положения было недостаточное финансирование. Средства на народное образование Дальнего Востока из госбюджета стали выделяться только с 1928 г. При этом удельный вес госбюджетного финансирования в расходах на образование составлял не более 14,5 % в год[7]. Ситуация со строительством новых школ осложнялась и таким фактором, как постоянный приток в край переселенцев с детьми. Количество детей школьного возраста в связи с этим росло быстрее, чем число открываемых школ. В результате чего охват детей переселенцев обучением в школах даже уменьшался. В 1927 г. этот показатель равнялся 72,7 %, в 1928 г. – 63 %, в 1929 г. – 58,5 %[8].

Реализация указанного постановления ЦК ВКП(б) требовала резкого увеличения финансирования школьного строительства. Однако расходы на эти цели в первой и второй пятилетках не превышали в среднем 17,6 % в год общего бюджета народного образования края. Этого было явно недостаточно. Фактически план строительства новых школ в первой пятилетке был сорван.

Несмотря на это, количество учащихся начальных школ увеличивалось из года в год. За ту же первую пятилетку этот показатель вырос от 134400 учеников в 1929 г. до 208800 – в 1933 г.[9]. Если в начале первой пятилетки в городах насчитывалось 63 начальных школы, а в селах – 668; то в ее конце это число увеличилось в городах до 72, а в селах – до 1059[10]. Как видим, количество начальных школ в городах выросло за пятилетку на 20 %, а в селах – на 60 %. Основной прирост школ дало село. Там вопрос об открытии школ решался не за счет нового строительства, а за счет оборудования для этих целей домов раскулаченных крестьян. Именно поэтому в 1941 г. основной прирост школ дали города – почти в 2 раза – за счет нового строительства. На

[1] См.: КПСС в резолюциях… Т. 3. 9-е изд. С. 395–396.
[2] ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 67. Л. 26.
[3] КПСС в резолюциях… Т. 4. 9-е изд. С. 512.
[4] Подсчитано на основании: ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 67. Л. 5.
[5] См.: КПСС в резолюциях… Т. 5. 9-е изд. С. 473–475.
[6] ГАХК. Ф. 353. Оп. 3 Д. 42. Л. 3.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 67. Л. 26.
[10] ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 68. Л. 173.

селе этот показатель был гораздо скромнее – всего 10 %[1].

Принципиальным событием в развитии средней школы как канала осуществления партийно-государственной социальной политики явилось постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г.[2] Его основные положения заключались в следующем:

1) общеобразовательная школа становилась полностью политехнической, т. е. такой, когда выпускники начальной школы должны были быть готовы к труду по рабочим специальностям в народном хозяйстве; выпускники неполной средней школы, помимо этого – к поступлению в техникумы; выпускники средних школ – к поступлению в вузы;

2) учебные планы, учебные программы и кадры методистов готовились на основе марксистско-ленинской идеологии;

3) снабжение учителей продуктами и промтоварами осуществлялось независимо от того, город это или село, по нормам промышленных рабочих;

4) обеспечивалось единоначалие в управлении школой;

5) повышалась ответственность учителей за преподавание, активно применялись меры поощрения и наказания;

6) надлежало избавиться от учителей и руководителей системы образования, не согласных с политикой партии в области просвещения.

Данное постановление ЦК ВКП(б) стало той основой, на которой происходила перестройка деятельности всей системы школьного обучения. Достигнув намеченных в постановлении целей, ЦК ВКП(б) пошел дальше и в 1935–1936 гг. издал целый ряд постановлений, касающихся различных сторон работы школ: «О строительстве школ в городах»[3], «Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы»[4], «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе»[5], «О порядке введения персональных званий для учителей и назначения учителей, заведующих и директоров школ»[6], «О педологических извращениях в системе наркомпросов»[7], «О развертывании сети школьных библиотек и издании литературы для них»[8].

Результатом проведения в жизнь всех этих постановлений стало то, что к 1937 г. во всей стране установилась определенная система школьного образования, которая просуществовала вплоть до 1991 г. Основными чертами этой системы были: сочетание общеобразовательного и профессионального обучения; идеологизация обучения на основе марксизма-ленинизма; особая требовательность к педагогическим кадрам; бюрократическая система управления школами; единые требования к содержанию образования; контроль партийных органов за деятельностью школ.

Система школьного образования Дальневосточного края, которая отвечала всем вышеуказанным требованиям, была сформирована в годы первой, второй и третьей пятилеток. За это время значительно изменилась структура школьного образования.

В годы первой пятилетки (1929–1933) была достигнута основная цель: всеобщее обязательное начальное обучение. В годы второй и третьей пятилеток решалась уже другая задача – широкий охват населения неполным средним и средним образованием. В целом по СССР в 1940/41 учебном году обучалось: в начальной школе – 29,1 % учеников, в неполной средней – 35,9 %, в средней – 35,0 %[9]. В сравнении с этими данными, на Дальнем Востоке численность учащихся средних школ превышала среднесоюзный показатель.

Если по СССР в 1941 г. на одну школу приходился 181 ученик[10], то в Дальневосточном крае этот показатель составлял 144 ученика[11]. Формально напрашивается вывод о том, что на Дальнем Востоке население было обеспечено школьными учреждениями лучше, чем в других регионах страны. Однако такой вывод был бы неточным без внимательного анализа демографической ситуации в крае и, в частности, такого ее показателя, как плотность населения. При этом наблюдается следующая закономерность: чем меньше плотность населения, тем больше в этом районе малокомплектных школ. Приведем ряд примеров: в Кур-Урмийском районе плотность населения составляла 0,1 человек на км² число учеников на одну школу – 63; в Нанайском районе при плотности населения 0,4 человека на км², число учеников на одну школу – 85; в Вяземском районе при плотности населения 6,2 человека на км² этот показатель составил 203 ученика[12].

Три фактора: малочисленность населения, обширность территории и неразвитость путей сообщения Дальнего Востока, соединившись воедино, привели к необходимости создания большого числа малокомплектных школ. Это, в свою очередь, по-

[1] Там же.
[2] См.: КПСС в резолюциях… Т. 6. 9-е изд. С. 569–577.
[3] КПСС в резолюциях… Т. 6. 9-е изд. С. 198–200.
[4] Там же. С. 254–257.
[5] Там же. С. 263–267.
[6] Там же. С. 332–333.
[7] Там же. С. 363–367.
[8] Там же. С. 376–377.
[9] Посчитано на основании: Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 529.
[10] Там же.
[11] Посчитано на основании: ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 68. Л. 173, 175.
[12] Пикалов Ю.В. Очерк истории социального развития Дальнего Востока России в 1922–1941 гг. Хабаровск, 1999. С. 27–28.

рождало проблемы, связанные с обеспеченностью школ учителями, учебниками, принадлежностями и мебелью.

Здравоохранение являлось одним из важнейших каналов социальной политики. Оно, как и просвещение, также требовало создания определенной материальной базы.

Начало восстановительного периода здравоохранение Дальнего Востока встретило очень низким уровнем своего развития. Половина районов края вовсе не имели больниц. А там, где они имелись, на одну больницу приходилось 35000 человек. В городских стационарах на 1000 человек приходилось 4,4 койкоместа. На селе этот показатель был и того ниже – 0,3 койкоместа[1].

Сеть здравоохранения была наиболее развитой на юге региона, в населенных пунктах, расположенных вдоль железной дороги. Что касается остальной территории, то разбросанность населенных пунктов при слаборазвитых путях сообщения создавали дополнительные трудности для посещения лечебных учреждений и своевременной доставки туда больных.

Наряду с решением вопросов финансирования социальной сферы, развития системы образования и здравоохранения партийные и советские органы предприняли важные шаги по преобразованию структуры и содержания деятельности научных учреждений. С установлением советской власти первой задачей в этом направлении было возобновление работы научных учреждений, прерванной Гражданской войной и интервенцией.

Прежде всего это коснулось восстановления деятельности отделения Русского географического общества. Они возобновили свою работу на базе Императорского Русского Географического общества. Благовещенское отделение возникло на основе старого Амурского научно-экономического общества.

В отсутствие достаточного финансирования и целенаправленной политики центра дальневосточные отделения Русского географического общества представляли собой замкнутые организации, где формально числилось 100–200 членов, а на деле работало всего 10–20 человек. При этом каждый из них действовал самостоятельно в русле своих научных интересов.

О характере научных задач, решаемых этими отделениями, можно судить по перспективному плану их научных исследований на 1925–1930 гг. В плане предусматривались следующие направления работы. В области этнографии: изучение языков, наречий и быта туземных народов. В области зоологии: изучение морских и речных тюленей и мелких грызунов. В области палеонтологии: учет всех сведений о местах нахождения ископаемых; проведение раскопок с целью обнаружения полного скелета мамонта[2].

Как видим, круг их научных интересов был узок, а кроме того, в плане не были обозначены задачи в области экономических исследований региона. Этот пробел должен был восполнить Государственный Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт (ГДВКНИИ). Он возник в конце 1923 г. при Государственном Дальневосточном университете. Первоначально его существование было узаконено постановлением научно-технической секции Государственного ученого совета от 27 июня 1924 г. Однако в 1925 г. было принято решение сделать ГДВКНИИ самостоятельным научным учреждением в ведении Главного управления научными учреждениями Наркомпроса (Главнауки). Это было закреплено в 1926 г. постановлением Совета Народных Комиссаров. В «Положении о Дальневосточном краевом научно-исследовательском институте» 1926 г. было сказано, что он имеет своей целью организацию на русском Дальнем Востоке научных исследований в различных областях знания для разработки вопросов экономики края и его колонизации[3].

Структурно институт строил свою работу по трем отделам. Естественно-исторический отдел состоял из 28 человек, 10 из которых являлись профессорами. Культурно-исторический отдел насчитывал 16 человек, среди которых было 5 профессоров. В промышленно-экономическом отделе работало 24 человека, в числе которых было 9 профессоров[4].

Таким образом, в стенах ГДВКНИИ были собраны лучшие по тем временам научные силы Дальнего Востока.

В целом к 1926 г. система научных учреждений и организаций Дальнего Востока была представлена:

1) отделениями Государственного Русского географического общества в Хабаровске, Владивостоке и Никольск-Уссурийске;

2) ГДВКНИИ в г. Владивостоке;

3) краеведческими музеями в городах Благовещенске, Владивостоке и Хабаровске;

4) краеведческими кружками в городах Александровске-на-Сахалине и Петропавловске-Камчатском;

5) метеорологической обсерваторией в г. Владивостоке.

Работа вышеперечисленных научных учреждений с 1926 г. начинает координироваться со стороны уполномоченного Главнауки на Дальнем Востоке. Им стал К.Я. Лукс, который одновременно исполнял обязанности заведующего Хабаровским

[1] Пикалов Ю.В. Очерк истории социального развития Дальнего Востока России в 1922–1941 гг. Хабаровск, 1999. С. 32.

[2] ГАХК. Ф. 871. Оп. 2. Д. 11. Л. 4.

[3] ГАХК. Ф. 871. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.

[4] Там же. Л. 9–11.

краеведческим музеем и основное внимание уделял этому учреждению.

Хабаровский краеведческий музей хотя и являлся одним из самых богатых по количеству экспонатов и их ценности, находился в тяжелом положении. Он располагался в небольшом здании, которое не ремонтировалось 30 лет. При этом нужда в музее была огромная. По словам К.Я. Лукса, только в один из дней июня 1926 г. в музее побывало более 2 тыс. посетителей[1]. В отчетах уполномоченного отмечалось, что ни один из декретов о содействии музеям на Дальнем Востоке не проводился в жизнь, помощь со стороны местных органов власти была крайне недостаточна[2].

На госбюджетной основе финансировался только Хабаровский музей. Благовещенский содержался на местные средства, а Владивостокский – на средства отделения географического общества.

Таково было положение краеведческих музеев в областных и краевом центрах. В Петропавловске-Камчатском фонды краеведческого музея размещались частью в одной комнате школы, частью на чердаке[3].

Не лучше обстояли дела с работой отделений географического общества. Они продолжали существовать в рамках случайных научных интересов, оторванных от нужд края. Все говорило о том, что традиции старого «императорского» периода тяготеют над ними. С начала своей работы и до 1927 г. они так и остались замкнутыми, малочисленными организациями, далекими от широких масс населения. Более того, Никольск-Уссурийское отделение и вовсе отошло от научной работы, превратившись в коммерческое предприятие. Оно имело фабрику со 110 рабочими и годовым оборотом в 200 тыс. рублей, ферму с оборотом 30 тыс. рублей, промышленное скотоводство, пасеку, тутовую плантацию и т. д.[4].

Очень скоро тот уровень, на котором существовала дальневосточная наука, перестал соответствовать потребностям времени. В связи с развертывавшейся ускоренной социалистической реконструкцией народного хозяйства СССР перед Дальневосточным краем встали очень ответственные задачи. Необходимо было резко увеличить производство валютной продукции и добычу сырья. Требовалось ускоренными темпами развивать промышленность и собственное сельское хозяйство, поднимать производительные силы региона. Ставилась задача за 10 лет (1926–1935) удвоить население края.

Помимо того, что Дальний Восток являлся малонаселенной территорией, он еще был и слабоизученным. На его просторах были обследованы: недра – на 3 %, леса – на 4 %, сельхозугодья – на 10 %[5].

Вполне понятно, что быстрый рост производительных сил требовал соответствующего научного обеспечения. Отдаленность края от центра диктовала необходимость опраться в основном на собственные научные силы.

Рубежным для дальневосточной науки явился 1928 г. С этого времени в ее учреждениях начинают происходить кардинальные изменения.

Отделения Государственного русского географического общества начинают превращаться в массовые научно-исследовательские организации. Сюда привлекались лучшие научные силы, которые расширяли круг действительных членов общества. Однако более важной новой их чертой стало появление широкого круга энтузиастов-любителей изучения родного края. В их число входили учителя, врачи, инженеры, просто заинтересованные лица. Их усилия по изучению родного края объединялись в рамках общества изучения края.

Члены этих обществ, проживавшие в самых отдаленных уголках Дальнего Востока, присылали в отделения географического общества свои наблюдения, находки, экспонаты. За счет этого возможности и территория исследования края значительно расширились.

Другой новой чертой в работе отделений географического общества явилось расширение круга научных интересов и задач. Научные исследования прежде всего направлялись на изучение месторождений полезных ископаемых и запасов сырья, лесных и водных ресурсов, гидрологии рек и морей, иными словами, на все то, что способствовало более глубокой научной проработке планов социально-экономического развития региона.

В свете вышесказанного вполне закономерным явлением стала перестройка в организации работы самих отделений. В целях более планомерной и целенаправленной их деятельности, а также для того, чтобы избежать дублирования как по исследуемым территориям, так и по научной тематике, в 1928 г. при уполномоченном Главнауки было проведено соответствующее совещание. На нем выступил известный исследователь края В.К. Арсеньев. По его докладу была принята резолюция «Организация и план научно-исследовательской работы на Дальнем Востоке». Совещание постановило в целях планомерного и всестороннего охвата территории Дальнего Востока краеведческой работой распределить сферы влияния организаций Русского географического общества (РГО).

Сделано это было следующим образом. В сферу ответственности Владивостокского отдела РГО попали Посьетский район и бассейны рек, впадающих в

[1] ГАХК. Ф. 871. Оп. 2. Д. 11. Л. 16.
[2] Там же. Л. 15.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 19–20.
[5] ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

Японское море вплоть до залива Де-Кастри. Южно-Уссурийский отдел РГО обязывался проводить исследования на территории бассейнов озера Ханка и правых притоков реки Уссури до Бикина включительно. Дальневосточный краевой отдел РГО (Хабаровский) предназначался для изучения бассейнов реки Хор, левых притоков Верхнего и Среднего Амура и всех притоков Нижнего Амура, рек Уды и Тугура, островов Охотского моря, а также острова Сахалина.

Было решено, что изучение Охотско-Камчатского края будет делиться в соответствии с имеющимися средствами между Владивостокским и Хабаровским отделами РГО[1].

Все эти перемены способствовали тому, что дальневосточные отделения Русского географического общества стали в большей степени чем раньше отвечать современному уровню требований, предъявляемых интересами социально-экономических преобразований в СССР.

Во второй половине 1920-х гг., в связи с коренной ломкой старого экономического и социального уклада общества обостряется внутрипартийная борьба в рядах ВКП(б). Основным фронтом этой борьбы стала идеология. И.В. Сталин и его сторонники понимали, что важным инструментом внедрения новой идеологии в сознание масс является историческая наука. Следствием этого стала развернувшаяся критика школы М.Н. Покровского. Шла борьба за создание новой марксистско-ленинской исторической науки в СССР. Итогом этого стал вышедший в свет в 1938 г. учебник «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Он, по сути, определил концепцию и методологию исторической науки на все последующие десятилетия советского периода.

Процесс становления новой советской исторической науки на Дальнем Востоке был связан с именем Н.Н. Билибина, являвшегося в то время уполномоченным Главнауки на Дальнем Востоке.

На заседании объединенной историко-революционной секции Общества политкаторжан и краеведения в 1929 г. были распространены тезисы доклада Н.Н. Билибина под названием «Задачи организации изучения истории Дальневосточного края»[2]. В них поднимался вопрос перестройки исторической науки. В весьма эмоциональной манере он привел примеры бережного отношения музеев к «вещественным памятникам господства враждебных пролетариату классов» и варварского отношения к «реликвиям революционной борьбы», когда «тюрьмы политкаторжан превратились в случайные убежища для скота»[3]. Н.Н. Билибин отмечал массовую историческую безграмотность среди населения. В подтверждение этому приводилась статья, опубликованная в «Экране ТОЗа» № 32 под заголовком «Декабрист Штейнгель на Дальнем Востоке». В этой статье Ерофей Хабаров был представлен как современник декабристов и основатель г. Хабаровска[4].

Однако сама по себе эта безграмотность, по мнению Н.Н. Билибина, была еще не главным злом. Хуже всего, как он считал, являлось то, что революционная история описывалась с точки зрения «либерально-буржуазных» позиций. Для того, чтобы успешно бороться с этим «злом», предполагалось взять в свои руки и под свой контроль все краеведческие организации. Перед историками-краеведами ставилась задача овладения «единственно научным методом» – методом марксизма.

Н.Н. Билибин привел высказывание М.Н. Покровского на Всесоюзной конференции историков-марксистов 1929 г. о том, что перевелись наивные люди, верившие в оторванность исторической науки от политики. Он с ним не согласился и подчеркнул, что «в Дальневосточном крае такие люди есть в большом количестве»[5].

По итогам совещания была принята резолюция, которая возвела объединенную историко-революционную секцию Общества политкаторжан и краеведения в ранг идейного руководителя разработки вопросов истории края музеями и отделами общества краеведения. Секция определяла классовый заказ на освещение всех событий истории края с точки зрения марксистско-ленинской идеологии[6].

С этого времени центр тяжести в работе краеведческих музеев переносится на сохранение и изучение памятников истории революционной борьбы на Дальнем Востоке с точки зрения классовой борьбы пролетариата. Краеведы должны были переходить на позиции бескомпромиссной идеологической борьбы с буржуазией. Наряду с этим важнейшей задачей в работе музеев стала пропаганда революционной истории среди широких масс населения.

Газета «Правда» в 1927 г. опубликовала материал, посвященный анализу существовавшего порядка в организации научно-исследовательской работы. В нем подчеркивалось, что имелись две системы научных исследований: университетская и институтская. Первая была господствующей в дореволюционное время и соединяла в себе научную и педагогическую работу. Институтская система характеризовалась тем, что научные исследования в ней были отделены от преподавания в вузе. И самое главное – она действовала под руководством органов советской власти[7].

Старая университетская научная школа не удовлетворяла новую власть по многим причинам. Ос-

[1] ГАХК. Ф. 871. Оп. 2. Д. 34. Л. 1.
[2] Там же. Л. 5-10.
[3] Там же. Л. 5.
[4] Там же. Л. 6.
[5] Там же.
[6] Там же. Л. 7.
[7] Правда. 1927. № 138.

новными были: независимость университетской профессуры, самостоятельность ее идейных убеждений, неподконтрольность научных интересов, нежелание ученых работать по указке органов власти. Конечно, эту систему можно было перестроить, что и произошло в последующем. Однако на это требовалось время. А пока власть пошла по иному пути: создала новые учреждения – научно-исследовательские институты.

На Дальнем Востоке указанные системы в организации науки проявились в деятельности Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) и Государственного Дальневосточного краевого научно-исследовательского института (ГДВКНИИ).

Как уже говорилось выше, ГДВКНИИ был создан при университете. Университетское руководство предприняло попытку напрямую подчинить институт Главнауке, минуя Далькрайисполком. Однако непосредственные переговоры с Главнаукой в Москве без предварительного согласия с краевыми учреждениями потерпели неудачу. С мая 1926 г. институт становится самостоятельным научным учреждением и отделяется от университета.

Структура, штаты и принципы деятельности института строятся на новых началах. Все сотрудники были разделены на действительных членов, членов-корреспондентов, научных сотрудников 1-го и 2-го разрядов. В отличие от университетской выборной системы замещения должностей все научные сотрудники института назначались и увольнялись с ведома Главнауки. Оплата их труда зависела от должности, а возможность занять должность – от властных учреждений, которые могли теперь командовать научными кадрами.

В июле 1928 г. Президиум Далькрайисполкома утвердил новое «Временное положение о ГДВКНИИ». В нем было прямо сказано, что институт «работает под руководством Далькрайисполкома и является государственным учреждением». Более того, согласно «Временному положению» институт обязывался помимо собственного плана работ выполнять отдельные поручения государственных учреждений, ведомств и организаций[1]. По сути, это превращало его в одно из звеньев бюрократической системы советской власти. В связи с этим научно-исследовательская деятельность института и ее финансирование стали предметом постоянного внимания со стороны краевых властей. В этом смысле институт получил преимущество перед университетом.

Университетская наука, отодвинутая на второй план, предприняла попытку исправить положение. С этой целью в 1928 г. вниманию Далькрайисполкома был предложен «План научно-исследо-вательской работы Государственного Дальневосточного университета»[2]. Уже сам факт самостоятельной разработки плана, без соответствующего заказа со стороны властных структур, был ошибкой ГДУ. Кроме того, план предполагал восемь различных видов исследовательской деятельности: от индивидуальной работы университетских сотрудников до студенческих научных кружков.

В целом данный план грешил всеми теми недостатками, которые были присущи именно университетской системе организации научной деятельности. К тому же он нарушил уже сложившуюся систему взаимоотношений государственных органов и научных учреждений. Далькрайисполкому не нужен был второй краевой центр научной работы в дополнение к уже сложившемуся НИИ. В итоге план ГДУ был подвергнут критике и отвергнут.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. на Дальнем Востоке шел активный процесс становления учреждений науки на новых, современных началах. В ходе преобразований научной деятельности выявились и получили развитие характерные черты «советской науки»: плановый характер исследований, ориентированный на непосредственные нужды экономики; переход науки на классовые позиции; идеологизация ее содержания; сосредоточение всей основной научной работы в системе научно-исследовательских институтов.

В дальнейшем система научных учреждений, сохраняя все вышеперечисленные черты, получила количественное развитие. На Дальнем Востоке к 1936 г. существовала уже довольно развитая сеть научных учреждений. Она включала: филиал Академии наук (ДВФАН) с отделениями – геологическим и химическим институтами, Тихоокеанский институт рыбного хозяйства в г. Владивостоке; Институт земледелия и животноводства, опытную станцию и Институт эпидемиологии и микробиологии в г. Хабаровске и т. д.[3]

Таким образом, материальная база социальной политики, созданная в рассматриваемый период, довольно ясно выявляет стратегию ЦК ВКП(б) в отношении Дальнего Востока. Суть ее заключалась в создании здесь прочной индустриальной базы при значительном отставании в развитии социальной сферы. Она поддерживалась на таком уровне, который был в состоянии обеспечить лишь самые необходимые и минимальные потребности населения.

Следует отметить, что эта стратегия не являлась злым умыслом центра в отношении к своему восточному региону. Это была последовательная политика государства, стремившегося решить крупные экономические и политические задачи в Азиатско-Тихоокеанском регионе при довольно ограниченных экономических и финансовых возможностях. Она на многие десятилетия определила лицо социальной сферы советского Дальнего Востока.

[1] ГАХК. Ф. 871. Оп. 2. Д. 7. Л. 1

[2] ГАХК. Ф. 871. Оп. 2. Д. 34. Л. 14–16.

[3] ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 20. Л. 65-66.

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР И РОССИЙСКАЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА

В.М. Песков

ПЕСКОВ Владимир Михайлович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой политической истории Хабаровского государственного педагогического университета.

В статье дается характеристика этапов политико-экономической эволюции стран АТР в 1980–1990 гг., анализируются факторы усиления Китая и возрастания его влияния на расстановку сил в АТР, определяется место и роль России в указанном регионе и основные векторы её дальневосточной политики.

The paper treats the characteristics of the stages of the political and economical evolution of the countries incorporated into the Asian-Pacific region (APR) in 1980–90 s. The author analyses the factors of strengthening of China and the influence it exerts on the present allignment of forces in APR, determines the place and role of Russia in the region under consideration and the basic directions pertaining to its policy in the Far East.

Характерной чертой многоликой и противоречивой ситуации, складывающейся сегодня в Восточной Азии, как в целом и в АТР, является то, что в этом регионе мира явно преобладает экономический тип регулирования международных отношений. Если в Европе, на Ближнем Востоке и южной периферии России военные методы, силовые угрозы и тревоги стали все более явно определять логику межгосударственного взаимодействия, то в Восточной Азии продолжает доминировать тенденция экономизации региональной жизни, ведущая свое начало еще со второй половины 1970 гг., когда центральной проблемой биполярной конфронтации была межблоковая конкуренция за экономическое превосходство и влияние.

Экономическое развитие стран АТР происходило на фоне ослабления «военной тревоги». Опираясь на опережающие по сравнению с другими странами темпы экономического роста, в хозяйственных процессах все более заметную роль стали играть развивающиеся государства, которые по мере успехов в развитии стали существенно иначе воспринимать как общую расстановку сил в региональной ситуации, так и свою собственную роль в ней. В этом смысле главный психологический итог 1980 гг. состоял в том, что развивающиеся страны убедились в своей способности, не вступая в конфликт со странами-лидерами, заставить их считаться с мнениями и интересами малых государств при помощи методов «пассивного сопротивления», не прибегая к резким дипломатическим или политическим шагам. Иными словами, малые и средние страны, тон среди которых задавали государства АСЕАН, не противопоставляя себя более сильным игрокам, одновременно посредством многократных, но деликатных по форме отказов строить региональное экономическое и политическое сотрудничество на американских или японских условиях, в конечном итоге навязали лидерам свою логику консенсусного взаимодействия, которая при объективном неравенстве возможностей лидеров и развивающихся стран фактически означала уступки первых в пользу вторых. Даже США впервые в послевоенные годы попытались «вписаться» в логику и структуру отношений, фактически возникших и утвердившихся без их участия и отчасти вопреки их желанию.

Не менее важно и то, что политическая философия правящих элит стран восточно-азиатского региона стала тяготеть к самореализации в относительно умеренных, реформистских формах. При всем имеющемся потенциале непредсказуемости тихоокеанская Азия сегодня является более стабильной зоной, чем Восточная Европа и Ближний Восток, и имеет относительно лучшие шансы оставаться таковой в ближайшее десятилетие. По всей вероятности, в пользу такого вектора развития будет работать устойчивая тенденция ускоренного экономического формирования региона, распространившаяся в последние годы и на Китай. По оценкам Мирового Банка, именно Китай может обладать к 2010 г. крупнейшей экономикой в мире.

Усиление позиций Китая в международных отношениях в Восточной Азии не имеет аналогов для всего послевоенного периода. Подобное заключение, характерное как российским, так и зарубежным исследователям-китаеведам, вероятно, связано с подсознательным соотнесением КНР с её историческими соперниками в регионе, главный из которых Россия, сегодня переживает один из наиболее сложных этапов своей истории, что привело к явному ослаблению российских позиций по отношению к Китаю. Возрастающее значение китайского фактора определяется превращением Китая в один из наиболее динамичных, и в этом смысле перспективных центров экономического развития в АТР, а

также существенным ростом материального и политико-психологического потенциала КНР для проведения энергичной внешней политики с ориентацией на расширение сферы китайского влияния и присутствия в зоне исторического, культурного, демографического и политического преобладания.

В многочисленных исследованиях, касающихся современного положения Китая, можно выделить ряд ведущих мотивов, опреляющих отношение к КНР, её политике, к оценке возможных пределов колебаний её международного курса в ближайшей перспективе. В частности, высказываются пожелания удержать Китай на позиции относительной открытости внешнему миру, нацеленности на торгово-хозяйственное сотрудничество как с сопредельными странами, так и с ведущими центрами международного развития – США и Западной Европой. Отмечаются стремления оказать влияние на социальную политику Китая, связанную с демографическим ростом, политику в области эмиграции, сделать более предсказуемым и менее деструктивным демографическое влияние КНР в целом, вызывающее опасение как развитых стран Запада, так и сопредельных с Китаем государств – от России до Малайзии. Указывается на необходимость сохранения и расширения диалога с КНР по вопросам военной политики с тем, чтобы влиять на масштабы модернизации военного потенциала или, как минимум, своевременно уловить её способность представлять реальную угрозу для безопасности стран-соседей, существенно изменить поведение китайской стороны в региональных территориальных спорах. Выражается и естественное желание сохранить конструктивные отношения с Китаем, избежать неблагоприятных для него изменений внешней среды в период возможной внутриполитической неустойчивости, связанной с соперничеством реформистской и консервативной линий в изменившемся руководстве страны.

В целом международное сообщество настроено на продолжение мирной политической и экономической интеграции КНР, расчитывая, что уже существующие отношения взаимозависимости Китая, с одной стороны, США, Японии, стран АСЕАН, с другой, рано или поздно приведут к дерадикализации китайской внешней политики таким образом, что прогнозируемое резкое усиление региональных экономических, политических, а при некоторых обстоятельствах и геостратегических позиций Китая, не даст пропорционального приращения агрессивности его внешнеполитического поведения.

Однако в общественно-политическом мнении, как региональном, так и зарубежном, в отношении Китая присутствуют большие опасения. Так, регулярно проводимые американскими центрами исследования представлений восточно-азиатских стран о потенциальных источниках внешней угрозы практически так или иначе связывают наиболее вероятные вызовы своей безопасности с растущим экономическим и военно-экономическим потенциалом КНР, что в сочетании с заметным повышением самооценки на уровне китайского массового сознания и нарастанием элементов великодержавности на уровне официальной политики расценивается как знак растущей готовности Пекина прибегать к вооруженной силе в ситуациях, сопряженных с отстаиванием как широко трактуемых национальных интересов КНР, так и её национального престижа.

Предметом острых дискуссий среди экспертов остается и чисто экономический аспект «китайского вызова». Ряд исследователей полагает, что до сих пор нет реального представления о масштабах экономических возможностей КНР. По их подсчетам, доход на душу населения в Китае сегодня фактически составляет 1500–3000 дол. США, а по размерам совокупного внутреннего продукта Китай выходит на второе место в мире, уступая только Соединенным Штатам, но превосходя Японию, которая долгое время считалась по этому показателю второй державой мира.[1] Отмечается, что начиная с 1978 г., размеры китайской экономики, а также средние показатели уровня жизни населения каждые семь лет возрастали вдвое. При сохранении таких тенденций, полагают сторонники подобных взглядов, уже в первое десятилетие XXI в. по некоторым абсолютным показателям экономического развития КНР может сравниться с США, хотя в целом будет уступать Штатам по уровню жизни и технологической изменчивости производства. Вполне обоснованно ставятся под сомнение прогнозы развития китайской экономики. В частности, профессор Стэнфордского университета Пол Кругман считает, что в настоящее время размеры экономики КНР составляют не более 40 % экономики США, а к 2010 г. даже при благоприятном для Китая ходе развития, китайская экономика будет составлять около 82 % американской. Главный аргумент американского ученого – исчерпанность экономики «мобилизационного типа», которую, по его мнению, демонстрирует КНР, а также большинство других восточно-азиатских стран за исключением Японии. Именно в готовности местных государств отказаться от быстрого улучшения условий жизни ради экономических выигрышей в будущем видит П. Кругман специфику развития стран АТР, но в этом же он усматривает и возможный источник его замедления – по мере того как население КНР и других стран будет испытывать нарастающее недовольство по поводу «отложенного» удовлетворения его потребностей.

Среди причин допустимого замедления роста экономики КНР называются и возможные последствия кадровых перестановок, потенциальной борьбы за власть; нарастание противоречий между прибрежными и глубинно материковыми районами страны в связи с резким ростом разрыва в уровнях доходов населения; вероятность экономической катастрофы в КНР, обусловленной гигантскими перегрузками, вызванными ускоренным экономическим развитием, демографическим прессингом; возможные общекитайские социальные потрясения, связанные с эрозией коммунистической системы и ростом скептицизма молодого поколения к таким атрибутам коммунистического правления, как фактическая однопартийность, отсутствие демократических институтов, продолжающееся давление официальной идеологии и др.

Хотя экономическое влияние и демографический пресс сегодня являются ведущими показателями возросших возможностей КНР, зарубежные эксперты единодушны в необходимости постоянного отслеживания повышения военного потенциала Китая. При наблюдающейся устойчивой тенденции роста военных расходов Пекин может позволить себе не только модернизацию оборонного потенциала, но и разработку новых для КНР видов вооружений, способных перевести военные возможности страны на новый уровень. Разумеется, само по себе наращивание оборонного потенциала ещё не свидетельствует о пропорциональном усилении китайской агрессивности. Имеется в виду, насколько таковая при неблагоприятном развитии внутрикитайской политической ситуации может быть подкреплена военно-техническими возможностями КНР. Настораживает и то обстоятельство, что внешнеполитическое мышление нынешних китайских руководителей довольно консервативно и тяготеет к восприятию международных реалий в традиции классической «realpolitic», т. е. с типичным для нее акцентом на силе, с обостренным чувством «силовых вакуумов», с подозрением к долговременным союзам. Китайское руководство пессимистически оценивает мировую ситуацию в том виде, как она сложилась после развала СССР. В Пекине и поныне считают международное положение в целом менее благоприятным для КНР и более неустойчивым, а новые конфликты – более вероятными. В то же время признается, что на региональном уровне ситуация складывается для КНР удачно, во многом в результате ослабления (но не окончательного устранения) опасности со стороны России.

Конечно, у КНР есть собственные проблемы, вызванные региональной ситуацией. Угроза с севера перестала рассматриваться как реальная в связи со слабостью России и улучшением российско-китайских отношений. Однако Китай озабочен безопасностью своих прибрежных провинций, дающих около 70 % ВНП страны. Актуальной, с точки зрения китайских экспертов, является задача защиты районов морских акваторий в зоне о. Хайнань и провинции Гуандун, где сосредоточены нефтеперерабатывающие предприятия КНР. Отсюда – усиление внимания китайских стратегов к возрастанию военно-морских возможностей Японии, а также Индии, боевые корабли которой между делом, уже демонстрировали флаг в Южно-Китайском море.

Наконец, КНР вовлечена в территориальные споры со своими южными соседями. Речь идет прежде всего о конфликте вокруг островов Сиратли. Этот архипелаг (230 мелких островов и рифов общей площадью 250 тыс. км^2) расположен в Южно-Китайском море между Вьетнамом, Филиппинами и Малайзией и является «спорной» территорией. До сих пор военно-морская активность КНР в основном направлена на сдерживание Вьетнама и стран Юго-Восточной Азии. Но вполне очевидно, что Китай склонен защитить свои интересы далеко за пределами 200-мильной зоны территориальных вод. Он обладает подводными лодками со стратегическими ядерными ракетами на борту, которые могут оперировать в Индийском океане и водах морей, омывающих страны ЮВА. Эти лодки не представляют угрозы для США и России, поскольку в силу технического несовершенства за их передвижением легко наблюдать средствами разведки. Поэтому потенциальная угроза со стороны КНР в краткосрочной перспективе адресована скорее малым и средним странам региона, а не лидерам – что теми и другими хорошо осознается.

В частности, для США выбор оптимальной линии определяется тем обстоятельством, что американская стратегия исходит из наличия в регионе потенциально сильных соперников, которых необходимо сдерживать. Препятствование усилению Китая и даже его ослабление отвечает интересам Штатов в такой же мере, как им отвечает нынешнее отступление России от активной региональной роли, на которую претендовал Советский Союз. Однако Вашингтон желал бы медленного, контролируемого вымывания факторов российского и китайского вызовов из региональной структуры; ослабления или хотя бы видоизменения лидерских амбиций Китая и России, мирной и необратимой эволюции российской и китайской политических систем в сторону либерализации, протекающей параллельно с «увязанием» КНР и РФ в выгодном им обеим региональном экономическом сотрудничестве; превращение Китая и России наряду с Японией, а также взаимно скоординированной подгруппой малых стран, в неотъемлемые компоненты региональной среды,

роль «демократического» лидера которой Штаты, несомненно, хотели бы оставить за собой.

Сообразно этому и практическая политика Штатов в основном ориентирована на сохранение возможности, в том числе контрсиловой, предупредить развитие Китая и/или России в сторону приобретения способности к традиционному лидерскому соперничеству с США с позиции равных или примерно равных, а также на разработку новой концепции лидерства таким образом, чтобы, не ставя под вопрос свое преобладание в регионе, обеспечить ему максимальную политическую, психологическую и иную совместимость с возрастающими самооценками Японии, малых и средних стран региона, равно как и с собственным стремлением к рационализации военных затрат.

Какова же политика России в переплетении интересов, сложившихся в Северо-Восточной Азии и китайского вызова, в чем её национальные интересы и что необходимо предпринимать для укрепления национальной безопасности страны в этом стратегически важном регионе?

В этой связи следовало бы сделать небольшое отступление и заметить, что у нас часто путают понятия «национальные» и «государственные интересы». Забывается, что государственные интересы – это интересы бюрократии, а никак не концентрированное выражение национальных интересов, т. е. интересов населения. Национальные интересы могут быть краткосрочными (3–5 лет), среднесрочными (10–20 лет), долгосрочными (30–50 лет), наконец, есть и вечные, связанные с защитой и развитием народа (этноса), территории, на которой он живет (жизненного пространства), и образа его жизни (национальной и культурной идентичности).

Вечные интересы существовали всегда – и во времена Древней Руси, и Московского царства, и Российской империи, и СССР. Но в Советском Союзе вопрос об этом не возникал, поскольку тогда наши интересы были связаны с реализацией масштабного исторического проекта, альтернативного западному либеральному.

Запрос на концепцию национальных интересов (как и концепцию национальной безопасности) сделал уже поздний СССР, когда партноменклатура от этого самостоятельного проекта отказалась. Моментально возник вопрос о национальной идентичности: кто мы, откуда и куда идем? К сожалению, на этом этапе проблема не была решена. «Комиссия Ю. Рыжкова» по выработке концепции национальной безопасности, созданная М. Горбачевым и А. Яковлевым, бесславно провалилась. Тогда «прорабы перестройки» объявили целью «вхождение СССР в мировое цивилизационное сообщество», т. е., по существу, заявили о своей неспособности «тянуть» самостоятельно исторический проект и ввиду этого поставили новую задачу – войти в чужой проект за счет отказа от своей субъективности, «самости». Причем ни М. Горбачев, ни А. Яковлев, ни Э. Шеварднадзе не озаботились вопросом о том, на каких, собственно, условиях произойдет вхождение в западный либеральный проект?

Последствия не заставили себя долго ждать. Сначала распались СЭВ и Варшавский договор, а затем сам СССР. И не удивительно. Кто сказал, что «интегрироваться в мировое сообщество» следует одновременно и в качестве единого мирового субъекта? А почему нельзя интегрироваться частями? И с какой скоростью?

После распада Советского Союза обломки прежних структур вступили в борьбу за право выражать национальные интересы. Они формулировались либо на чисто идеологической основе (противоположной прежней идеологии), либо как ведомственные интересы. Национальным же интересам соответствует деятельность тех экономических сил, которые обеспечивают воспроизводство и создают предпосылки для включения в международные технологические системы на выгодных условиях в интересах всей страны. Политикам России следовало бы помнить, что её интересы по одним вопросам совпадают с интересами стран Севера, по другим – с интересами стран Юга. Поэтому решать конкретные вопросы необходимо не на основе глобальных деклараций, а на основе всестороннего анализа проблемы.

В современной России (в той, что от неё осталось) вопрос о национальной идентичности является вопросом выживания страны, её территориальной, не говоря уже о культурной, целостности. Более 10 лет шел мучительный поиск такой идентичности и, кажется, сумели ее обнаружить. Но после «11 сентября» вновь была заявлена задача «интеграции в мировое сообщество», и вопрос об идентичности вновь «повис». Если устами нынешнего президента заявлено, что фактически у России нет своего исторического проекта, нет собственной субъектности, то как можно тогда возражать, что регионы начнут говорить со странами (например, с США), где эта субъектность есть и которые являются цитаделью именно того проекта, куда Россия сама страстно хочет «интегрироваться»? Тогда налицо вероятность распада страны, как это было с СССР. Зачем же наступать на те же грабли уже второй или третий раз. Многократно доказано, что игра на чужом поле, в особенности, если не очень хорошо знаешь ни этого поля, ни правил игры, к добру не приводит. Однако, вероятно, грабли – это наш национальный вид спорта.

Если же рассуждать с точки зрения глобальной безопасности, то одно лишь сближение с Западом не даст эффекта создания прочной системы между-

народной безопасности. Вот почему, когда нас приглашают в западную систему безопасности, надо иметь в виду, что это – атлантическая система. Россия же – евразийская страна, и поэтому в идеале надо строить с её участием не евроантлантическую, а более широкую евразийскую систему безопасности, что невозможно без участия таких стран, как Китай, Индия и др.

Напомним, что первым коренной поворот в сторону партнерства с Западом и прежде всего с США осуществил М. Горбачев. Он и его сторонники искренне поверили в партнерство между двумя сверхдержавами и построение новой системы – «безъядерного, ненасильственного мира». Эйфория была настолько велика, что М. Горбачев и Э. Шеварднадзе буквально с молотка распродали все атрибуты советской державы: пошли на ассиметричные сокращения ядерных ракет средней и меньшей дальности, обычных вооружений в Европе, спешно вывели в «никуда» отборные войска из Восточной Европы; без серьезных условий допустили объединение Германии с последующим включением её в НАТО и проч. Когда же стало ясно, что американцы на серьезное встречное движение не идут, эйфория сменилась разочарованием.

Второй раз на эти же грабли завышенных ожиданий наступило руководство «демократической России» – заговорили о «стратегическом партнерстве» и даже о «стратегическом союзе» между Россией и США. «Новая» Россия мыслила партнерство как незамедлительное вхождение в мировое сообщество промышленно развитых стран с равноправным участием в экономических, политических и военных делах. Ничего не получилось. Ибо Штаты все события мировой политики мыслили и мыслят в категориях «выигрыша» или «проигрыша», мало того, республиканский конгресс потребовал ужесточения политики США: «поставить Россию на место». В результате Россия потеряла важные инструменты международного влияния, связанные как с Договором о коллективной безопасности СНГ, так и с «шанхайской шестеркой» – эти механизмы оказались невостребованными и сейчас фактически рассыпаются.

Сотрудничество с американцами оказалось «улицей с односторонним движением» – движением России в направлении учета интересов США, при продолжении их прежней линии, не принимая во внимание собственные. Штаты не намерены считаться с Россией, прислушиваться к ее тревогам и учитывать ее национальные интересы (примеры Ирак, НАТО и т. д.) и будут ставить её перед неприятными дилеммами: или дальше во всем соглашаться с Вашингтоном, или отстаивать свои позиции. Из своей национальной трагедии (11 сентября) США сумели сделать военный и политический триумф, значительно увеличить свой международно-политический вес в мировой политике, укрепить свои позиции как единоличного мирового лидера, не считаясь уже более ни со своими союзниками, ни с ООН, ни с нормами международного права. В результате политическая ассиметрия между Россией и США за последние полгода еще больше возросла, что, несомненно, будет серьезно подрывать её претензии на равноправное партнерство со Штатами. Закрывать глаза на эту перспективу было бы для российских политиков, по крайней мере, ошибочно.

Похоже, что за пренебрежительным отношением к России со стороны США, которое было заметно и на последней зимней Олимпиаде, и в военно-политической возне вокруг Ирака, стоит не очередной виток противостояния в духе холодной войны, а переход к совершенно иному качеству отношений между сторонами, когда одна из них ведет себя по отношению к другой как к неполноценному партнеру, не способному к адекватному ответу в обозримой исторической перспективе. В предстоящие 10–20 лет у России нет перспектив вернуть себе статус сверхдержавы, сравнимый с США. И биполярный мир в прежнем виде не вернется. Второго полюса, сопоставимого по технологическому, экономическому и военному потенциалу с США, еще очень долго не будет. На этом фоне перспективу сближения Росии и США следует оценить на данном этапе как достаточно ограниченную, как это ни прискорбно для некоторых правительственных политиков. Вряд ли из нынешнего сотрудничества может вырасти стратегический союз или равноправное партнерство. По мнению помощника президента США по национальной безопасности К. Райс, двигаться в сторону сближения с США должна именно Россия. И весьма сомнительно, что вопрос о сближении вообще стоял бы в повестке дня, если бы вызов безопасности Штатам был брошен не из Афганистана, а, скажем, Индонезии или Южной Америки. Антитеррористическая коалиция не является основой для глобального союза безопасности между Россией и Западом.

Ассиметрия между Россией и Штатами – всерьез и надолго. Тем не менее политическая элита Москвы требует к себе уважительного отношения как к равному партнеру. Вашингтон этого требования не воспринимает. Поэтому возникает вопрос: соглашаться ли России на роль младшего партнера Америки в предстоящие годы. Если, как неоднократно высказывался В.В. Путин, наша главная цель – интеграция России в мировое сообщество, т. е. по существу, в чужой исторический проект, в либеральный (а другого вроде бы как и нет), то надо, видимо, принимать те условия, на которых Россию готовы принять в этот проект. Тогда стоит ли

напрягаться? Не следовало бы в третий раз наступать на те же грабли завышенных ожиданий в двусторонних отношениях, разного понимания партнерства. Главное – определить, как сделать двусторонние отношения ресурсом внутреннего экономического развития России.

Сегодня наша политическая элита холит и лелеет свою обиду на американцев – они, мол, нас не ценят, не уважают, игнорируют наши интересы. Спрашивается, а что эта элита сделала, чтобы хотя бы частично компенсировать тяжелейшие стратегические потери страны? Наверное, правомерно поставить вопрос об ответственности элиты, о её способности ответить на новые вызовы. Для этого требуется мобилизация творческого потенциала во внешнеполитической сфере.

Все сказанное в полной мере относится к обеспечению национальной безопасности, защите национальных интересов России на Дальнем Востоке и в целом АТР.

Известно, что рост экономической и политической неустойчивости в России, сокращение её возможностей проводить активную военную политику привели к тому, что российское присутствие в АТР, и ранее бывшее в основном окраинным, в 90 гг. стало таковым еще более. Представляется, что периферийное положение России в АТР может считаться сегодня и в обозримой перспективе устойчивой данностью.

Для утверждения «Россия (бывш. СССР) – великая тихоокеанская держава», действительно, есть одно веское основание. Географически Дальний Восток России – два края (Приморский и Хабаровский), четыре области (Амурская, Камчатская, Сахалинская и Магаданская), одна автономная республика (Саха-Якутия) и одна автономная область (Еврейская) общей площадью 6,2 млн км^2 – составляет 36,4 % территории РФ и образует пояс, природно-экономически тяготеющий к тихоокеанскому побережью.

Однако этот факт автоматически не преобразуется в прочность российских позиций на Тихом океане. Более того, эти позиции были и остаются уязвимыми в силу ряда обстоятельств, прежде всего – суровых климатических условий, обусловленного ими крайне слабого демографического присутствия России в районах к востоку от Байкала и острой недостаточности транспортно-коммуникационной сети, связывающей европейскую часть страны с дальневосточной. Сочетание названных факторов во многом определяет экономическое отставание дальневосточных территорий в рамках политики жестко централизованного государственного устройства, которое российская политическая элита рассматривает в качестве одного из главных условий выживания Федерации.

Девяносто процентов территории российского Дальнего Востока приходится на зону вечной мерзлоты. Не случайно поэтому, что на всей этой огромной территории проживает (по данным более-менее «благополучного» 1992 г.) всего 8,16 млн человек. Для сравнения: в одной лишь китайской провинции Хэйлунцзян, граничащей с дальневосточными территориями России, на площади 469 тыс. км^2 проживало (в позднесоветское время) свыше 33 млн человек. Причем 76 % дальневосточников живет в крупных городах, а 24% – разбросаны на малозаселенном пространстве сельских районов. Основные обжитые южные части зоны с относительно благоприятным для жизни и сельского хозяйства климатом тянутся узкой и длинной полосой вдоль границы России с КНР и Монголией в ареале, прилегающем к Транссибирской магистрали. Пояс между Транссибом и БАМом остается экономически не освоенным.

В дальневосточном регионе сосредоточено 98% запасов натуральных алмазов РФ, 50 % золота, 80 % олова, 30 % древесины. На эту часть страны приходится 58,3 % всей продукции рыболовства. Через тихоокеанские порты проходит 50 % всего экспортного товаропотока. Но при этом регион слабее обеспечен энергосырьем (7,4 % запасов природного газа, 5,2 % каменного угля, 3,7 % нефти) и железной рудой (5,5 %). Продукция добывающей промышленности составляет 16,7 % общероссийской, машиностроение – всего 3,1 %, а легкой промышленности – 1,2 %. Уровень жизни населения в этой части страны на 40 % ниже черты бедности.[2]

Эти данные не составляют секрета и неоднократно иллюстрируются для отстаивания бесспорного тезиса о необходимости активизировать тихоокеанскую политику России. Но они же показывают, что реальные возможности этой политики жестко ограничены природно-историческими обстоятельствами – недонаселенностью российского Дальнего Востока, наличием здесь демографического вакуума, при котором открытие дальневосточных территорий для хозяйственного взаимодействия с сопредельными странами в соответствии со стандартами тихоокенаского регионализма может граничить с необратимыми качественными изменениями ситуации на местах в направлении утраты Москвой политического контроля над тихоокеанской периферией.

Следует учитывать и то обстоятельство, что в силу природно-географической специфики районы Дальневосточного федерального округа, строго говоря, тяготеют не столько к самому Тихому океану, сколько к странам, контролирующим наиболее развитые, климатически и экономически благоприятные участки тихоокеанского побережья, из которо-

го на долю России приходится малая и далеко не лучшая часть. По-настоящему удобным для экономического развития и стратегического базирования является небольшой сектор, приходящийся на Приморье и Сахалин. Прямые выходы России в океаническую зону крайне малы и неудобны по сравнению с общей протяженностью её тихоокеанского побережья. Исходя из сказанного думается, что реализация тихоокеанской политики России с учетом экономико-географических тяготений дальневосточного региона к бассейну Тихого океана, возможна не напрямую, а опосредованно, т. е. через обеспечение проницаемости географической зоны, заключенной между российскими границами и тепловодными портами восточно-азиатского побережья – через территории Китая и Кореи.

Сложившаяся ныне внешнеполитическая ситуация в определенной мере этому благоприятствует. В частности, более или менее свободное экономическое общение России с двумя Кореями, реализация проекта железнодорожного выхода этих стран на Транссиб позволяют рассчитывать на расширение доступа к Желтому и Восточно-Китайскому морям. Все более расширяющиеся связи с КНР при устранении политических препятствий во взаимопонимании в отношении перспектив в двусторонних отношениях между Пекином и Москвой позволили бы восстановить проницаемость бывшего маньчжурского пространства для российских экономических интересов на Тихом океане.

Однако обозначенные перспективы характеризуют скорее будущее российских интересов в регионе, чем их настоящее. На сегодня актуальной задачей является не столько проникновение в зоны к югу от дальневосточных границ России, а сколько, предотвращение деградации российских позиций к северу от них. Причинами для беспокойства являются упадок демографического присутствия России в дальневосточном регионе и неурегулированность вопроса о разграничении властных полномочий между Москвой и администрациями краев и областей. И то, и другое связано с кризисной экономической и социально-политической ситуацией на Дальнем Востоке. Эта зона не очень привлекательна как объект приложения иностранного капитала, в ней отсутствуют достаточные ресурсы рабочей силы, сравнимой по квалификации, дисциплинированности, мотивации и дешевизне с теми, что имеются в других тихоокеанских странах. На большинстве промышленных предприятий существует лишь старое оборудование, производственные сооружения сильно изношены. В регионе практически отсутствует современная деловая инфраструктура, системы связи и транспорта и т. д.

Эти слабости усугублены дополнительными трудностями, из которых необходимо выделить: свертывание федерального финансирования местных социальных программ; сокращение вооруженных сил и средств на содержание армии и флота в дальневосточных районах; разрастание местной предпринимательской активности, подталкивающей к развитию трансграничных связей на фоне разрушения центро-периферийных отношений в Федерации; отсутствие целенаправленной государственной политики в области транспорта, которая бы сдерживала отчуждение дальневосточной периферии России от её европейской части; разбалансированность отношений центра и регионов, связанную с неудачной попыткой применения западного опыта федерализма к совершенно иным пространственным, географическим и демографическим условиям РФ.

Волна «суверенизации», во многом усиленная выходом самой России из СССР, привела к подрыву административно-политических и психологических основ привязанности российского Дальнего Востока к европейской России. При отсутствии достаточной экспертной проработки западного опыта в российских условиях в администрации Б. Ельцина в 1991–1992 гг. сложилась формула отношений центра и регионов, в соответствии с которой последние могли «взять суверенитета столько, сколько могли проглотить». Вольная интерпретация и абсолютизация этой идеи привела к дестабилизации отношений между субъектами Федерации и послужила оправданием бездействия власти в отношении сепаратизма как национальных автономий, так и некоторых русских территорий.

На Дальнем Востоке попыток отделения от центра не было, однако психологический фон для таковых существует хотя бы в силу исторических воспоминаний о Дальневосточной Республике (ДВР) 1920–1922 гг. Во всяком случае, острота проблемы территориальной целостности России ощущается и на востоке страны. При этом особую роль играют экономические мотивации дальневосточных территорий, их естественное стремление выжить в условиях резкого сокращения финансовой поддержки местных бюджетов со стороны Москвы. К этому примешивается понятное желание администраций краев и областей увеличить поступления от переводимых на коммерческую основу отношений с центром, найти альтернативные рынки сбыта для дальневосточного сырья за рубежом и обеспечить себя надежными источниками продовольствия, товаров массового спроса и, отчасти, промышленного оборудования, т. е. продукции, обычно поступавшей на Дальний Восток из европейской части страны. Под углом зрения экономической выгодности местные власти приступили к расширению прямых торгово-хозяйственных связей с близлежащими странами Восточной Азии –

Китаем, Южной Кореей, Малайзией, Японией, что закономерно было сопряжено с увеличением экономического присутствия этих государств на российском Дальнем Востоке.

Однако, играя стимулирующую роль для экономического развития дальневосточных территорий, иностранное проникновение создало и политические проблемы, наиболее болезненная из них связана с быстрым ростом численности прибывающих в Россию китайских граждан, большая часть которых, пользуясь легальными и нелегальными возможностями, оседает в экономически развитых районах Приамурья и Приморья. За короткий срок (с 1992 по 1994 гг.), по некоторым данным, китайское население на территории России выросло до 2 млн чел. Вполне можно согласиться с мнением российского китаеведа А.Д. Воскресенского, который, указав на «массовое проникновение китайцев на территорию Сибири и Дальнего Востока», заметил, что по такому показателю, как численность, полузаконно образовавшаяся в России китайская община теоретически уже могла бы претендовать на статус национального меньшинства.[3]

Демографический натиск КНР на российский Дальний Восток вызывает противоречивую реакцию местных властей. С одной стороны, наплыв китайских товаров удовлетворяет значительную долю потребностей местного населения и позволяет существенно пополнить местные бюджеты за счет налогов. С другой – китайские общины создают криминогенную среду и часто оказываются неподвластными местной администрации, которая не обладает достаточными силами для обеспечения внутреннего порядка. Возникают страхи по поводу «ползучей колонизации» Китаем российской территории.

Такие опасения усиливаются в связи с сокращением российских вооруженных сил в дальневосточных районах. По западным данным, их численность упала от 326 тыс. чел. в 1989 г. до почти 200 тыс. в 1993 г.[4] Конечно, можно согласиться с экономической и военно-стратегической обоснованностью подобных сокращений. Но не следовало бы забывать об их политико-психологическом аспекте – озабоченности местного населения ростом экономико-демографической экспансии Китая, которая вырастает для России в сложнейшую геополитическую проблему.

Политическая ситуация на российском Дальнем Востоке во многом определяется взаимодействием старых предубеждений и новых подозрений в отношении КНР, с одной стороны, и объективной заинтересованностью местных краев и областей в экономическом сотрудничестве с китайским капиталом, в том числе на собственной территории, с другой. Китайский фактор, таким образом, выступает и как стимул экономической и психологической переориентации Дальнего Востока с европейской части России на Восточную Азию, и одновременно как источник тревоги, объективно подталкивающий местные власти к пониманию важности консолидации РФ как условия обеспечения реальной безопасности дальневосточных районов.

Устойчивость ситуации в дальневосточном регионе в решающей мере зависит от способности федеральных и региональных властей найти взаимоприемлемую формулу отношений, которая, не отрицая неограниченные полномочия Москвы в вопросах обороны, безопасности и внешней политики, позволила бы расширить экономические права местных территорий до максимально возможного уровня, ограниченного только необходимостью обеспечения общенациональных интересов безопасности.

В политике Москвы в отношении дальневосточных территорий сегодня присутствуют различные подходы. Один из них выражается в создании в регионе так называемых контактных экономических зон, наподобие существующих в прибрежных районах КНР. Формально одна такая зона находится в Находке, но фактически «снизу» начинает стихийно складываться другая – главным образом вдоль границы РФ и КНР на базе расширяющегося китайского присутствия. Далее, Москва хотела бы сохранить за дальневосточным регионом экспортные функции сырья с модернизацией первичных отраслей переработки и наращиванием транспортных возможностей, в том числе транзитных, на базе формирования крупных воздушных и железнодорожных перевозок в Хабаровске и морских во Владивостоке. Или законсервировать регион в качестве национального экологического и сырьевого резерва при развитии «очаговой» городской инфраструктуры, создании центров туризма и банковской деятельности. Наконец, провести модернизацию стратегической инфраструктуры, в том числе и производственной, при её сохранении и развитии в комплексе с созданием благоприятных условий для международной банковской и предпринимательской деятельности.

Заметим, что ни один из перечисленных подходов не имеет статуса официальной государственной программы, и во многом они противоречат друг другу. Характерно и то, что ни один из них не предусматривает реиндустриализации Дальнего Востока и, возможно, по следующей причине. Опыт стран Восточной Азии показывает, что создание современной базы промышленности нереально, если оно не обеспечено достаточными людскими ресурсами. В дальневосточном регионе для решения подобной задачи эти ресурсы могут быть привлечены только из-за рубежа. Поэтому вряд ли следует переоценивать шансы Дальнего Востока интегри-

роваться в тихоокеанскую экономическую зону «напрямую», самостоятельно. Реальным представляется косвенное подключение к региональной интеграции – через превращение южных районов дальневосточных территорий России в окраинную часть китайского интеграционного поля. Иными словами, Россия не в состоянии «войти» в тихоокеанскую региональную интеграцию, но она может «впустить эту интеграцию к себе», понимая, что подобная интеграция будет иметь «китайское лицо». Такая перспектива вполне экономически целесообразна, но только при ясном понимании непредсказуемости её политических последствий.

Думается, что стратегическая задача сегодняшней российской дальневосточной политики должна быть не во включении России в экономическое и политическое сотрудничество с государствами АТР «любой политической ценой», а в принятии крупных государственных мер по укреплению физического присутствия россиян в дальневосточных районах как базисного условия обеспечения совместимости экономической интеграции с интересами обеспечения стабильности на российском Дальнем Востоке и Восточной Азии в целом. Нужна федеральная программа демографической поддержки, без которой утрата Россией реального контроля над дальневосточной территорией может оказаться предрешенной.

Не будучи сегодня подлинной угрозой для российского Дальнего Востока, Китай с его громадным населением и 4300-километровой границей с Федерацией потенциально остается источником самой серьезной геополитической опасности для России. Особенность китайского вызова заключается в том, что в условиях мирной международной обстановки и добрых отношений между Москвой и Пекином он может оказаться более грозным, чем если бы эти отношения были прохладнее. И это потому, что именно мирному китайскому проникновению на российский Дальний Восток труднее всего противостоять и именно на такой тип воздействия российская сторона не имеет опыта эффективного реагирования.

В этой связи возникает вопрос, насколько обоснованно оказание Россией содействия КНР в модернизации её оборонного потенциала? С позиций рационального анализа эта линия кажется ошибочной, поскольку ради ближайших коммерческих выигрышей от экспорта вооружений в КНР ставятся под вопрос военно-технологические преимущества России, важность сохранения которых вряд ли может вызывать сомнения. Геополитически Китай является прежде всего и в основном соперником России, и с этой точки зрения мирное сотрудничество и добрососедские отношения с ним не могут переходить некоей грани, за которой они способны подорвать способность России при необходимости с достаточным стратегическим и техническим превосходством проводить в отношении КНР не провоцирующую, но твердую и энергичную политику.

Заметим, что в подотрасли знаний о тихоокеанском регионе в России сосуществует несколько направлений, по-разному трактующих китайский фактор и перспективы российско-китайских отношений. Ведущим является течение энтузиастов российско-китайского сотрудничества, основополагающая идея которых состоит в том, что в отношениях между Россией и Китаем нет ничего такого, что органически предопределяло бы конфликтность. Сторонниками такой точки зрения являются китаеведы С.Л. Тихвинский, М.Л. Титаренко, М.С. Капица, А.Г. Яковлева и др., которые полагают, что сближение с КНР служит результативным противовесом чрезмерному российско-американскому сближению.

Сторонников другого направления можно условно назвать прагматиками. Его представители достаточно внимательно относятся к геополитическим обстоятельствам, задающим потенциал российско-китайских противоречий из-за контроля над пространством. Вместе с тем, исходя из реального тезиса о неприемлемости для России конфликта с Китаем, они предпочитают акцентировать внимание на необходимости сочетания гибкости в отношениях с КНР с изучением возможностей для повышения способности России справиться с китайским вызовом в будущем, если таковой приобретет более тревожные очертания. Подобную позицию поддерживают маститые китаеведы В.С. Мясников, Л.П. Делюсин, А.Д. Воскресенский, С.Н. Гончаров, П.М. Иванов, С.М. Труш.

Еще одно направление уместно было бы назвать «охранительным». Представители его с большой озабоченностью воспринимают китайское проникновение на российский Дальний Восток и считают китайский вызов уже реальностью, а не перспективой. Все помыслы сторонников этого направления сосредоточены на активном поиске возможностей сдержать китайское давление или, по крайней мере, научиться канализировать его в неопасное для России русло, а также найти потенциальных партнеров по взаимодействию в связи с возможными последствиями неблагоприятного развития ситуации в КНР. Так, А. Анисимов предлагает «набирать очки» за счет игры на противоречиях США с Китаем. О том, чем для России может обернуться через 10–15 лет китайская военная мощь, недвусмысленно предупреждает А.Г. Арбатов. К «охранителям», хотя и левокоммунистического толка, можно причислить и Б.И. Ткаченко.[5]

В принципе, ключевой проблемой внешнеполитического курса России в Восточной Азии является

вопрос о выборе оптимальных вариантов ориентации. Один из них – ориентация на тесное сближение с Китаем, думается, не является достаточно обоснованным. То, что нынешнее либерально-авторитарное китайское руководство нельзя считать откровенно враждебным России, не может заслонить геополитической констатации: страны, для которых характерно наличие конфликтно налагающихся друг на друга пространственных тяготений, осложненных к тому же комплексом «исторической несправедливости», имеют больше шансов оказаться в конфликте друг с другом, чем государства, от таких конфликтов свободные. Для сегодняшних России и Китая таковыми можно считать тяготения первой к «возвращению» в зону «своего» изначального культурно-хозяйственного доминирования в Приамурье и Приморье. Разумеется, либерализация политических систем обеих стран, повышение уровня зрелости их правящих элит позволили сделать конфликтный потенциал подконтрольным, лишив столкновение фатальной неизбежности. Но будучи способными предупредить прямой конфликт, усилия политических элит вряд ли в состоянии задать достаточно глубоко мотивированную ориентацию обеих стран на союзничество вопреки сохранившемуся неизменным потенциалу геополитических противоречий.

Скепсис по поводу оправданности ориентации на КНР побуждает обратить внимание на другой вариант российской политики – линии «равноудаленности». Это ничто иное как «политика баланса сил», предусматривающая попытки сконструировать и удержать силовой баланс между несколькими ведущими для данного региона державами, которые, как показывает практика, в равновесном состоянии сколько-нибудь долго находиться все равно не могут. Одни из них в силу каких-то внутренних факторов, преуспев в развитии, делаются сильнее, а в ответ на это другие страны, начинающие испытывать опасения, принимаются между собой блокироваться не иначе, как с целью ослабить возвышающуюся державу. В результате этого всеобщего слежения за всеми, блокирования всех против каждого и стремления угадать и не пропустить момент своего и своих союзников превосходства над своим соперником и его союзниками неизбежно возникает общий конфликт.

И все-таки «равноудаленность» для России тем не менее приемлема, поскольку она ни при каком раскладе не сможет в обозримой перспективе выступать в АТР «на равных», так как объективно её возможности будут в комплексе не сопоставимы с возможностями других лидеров. Но в такой ситуации неизбежные метания Москвы приведут к росту непредсказуемости в АТР и региональному беспорядку. Именно такая ситуация более всего отвечала бы интересам переживающего взлет Китая, который не удовлетворен своими позициями в регионе и хотел бы реализовать свои представления о возможных перспективах их улучшения. Поворот Москвы к «равноудаленности» не только бы послужил оправданию стремления КНР сохранить свободу рук в региональных делах, но и ослабил бы позиции России перед лицом Китая. Более того, «равноудаленность» России по отношению к КНР и США в принципе является геополитическим абсурдом, поскольку «удалиться» Москва может только от США и их партнеров в Восточной Азии, тогда как КНР при всех обстоятельствах останется «нависать» над российским Дальним Востоком. При таком раскладе «равноудаленность» была бы равнозначна односторонней ориентации на Китай и отказу от альтернатив зависимости от него в вопросах безопасности.

Таким образом, названные ориентации в принципе привязывают дальневосточную политику России к Китаю, ориентируют её на поиск взаимопонимания с КНР. В подобной политике, безусловно, есть рациональное содержание. Москва не может произвольно позволить себе охлаждение в отношениях с Китаем. Масштабы мирного китайского вызова и уязвимость России перед их лицом диктуют необходимость добрососедских, конструктивных российско-китайских отношений. Логика выбора в этом случае определяется тем, что любые материальные потери российских граждан могут быть так или иначе компенсированы федеральным правительством, в то время как риск от оставления в руках Китая повода предъявлять России территориальные претензии в будущем практически будет невозможно перекрыть никакими контрмерами с учетом изменения соотношения возможностей на уровне регионального геополитического и геоэкономического балансов не в пользу РФ.

Правительству России следовало бы обратить внимание на развитие экономики российского Дальнего Востока, повышение благосостояния проживающих здесь граждан, которые могут быть сопряжены с развитием на всех уровнях российско-китайской хозяйственной кооперации и торговли. Наступление китайских товаров позволяет местному населению решить массу социально-бытовых проблем, причем быстрее и эффективнее, чем посредством налаживания коммерческо-деловой активности с европейской частью страны. В то же время, сохраняя относительно либеральный режим для мелкого частного бизнеса российских граждан с предпринимателями из КНР, было бы уместно предпринять меры для предотвращения переориентации на Китай средних и крупных российских предприятий, чтобы китайский элемент не стал доминирующей силой в местной экономике. Проблема хуа-цяо в России уже

становится реальностью и следовало бы противопоставить ей «экономический национализм» россиян. Задача федеральной власти должна заключаться в том, чтобы разумно направлять его, контролировать ситуацию и не допускать перемещения неизбежных противоречий на официальный уровень. Игнорировать возможности неформального регулирования китайского проникновения было бы заблуждением. В этом случае требуется координация усилий федеральных ведомств, предпринимательских структур и местной администрации.

В развитии сотрудничества с Китаем, с учетом легкости, с которой он способен реализовать свои экономические преимущества над Россией в мирных международных условиях, не следует забывать о необходимости проработки альтернативных вариантов российской политики, ориентированных на ограничение способности КНР влиять на ситуацию в дальневосточных районах РФ. Региональная стабильность неотъемлема от добрососедства России с Китаем в такой же степени, как от возможности приобретения путей влияния на внешнеполитическое поведение КНР в пределах, достаточных для удержания его в неугрожающих для России параметрах или для своевременного выявления рубежа, за которым может пойти речь о возникновении существующей угрозы. России необходимо ориентироваться на политику «мягкого сдерживания», которая не означала бы возврата к прямому силовому противостоянию с КНР, а вела бы к поиску возможного взаимодействия с американской стратегической системой в АТР, участие в которой не имело бы прямой антикитайской направленности, но косвенно означало бы адресованный Пекину сигнал о способности Москвы при необходимости опереться на поддержку США. Однако партнерство с США не должно быть чисто пассивным, каким оно было в прошлом, когда Москва «просто» безропотно отказалась от попыток играть хоть какую-то роль в регионе и тем фактически уступила все свои позиции другим – США и Китаю. Думается, наступает время, когда Москва от почти более чем десятилетней демонстрации от посягательств на роль одного из региональных гегемонов должна перейти к приобретению некоторых признаваемых региональным сообществом функций по обеспечению своих региональных интересов.

При всех вышеназванных обстоятельствах Россия заинтересована в сохранении конструктивных и добрососедских отношений с КНР, однако не ценой оказания содействия наращиванию его оборонного потенциала, который остается одним из наиболее быстрорастущих и потенциально грозных в Восточной Азии.

И все же главным условием стабильности российского Дальнего Востока является его экономическое благополучие и политическая управляемость. Важным элементом государственной политики в указанном направлении представляется разработка программы демографической поддержки дальневосточного региона, финансируемой в том числе и за счет иностранных капиталовложений, целевое привлечение которых в необходимых масштабах может стать условием укрепления позиций России на Дальнем Востоке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. примечания: Богатуров А. Восточный фланг евразийского континента. Корни стратегических балансов: уплотнение пространства //Безопасность Евразии. 2001. № 4, октябрь–декабрь. С. 427.
2. Парканский А. Российский Дальний Восток – Япония: трудные времена //Япония сегодня. 1995. № 3. С. 2.
3. Воскресенский А. Зона сотрудничества или потенциального конфликта? Дальневосточная граница в прошлом, настоящем и будущем //Независимая газета. 1994. 3 июня.
4. Независимая газета. 1994. 5 августа. См. также: Песков В.М. Россия на пути в глобальный мир: ракурсы современной глобализации. Хабаровск. 2002. С. 55–74.
5. См.: Анисимов А. Мировой конфликтный потенциал и Россия // Россия XXI. 1994. № 1–2. С. 4–28; Арбатов А.Г. Военная реформа: доктрина, война, финансы //Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 4. С. 5–21; Ткаченко Б.И. Проблемы эффективности внешней политики России на Дальнем Востоке. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета. 1996.

СОВЕТЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ВОПРОС О ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1917 Г. *

Т.Я. Иконникова

ИКОННИКОВА Татьяна Яковлевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой отечественной истории Хабаровского государственного педагогического университета.

В статье на основе документов центральных и местных архивов впервые в отечественной историографии рассматривается проблема отношения Советов Дальнего Востока к военнопленным первой мировой войны. Автор отмечает, что первые краевые съезды советов рабочих и солдатских депутатов так же, как и краевой Совет рассматривали этот вопрос лишь эпизодически. В то же время местные Советы (городские, поселковые, воинских частей) придавали проблеме военнопленных большое значение. В целом Советы Дальнего Востока оставили вопрос о военнопленных в компетенции военных властей Приамурского военного округа.

The article is the first in the Russian historical research to investigate the problem of the Far Eastern Soviets' attitude to the hostages of World War 1. The author claims that the first territorial Congresses of Soviets of Workers and Soldiers as well as the Territorial Soviet dealt with the problem only on occasion. At the same time local Soviets (city, village, military regiment) gave considerable prominence to the problem of hostages of war. Eventually the Far Eastern Soviets left the decision of the problem in the jurisdiction of the military powers of the Priamursky Military District.

* Исследование осуществляется при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда. ПРОЕКТ РГНФ № 02 – 01 – 474 – а / Т.

Социальная тектоника, разбуженная XX в., глобальные войны и изнурительные военные конфликты привели к накоплению опыта вражды и тяжелой травматизации общественного сознания. Мышление и поступки послевоенных поколений во многом формировал коллективный военный опыт той или иной страны. Вектор смены критериев российско-германских отношений определила Первая мировая война. Ее жестокой реальностью явились многомиллионные жертвы и беспредельные людские страдания. Особую категорию лиц, подвергнувшихся тяжелым испытаниям, стали миллионы военнопленных. К началу 1917 г. в России находилось более 2 млн военнопленных. Продолжавшиеся боевые действия увеличивали эту цифру[1]. Одной из задач конкретно-исторических исследований истории войн и военных конфликтов становится изучение понятий «свой – чужой», процесса формирования образа врага и реального отношения к нему, реконструкция и анализ разнообразных феноменов проявления отношения власти и общества к подданным враждебных государств, роли человеческой субъективности.

На Дальний Восток России первые партии военнопленных стали прибывать в октябре 1914 г. В апреле 1915 г. только в Приморской области их число превышало 40 тыс. чел. [2]. Это был максимум их численности. С 1916 г. начались процессы перемещения военнопленных на работы в западные районы страны. Такая «миграция» из Приамурского края, испытывавшего острую потребность в дешевой рабочей силе и едва приступившего к ее использованию, не могла быть оспорена. Затягивание войны требовало ускоренного строительства стратегически важных объектов в центральных губерниях, проведения большого объема сельскохозяйственных работ и т.д., а неудачи на фронте и начинавшаяся «позиционная война» сократили массовый приток военнопленных. Некоторый резерв дешевой рабочей силы и был найден в дальневосточных лагерях. К маю 1916 г. количество военнопленных в крае уменьшилось почти на 25 тыс. чел. Трудоспособных нижних чинов среди них было 10,1 тыс. чел. [3].

В силу разнообразных обстоятельств к лету 1917 г. число военнопленных в округе еще более сократилось и, по сведениям Штаба Приамурского военного округа, составило в июле 1917 г. 13769 чел. (из них 3936 офицеров и 9833 солдат)[4]. К причинам столь резкого снижения численности относились перемещение в центральные регионы, интернирование инвалидов в нейтральные страны, а также незначительные относительно общих показателей, но все-таки имевшие место, смертность и побеги военнопленных. Приведенные данные свидетельствуют о том, что по сравнению с наполнением военнопленными центральных, южных и сибирских регионов их общая численность в Приамурском военном округе была небольшой. Однако если учесть небольшую плотность собственно российского населения края, то пребывание здесь и нескольких тысяч военнопленных было весьма заметным явлением. Например, в

Хабаровске в годы первой мировой войны проживало менее 50 тыс. чел.

Бурные политические события начала 1917 г. не затронули основной массы военнопленных, размещенных в крае, в то время как в ряде российских регионов наблюдались беспорядки. В телеграмме Главного управления Генерального штаба (далее ГУГШ), полученной в Хабаровске 11 марта, говорилось, что в стране «на многих предприятиях, не исключая и работающих на оборону, насилием толпы проводится разоружение стражи, охраняющей военнопленных». Тем самым в тыловых районах страны создавалась реальная угроза не только массовых побегов пленных, но и разрушения ими промышленных предприятий. По приказанию военного министра командованию Приамурского округа предлагалось принять срочные меры «к восстановлению вооруженной охраны пленных». Но срочные запросы во все дальневосточные гарнизоны, где находились военнопленные, показали, что в пределах Приамурского округа таких случаев не было[5].

Образованные вихрем Февральской революции Советы, Комитеты общественной безопасности и другие общественные организации Дальнего Востока по разному отнеслись к возможности использования военнопленных в своих политических интересах. Если применить категории необходимого и случайного, то для краевого Совета рабочих и солдатских депутатов вопрос о военнопленных являлся далеко не главным и рассматривался лишь эпизодически. По сути, краевые структуры депутатского корпуса его почти не замечали. В то же время для местных Советов (городских, поселковых, гарнизонных, бригадных и т. д.) он становился весьма важным. Выявленные архивные документы позволяют проиллюстрировать этот тезис.

Краевой съезд военных делегатов Приамурского военного округа, работавший во Владивостоке с 1 по 8 мая 1917 г., вообще отклонил рассмотрение вопроса о положении военнопленных в округе[6]. Дальневосточный областной комитет Советов рабочих и солдатских депутатов при подготовке II краевого съезда Советов также не предполагал обращаться к этой проблеме. В письме от 19 июля 1917 г. председатель комитета Л.Е. Герасимов просил у начальника Штаба округа лишь о выделении пяти военнопленных «для оборудования в помещении порядка, из коих 1 повара, на все время работы съезда». Любопытной была последняя фраза обращения: «Об исполнении не откажите уведомить комитет». И начальник Штаба округа дал распоряжение о том, чтобы «сделать наряд пяти пленных для оборудования порядка в помещении кадетского корпуса … для съезда делегатов Дальневосточного областного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов»[7]. Таким образом, вопрос о военнопленных полностью находился в ведении военных властей округа, и краевой Совет депутатов не посягал не только на ограничение их полномочий, но и практически не интересовался этой проблемой.

В целом в 1917 г. в стране весь контроль за военнопленными оставался в ведении военного министерства, а на местах – в руках командования округов.

В тех случаях, когда местные Советы не могли найти понимания и поддержки у начальства гарнизонов, они апеллировали к командованию округа. Характерным являлось постановление Спасско-Слободского исполнительного комитета, принятое 28 августа за № 23. В связи с тем, что Совет взял на себя организацию работ по «мощению и исправлению улиц в поселке», ему необходимы были постоянные рабочие руки. Однако местные военные власти не спешили идти навстречу. Депутаты решили напрямую обратиться к командующему войсками округа. В постановлении отмечалось: «Комитет, имея ввиду, что частным лицам пленные все время отпускаются, а для общественного дела отпуск кем-то задерживается, постановил: обратиться с ходатайством … (к) командующему войсками о побуждении гарнизонных властей отпускать поселковому общественному управлению для общественных работ 50 человек ежедневно военнопленных. Председатель Стоцкий. Секретарь Викулов». 6 сентября из Штаба округа на имя начальника Спасского гарнизона поступило распоряжение «отпускать 50 военнопленных солдат для работы Спасско-Слободского исполнительного комитета»[8]. Этот и другие аналогичные примеры подтверждали, во-первых, заинтересованность новых демократических советских структур в использовании дешевой рабочей силы и, во-вторых, свидетельствовали о признании ими всех прежних полномочий военных властей на распоряжение контингентом трудовых ресурсов военнопленных.

Между тем как в центре, так и на местах с разной степенью активности стали проявляться намерения так называемого демократического вмешательства в действовавший порядок. По сведениям ГУГШ, уполномоченные Центрального комитета по делам военнопленных, других общественных организаций стали демонстрировать свою самостоятельность в проведении по всей стране независимых осмотров лагерей. Проявлением их активности стало «стремление давать разъяснение и толко-

вание распоряжений Главного управления Генерального штаба по вопросам об условиях содержания военнопленных». В связи с этими акциями командованию военных округов давалось четкое подтверждение ГУГШ, что «такого рода полномочия упомянутым делегатам не представлены»[9].

Несмотря на стабильность общей обстановки в дальневосточных лагерях военнопленных, уже с весны 1917 г. стали проявляться отдельные эпизоды, свидетельствовавшие о новых тенденциях. В определенных случаях они даже опережали те процессы, о которых предупреждал в вышеупомянутом извещении ГУГШ. Инициаторами вовлечения военнопленных в сферу своей деятельности стали местные Комитеты общественной безопасности и Советы небольших населенных пунктов. Одним из первых примеров стал случай в Раздольном, где а начале 1917 г. только нижних чинов военнопленных содержалось более 1,9 тыс. чел.[10]. Военнопленные офицеры и нижние чины 18 апреля (т. е. в день празднования 1 мая по новому стилю) были выпущены охранявшими их солдатами из лагеря. На состоявшемся в селе митинге пленные произносили речи на родном языке, а вечером вернулись в лагерь. Воодушевленный таким событием и следуя воле митинга, Раздольнинский волостной исполком направил телеграмму командующему Приамурского военного округа с предложением «все распоряжения, касающиеся военнопленных, сообщать в волостной комитет». Проведенное по приказу Штаба округа срочное расследование показало, что «этот выпуск пленных произошел, главным образом, под давлением солдат старших сроков службы, теперь уже уволенных, так как из них были выбраны делегаты в различные организации и в исполнительный комитет общественной безопасности». Имена организаторов в Штаб округа не сообщались, поскольку после их отбытия «подобных случаев не повторялось – даже явились к командиру дружины солдатские делегаты и просили никого пленных не выпускать без конвоя, и теперь охрана военнопленных несется нормально»[11]. В свою очередь комиссар Временного правительства по делам Дальнего Востока А.Н. Русанов строго предупредил волостных инициаторов из Раздольного о том, что вся полнота ответственности за военнопленных возложена законом на военные власти. За побеги, которые могут произойти из-за «недоразумений и послаблений», проявленных Комитетом, его составу придется отвечать по закону[12]. Предупреждение о сохранении строгого порядка охраны военнопленных было разослано повсеместно начальникам воинских частей и на определенное время стабилизировало ситуацию.

И все же обращение к Советам местного уровня при решении вопроса о военнопленных становилось приметой революционного времени. Мнение Совета военных депутатов все того же Раздольнинского гарнизона стало важным аргументом для решения вопроса о слиянии двух лагерей военнопленных в один. Начальник гарнизона полковник Дорошевич в рапорте Штабу округа представил протокол заседания Совета военных депутатов от 19 апреля 1917 г. В документе сообщалось о сомнениях Совета в целесообразности принятого решения. По убеждению Совета, сконцентрировать военнопленных в один лагерь было довольно сложно по следующим основаниям: «а) казармы в п. Раздольном растянуты на протяжении около восьми верст; б) п. Раздольный не имеет никакого рынка, где можно было бы приобрести продукты, и таковым рынком для Раздольного служат гг. Никольск-Уссурийский и Владивосток, из которых ввиду отсутствия вагонов доставка продуктов не только затруднительна, но иной раз невозможна; в) с увольнением в отпуск из дружин солдат старших возрастов командный состав таковых почти уничтожается, и даже роты солдат остаются без такового, и таким образом, отряды военнопленных останутся без командного состава из солдат». Исходя из вышеназванных аргументов и «принимая во внимание поступившую телеграмму от и.д. начальника Штаба Приамурского военного округа от 9 сего апреля, относительно возможности перевести военнопленных нижних чинов на постоянное размещение их в город Никольск-Уссурийский», совместная комиссия начальства гарнизона и Совета военных депутатов «*единогласно* (выделено автором. – Т.И.) пришла к заключению о желательности перевода всех военнопленных около одной тысячи девятисот человек нижних чинов». Это постановление было признано необходимым «начальнику гарнизона *совместно* (выделено автором. – Т.И.) с представителем Совета военных депутатов поручить предоставить начальнику Штаба округа»[13]. Таким образом, в деятельности начальства Раздольнинского гарнизона отчетливо проявилась тенденция апелляции к мнению Совета, что свидетельствовало о немыслимом ранее признании демократического начала в армии.

Любопытно, что к помощи Советов в разъяснении массам того или иного вопроса стало разрешать обращаться и ГУГШ. В условиях продолжавшейся инфляции вопрос об оплате труда военнопленных стал предметом политической игры сил,

стремившихся расширить свою социальную базу сочувствующих. Летом 1917 г. на горнозаводских предприятиях Сибири, ряде заводов и фабрик центральных и южных губерний страны местными рабочими организациями, увлеченными лозунгами интернациональной пролетарской справедливости, были предъявлены «категорические требования об установлении для работающих на предприятиях вражеских военнопленных одинаковой платы с русскими рабочими». ГУГШ обязало командование Приамурского военного округа для предупреждения возможных эксцессов «разъяснить через местные Советы солдатских и рабочих депутатов, что удовлетворение такого рода требований было бы в высшей степени несправедливым в отношении наших пленных страдальцев в Германии и Австрии, каторжный труд которых вознаграждается ничтожной платой от 7 до 15 копеек в день при полнейшей скудости пищевого и прочего довольствия, и что в случае установления у нас оплаты труда наравне с русскими рабочими Германия и Австро-Венгрия получили бы от нас не только два миллиона здоровых и вполне способных к труду граждан, но и более миллиарда рублей, скопленных ими благодаря непомерно высокой оплате их труда в России. К нам же взамен того Германия и Австрия вернут наших военнопленных в состоянии изможденных непосильною работою, голодом…» Для того чтобы не создавать таких преимуществ врагу, а также не поощрять отечественных частных промышленников активно использовать труд военнопленных «в ущерб русским рабочим», военное министерство спешно решило вопрос о том, чтобы из зарплаты военнопленных, определяемой сообразно местным ценам, на руки выдавалось не более 50 копеек в день. Оставшаяся часть заработка за вычетом всех расходов по содержанию пленных должна была сдаваться предприятием в доход казны. Это решение высших военных властей страны 14 июля 1917 г. было объявлено приказом войскам Приамурского военного округа «для сведения и руководства, а также для широкого разъяснения всем, пользующимся трудом военнопленных, и тем, в распоряжение которых будут поступать военнопленные». Весьма показательным для характеристики демократических перемен был пункт приказа о том, что «это мнение ГУГШ вполне разделяет и Дальневосточный областной комитет Советов солдатских и рабочих депутатов». Действительно, на заседании 8 июля 1917 г. Дальневосточный областной комитет Советов солдатских и рабочих депутатов в ответ на запрос военных властей заявил о своем согласии, о чем и уведомил начальника Штаба Приамурского военного округа. Ежедневная сумма заработка военнопленных в крае в конечном итоге с учетом местной дороговизны определялась в 75 копеек[14].

Однако далеко не все местные Советы согласились с таким решением, принятым в Хабаровске региональной военной и советской властью. Проявлением открытой оппозиционности стали действия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Продовольственный комитет села Шкотово Приморской области. На заседании 11 сентября Шкотовский районный Продовольственный комитет заявил, что «считает оценку труда военнопленных неприемлемой данной местностью». 27 сентября общее собрание Советов депутатов Шкотова, учитывая, что пленные работают в основном в хозяйстве «солдаток беднейшего населения», постановило: «Нужда в военнопленных будет лишь в том случае, если они будут отпускаться с платой не выше 6 рублей в месяц, из которых пленному должно выдаваться по 4 рубля, а 2 рубля идти в пользу казны на одежду. В утвердительном случае организовать работоспособный отряд в 200 человек, остальных всех, кроме мастеровых, из Шкотова отправить». Примечателен был последний пункт постановления: «В виду того, что расценка в 75 копеек назначена без ведома Шкотовского местного Совета, не отвечает местным условиям, разрешить впредь до изменения расценки таковую признать допустимой в прежней норме 50 копеек за рабочий день». Реальная же оплата труда военнопленных составила здесь всего 20 копеек в день[15].

Таким образом, в дальневосточной сельской глубинке не считали возможным как увеличить оплату труда военнопленных, так и согласиться с распоряжениями вышестоящих властей. Потребовалось вмешательство Штаба Приамурского военного округа, Дальневосточного краевого комитета Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов для разрешения «кризиса шкотовского неповиновения». Начальнику местного гарнизона телеграммой Штаба округа предписывалось при отказе оплаты труда в 75 копеек незамедлительно снять военнопленных с работ и возвратить их в распоряжение начальника Спасского гарнизона. Краевой Совет депутатов на заседании 27 сентября постановил: «За произведенные полевые работы военнопленными … уплатить по 75 копеек, т. е. оставить прежнее решение в силе». Но далее, по-видимому, не желая обострять конфликт с местным Советом, постановление определяло: «Оставшимся военнопленным после полевых работ плату уменьшить до 6 рублей в месяц. Оставлять на работу военноплен-

ного только с согласия самого военнопленного. Специалистам, оставшимся после окончания полевых работ, платить по 75 копеек в сутки»[16]. Компромисс решения был очевиден. Осенью 1917 г. краевой Совет чувствовал все большую необходимость проведения самостоятельной политической линии, но приоритет региональной военной власти в вопросе о военнопленных, безусловно, признавался незыблемым.

Несмотря на признание определенных рычагов воздействия у Советов на решение тех или иных ситуаций, возникавших относительно военнопленных, военные власти округа очень осторожно относились к проявлению инициативы в этом вопросе. Такое поведение было вполне объяснимо, так как появлялось все больше намерений общественности решать вопросы о военнопленных при помощи новых советских структур власти. О постепенном утверждении в общественном сознании властных полномочий Советов солдатских депутатов свидетельствовали конкретные примеры. Так, 3 июня 1917 г. лазарет Хабаровска направил в гарнизонный Совет солдатских депутатов ходатайство о прикомандировании на работу «17 пленных славян специалистов: поваров, слесарей и т. д., мотивируя острым недостатком людей в лазарете». Совет солдатских депутатов ответил, что «со своей стороны препятствий не имеет, если есть свободные славяне и если за ними будет наблюдать комитет лазарета». Однако такая вольность в распоряжении военнопленными была пресечена личным вмешательством временно командующего войсками округа Хогандокова. Он счел, что такое прикомандирование «без специальных конвоиров недопустимо и преждевременно»[17].

И все же импульсы общественной самостоятельности проявляли себя в Советах разных уровней и по различным поводам. Характерные метаморфозы происходили в решении вопроса о военнопленных музыкантах. В мае 1917 г. Совет солдат музыкальной команды 106-й бригады Государственного ополчения обратился в хабаровский гарнизонный Совет солдатских депутатов с просьбой разрешить прикомандировать «в музыкантскую команду» четверых военнопленных чехов: Э. Дворжака, Э. Карлика, Я. Коваржика и Ц. Гавляда. Солдатский Совет считал это «очень желательным и весьма полезным в смысле улучшения оркестра», при этом солдаты брали на себя «всю ответственность за них». Правление хабаровского гарнизонного Совета военных депутатов во главе с прапорщиком Л.В. Альперовичем известило начальника штаба 106-й ополченческой бригады, что «поддерживает ходатайство солдат музыкантской бригады». Начальство бригады нашло возможным принять просьбу солдатских Советов и обратилось в Штаб округа за окончательным решением. При этом подчеркивалось, что «при невозможности пополнить оркестр вольнонаемными музыкантами бригадный оркестр не может выполнять назначения, вследствие чего и желательно пополнить его военнопленными чехами, упоминаемыми в переписке, как опытными музыкантами, получившими специальное образование. Наблюдение за ними … будет установлено самое тщательное». Однако все аргументы оказались бесполезными. Временно командующий войсками округа в своей резолюции на переписке по этому вопросу был резок: «Врагу нет места с честными сынами Родины. Ни под каким предлогом»[18].

Такая жесткая позиция генерала нашла понимание в хабаровском городском исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов. Под председательством В.Ю. Ульянинского 15 июля 1917 г. состоялось заседание, на котором присутствовало 24 депутата. Было заслушано заявление Ульянинского о положении военнопленных в Хабаровске. Главный акцент был сделан на информацию о том, в каких бедственных условиях содержались российские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии. В постановлении указывалось, что «принимая во внимание крайне тяжелое и угнетенное положение наших пленных, томящихся во вражеском плену, исполнительный комитет постановляет: 1) для обследования современных условий жизни военнопленных и для пересмотра инструкции по содержанию и охране … образовать комиссию в составе пяти, из коих трое от С. Р. и С.Д. (Совета рабочих и солдатских депутатов. – Т.И.) и двое по назначению от командующего войсками; 2) для всестороннего контроля в отрядах военнопленных избрать от С.Р. и С.Д. по одному комиссару в каждый отряд; 3) обратиться к командующему войсками с просьбой сделать соответствующее распоряжение о сокращении до минимума отпусков военнопленных в город; 4) принимая во внимание то обстоятельство, что игра военнопленных в «Чашке чая» и других учреждениях является глубоко антигосударственным явлением и что обстоятельства жизни и переживаемого момента настоятельно диктуют о необходимости немедленного прекращения таковой игры, исполнительный комитет С.Р. и С.Д. постановил игру военнопленных всюду прекратить, сообщив об этом командующему войсками для надлежащего распоряжения»[19].

Эта инициатива хабаровского Совета встретила полное понимание и поддержку командования округа. Исполнявший должность начальника штаба округа полковник Доманевский 10 августа 1917 г. уведомил всех командиров частей, при которых содержались военнопленные, о серьезных переменах прежде всего в положении военнопленных музыкантов. Начальникам четырех гарнизонов (Спасского, Краснореченского, Шкотовского и Раздольнинского), 46, 51 и 106-й ополченческим бригадам и командиру 8-го ополченческого корпуса объявлялось, что «идя навстречу ходатайству Совета рабочих и солдатских депутатов и специальной комиссии при Штабе округа по содержанию военнопленных, командующий войсками округа запретил игру военнопленных в «Чашке чая» и других учреждениях. Пользование оркестрами военнопленных разрешено командующим войсками округа исключительно Союзам инвалидов, в ведение коих предполагается выделить оркестр военнопленных… теперь же снять все оркестры военнопленных и отдельных музыкантов во всех благотворительных учреждениях и у частных лиц, где музыканты состоят до настоящего времени»[20]. Таким образом, у военнопленных музыкантов, игравших с декабря 1915 г. в кофейне «Чашка чая» и получавшим дополнительные льготы за свою работу, не было основания для симпатии к Советам, о чем так упорно говорили хабаровские историки и краеведы. На протяжении нескольких десятилетий расстрел калмыковцами несчастных военнопленных музыкантов на амурском утесе связывался даже с легендой о своеобразном сопротивлении, выразившемся в исполнении перед казнью нескольких аккордов «Интернационала». Отметим, что революционные перемены принесли смягчение режима содержания этого оркестра. В марте 1917 г. хабаровская группа музыкантов из «Чашки чая» была освобождена от обязательного конвоирования и стала жить свободно, продолжая работать на прежнем месте. Запрет на игру оркестра, последовавший в августе после ходатайства хабаровского Совета рабочих и солдатских депутатов, вызвал возмущение в городе. Кроме того, что посетители кафе были лишены возможности слушать музыкантов-профессионалов, благотворительный кружок, инициировавший стационарную работу оркестра, лишился постоянного и самого верного источника дохода. Домовладелец Архипов, являвшийся председателем кружка и предоставивший ему помещение, лично телеграфировал командующему войсками К.Н. Хогандокову, находившемуся в эти дни в Раздольном. Текст телеграммы был достаточно красноречив: «Сегодня (13 августа. – Т.И.) запрещена игра оркестра военнопленных в благотворительной «Чашке чая». Считаем долгом уведомить, что «Чашка чая» основана (в) начале войны. Вся доходность идет (на) нужды воинов и их семей. Отправлено (в) армию свыше тридцати тысяч комплектов подарков, ассигновано инвалидному дому и попечительству (о) семьях запасных по тысяче рублей. Отчисляется до двадцати процентов дохода инвалидному убежищу (т. е. дому. – Т.И.) семей запасных, приюту «Ясли», союзу инвалидов. Без оркестра будем вынуждены дело прекратить. Ходатайствуем разрешить дальнейшую игру оркестру, ибо деятельность «Чашки чая», пользующейся большими симпатиями публики, приносит существенную пользу»[21].

Если в Хабаровске мнение общественности резко разошлось с позицией городского Совета солдатских и рабочих депутатов, то в других населенных пунктах сами Советы протестовали по поводу запрета игры военнопленных музыкантов. Осуждение своих коллег из Хабаровска было вызвано тем, что эта мера затрагивала вопрос денежного обеспечения их собственной, «советской» деятельности. Показательным было решение спасских депутатов. Совет солдатских и рабочих депутатов Спасска 17 августа 1917 г. обратился к командующему войсками округа. В письме указывалось, что в Спасском гарнизоне в двух иллюзионах играют пять военнопленных профессиональных музыкантов, и за это «Совет получает с содержателей иллюзионов 120 рублей в месяц. Других постоянных источников (на финансирование) Совет не имеет, казенного отпуска денег не производится… между тем расходы с каждым днем будут увеличиваться, так как в Совете (число. – Т.И.) дел с каждым днем все растет, да и без того бывает много командировок, которые сопряжены с расходами. Канцелярия Совета без расходов обходиться не может, а потому исполнительный комитет просит не отказать разрешить Совету пользоваться военнопленными музыкантами как одним из способов финансирования Совета …». О том, насколько зависело финансирование деятельности спасского Совета от игры маленького оркестра военнопленных, свидетельствовали заключительные фразы обращения: «если Совету не будет разрешено пользоваться военнопленными музыкантами, то Совет будет поставлен в финансовом отношении в самое критическое положение, и тогда придется многим просителям отказывать и дела, сопряженные с поездками, оставлять без движения до более благоприятного времени».

Кроме того, депутаты обращали внимание командующего округом на общественно значимую роль оркестра военнопленных для населения всего Спасска. «Необходимость пользования военнопленными музыкантами вызывается еще и тем, что в данной местности не имеется русских музыкантов, которые могли бы заменить военнопленных, а закрытие иллюзионов может повлечь к нежелательным последствиям, так как в селе Спасском, кроме иллюзионов, нет никаких других развлечений». Начальник Спасского гарнизона полковник Доманевский поддержал просьбу Совета, и командующий войсками округа вынужден был пойти навстречу. Текст телеграммы Хогандокова был лаконичен и содержал только одно слово «Разрешаю»[22]. Аналогичные прошения и разрешительные резолюции на них последовали и из других населенных пунктов, где содержались военнопленные. Таким образом, игра военнопленных оркестров являлась важным, а порой и единственным источником финансирования деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов. Согласие на такой источник доходов со стороны командующего округом свидетельствовало как о признании им необходимости работы новых советских структур, так и о наличии специфического внебюджетного источника финансирования деятельности местных Советов.

Кроме того, приведенные примеры отношения местных Советов рабочих и солдатских депутатов, а также дальневосточной общественности к работе оркестров военнопленных музыкантов свидетельствовали о множественности путей становления и развития новых общественных социумов. В Хабаровске, административном и военном центре края, где сформировалось более сложно организованное городское сообщество и были расквартированы несколько ополченческих дружин, у местного Совета, имевшего свои источники финансирования, было свое видение проблемы военнопленных. Однако вывод хабаровского Совета о игре оркестров военнопленных музыкантов как об «антигосударственном явлении» не нашел понимания и был почти одновременно отвергнут в других населенных пунктах края. Столкновение противодействующих факторов стало объективной реальностью, с которой пришлось считаться и командующему войсками округа, и самому инициатору – хабаровскому Совету.

Возвращаясь к вопросу об отношении Дальневосточного краевого исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов, отметим, что и к концу 1917 г. оно оставалось почти индифферентным. Гораздо большую тревогу по поводу возможности вмешательства военнопленных во внутриполитические события проявили военные власти округа.

Располагая информацией о подготовке в Хабаровске III краевого съезда Советов и его намерениях провозглашения Советской власти в крае, временно командующий войсками округа 20 декабря 1917 г. приказал: «Воспретить всякие отпуски военнопленных Хабаровского и Краснореченского лагерей военнопленных. В исключительных случаях отпуски допускать, но только с разрешения Штаба округа и по выданному Штабом округа пропуску»[23]. Тем самым власть Приамурского военного округа исключала возможность даже минимального вмешательства «третьей силы» в развитие внутриполитических событий. Но к российским революционным потрясениям конца 1917 г. подавляющее большинство военнопленных, находившихся в Приамурье, отнеслось также спокойно, как и весной. Они оставались в лагерях и ожидали окончания войны. Между тем постепенно процессы падения порядка и дисциплины в лагерях и пунктах пребывания военнопленных становились все более ощутимыми. Самовольные отлучки военнопленных из мест размещения на несколько дней, которые ранее были бы приравнены к побегам, становились привычным явлением[24].

После свержения Временного правительства советской власти пришлось брать на себя решение вопроса о положении и дальнейшей судьбе военнопленных. В декабре 1917 г. в Петрограде состоялась специальная русско-германо-австрийская конференция. В ее работе принимал участие и представитель Дальнего Востока – С.И. Гиллерсон. Круг обсуждаемых вопросов был разнообразен. Основными стали дискуссии по предложенной российской делегацией формуле: «всякие принудительные работы отменяются». Компромисса найдено не было, а на местах ждали распоряжений из центра. В феврале 1918 г. Дальневосточный краевой комитет Советов, получивший «в наследство» от старой власти проблему, обратился с предложением к советскому комиссару иностранных дел «разработать вопрос о разумном использовании труда военнопленных»[25].

Новое советское правительство, ведя переговоры о сепаратном мире с Германией и Австро-Венгрией, готовило радикальное изменение статуса военнопленных этих стран. По Брестскому миру, заключенному в марте 1918 г., предусматривалось освобождение всех пленных. Однако очень быстро в лагерях стало известно, что тех немцев, кто вернулся в Германию из российского плена, тут же

направляют на западный фронт. В связи с этим стремление вернуться на родину у многих сменялось ставшим уже привычным пассивным ожиданием конца войны. Тем более, что на некоторое время содержание в лагерях повсеместно заметно улучшилось. 14 марта 1918 г. Штаб Приамурского военного округа, получивший срочное предписание из центра, приказал провести ряд срочных мероприятий «*для развлечения военнопленных*» (выделено автором. – Т.И.). Во исполнение этого приказа комендант лагеря военнопленных Хабаровского гарнизона отмечал 28 марта 1918 г. в рапорте, что «в последнее время сделано многое … во всех участках имеются театры, устраиваются концерты, производятся прогулки за ограду участков и вообще чинами администрации лагеря принимаются постоянно меры в содействии к устройству развлечений их и отвлечению от вечно гнетущих мыслей о плене»[26].

Советская власть в крае вскоре была свергнута. Белые правительства и интервенты, занявшие просторы Дальнего Востока, не признали сепаратного мира, заключенного большевиками. Таким образом, все германские и австро-венгерские военнопленные автоматически вновь утратили возможность получить свободу. Гражданская война разметала часть военнопленных в ряды непримиримо враждовавших русских армий и отрядов. Часть военнопленных принимала идеи революции и начинала сражаться в рядах отрядов интернационалистов[27]. Однако подавляющее их большинство продолжало оставаться в лагерях и принципиально не вмешивалось в кровавые внутрироссийские события.

Показательным падением обоюдного интереса друг к другу россиян и заброшенных судьбой на тихоокеанскую окраину пленных Первой мировой войны являлось не только повсеместное снижение дисциплины охраны лагерей, но наем на эту работу китайцев. Во время боев красных и белых частей в лагеря военнопленных поступали как пленные красноармейцы, так и их противники. Охрана новых категорий пленных не отличалась высокой дисциплиной. Так, после побега нескольких красных бойцов из лагеря в Никольск-Уссурийском летом 1919 г. «белое» расследование выяснило, что «охрана участка красноармейцев производилась китайской ротой … таковая была ниже всякой критики, так как часовые китайцы выпускали с участка кого угодно и когда угодно»[28]. Указанная ситуация была повсеместной и свидетельствовала о том, что лагеря военнопленных в годы Гражданской войны стали выполнять дополнительные функции содержания российских политических и военных противников.

Таким образом, в 1914–1918 гг. региональные власти Дальнего Востока впервые решали проблему содержания нескольких десятков тысяч иностранных граждан, имевших статус военнопленных. Пребывание военнопленных Первой мировой войны в Приамурском крае показывало, что военные и гражданские власти края соблюдали общероссийский регламент «Положения о военнопленных» и других правовых документов. Принятые нормы содержания военнопленных соблюдались. Был налажен учет выполнения объема и оплаты труда военнопленных. Серьезных нарушений финансовой дисциплины не наблюдалось[29]. Единичные намерения местных Советов привлечь военнопленных к массовому участию в политических событиях 1917 г. не получили развития. Несмотря на политическую нестабильность 1917 г., когда в центре страны трижды сменялась власть, военные власти Приамурского округа при поддержке сначала комиссара Временного правительства, а затем и местных Советов сумели удержать вопрос о военнопленных под контролем.

Несмотря на определенный дисбаланс взаимодействия властных военных и советских структур в 1917 г. на территории края по вопросу о положении военнопленных не наблюдалось ожесточенного противоборства, что имело место в других регионах страны. Напротив, преобладающими здесь были диалоговые формы обсуждения и принятия решений. Анализ механизма этого согласия дает основание утверждать, что оно было задано в значительной степени коллективным представлением дальневосточного общества о рациональности и легитимности властных структур. Подавляющее большинство войск Приамурского военного округа, как и гражданского населения, проявляли вплоть до конца 1917 г. лояльность к сохранению иерархии военной власти. Система определенной практики, накопленная в годы Первой мировой войны в округе в вопросе о военнопленных, была в целом поддержана дальневосточными Советами рабочих и солдатских депутатов. Радикальные способы ускоренного решения проблемы будут предложены после Брестского мира, но они быстро окажутся невостребованными самими военнопленными, не желавшими возвращаться на родину, для того чтобы снова попасть на фронт продолжавшейся в Европе войны.

В июне 1920 г. Президиум Народного собрания ДВР примет окончательное решение о ликвидации лагерей «бывших военнопленных империалистиче-

ской войны» и одновременно объявит их контингент свободными гражданами Дальневосточной Республики[30]. На судьбу бывших пленных власти перестали обращать внимание. Но для нескольких тысяч новых граждан ДВР долгожданная свобода в такой ситуации приобрела принудительный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 109, 130; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144.
2. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д.1195. Л. 109 (об.).
3. Там же. Д.1244. Л. 2 (об.) – 3.
4. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 26. Л. 41.
5. Там же. Д. 25. Л. 137–137 (об.), 139, 145, 146, 157.
6. Там же. Оп. 10. Д. 1. Л. 1 (об.).
7. Там же. Оп. 9. Д. 25. Л. 420 – 421.
8. Там же. Д. 26.Л. 93 (об), 95.
9. Там же. Д. 25. Л. 72–72 (об.).
10. Там же. Д. 11. Л. 240. Д. 25. Л. 492.
11. Там же. Д. 11. Л. 283 (об.).
12. Там же. Л. 245.
13. Там же. Д. 25. Л. 492.
14. Там же. Л. 658, 659, 659 (об.).
15. Там же. Л. 803, 821.
16. Там же. Л. 813, 814, 819.
17. Там же. Л. 272–273.
18. Там же. Л. 384–385, 387, 390.
19. Там же. Л. 442, 443. Напомним историю группы австровенгерских музыкантов, которые по инициативе дамского коммерческого кружка организовали струнный оркестр и с 30 декабря 1915 г. вплоть до своей трагической гибели в сентябре 1918 г. играли в кофейне «Чашка чая», расположенной на центральной улице Хабаровска. По опубликованным сведениям оркестр состоял из 16–18 чел., хотя, несомненно, в течение без малого трех лет работы его состав мог изменяться. Этот оркестр пользовался популярностью в городе. Он давал выступления не только в вышеназванной кофейне, но и в других аудиториях города. Например, 27 марта 1916 г. в зале кадетского корпуса им был дан благотворительный концерт в пользу инвалидов войны. Билеты были довольно дорогими – от 1 до 7 рублей. Но их предварительная распродажа в коммерческом кружке «Чашка чая» и магазине Пьянкова прошла успешно. Однако в начале февраля 1917 г. в работе этого оркестра военнопленных, как и других, произошел перерыв. По сообщениям дальневосточных газет, от властей поступили распоряжения «не допускать военнопленных музыкантов к публичным выступлениям». Главной причиной запрета была объявлена «убыточность их деятельности», в связи с чем объявлялось об их ликвидации. Но вихрь февральской революции заставил забыть намерения «старых» властей. см. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск. 1999. С.264 – 266; Жуков А.М. «Чашка чая» с привкусом истории» // Хабаровские вести. 1997. 21 августа; Чернявский А.Г. Не прорастет быльем былое. Хабаровск. 1998. С. 9–16; Он же. Расстрел. Тихоокеанская звезда. 1990. 12 января.
20. РГВИА. Ф.1558. Оп. 9. Д. 25. Л. 448–448 (об.).
21. Там же. Л. 561. 5 сентября 1918 г., когда в Хабаровск вошли отряды атамана Калмыкова, эти музыканты были расстреляны. В течение десятилетий вокруг трагедии, произошедшей в центральном парке города, сложилась героико-революционная легенда. Ее суть сводилась к тому, что музыканты отказались прийти на вокзал и при встрече белых войск играть монархический гимн, а будучи арестованными за это, стоя на крутом амурском утесе, за несколько минут до расстрела заиграли «Интернационал». Критическое отношение к такой романтизированной версии уже высказано в печати. Приведены доказательства того, что эти музыканты не интересовались политикой, а роковую роль в их судьбе сыграла давняя личная месть со стороны военнопленного Вацлава Юлинека. Именно он, по воспоминаниям ветеранов Гражданской войны, написанным в 1950–1960 гг., приходил просить музыкантов играть при встрече Калмыкова. Не ставя цель выяснить все детали произошедшего, тем более на основе такого столь зыбкого источника как мемуары, написанные спустя несколько десятилетий в эпоху одномерной трактовки событий 1917–1922 гг., отметим несколько моментов. Во-первых, отказ музыкантов встречать белых не мог стать главным поводом для расстрела. В Хабаровске это был не единственный оркестр военнопленных, а так как 5 сентября их музыка на вокзале не звучала, то логичным было бы ожидать казни не только оркестра из «Чашки чая», но и их коллег, которые тоже не пришли. Во-вторых, мимо внимания исследователей этого трагического события прошла февральская публикация 1921 г. в хабаровской газете «Наше слово», где говорилось: «Вся вина несчастных состояла в том, что некоторые жены калмыковских приспешников, жившие в Хабаровске без мужей, увлекались не только артистическими талантами музыкантов, но и их стройными фигурами». Поскольку события 5 сентября 1921 г. были еще совсем свежи в памяти многих хабаровчан, то, если бы газета исказила истину, нашлись бы те, кто пожелал бы опубликовать опровержение. Но его не последовало. В связи с этим можно предположить с большой долей уверенности, что «чувство личной мести» было присуще не одному обиженному еще в 1915 г. в лагере военнопленных Юлинеку, но и нескольким обманутым мужьям, вернувшимся в город с белыми отрядами. См.: Очерки истории дальневосточных организаций КПСС. Хабаровск. 1982. С. 111; Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России … Указ. соч. С. 264 –266.
22. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 25. Л. 475–476.
23. Приказания войскам Приамурского военного округа за 1917 год. Хабаровск. 1917 Приказание № 530. 20 декабря. С. 541.
24. РГВИА. Ф. 1558. Оп.9 . Д. 11. Л. 411, 412.
25. Дальневосточные известия. 1918. 20 , 23 января.
26. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 53. Л. 144.
27. Авдеева Н.А., Крушанов А.И., Мухачев Б.И., Шиндялов Н.А. Венгерские интернационалисты борются за Советскую власть на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., Наука:, 1980, С. 76–90.
28. РГВИА. Ф. 1558. Оп.9. Д. 22. Л. 231–231 (об.).
29. Подробнее см. Иконникова Т.Я. Военнопленные первой мировой на российском Дальнем Востоке (1914–1918.) // Россия и АТР. Владивосток. 1999. № 1. С 90–94. Она же. Дальневосточный тыл России … Указ соч. С. 244 – 298. Она же. Национальный состав военнопленных Первой мировой войны, размещенных в Приамурском военном округе // Россия в мировых войнах XX века. Материалы науч. конф. М., Изд-во МПГУ, 2002. С. 234–237.
30. ГАХК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 66.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ В ГОРОДАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР В 1920–1930-Е ГГ.

Н.Г. Кулинич

КУЛИНИЧ Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологии Хабаровского государственного технического университета.

Уровень образования населения является важнейшим аспектом социокультурной динамики. Он определяет степень усвояемости культурных достижений и их воздействия на людей. Осознавая это, большевики осуществляли политику, направленную на его повышение. В 1920–1930 гг. произошли значительные изменения в уровне образования городского населения Дальнего Востока. Была практически полностью ликвидирована безграмотность, увеличилось число горожан, имеющих среднее и даже высшее образование. Рассмотрение общеобразовательного процесса с позиции социокультурной динамики позволило автору выявить взаимодействие его социальных и культурных составляющих.

The education level of population is a most important aspect of social cultural dynamics. It determines the degree of cultural achievements adaptation and their influence on people. Consider these communists realized the policy of improving of education level. In 1920–1930 years significant changes education level of urban population took place in Far East. The illiteracy was almost eliminated. The number of town's men watch incomplete secondary, secondary and high education has increased. The consideration of general education process from position of social cultural dynamics allowed the anther to revise me correlation of social and cultural components.

Важнейшим аспектом социокультурной динамики является уровень образования населения, так как именно он определяет степень усвояемости культурных достижений и их воздействия на людей. Это осознавала и ставшая у власти коммунистическая партия, рассматривавшая проблему повышения общеобразовательного уровня трудящихся как важнейшую социально-политическую задачу. С ее решением связывалась успешность закрепления политической победы пролетариата и его партии, построение основ социализма в экономике, создание новых форм общественной жизни и т. д. Значимость деятельности большевиков в этой сфере получила соответствующую оценку и за рубежом. Один из обозревателей американского еженедельника «Nation» (Нейшн), побывавший в России в конце 1924 г., писал: «...на Западе Россию ненавидят не из-за случайных взрывов жестокости, а из-за идеалов, которым следуют ее правители. Здесь впервые в истории диктаторский режим уничтожает свою власть, давая образование людям»[1].

Первоочередной задачей в области повышения общеобразовательного уровня населения стала ликвидация массовой безграмотности. Согласно переписи 1897 г., на Дальнем Востоке было учтено грамотных среди мужчин всего 17,9 %, а среди женщин – 4,8 %. Даже в городах более половины населения не знало элементарной грамоты. Во Владивостоке имелось неграмотных жителей старше 8 лет 47,2 %, в Хабаровске – 53,9 %, Благовещенске – 60,5 %[2]. Для решения этой задачи было определено два направления: ликвидация неграмотности взрослого населения и обучение подрастающего поколения. В апреле 1923 г. начала работу Дальневосточная областная чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. В марте 1924 г. было создано Дальневосточное бюро Всесоюзного добровольного общества «Долой неграмотность» (ОДН), ставившее целью широкое вовлечение в борьбу за образование трудящихся масс.

С 1923–1924 гг. ликвидация неграмотности в Дальневосточной области (ДВО) перешла на плановые основы. Центрами всей образовательной работы стали города. Было определено общее количество неграмотных – 202967 человек[3]. Обучение производилось на пунктах ликвидации безграмотности (ликпунктах), которые являлись первой ступенью обучения взрослых. Вторую ступень составляли школы малограмотных, там закреплялись и расширялись знания по основным предметам начального образования. Ленинское замечание: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке»[4] – стало краеугольным камнем культурной работы. Повышение образовательного уровня трудящихся с самого нижнего звена (ликвидация неграмотности) до высшего (получение вузовского образования) было тесно увязано с задачами политического просвещения. Циркуляром Дальневосточного революционного комитета (Дальревкома) от 24 марта 1925 г. в обязанность проверочным комиссиям (в ликпунктах) вменялось не только «выявить, насколько

[1] Цитируется по: Тихий К.Т. Американские современники о некоторых проблемах НЭПа в России (1921–1928 гг.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб.науч. тр. Уссурийск, 1996. С. 179.

[2] Крушанов А.И. Победа советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917–апрель1918). Владивосток, 1983. С. 52–53.

[3] Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф.П.-2. Оп.11, Д.28. Л.88.

[4] Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов: Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. М. 1964. С.174.

учащиеся постигли грамоту», но и определить, умеют ли они «элементарно разбираться в вопросах советского строительства»[1].

На 1 апреля 1925 г. в городах региона действовало 68 пунктов ликвидации неграмотности и 42 школы малограмотных, ими за период с 1923/24 по 1925/26 г. было обучено более 10 тыс. горожан. Для активизации и методического обеспечения работы по ликвидации безграмотности было издано пособие «Грамотный, обучи неграмотного» и несколько номеров журнала «Хочу быть грамотным»[2]. Проведенная в 1926 г. перепись населения позволила выявить общее количество безграмотных в дальневосточном регионе – 1061630 человек, или 57,4 % населения. В городах края неграмотные составляли 30,9 % среди мужчин и 41,6 % среди женщин[3]. В сентябре 1926 г. в г. Хабаровске состоялась первая краевая конференция ОДН. Было решено усилить борьбу со срывами и формализмом в проведении занятий. В 1926–1928 гг. на ликпунктах и в школах малограмотных было обучено свыше 50 тыс. человек[4].

В конце 1920-х гг. центрами обучения горожан стали школы малограмотных, что явилось следствием повышения общего уровня грамотности[5]. По сведениям на 1.03.1930 г., в Хабаровске грамотные в возрасте 8 лет и старше составляли 85,0 % от общей численности населения. Таким образом, по сравнению с данными переписи населения за 1897 г. уровень грамотности среди хабаровчан вырос на 38,9 %[6]. Самыми грамотными были подростки (96,5 %) и молодежь до 29 лет (92,0 %). Наибольший процент безграмотных приходился на людей старше 60 лет (более 42,5 %). Сравнение уровня грамотности по социальному положению позволило выявить две относительно благополучные группы. Прежде всего, служащие и члены их семей: неграмотных среди них было всего 2,5 %. Второе положение занимали рабочие и члены их семей (18,4 % безграмотных). Значительно хуже было состояние грамотности у хозяев, связанных с сельским хозяйством (46,1 % неграмотных) и занятых в мелкой промышленности (30,0 %) и на транспорте (29,6 %)[7]. Данная социокультурная динамика в сфере образования явилась прямым следствием выбранных властью приоритетов в культурной политике: обучить в первую очередь рабочих и молодежь.

Существенно ухудшала статистические показатели безграмотность иностранных рабочих, составлявших определенную долю в структуре городского населения. Не было специалистов, знавших восточные языки и способных организовать обучение на этих языках. Поэтому органы образования постоянно находились перед дилеммой: на каком языке ликвидировать неграмотность восточных рабочих? Практически полное отсутствие специалистов, владевших китайским языком, (среди Китайцев было особенно много неграмотных) побудило начать обучение на русском. Спустя несколько месяцев китайцы с трудом, но научились читать по-русски, однако при этом они «совершенно не понимали прочитанного»[8]. Затея оказалась абсолютно бессмысленной. Подобные попытки предпринимались и в дальнейшем, создавались специальные пункты по ликвидации неграмотности, школы малограмотных, в том числе и на китайском языке, но постоянно сменявшийся контингент восточных рабочих не позволял добиться каких-либо существенных успехов в этом вопросе.

В начале 1930-х гг. был принципиально изменен подход к решению проблемы неграмотности и малограмотности. В 1920-е гг. она осуществлялась в основном органами народного образования и поэтому не могла охватить сразу большое количество неграмотных. Теперь в борьбу за грамотность были вовлечены тысячи культармейцев (студенты, учащиеся, учителя, грамотные рабочие, инженерно-технические работники и т. п.), и эта деятельность приняла форму «культпохода», что позволило к маю 1931 г. охватить ликбезом сразу 24900 неграмотных и 11550 малограмотных[9]. Грамотность населения Дальневосточного края (ДВК) к концу первой пятилетки выросла до 67 % – это означало, что дальневосточный регион, как и вся страна, покончил наконец-то с массовой безграмотностью. Но даже в наиболее благополучном с точки зрения грамотности Владивостоке на 1 января 1933 г. оставалось только учтенных 5765 безграмотных (3504 из них – китайцы и корейцы). Поэтому на межсоюзной городской конференции было принято решение: мобилизовать все силы культармейцев, все денежные средства и выполнить взятое «на себя социалистическое обязательство превратить город Владивосток в город сплошной грамотности»[10].

Однако к этому времени стало ясно, что «культпоходы», сыгравшие большую роль в охвате учебой неграмотных и малограмотных, привели к сокращению сроков, а отсюда и к снижению качества обучения. Поэтому произошла реорганизация всей системы работы ликбеза. Вместо ликпунктов и школ малограмотных были созданы единые начальные школы для взрослых с тремя курсами обучения: на первом ликвидировалась неграмотность,

[1] ГАХК Ф.624. Оп. 1. Д.2. Л.67,68.
[2] ГАХК Ф.П.-2 Оп.11.Д.28, Л.78,81,82,88,88 об,90,91.
[3] ГАХК Ф.704. Оп.1. Д.17. Л.28.
[4] ГАХК.Ф.704. Оп.1. Д.11. Л.23.
[5] ГАХК Ф.704. Оп.1. Д.11. Л.17, 59–60.
[6] Подсчитано автором на основании: Крушанов А.И. Указ.соч. С.52–53; ГАХК Ф.719. Оп.4. Д.13. Л.4–5.
[7] ГАХК Ф.719. Оп.4. Д.13. Л. 5об, 6об.
[8] Рабочий путь.1925. № 35–36. С.17.
[9] Тихоокеанская звезда.1931. 30 мая.
[10] Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) Ф. 408. Оп.1. Д.17. Л.64.

на втором – малограмотность, на третьем давались общеобразовательные знания в объеме программы школы I ступени и определенная специальная подготовка. К концу второй пятилетки 92 % горожан старше 8 лет были грамотными. Общий уровень грамотности городского населения ДВК с 1923 по 1937 г. вырос на 21,8 %. Подобные показатели были достигнуты в условиях стремительного роста численности населения городов (с 1923 по 1937 г. она увеличилась в 3,2 раза) за счет значительного притока менее грамотных сельских жителей центральных районов страны и Сибири[1].

Одновременно с ликвидацией безграмотности проводилась работа по повышению образования грамотной части населения. В городах открывались вечерние школы взрослых, работавшие по программам средних общеобразовательных учебных заведений. Динамика роста школ подобного типа на Дальнем Востоке выглядит следующим образом: в 1924 г. – 3 таких школы[2], в 1926 г. – 18, 1927 г. – 27, а в 1928/29 г. – уже 50[3]. Все они должны были дать учащимся не только общеобразовательную, политическую, но и некоторую специальную подготовку. Поэтому им придавался индустриальный или сельскохозяйственный уклон. К началу первой пятилетки в школах взрослых обучалось 1326 человек, в 1936–1937 гг. – 10600 человек[4]. В вопросе набора осуществлялся строгий классовый подход, поэтому основной процент учащихся таких школ на протяжении всего времени их существования составляли рабочие. Вместе с тем некоторый шанс получить образование повышенного типа возникал и у представителей другие социальных слоев городского населения. Правда, чтобы реализовать его, иногда им приходилось скрывать свое истинное социальное происхождение. Документы начала 1930-х гг. свидетельствуют о наличии исковых заявлений в народные суды от заведующих учебными заведениями в отношении таких граждан о взыскании с них стипендий и других издержек по образованию[5].

Еще более важную роль в повышении общеобразовательного уровня городского населения играла система школьного образования подрастающего поколения. Ее восстановление началось сразу после окончания Гражданской войны и интервенции. Не хватало педагогических кадров, учебных пособий, бумаги, карандашей, школьных помещений. Развертывание сети школ для подрастающего поколения сдерживалось отсутствием необходимых средств. Поэтому первоначально путем максимального вовлечения детей в школы стало не увеличение числа учебных заведений, а уплотнение количества учащихся в них. Улучшение общей хозяйственной конъюнктуры позволило поставить вопрос об осуществлении в стране всеобщего обучения. 31 августа 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети»[6]. Первоочередное внимание государство планировало уделить расширению школьной сети в тех местах, где она была особенно слабо развита, к таким районам относился и Дальний Восток. В марте 1926 г. Дальневосточный краевой съезд Советов принял сводный план всеобуча в ДВК. Им предусматривалось обеспечить к 1927/28 г. общедоступность, а к 1931/32 г. обязательность всеобщего начального обучения[7].

Уже середина 1920-х гг. ознаменовалась значительными успехами в развитии школьного образования на Дальнем Востоке. По обеспечению детей 8–11 лет обучением край превзошел многие крупные районы страны. В 1927/28 г. было охвачено начальным образованием в ДВК 83,4 % детей в возрасте 8–11 лет, 19,1 % – в возрасте 12–14 лет и 3,7 % – в возрасте 15–16 лет[8]. В результате этого грамотных среди детей Дальнего Востока было больше, чем в целом по стране. Удельный вес грамотных в возрасте 8–11 лет составлял в ДВК 49,2 % (в РСФСР – 46,8 %), в возрасте 12–14 лет соответственно – 70,2 % (64,3 %), в возрасте 15–16 лет – 70,1 % (63,4 %)[9].

Для второй половины 1920-х гг. становится характерным ускоренный рост школ II ступени (10–летка) и особенно семилеток. Динамика роста данных школ в крае была показательнее, чем в среднем по РСФСР. В 1926/27 г. на каждые 100 учеников начальных школ в ДВК приходилось 18 учеников школ II ступени, а в РСФСР – 13[10]. При этом охват обучением детей в городах был значительно шире, чем в деревне. Так, к 1928 г. в ДВК на 1000 жителей приходилось: учащихся 1–4 классов в городе – 136, на селе – 84; учащихся 5–10 классов, соответственно – 48 и 5[11]. Реальная картина обеспечения школами детей горожан выглядела еще более благоприятно в силу того, что в структуре городского населения доля детей школьного возраста была значительно меньше, чем в сельской местности. Согласно пе-

[1] Подсчитано автором на основании источника: ГАХК Ф.П.-2. Оп.6. Д.338. Л.46–47.
[2] РГИА ДВ Ф.р.87. Оп.1. Д.45. Л.109; Д.260. Л.14.
[3] ГАХК Ф.П.-2. Оп.1. Д.130. Л.94.
[4] ГАХК Ф.704. Оп.1. Д.37. Л.33.
[5] РГИА ДВ Ф.р. 2516. Оп.1. Д.14. Л.141–143.
[6] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства.1925. № 69. Ст.543. (Далее СУ).
[7] Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928–1937). Томск, 1971. С.39.
[8] Два года работы Дальневосточного краевого Исполнительного Комитета Советов РКК и КД за 1926/27–1927/28 77.Материалы к отчету 3-го краевого съезда Советов. Хабаровск, 1929. С. 341–342.
[9] ГАХК. Ф.704. Оп.1. Д.11. Л.8.
[10] ГАХК.Ф.704. Оп.1. Д.11. Л.9,12-13.
[11] РГИА ДВ.Ф.р.33. Оп.1. Д.197. Л.161.

реписи 1926 г. дети и подростки в возрасте до 15 лет составляли в городе 32,1 % общего числа населения, а в среднем по краю – 41,3 %[1].

Естественно, что неуклонно проводившийся в сфере образования классовый подход предоставлял значительные преимущества детям рабочих, но на практике строго соблюсти его не удавалось. Главной причиной была слабая материальная база рабочих семей, это вынуждало родителей забирать подростков из школы раньше срока – результатом чего был значительный отсев детей рабочих в старших классах, их доля в составе учащихся начиная с 5 класса имела явную тенденцию к уменьшению (от 29,3 % до 17,2 %), соответственно увеличивалась доля детей служащих[2]. Аналогичное положение коллегией наркомата просвещения (наркомпрос) отмечалось и в целом по стране. При этом наряду с финансовой причиной, «не позволяющей родителям авансировать под будущий хотя и повышенный заработок учащихся довольно большие средства в течение многих месяцев», обращалось внимание и на низкий уровень учебной подготовки детей рабочих, «которая в соединении с бытовой обстановкой рабочей семьи не позволяет даже попавшему в школу удержаться в ней»[3].

В результате значительно большую, чем планировалось, возможность дать образование своим детям получали представители других социальных групп городского населения, прежде всего служащие. Статистика того времени не позволяет представить полной картины обеспеченности образовательными услугами всех слоев населения, так как власть интересовала исключительно категория трудящихся, определявшаяся как «социально значимая». Представители других социальных групп в статистических документах скрывались за графой «прочие». Согласно действовавшей инструкции по регулированию классового состава массовых школ, они составляли третью категорию (первую соответственно – дети рабочих, батраков, бедняков, середняков, партизан, воспитанники детдомов, вторую – дети служащих), т. е. подлежали приему в последнюю очередь[4]. Однако настойчивый поиск соответствующих документов позволил автору составить некоторое представление об этой «третьей категории». Так, в 1927/28 учебном году среди учащихся всех школ социального воспитания ДВК, включая начальные (школы I ступени), 2 % составляли дети ремесленников и кустарей, 1 % – торговцев и владельцев предприятий, 0,6 % – лиц свободных профессий. Поскольку дети более образованных и сравнительно материально обеспеченных групп населения стремились попасть в школы, дававшие образование, достаточное для поступления в высшие учебные заведения, то их удельный вес в таких школах возрастал. Если среди учащихся школ семилеток 1 % составляли дети ремесленников и кустарей, 0,5 % – лиц свободных профессий, 0,5 % – торговцев и владельцев предприятий, то в школах II ступени детей ремесленников и кустарей было уже 2,4 %, лиц свободных профессий – 2,3 %, торговцев и владельцев предприятий – 2,1 %. Еще более значительным представительство учащихся этих социальных групп было в школах-девятилетках. В них детей торговцев и владельцев предприятий было уже 10,1 %, ремесленников и кустарей – 2,0 %, лиц свободных профессий – 1,4 %, а основную массу учеников этих школ составляли дети служащих – 45,7 %.[5]. Определенное влияние на приведенную выше статистику оказывал и тот факт, что школы-семилетки открывались преимущественно в сельской местности (в 1927/28 г. 90 из 132), а школы II ступени и школы-деятилетки были городскими. Необходимо отметить, что социальный состав учащихся зависел также и от географии размещения школ на территории самих городов. Так, во Владивостоке в центре города школы были заполнены детьми служащих и прочих, на окраинах – детьми рабочих. В других городах Владивостокского округа в школах была значительной доля зажиточного элемента, например в г. Никольск-Уссурийский школы заполнялись детьми зажиточных крестьян[6].

Учитывая прослеженную выше тенденцию сокращения удельного веса детей рабочих в старших классах, реально предположить значительное увеличение к моменту завершения образования в этих школах доли детей служащих и прочих. Поскольку надежда попасть в вуз у рабочих подростков в силу слабости знаний была невелика, то практического смысла в длительном обучении они не видели, рассуждая, что «можно, следовательно, девяти лет и не учиться, а бросить школу раньше»[7].

Обременительной для семейного бюджета была и плата за обучение. Она имела дифференцированный характер и составляла при заработке 55–65 р. в месяц 5 р. – в первых четырех классах (9 % заработка) и 10 р. – во всех последующих (18,5 %), при заработке 65–75 р. – соответственно 7,5 р. (11,5 %) и 15 р.

[1] Подсчитано автором на основании источника: ГАХК Ф.П.-2. Оп.1. Д.1315. Л.211.
[2] ГАХК Ф.704. Оп.1. Д.17. Л.57; РГИА ДВ Ф.р.2429. Оп.1. Д.35. Л.172.
[3] Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф.2306. Оп.69. Д.1671. Л.5, 5об,6.
[4] ГАХК Ф.704. Оп.1. Д.28. Л.2; РГИА ДВ Ф.2429. Оп.1. Д.35. Л.258.
[5] Материалы к IX Дальневосточной краевой партийной конференции. Хабаровск,1929.С.37.
[6] Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941).Док. и матерериалы Владивосток, 1982. С.237.
[7] РГИА Ф.2306. Оп.69. Д.1671. Л.7.

(23 %) и т. д.[1] Конечно, при такой системе основная тяжесть расходов на образование ложилась на служащих и прочих, доходы которых были больше, однако и квалифицированные рабочие, работавшие сдельно и заинтересованные в более высокой оплате своего труда, вынуждены были платить за обучение своих детей значительные суммы.

Кроме того, несмотря на развертывание сети школ, поставленная I Дальневосточным съездом Советов задача обеспечить к 1927/28 г. общедоступность начального образования не была выполнена. При этом если основная масса детей в возрасте 8–11 лет, родившихся в 1917 г. и позже, имела относительно полную возможность получить начальное образование (83,4 %), то те, кто родился раньше (от 12 лет и старше), практически были ее лишены (от 19,1 до 3,7 %). Несложные математические подсчеты привели автора к выводу, что в числе наименее удовлетворенных сложившейся в сфере образования ситуацией оказались рабочие, начавшие свой трудовой путь еще до войны, прошедшие сложный период революции, борьбы с белогвардейцами и интервентами, поднимавшие из руин дальневосточную экономику, те, кого принято называть кадровыми рабочими. Они были немолоды, соответственно их дети, чей школьный возраст пришелся на годы «лихолетья», не успев получить вовремя образование, сразу перешли в разряд так называемых переростков. От имени этих рабочих, свою обиду на власть высказал на пленуме Далькрайкома ВКП(б) рабочий Дубровский: «Те, кто расстреливал рабочих, сумели дать детям подготовку, и их дети учатся в школах. Те же рабочие, которые партизанили, бросали детей на улице, теперь они часто не в состоянии поместить детей своих в школу... они являются неподходящими, а у многих и средств нет. Педагоги... говорят – он не способен, а мы способных выбираем. Что нам из того, что он способный, когда он окончит школу и уедет в Харбин. Нам нужно помочь тем рабочим, которые останутся, как и их родители, преданными нашему делу»[2]. Поэтому для обеспечения более благоприятной ситуации в получении образования повышенного типа детьми рабочих в конце 1920-х гг. были приняты серьезные меры: увеличен стипендиальный фонд, организована материальная помощь бедным семьям, в школах введен профессиональный уклон для усиления заинтересованности подростков в завершении образования, созданы подготовительные курсы для детей рабочих, организовано репетиторство в самих школах, пересмотрены сроки обучения в сторону их возможного снижения и т. п. Перед учреждениями народного образования ставилась задача организации «широкой общественной кампании за уменьшение отсева» этих детей из школ и ведения постоянной борьбы «за каждого ребенка из рабочей семьи, собирающегося покинуть школу»[3].

В 1930 г. в системе повышенного образования была произведена реформа, по которой школы-девятилетки, десятилетки и II ступени были преобразованы в городе в фабрично-заводские семилетки (ФЗС), а в деревне – в школы крестьянской молодежи (ШКМ), при этом старшие группы (8–10-я) – в девятилетки и десятилетки, а школы II ступени с профессиональным уклоном – в техникумы. Главная цель реформы состояла в обеспечении максимальной доступности школы для рабочих и крестьян. Принятые меры одновременно сняли остроту проблемы классового отбора, в 1930-е гг. она уже решалась далеко не в сфере образования.

Вместе с тем расширение возможностей для получения образования повышенного типа, а следовательно, и надежд на поступление в техникумы и вузы, высветило новые проблемы в этой сфере. Они были связаны с пестрым национальным составом населения региона. Так, изначально ликвидация неграмотности и малограмотности и школьное образование корейского населения осуществлялось на родном языке. До тех пор, пока центр тяжести этой работы находился в сфере получения элементарной грамотности, корейцев это вполне устраивало, но с появлением перспектив дальнейшего образования они оказались в числе обделенных. Корейские национальные школы давали только начальное образование, чтобы учиться дальше, нужно было переучиваться уже на русском языке. Кроме того, выявилось и существенное различие в объеме знаний, дававшихся национальными и русскоязычными начальными школами, что не позволяло корейским детям сразу после 4-го класса своей школы перейти в 5-ю группу русской, даже при знании языка. Возникала очередная дилемма: продолжать ли обучение на родном языке и открывать национальные фабрично-заводские семилетки или повсеместно переходить на русский.

В связи с усилением в начале 1930-х гг. политической бдительности вызывал опасения и классовый состав преподавательских кадров национальных школ. На 2-м пленуме Хабаровского городского комитета ВКП(б) говорилось, что среди корейских педагогов «есть те, кто закончил национальные педагогические заведения в Корее, и отсюда мы совершенно не можем гарантировать классовой линии, классового воспитания в школах». Вызывали тревогу и учебники для корейских школ, изданные в Шанхае в 1920-е гг.[4]. Исследова-

[1] Подсчитано автором на основании: Рабочий путь.1926. № 36. С.10.

[2] V Пленум Дальневосточного краевого комитета ВКП(б). 20–23 мая 1928 г. Стенографический отчет. Хабаровск, 1928. С.55.

[3] РГИА Ф.2306.Оп.69.Д.1671.Л.7об.

[4] ГАХК Ф.п.30.Оп.1.Д.20.Л.70-71.

тель дальневосточных корейцев А. Кузин упоминает даже об открытии в этот период корейцами подпольных школ с преподаванием на русском языке[1]. Несмотря на выявление существовавшей проблемы в деле образования корейского населения, она так и оставалась нерешенной вплоть до депортации корейцев с Дальнего Востока в 1937 г.

Пестрый национальный состав породил существование в регионе и других национальных школ, а вместе с ними наличие проблем и обид со стороны различных этнических групп. Так, при формировании школ, дававших образование на родном языке, в наиболее ущемленном положении оказалась весьма значительная группа украинцев и белорусов, вопрос о переводе всех просветительных учреждений на их языки не был решен вплоть до 1930 г. Только к 1932 г. ситуация более менее разрешилась. В регионе действовало 335 украинских школ, 8 еврейских, 8 немецких, несколько татарских, корейских и 95 школ народов Севера. Однако проблема соотношения родного и русского языков в преподавании в этих школах долгое время оставалась открытой. Наконец в 1938 г. было принято решение Далькрайкома ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в национальных школах ДВК»[2].

Большие успехи были достигнуты в обучении подрастающего поколения в годы второй пятилетки. Качественно новым в этот период стало закрепление всеобщего начального и широкое развертывание семилетнего и среднего образования. В 1937 г. в городах края в начальных школах обучалось 33996 детей, в неполных средних – 29413 детей, а в средних – 55014. Охват обучения учащихся 4–5 классов составлял 100,0 %, 7–8 классами – 57,1 %. За 1936–1937 гг. городскими школами было выпущено: 28801 человек с начальным образованием, 12499 – с неполным средним и 1181 – со средним образованием[3]. Изменения в сфере образования хорошо прослеживаются на примере Хабаровского края, где с 1927/28 по 1939/40 г. общее количество городских школ увеличилось в 2,8 раза, в том числе средних школ – в 8,5 раза, а число школьных преподавателей – в 3,2 раза. За этот период численность учащихся в первых четырех классах выросла в 4 раза, в 5–7 классах – в 4,6 раза, а в 8–10 классах – в 8,7 раза[4]. Таким образом, в динамике общеобразовательного процесса происходят заметные сдвиги. В 1930-е гг. уже значительная часть молодежи, окончив начальную школу, продолжала учебу в старших классах. При этом наблюдалось усиление ориентации на получение максимально высокого образования. Учащиеся, имевшие подготовку в объеме 8–9 классов, стремились окончить среднюю школу, несмотря на существование в этот период более быстрых способов получения профессии путем различных курсов. Это имело огромное значение как для повышения общеобразовательного уровня городского населения, так и социокультурной динамики в целом. Особенно привлекательным среди наиболее образованной части молодежи в конце 30-х гг. становится высшее образование, хотя формирование данной тенденции произошло далеко не сразу.

В начале 1920-х гг. высшее образование в городах Дальнего Востока РСФСР было представлено двумя университетами: Читинским, основанным правительством Дальневосточной республики (ДВР) в 1921 г. в форме института народного образования и в марте 1923 г. преобразованным Наркомпросом РСФСР в государственный университет; и Дальневосточным, созданным в январе 1923 г. путем слияния трех высших учебных заведения г. Владивостока с четырьмя факультетами – восточным, общественных наук, политехническим и рабочим. Данная структура просуществовала недолго, уже летом 1923 г. в составе Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) были произведены изменения: закрыт факультет общественных наук, а политехнический переименован в технический. В сентябре 1923 г. произошло новое преобразование – Читинский государственный университет вместе со всеми своими факультетами (педагогическим, агрономическим и рабочим) был присоединен к ГДУ. Главная причина подобного решения заключалась в тех материальных трудностях, с которыми столкнулся Дальревком, вынужденный решением Наркомпроса содержать оба вуза на средства местного бюджета[5].

Преобразованный таким образом Государственный Дальневосточный университет с пятью факультетами – техническим, агрономическим, педагогическим, восточным и рабочим – оставался вплоть до 1930 г. единственным высшим учебным заведением на весь Дальний Восток России. Все это время развитие высшего образования в регионе определялось укреплением его материально-технической базы, ростом преподавательского состава и студенчества. Так, бюджет университета повысился от 357 262 р. в 1923/24 г. до 854 398 р. в 1927/28 г., преподавательский состав за это же время увеличился от 92 до 117 человек[6], а численность студентов почти – в два раза.

С самого начала образования ДГУ огромное внимание уделялось соблюдению классового принципа в наборе студентов, что соответствовало политике партии и советского государства, крайне заинтересованных в

[1] Кузин Анатолий. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1993. С. 92–95.

[2] Культурное строительство на Дальнем Востоке. С. 286, 342, 417–418.

[3] Подсчитано автором на основании источника: ГАХК Ф.704. Оп.1. Д.37. Л.22.

[4] Подсчитано автором на основании источника: ГАХК Ф.П-35. Оп.1. Д.1016. Л.191-194.

[5] Культурное строительство на Дальнем Востоке. С.128–129.

[6] Красное Знамя.1927.22 ноября.

создании рабоче-крестьянской интеллигенции. В.И. Ленин неоднократно указывал на необходимость мероприятий, обеспечивающих рабочим и кресстьянам свободный доступ к высшему образованию. «На первое место, – говорилось в составленном им проекте постановления «О приеме в высшие учебные заведения», – безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства...»[1]. Для облегчения условий поступления в вузы рабочим и крестьянам развертывалась сеть рабочих факультетов (рабфаков) и подготовительных курсов. 17 сентября 1920 г. создание рафбаков было законодательно закреплено декретом Совнаркома «О рабочих факультетах»[2].

Первый рабочий факультет на Дальнем Востоке открылся в г. Чите 27 ноября 1922 г. В течение первого года шла работа по созданию его структуры, улучшению быта рабфаковцев. Несмотря на многие трудности на второй курс перешло 98 % поступивших. После слияния университетов рабочий факультет заметно окреп. На двух его курсах обучалось к этому времени уже 336 человек. При зачислении на рабфак предпочтение отдавалось рабочим, уже имевшим стаж работы, дополнительные льготы предоставлялись членам партии[3]. Поэтому среди студентов рабфака попадались достаточно взрослые люди, имевшие за плечами богатый жизненный опыт. В статье «Наше студенчество», опубликованной в газете «Красное Знамя» от 25 декабря 1924 г., сообщалось: «В университете и рабфаке теперь можно встретить рабочих с многолетним производственным стажем, крестьян, впервые увидевших город, красноармейцев, не выпускавших их рук винтовки в течение 5–6 лет, партизан, меривших сопки несколько лет, членов партии с дореволюционным партийным стажем, членов РЛКСМ со дня организации комсомола…»[4]. Появление рабфака в Дальневосточном государственном университете изменило социальный состав студентов. Если в 1923/24 г. доля рабочих составляла 27,8 %, то в 1924/25 г. – уже 44,5 %. Стремясь укрепить рабочую прослойку в студенчестве, местные власти уделяли внимание повышению размера стипендии. С 1927 г. решением Далькрайисполкома учреждалась особая стипендия имени Октябрьской революции. Она носила адресный характер и назначалась рабочим, крестьянам-беднякам и их детям, из прочих групп населения стипендиями удостаивались «лица, активно принимавшие участие в Октябрьской революции, и их дети»[5]. Казалось бы, государством были созданы все необходимые условия для подготовки новой интеллигенции из рабочих и крестьян. Однако получить требуемое партией большинство рабочих на студенческих скамьях не удавалось.

Набор 1927 г. характеризовался заметным снижением рабочего и соответственно партийно-комсомольского ядра в числе вновь принятых студентов (среди принятых в 1926 г. рабочие составляли 32 %, члены партии и комсомольцы – 54 %, а в 1927 г. соответственно – 19,75 % и 34,6 %). При этом количество рабочих и их детей, подавших заявление в ГДУ в 1927 г., не считая рабфак, было вообще мизерным – 59 человек (9 % всех абитуриентов)[6]. Причины подобной ситуации весьма неоднозначны. Прежде всего это слабая общеобразовательная подготовка рабочих. Если при поступлении в низшие профтехнические учебные заведения им приходилось конкурировать в основном с менее образованным крестьянством, то главным соперником при поступлении в высшие учебные заведения были значительно лучше подготовленные дети служащих и прочих. Уже первый набор на рабфак ГДУ вызывал некоторую тревогу. В составе 287 рабфаковцев было 127 рабочих, 88 крестьян, 66 служащих и прочих[7], хотя по своему замыслу это учреждение не предполагало подготовки служащих вовсе. Однако отсутствие достаточного количества подготовленных рабочих и крестьян заставило руководство университета пойти на этот шаг. Низкий уровень образования не только препятствовал поступлению рабочих в университет, но и становился главной причиной отсева. Вследствие чего удельный вес рабочих и их детей среди студентов был ниже, чем среди принятых (в 1926 г. – 17,0 %, в 1927 г. – 15,7 %)[8]. Следовательно, возникал существенный разрыв между декларируемым правом на вузовское образование и реальной возможностью для рабочих его получить. Небольшие шансы на изменение социального статуса таким путем обусловили относительно быстрый распад ориентации на поступление в вузы у той части рабочих, у которой она возникла в процессе учебы и под влиянием общей социально-психологической атмосферы, сложившейся в обществе.

Кроме этой очевидной причины снижение числа желавших поступить в высшие учебные заведения среди рабочих было вызвано, на наш взгляд, еще двумя несколько противоречивыми психологическими факторами. Во-первых, для сравнительно небольшой, карьеристски настроенной части рабочих появился иной, более быстрый путь «наверх», в виде выдвиженчества. Во-вторых, настроение «спецеедства», широко распространенное в рабочей массе в этот период, вероятно, не способствовало популяризации в рабочей среде высшего образования и связанной с ним будущей карьеры, как и кампания по-

[1] Ленин В.И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР. Проект постановления Совета Народных Комиссаров // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. М.1964. С.34.
[2] СУ. 1920. № 80. С.381.
[3] Рабочий путь.1926. № 32. С.5.
[4] Красное Знамя.1924. 25 декабря.
[5] Культурное строительство на Дальнем Востоке. С.111–113, 182–183.
[6] ГАХК Ф.П.-2. Оп.1. Д.47. Л.351.
[7] Рабочий путь.1924. 25 августа.
[8] ГАХК Ф.704. Оп.1. Д.11. Л.76-77; РГИА ДВ Ф.р.407. Оп.1. Д.16. Л.183.

дозрительности по отношению к специалистам, развернутая властями в конце 1920-х гг. В поведенческой форме это находило отражение в пренебрежительном отношении со стороны рабочих к лицам, имевшим высшее образование. Оно имело достаточно глубокие корни в рабочем сознании и распространялось даже на тех, кто получил образование уже в советских вузах. На IV Обьединенном пленуме Далькрайкома ВКП(б) 24–26 сентября 1929 г. подобное отношение настолько явно сквозило в речах делегатов, что было замечено и получило оценку в выступлении делегата Безайса: «Многие кричат здесь, что не кончили вуза, курсов при социалистической академии как т. Перепечко (секретарь Далькрайкома ВКП(б). – автор) и т. п. Товарищи, это ведь не позор – кончить те или иные курсы хорошее дело, может быть наше горе, что мы не все кончили. Нужно приветствовать, если наши товарищи из рабочих кончают наши красные вузы. Я думаю, что упрекать т. Перепечко как рабочего в этом не следует»[1].

Продолжительный срок обучения в университете также не способствовал закреплению желаемого контингента студентов, путь к заветному диплому был не только труден, но и долог, одолеть его удавалось немногим. С 1925 по 1929 г. дипломы получили всего 43 человека (из них 22 – диплом инженера, 11 – агронома, 3 – педагога, 7 человек окончили восточный факультет)[2]. Всего к 1928/29 г. в ДВК насчитывалось 2928 специалистов с высшим образованием, что составляло примерно 0,5 % общей численности городского населения. по специальностям они распределялись следующим образом: 484 человека имели педагогическое образование, 321 – сельскохозяйственное, 428 – экономическое, 477 – медицинское, 74 – ветеринарное, 1144 – инженерно-техническое. Однако насыщенность промышленности дальневосточного края инженерами составляла всего 0,28 %, что было в 2 раза меньше средних показателей по СССР[3].

Изменения в развитии высшего образования в регионе были обусловлены начавшейся первой пятилеткой, усилившей краевую потребность в кадрах высшей квалификации. В 1930 г. дополнительно образовывается 8 вузов в 1931 г. еще 2 и общее число вузов в крае достигает 11[4]. Базой для их создания, естественно, служил ГДУ. Так, Дальневосточный политехнический институт возник на основе технического факультета, Хабаровский педагогический институт образовался в результате отделения от ГДУ педагогического факультета, а декан этого факультета стал директором Благовещенского пединститута. Университет обеспечивал своими кадрами и другие вузы. Однако, открывая новые учебные заведения, местные и центральные власти не учитывали реальные материальные возможности крае. Это создавало серьезные трудности в работе вузов, не располагавших необходимой материальной базой. Ситуация усугублялась огромной нехваткой жилья в крае. В Хабаровске пришлось расселить приглашенный из центра страны профессорско-преподавательский состав в гостинице, где не было элементарных бытовых условий (даже воды и света), но из-за своей дороговизны это жилье «съедало» половину вузовского бюджета. Естественной реакцией стало «обратничество преподавателей, бегство профессуры». Руководители вузов на III Хабаровской городской конференции ВКП(б) (февраль, 1931) говорили, что «сюда очень трудно привлечь людей… слухами земля полнится, и в центре знают, какие у нас условия»[5].

Некоторые из вновь открытых вузов имели небольшой контингент студентов. Так, в 1931 г. количество институтов, как уже было сказано, увеличилось в 11 раз, а контингент студентов всего в 1,5 раза[6]. Поэтому было решено сосредоточить подготовку специалистов в наиболее мощных вузах, обеспечив их лучшим профессорско-преподавательским составом. В 1933–1934 гг. были ликвидированы плановый, морской, горный, рыбопромышленный институты, Дальневосточная промышленная академия. Дальневосточный педагогический институт в г. Владивостоке был слит с Благовещенским, лесотехнический институт реорганизован в одноименный факультет Дальневосточного политехнического института. Переведенный в Благовещенск Тихоокеанский институт социалистического сельского хозяйства был преобразован в техникум[7]. И хотя в ходе ликвидации вузов имели место крайности и перегибы (некоторые из них можно было сохранить, одновременно ведя работу по их укреплению), общее сокращение сети высших учебных заведений способствовало стабилизации материальной базы оставшихся вузов, пополнению их научно-педагогическими кадрами.

Реорганизация не затрагивала общего числа студентов, более того, планировался его значительный рост. При этом сохранялось требование «обязательного соблюдения классового отбора»[8], а в партийных документах постоянно обращалось внимание на «неудовлетворительный социальный состав студенчества»[9]. Столь строгий контроль существенно уменьшал шансы поступления в вуз для выходцев из других социальных слоев. Вследствие этого в составе рабочего класса в начале 1930-х гг.

[1] ГАХК Ф.П.-2. Оп.1. Д.126. Л.141.
[2] Культурное строительство на Дальнем Востоке. С.238.
[3] Подсчитано автором на основании: Лобов А.О новых кадрах // Дальневосточный партработник, 1930 № 1. С. 34–35; Контрольные цифры народного хозяйства края на 1928/29 г. Хабаровск, 1929. С.65.
[4] Культурное строительство на Дальнем Востоке. С. 273, 284–285, 333.
[5] ГАХК ФП-30. Оп.1. Д.17. Л.28–29.
[6] Культурное строительство на Дальнем Востоке. С.333.
[7] Кузнецов М.С. Указ.соч. С. 157.
[8] Культурное строительство на Дальнем Востоке. С. 273.
[9] ГАХК Ф.П.-30. Оп.1. Д.8. Л.31.

появилась новая социальная категория, так называемых «наскоро орабочивающихся». Ее составляла молодежь, получившая школьное образование и готовившаяся поступить осенью в вуз, но принадлежавшая к непролетарским слоям городского населения. Чтобы преодолеть существовавшие преграды к поступлению, они пытались как можно быстрее заработать производственный стаж и тем самым изменить свою социальную принадлежность. Эта «новая категория рабочих» преимущественно сосредоточивалась на тех городских предприятиях, где наиболее остро ощущалась нехватка рабочих кадров, и руководство было вынуждено мириться с тем, что они готовились к вступительным экзаменам даже прямо во время работы. К числу таких предприятий относился Хабаровский строительный трест, определенную часть рабочих которого, занятых на строительстве Хабаровского Дома Советов, составляла «наскоро орабочивавшаяся молодежь»[1].

Вместе с тем уже первый набор в открывавшиеся институты обнажил абсолютно новую проблему. Если в индустриальные вузы благодаря усиленной пропаганде рабочая и крестьянская молодежь, имевшая безусловное преимущество при поступлении, в годы первой пятилетки шла уже охотно, в хозяйственные – менее охотно, то в медицинский идти не хотела и ее приходилось «вербовать». Эта «вербовка» сопровождалась длительным убеждением в том, что, поступая туда, «они не отклоняются от столбовой дороги строительства социализма, социалистическое здравоохранение это есть часть плана социалистического строительства и т. п.»[2].

Только к середине 1930-х гг. политика государства по вопросу классового отбора претерпела некоторые изменения, обусловленные, прежде всего, сдвигами в самой социальной структуре населения. Был введен свободный набор студентов, что значительно упростило проблему комплектации вузов студенчеством. В конце 1935 г. в шести сохранившихся в результате реорганизации вузах региона училось 3070 студентов. Соответственно увеличилась отдача от всей системы высшего образования. За 1934–1935 гг. было выпущено 724 дипломированных специалиста[3].

Изменения в сети высших учебных заведений продолжались и в последующие годы. Осенью 1937 г. по постановлению Далькрайкома ВКП(б) была закрыта Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. В этом же году прекратили свою деятельность Владивостокский (национальный) педагогический и учительский институты. В 1939 г. был расформирован Государственный Дальневосточный университет. Обоснование нецелесообразности существования университета во Владивостоке было крайне неубедительным – обострение международной обстановки и пограничные конфликты на Дальнем Востоке[4]. Потеря университета нанесла ощутимый удар по системе высшего образования региона.

Высшие учебные заведения Дальнего Востока внесли значительный вклад в дело подготовки квалифицированных специалистов для народного хозяйства и в повышение общеобразовательного уровня городского населения. Их роль особенно возросла в середине 1930-х гг., когда были сделаны массовые выпуски.

Всесоюзная перепись 1939 г. показала достаточно высокую для конца 30-х гг. степень распространения высшего и среднего образования среди дальневосточного населения. Так, на 1000 человек старше 10 лет здесь приходилось 11 имевших высшее образование (в РСФСР – 9), 135 имевших незаконченное высшее, среднее и неполное среднее образование (в РСФСР – 100). При этом наибольшее число лиц с высшим образованием имелось в Хабаровском крае: 12 на 1000 человек, а среди мужского населения, даже – 15, что объяснялось превращением г. Хабаровска в краевой центр и сосредоточением в нем основных органов регионального управления. А вот лиц, имевших неполное высшее, среднее и неполное среднее образование было больше в индустриально развитом Приморском крае – 156, а среди мужчин – даже 164[5].

Таким образом, в 1920–1930-е гг. произошли значительные изменения в уровне образования городского населения, выразившиеся не только в практически полной ликвидации безграмотности, но и в увеличении доли имевших среднее и даже высшее образование, несмотря на быстрый рост общей численности горожан. Рассмотрение общеобразовательного процесса с позиции социокультурной динамики позволило выявить взаимодействие его социальных и культурных составляющих. Политика государства в этой сфере, несмотря на ярко выраженный классовый характер, вынуждена была приспосабливаться к сложной социальной структуре общества. Вместе с тем сам характер образовательной политики вызывал определенную социальную мимикрию городского населения.

[1] ГАХК Ф.П.-30. Оп.1. Д.10. Л.44.
[2] ГАХК Ф.П.-30. Оп.1. Д.17. Л.28.
[3] ГАХК Ф.353. Оп.1. Д.330. Л.12.

[4] Кириллова С.А., Кулинич Н.Г. Культурное строительство на Дальнем Востоке (1923–1940) // Очерки истории Дальнего Востока России. Ч.II. Материалы к базовому курсу «История России» и к с спецкурсам для студентов всех форм обучения. Хабаровск. ХГТУ. 1998. С.44.
[5] Подсчитано автором на основании источника: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: Уровень образования населения СССР. Т.3. М., 1972. С.364–365,382–385.

О ЦИКЛИЧНОСТИ РАЗВИТИЯ СЕТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И ПРОБЛЕМАХ РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТОГО РАЗВИТИЯ

А.А. Пиотрович

ПИОТРОВИЧ Алексей Анатольевич – кандидат технических наук, доцент кафедры строительного производства Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

На основе ретроспективного анализа развития железных дорог Дальневосточного региона определены циклы строительной активности и причины роста этой активности в разные временные периоды. Разработана математическая модель процесса. В прежние периоды реализация строительных программ на транспорте обеспечивалась чрезвычайными мерами привлечения активных ресурсов. Сделан прогноз на ближайшую перспективу.

On the base of retrospective analysis of development of railways of Far eastern region are determined cycles of building activity, and reasons of grooving of this activity at different temporary periods. Designed mathematical model of process. At former periods a realization of building programs or the transport was active resources ensured by emergency measures of attraction of. Made forecast on the nearest prospect.

Развитие железных дорог на Дальнем Востоке началось с 31 мая 1891 г., когда в г. Владивостоке наследником престола была перевезена первая тачка земли и заложен первый камень станционного здания, что ознаменовало начало строительства Великого Сибирского пути – Транссибирской железнодорожной магистрали. С тех пор процесс имел свои подъемы и спады, периоды строительной активности по развитию сети сменялись периодами застоя. Суровые природно-климатические условия работ в малоосвоенных районах, отдаленность от промышленно развитых территорий, малочисленность людских ресурсов и пионерный, освоенческий характер железных дорог – все это характеризует и по сей день специфику транспортного строительства в Дальневосточном регионе. Почему же, несмотря на трудности, в определенные периоды истории создавались в рекордные сроки крупнейшие транспортные объекты, а в другие периоды невозможно было обеспечить элементарно необходимые стройки? Что это за периоды и можно ли их предвидеть? Какие полезные уроки нужно извлечь для решения сегодняшних проблем регионального транспортного строительства?

Для ответа на эти и некоторые другие вопросы был выполнен ретроспективный анализ динамики железнодорожного строительства за весь период существования этого вида транспорта на Дальнем Востоке – с 1891 по 2003 г. *Цель анализа* – определить объемные и временные параметры хода процесса создания и развития сети железных дорог, установить характер использования основных строительных ресурсов, исходя из этого выявить важнейшие закономерности развития для научного обоснования прогноза на перспективу. Анализ проводился как в количественном аспекте – выявлялись временные, объемные характеристики процесса, так и в качественном – устанавливались основные причинно-следственные связи в ходе развития.

Историография железнодорожного строительства в России достаточно обширна. Различные стороны вопроса развития железных дорог с разной степенью детализации и достоверности освещены в десятках монографий научно-технического, исторического и научно-популярного характера, учебной литературе, многочисленных статьях в периодических изданиях. Существенно обогащают процесс исследования документальные материалы, прежде всего – технические отчеты о строительстве железных дорог, данные государственных и ведомственных архивов.

История создания и развития сети железных дорог на Дальнем Востоке освещена более ограниченным, но все же достаточно представительным числом публикаций. Основная их масса посвящена строительству Транссибирской магистрали, столетний юбилей которой перманентно отмечается, начиная с 1991 г. Значительное количество изданий освещает ход, итоги и проблемы сооружения и эксплуатации Байкало-Амурской магистрали. Во многих источниках описано строительство железной дороги Пивань – Советская Гавань, обеспечившей к началу войны с Японией в 1945 г. северный выход к Тихому океану. Развитию же элементов сети железных дорог посвящен весьма ограниченный круг работ. Значителен вклад в изучение вопроса дальневосточных и сибирских авторов. Для выполнения поставленной цели анализа в процессе исследования использованы источники публичной печати, материалы архивных фондов Хабаровского краевого архива, Дальневосточной железной дороги, Дальгипротранса, а также музеев Дальневосточной и Забайкальской железных дорог, Хабаровского и Южно-Сахалинского краеведческих музеев.

По результатам обработки данных за последние 113 лет были определены объемы и сроки всех видов строительных мероприятий по развитию сети железных дорог (строительство новых и реконструктивные мероприятия на существующих линиях – строительство вторых путей, перевод на новые

виды тяги, реконструкция постоянных устройств и др.), т. е. мероприятий, требующих инвестиций.

Для расчета интенсивности развития транспортной сети Дальнего Востока объемы работ всех разнородных мероприятий были приведены к одному измерителю – приведенным километрам – с помощью разработанной системы переводных коэффициентов, определяемых из соотношения стоимостей данного *i*-го) вида работ и нового строительства $K_{НЖД}$. На рис. 1 показаны графики годовых объемов *P* железнодорожного строительства на Дальнем Востоке, начиная с 1891 г. (в приведенных километрах): объемы нового строительства, реконструкции и суммарные объемы. Там же приведены соответствующие линии тренда, позволяющие отметить наиболее существенные закономерности.

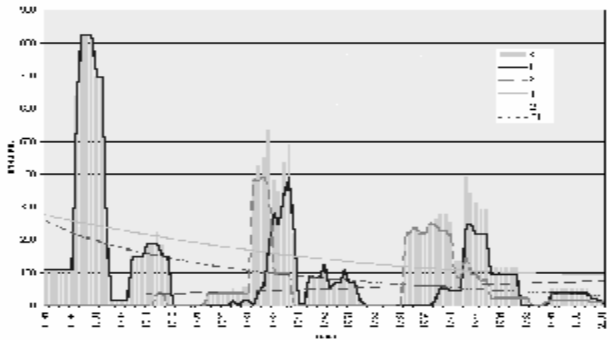


Рис. 1. Объемы железнодорожного строительства: 1 – новое строительство; 2 – реконструкция; 3 – суммарные объемы; 11– тренд зависимости; 21– тренд зависимости; 31– тренд зависимости 3

Анализ временных параметров процесса. Анализ графика позволяет выделить несколько особенностей в развитии сети железных дорог Дальнего Востока. Для удобства данный график представлен в виде столбчатой диаграммы фактических данных и огибающей теоретической кривой, характеризующей динамику процесса (рис. 2).

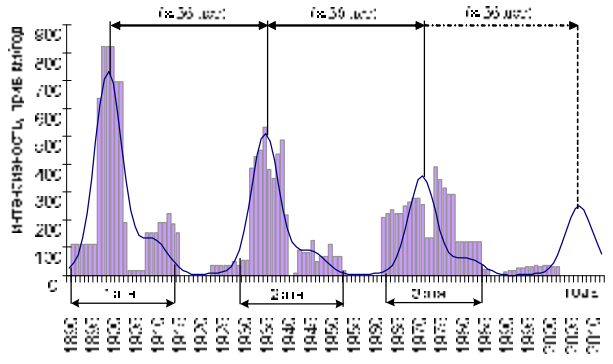


Рис. 2. График интенсивности работ по развитию железных дорог Дальнего Востока: столбчатая диаграмма – фактические данные; сплошная линия– теоретическая кривая

1. Очевидно, что процесс развития сети железных дорог имеет циклический характер с периодом около 36 лет (см. рис. 2). С течением времени происходит спад амплитуды – это объясняется насыщением сети по мере ее развития и увеличением доли реконструктивных мероприятий в общем объеме работ. Вероятно, этот процесс имеет устойчивый характер для транспортного освоения отдаленных от центра территорий.

На графике выделяются три этапа подъема строительной активности с усредненной продолжительностью около 24 лет каждый.

Первый этап – с 1891 по 1915 г. Началом формирования железнодорожной сети Дальнего Востока явилась прокладка Транссибирской магистрали (см. рис. 2). Созданная сеть железных дорог была представлена Уссурийским (Владивосток–Хабаровск) и Амурским (Куэнга–Хабаровск) участками Транссиба с отводными ветками на Благовещенск, Сучан и Гродеково. Важную роль играла КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога (Забайкальск–Гродеково), проходившая по территории Китая.

Второй этап – с 1928 по 1953 г. В период 1923–1934 гг., после восстановления и реконструкции инженерных сооружений на главном ходу Транссиба осуществлялось строительство ветвей транспортной сети: к границе с Китаем, оккупированным Японией; для хозяйственного освоения региона; создания второго широтного хода (три соединительные линии от Транссиба к трассе БАМа). Были построены вторые пути по главному ходу Транссиба. Особое место занимали железная дорога Пивань – Советская Гавань, недостроенная дорога Комсомольск-на-Амуре–м. Лазарева–Погиби–Победино (о. Сахалин), узкоколейные дороги на севере о. Сахалин (Оха–Москальво, Оха–Катангли и др.).

Третий этап – с 1962 по 1986 г. На этот период приходятся большие объемы как реконструктивных мероприятий, так и нового строительства. В их числе перевод железных дорог региона на тепловозную тягу, реконструкция верхнего строения пути, усиление линии Пивань–Советская Гавань, восстановление соединительных линий и участков БАМа, с которых в войну были сняты обустройства постоянных сооружений. Отдельного упоминания заслуживает электрификация Транссиба от Архары до Уссурийска (с ветвями), наибольшие объемы которой пришлись на данный период.

Крупнейшей новостройкой было строительство БАМа, решившего проблему создания дублирующего широтного хода региональной сети. Новые линии строились на о. Сахалин (Победино–Ныш–Ноглики, Арсентьевка–Ильинск), была создана паромная переправа Ванино–Холмск.

2. На рис. 1 видно, что линии тренда в общем правильно указывают известные тенденции железнодорожного строительства – объемы нового строительства с течением времени снижаются из-за насыщения транспортной системы, а объемы реконструкции (с некоторым запаздыванием) либо растут, либо стремятся к какому-то фиксированному значению, так как по мере развития транспортной сети региона со временем возникает необходимость реконструктивных работ для наращивания либо поддержания мощности железнодорожных линий.

3. При осуществлении прогноза развития необходимо выявление более «тонких» закономерностей процесса, поэтому для обработки фактического материала был привлечен аппарат спектрального анализа временных зависимостей объемов от времени *Pi(t) (i* = 1 соответствует новому строительству, *i* = 2 – реконструкции, *i* = 3 – суммарным объемам) [3].

После применения быстрого преобразования Фурье к исходным данным (рис. 1) были получены зависимости для спектральной плотности распределения объемов $|Pi^*(w)|$ и выделены три основные частоты, соответствующие периодам, вблизким к 36, 17 и 12 годам. Иными словами, в формировании объемов строительства участвуют три волновых процесса с указанными периодами. Приведенные временные интервалы согласуются с данными Центра темпоральных проблем, анализа и прогноза о продолжительности циклов в развитии России [4], а также с результатами анализа значения больших экономических циклов в социально-экономическом развитии региона [5].

С учетом затухающего характера реальных *P(t)* и возможного запаздывания волновых процессов относительно момента принятия решения о строительстве была предложена следующая математическая модель, адекватно описывающая реальные процессы:

$$P_i^M(t) = \sum_{j=1}^{3} P_{ij0}\, h(t+t_{ij}) \exp\{-\alpha_{ij}(t+t_{ij})\}\{1-\cos[w_{ij}(t+t_{ij})]\}, \quad (1)$$

где P_{ij0} – амплитуда *i*-го составляющего объема строительства для *j*-й волновой компоненты; *h(t)* – функция Хэвисайда; t_{ij} – временной параметр – отклонение аргумента – учитывающий запаздывание или упреждение волнового процесса, т. е. предысторию или постисторию развития; a_{ij} – параметр, учитывающий затухающий характер процесса; $w_{ij} = 2p/T_{ij}$ – циклическая частота; T_{ij} – характерный период волнового процесса.

При определении значений параметров, входящих в выражение (1), учитывались фактические зависимости $P_i(t)$, представленные на рис. 1, и результаты спектрального анализа. Критерием выбора параметров выражения (1) являлась минимизация суммы квадратов отклонений $P_i(t)$ от $P^M_i(t)$.

На рис. 3 приведены результаты сравнения фактических и модельных данных. Диаграммы показывают, что предложенная простая математическая модель правильно описывает основные особенности динамики объемов как на стадии нового строительства, так и в период реконструкции.

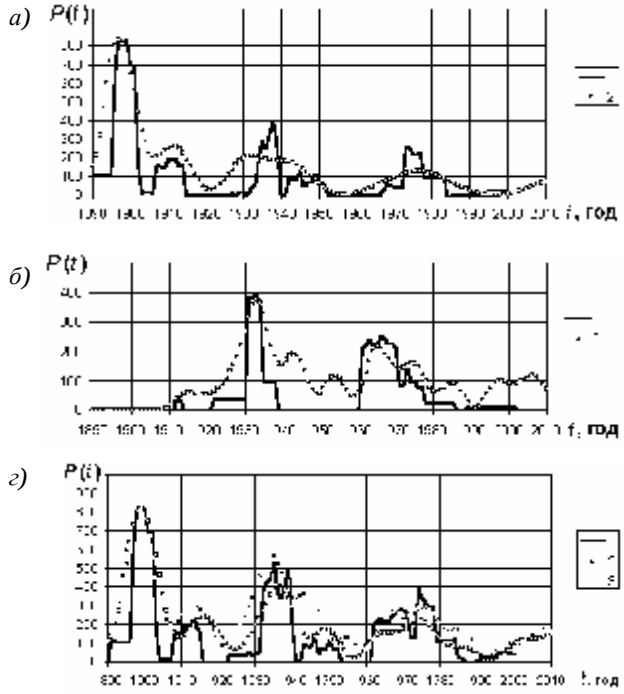


Рис. 3. Сопоставление фактических и расчетных данных: а – новое строительство; б – реконструкция; в – суммарный объем; 1 – фактические данные; 2 – данные модели; 3 – результат «прямой» суммы моделей нового строительства и реконструкции

Отклонения кривой реконструктивных объемов (рис. 3,*б*) вызваны, с одной стороны, погрешностями приведения к одному измерителю, а с другой стороны, можно предположить, что данная кривая, в наибольшей мере учитывающая предысторию, показывает не столько фактическое положение вещей, сколько плановую необходимость в реконструкции, которая реализуется на сети дорог региона по ряду причин со значительным опозданием. Подтверждением тому могут служить нереализованные установки Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. в области транспорта, касающиеся реконструкции объектов сети железных дорог региона [7].

Прогноз по теоретическим кривым за пределы 2002 г. демонстрирует основные тенденции развития железнодорожного строительства на ближайшую перспективу. Характер всех кривых показывает, что период глобального спада завершен в

конце 1990-х гг. Далее наступает период подъема. О сходных тенденциях стабилизации и начала экономического подъема говорят также результаты исследований в других капиталоемких сферах регионального строительства [5]. Реальные данные могут в точности не совпадать с теоретическим прогнозом, но ход процесса будет идти в соответствии с полученным трендом.

Причины подъемов и спадов. Попробуем сопоставить элементы конфигурации построенного графика с основными этапами освоения и развития российского Дальнего Востока возможными событиями новейшей истории России. Каждый период графика характеризуется следующими элементами: глобальными подъемами и спадами, локальными спадами, пиковыми значениями.

На первом этапе строительство проводилось в острой военно-политической обстановке, когда Россия закреплялась на побережье Тихого океана. Выбор КВЖД в качестве связующего звена между Забайкальским и Уссурийским участками Транссиба (1513 км) и рекордные сроки ее постройки (1897–1903) диктовался не столько трудностями в строительстве Амурского участка, как это утверждается в большинстве источников, сколько острейшей необходимостью срочно обеспечить железнодорожный выход к военно-морским базам России – Владивостоку, Порт-Артуру (Люй-шунь) и порту Дальний (Да-лянь-Вань). В состав КВЖД в то время помимо основного направления входила тысячекилометровая (1014 км) Южно-МаньчЖурская железная дорога (Харбин–Дальний), а резиденция наместника царя на Дальнем Востоке находилась не во Владивостоке, а именно в Дальнем, крайнем форпосте империи на Тихом океане. Локальный спад на этом этапе приходится на период Русско-японской войны.

После поражения России в войне Уссурийская железная дорога оказалась отрезанной от сети железных дорог страны. С особой остротой встал вопрос о сооружении Амурского участка магистрали, который и был построен в сложнейших условиях в 1908–1916 гг.

Первый период глобального спада 1917–1928 гг. связан с революцией, гражданской войной и последующим восстановлением жизнеспособности транспортной системы.

Следующий глобальный подъем железнодорожного строительства приходится на начало тридцатых годов, когда из-за обострения международной обстановки, военных конфликтов на границах региона и реальной перспективы отторжения стратегически значимых территорий принимались срочные меры по развитию сети железных дорог Дальнего Востока. Пиковых значений интенсивность железнодорожного строительства достигает к концу тридцатых годов.

Локальный спад 1941–1942 гг. связан с началом Великой Отечественной войны, но уже с 1943 г. подготовка к разгрому Японии, главного на тот момент источника опасности на Дальнем Востоке, диктует необходимость любыми средствами активизировать строительство и реконструкцию железных дорог в прифронтовых районах для обеспечения военного успеха. Дальнейший активный ход процесса с 1945 по 1953 г. обусловлен логикой развития и закрепления успеха на тихоокеанском побережье страны.

Второй глобальный спад с 1953 по 1962 г. связан со сменой системы государственного управления в стране. Ввиду значительного роста строительной стоимости железных дорог в отдаленных от центра районах произошло замедление динамики развития экономико-географических масштабов железнодорожной сети и свертывание работ проектно-изыскательского цикла [8].

Третий период подъема интенсивности работ связан с тем плачевным состоянием, в котором оказались железные дороги региона к началу шестидесятых годов. Состояние упадка вызвано тем, что в предшествующие периоды в силу острейшей необходимости развития сети железных дорог широко внедрялись так называемые скоростные методы строительства [9], предполагающие заниженные нормативы технического исполнения и оснащения, крайне ограниченные разрешающие способности, отсутствие резервов, минимум гражданских и производственных сооружений. Особенно настойчиво скоростные методы рекомендовались к внедрению в практику сооружения линий в районах пионерного хозяйственного освоения. Постоянное производство работ по достройке и усилению линии в условиях движения поездов, технические скорости в полтора-два десятка километров в час, низкая пропускная способность – вот цена, которую платит железная дорога в процессе эксплуатационной деятельности за ускоренную постройку.

Одним из важнейших мероприятий развития сети железных дорог Дальнего Востока, как и всей страны в послевоенные годы, явилась реконструкция тяги. В 1960–1970-е гг. осуществлялся перевод региональной сети на тепловозную тягу. В рамках этой программы проводились развитие станций и узлов опорной транспортной сети, реконструкция искусственных сооружений, переход на более мощный тип верхнего строения пути, постройка и реконструкция производственных зданий железной дороги [9].

На проблему ликвидации кризиса транспортной системы во второй половине 1960-х гг. шестидесятых годов накладывается обострение отношений с Китаем, что снова вывело на передний план задачу создания второго широтного хода опорной транспортной сети Дальнего Востока.

После окончания перевода сети на новую тягу и локального спада 1972–1973 гг., последовавшего за свертыванием экономических реформ, следует разворот строительной активности, связанный с сооружением в 1974–1989 гг. Байкало-Амурской магистрали – второго широтного хода, разгрузившего Транссиб, обеспечившего дублирующий выход к Тихому океану, возможность пионерного освоения природных ресурсов и стратегическую безопасность транспортной системы региона. Строительство БАМа вновь началось (после первой попытки в 1930-х гг.) в связи с обострением международной обстановки на Дальнем Востоке, а также благодаря увеличению финансовых возможностей страны в результате освоения Западно-Сибирских нефтегазовых районов.

Третий период глобального спада совпадает с началом изменения общественно-политической системы страны в 1985–1987 гг. и связанным с этим глубочайшим экономическим кризисом девяностых годов. Падение объемов перевозок, вялотекущее финансирование в эти годы предопределили и соответствующий характер работ на сети железных дорог.

Как видно из изложенного, подъемы строительной активности по развитию транспортной сети региона вызваны периодически возникающими острейшими геополитическими проблемами России на Дальнем Востоке, на которые накладываются кризисные явления в техническом состоянии железных дорог. Иначе говоря, неотложная потребность в инвестировании развития транспортной системы этого региона возникает и решается тогда, когда до предела обостряется геополитическая ситуация на тихоокеанских рубежах.

Методы использования ресурсов. Исходя из этого, рассмотрим процесс железнодорожного строительства на Дальнем Востоке в аспекте его ресурсного обеспечения. Следует отметить, что активные строительные ресурсы (рабочая сила, техника, финансы) имеют свойство частичной взаимозаменяемости в зависимости от способа организации их взаимодействия. При дефиците какого-либо вида ресурсов его можно заменить в известных пределах другим видом, менее дефицитным.

На рубеже XIX–XX вв. при создании опорной транспортной сети Дальнего Востока все ресурсы доставлялись на строительство из западных районов. Расстояния, а следовательно и расходы на транспорт, были огромными. Местной рабочей силы не хватало, поэтому в качестве строителей использовались переселенцы из центральных районов, войска (Заамурская и Уссурийская бригады ж.-д. войск), китайцы и каторжане Сахалинской каторги [1,10].

В конце 1920–начале 1930-х гг. принимались многочисленные правительственные решения о развитии сети железных дорог Дальнего Востока, но из-за нехватки финансовых и людских ресурсов программа строительства не выполнялась [6,10]. Начало же бурного железнодорожного строительства в регионе связано с созданием единственно эффективной в тех политико-экономических условиях системы управления ресурсами – системы ГУЛАГа. Использование каторжного труда сотен тысяч заключенных Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД решало одновременно проблемы нехватки и рабочих, и финансовых ресурсов на Дальнем Востоке. Также использовались силы Особого корпуса железнодорожных войск, созданного в 1932 г. [1].

Строительство железной дороги Комсомольск-на-Амуре–Советская Гавань проходило в военные годы, в условиях отсутствия самого необходимого. Тем не менее дорога протяженностью 443 км прошла через перевалы Северного Сихотэ-Алиня к берегу Тихого океана в рекордные сроки – с мая 1943 по июнь 1945 г. Такие темпы строительства были обеспечены высокой концентрацией людских ресурсов. В распоряжение созданного в 1943 г. управления «Строительство № 500 НКВД СССР» поставлялась рабочая сила из лагерей со всей страны в количествах, необходимых для осуществления поставленных задач. В ноябре 1944 г. в распоряжении управления числилось 93,4 тыс. человек, из которых 70,8 тыс. человек находилось непосредственно на прокладке железной дороги [11]. На работах по достройке линии были задействованы японские военнопленные.

Нельзя не отметить еще один рекорд темпов железнодорожного строительства. Во время боевых действий в Маньчжурии силами железнодорожных войск менее чем за два месяца были выполнены работы по восстановлению и перешивке верхнего строения пути, исскуственных сооружений для военных сообщений на 2623 км главных и 978 км станционных путей [10]. Данные работы являлись частью процесса боевых действий, поэтому в график не включены, но их темпы наглядно иллюстрируют возможности чрезвычайных мер использования ресурсов.

В тот период основные мощности производственного обеспечения железнодорожного строительства в стране находились в полном подчинении ГУЛЖДС НКВД–МВД СССР. Проведенная в 1953–1954 гг. их ликвидация по существу предопределила длительный спад интенсивности железнодорожного строительства, срывы заданий и директив пятилетнего и семилетнего планов [9].

В начале 1960-х гг. при попытке перехода к экономическим методам ведения хозяйства подъем строительной активности обеспечивался в ходе общего подъема экономики страны при проведении хрущевской реформы. Большие средства были вло-

жены в развитие мощностей транспортного строительства региона. Тем не менее проблема людских ресурсов в основном решалась за счет использования железнодорожных войск, а также контингента спецкомендатур, так называемых химиков.

Пик интенсивности железнодорожного строительства в третьем периоде был подкреплен новыми инвестиционными возможностями экономики от притока нефтедолларов. Для привлечения квалифицированных кадров на строительство БАМа были применены чрезвычайные по тем временам меры материального стимулирования и товарного обеспечения строителей, что обеспечило постоянный приток на стройку наиболее активной части населения страны. Строительство сопровождалось идеологической и экономической поддержкой небывалых масштабов. Наиболее высокие темпы строительства БАМа были достигнуты в период применения особых экономических и политико-административных мер привлечения и использования активных ресурсов. Цена таких мер была высока. По разным оценкам, стоимость магистрали увеличилась в 5–8 раз по сравнению с проектной. После открытия к 1985 г. сквозного движения поток нефтедолларов иссяк, и финансирование строительства БАМа осуществлялось в вялотекущем режиме ввиду все более ухудшавшейся социально-экономической обстановки в стране (третий глобальный спад). Максимум, чего удалось достичь – это оформить сдачу магистрали в постоянную эксплуатацию в объеме пускового комплекса в 1989 г. [12], что означало фактически возложение на плечи МПС проблемы достройки БАМа до проектной мощности, решение которой продолжается до сих пор.

Показателен также следующий пример. В период с 1963 по 2002 г. проводилась электрификация восточного звена Транссиба (ДВЖД – от Архары до Владивостока). Работы велись в течение почти 40 лет на главном ходу двух железных дорог – Забайкальской и Дальневосточной. В сравнении с переводом на тепловозную тягу, проведенным в течение 10 лет, темпы электрификации, важнейшего для железной дороги реконструктивного мероприятия, в среднем ниже в 4 раза. Если сопоставить ход работ с графиком интенсивности железнодорожного строительства (см. рис. 1), то видно, что один временной отрезок электрификации, 22 года (1963–1985), попадает на третий пиковый период, а другой, 18 лет (1985–2003), – на третий глобальный спад. Вся совокупность объективных и субъективных причин укладывается в следующие цифры: средняя интенсивность хода работ в первые 22 года составила 73,9 км/год (электрифицировано 1625 км), в оставшиеся же 18 лет этот показатель примерно в два раза меньше – 35,8 км/год (645 км). Никакие усилия руководства ДВЖД, местных администраций зоны тяготения Транссиба в период спада не помогли ускорить ход электрификации. Основным положительным результатом этой активности было то, что работы продолжались в условиях вялотекущего финансирования и к 2003 г. были завершены.

Аналогичная ситуация складывается на строительстве Амуро-Якутской магистрали Беркакит–Томмот–Якутск (Н. Бестях). Судьба этой стройки – прямая противоположность судьбе БАМа. С 1986 г. при непрерывной активной поддержке Правительства республики Саха(Якутия) ведутся работы, открыто движение поездов по участку Беркакит–Томмот (380 км), на участке Томмот–Якутск построено около 120 км пути, но темпы строительства таковы (примерно 30–38 км недостроенной железной дороги в год), что без специальных мер в обозримом будущем эта дорога не станет реальным звеном транспортной сети региона.

В период последнего спада обеспечение реконструкционных программ существующих железных дорог региона финансами было таково, что многие годы не позволяло привести железные дороги в соответствие с требованиями перевозочного процесса. Дефицит материально-технических средств, их несоответствие масштабам и техническим требованиям реконструктивных работ порождали хроническое отставание транспортной сети в обеспечении требований надежности работы постоянных устройств. Реконструкция инженерных сооружений не только больших и средних, но и малых, построенных в конце XIX – начале XX вв., растянулась на десятилетия, хотя состояние многих обусловливает наличие постоянных ограничений скорости, а нередко угрожает безопасности движения.

Таким образом, все рассмотренные периоды высокой интенсивности работ по развитию железных дорог Дальнего Востока характеризуются чрезвычайными мерами по привлечению и использованию активных ресурсов, а в периоды спадов, наоборот, наблюдается вялотекущее обеспечение в основном за счет привлечения местных источников активных ресурсов.

Результаты и прогнозы. Что же следует из приведенного анализа? Что можно использовать для прогноза развития транспортной сети региона и какие практические рекомендации дать для усиления позитивных тенденций и снижения влияния тенденций негативных?

Можно сформулировать следующие основные выводы

1. Все крупные программы развития транспортной сети Дальнего Востока диктовались периодически возникающими острейшими геополитическими проблемами России в регионе, что обусловливало соответствующий (чрезвычайный) подход к реализации таких программ.

2. Период цикла активизации строительной активности в 36 лет скорее всего характерен не только для развития транспортной сети, но и для других капиталоемких сфер строительства и развития.

3. Достижение результата в периоды пиковой интенсивности железнодорожного строительства обеспечивалось чрезвычайными методами привлечения и использования активных строительных ресурсов.

4. В связи с применением скоростных методов строительства во многих звеньях транспортной сети заложены значительные объемы реконструктивных работ.

В свете изложенного рассмотрим сегодняшнюю ситуацию и ближайшую перспективу развития транспортной системы Дальнего Востока.

Во-первых, из теоретической кривой интенсивности железнодорожного строительства (см. рис. 2) следует, что начало XXI в. приходится на период подъема графика с достижением пиковых значений к 2006–2008 гг. О сходных тенденциях стабилизации и начала экономического подъема говорят также результаты исследований в других капиталоемких сферах регионального строительства [5].

Во-вторых, данный прогноз подтверждается характером сложившейся на сегодняшний день геополитической ситуации на российском Дальнем Востоке. Период экономического спада совпал с бурным ростом экономической активности восточных соседей, особенно Китая. На фоне постоянного оттока российского населения обостряются процессы демографического давления. Вдоль границы создана сеть опорных баз для хозяйственной экспансии на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Развивается сеть магистральных железных дорог, предназначенная прежде всего для перехвата существующих и перспективных транзитных грузопотоков в широтном направлении от портов тихоокеанского побережья в Европу. Реализация таких проектов лишает транспортную систему российского Дальнего Востока перспектив эффективной работы. Уделом российских железных дорог в регионе останется вывоз собственных природных ресурсов и выполнение межрайонных и внутрирайонных перевозок. В сочетании с постоянной экономической экспансией восточных соседей по АТР создается явная угроза устойчивому состоянию всего народного хозяйства Дальнего Востока России.

С учетом этих обстоятельств в последние годы Министерством путей сообщения и Правительством РФ намечен ряд неотложных мер по ускоренной реализации ряда проектов, среди которых: соединение материковой сети с сетью железных дорог о. Сахалин с последующим выходом на железные дороги Японии; создание Транскорейской магистрали для выхода к тихоокеанским портам Южной Кореи; комплекс мероприятий по повышению конкурентоспособности Транссиба, развитию БАМа, строительству Амуро-Якутской железнодорожной магистрали и др.

В-третьих, приходится констатировать, что ситуация с наличием активных строительных ресурсов аналогична прежним этапам развития транспортной сети. Даже при условии мобилизации финансовых ресурсов их количества будет явно недостаточно для компенсации нехватки рабочей силы нужного качества. Так как на современном этапе невозможно применение чрезвычайных методов привлечения и использования ресурсов, необходимы новые механизмы реализации проектов, эффективные способы переработки инвестиций. Наиболее результативным путем изменения ситуации в лучшую сторону является применение ресурсосберегающих проектных, технологических и организационных решений по реконструкции и строительству железных дорог в специфических условиях Дальнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Строительно-путейское дело в России XX века: Учеб. пособие для вузов ж.-д. тр-та/ И.И. Кантор, Э.В. Воробьев, Н.А. Зензинов и др.; По ред. И.И. Кантора. – М.: УМК МПС России, 2001. –276 с.

2. *Ганиев, К.Б.* Методы совершенствования и организации строительства при реконструкции действующих предприятий / К.Б. Ганиев. – М.: Стройиздат, 1991;

3. *Пиотрович, А.А.* Анализ тенденций железнодорожного строительства на Дальнем Востоке / А.А. Пиотрович, А.И. Кондратьев // Современные технологии – железнодорожному транспорту и строительству: Труды 43-й Всероссийской науч.-практ. конф./ДВГУПС. – Хабаровск, Изд-во ДВГУПС, 2003. – Т.3. – С. 69–75;

4. *Спицнадель, В.Н.* Основы системного анализа: Учеб. пособие / В.Н. Спицнадель. – СПб.: Изд. дом «Бизнес-пресса», 2000. – 326 с.

5. *Раевский, С. В.* Управление стабилизацией и развитием экономики региона. Автореф. дис.… д-ра экон. наук / С.В. Раевский. – М.: РАГС, 2000. – 48 с.

6. *Ковальчук, М.А.* Исторический опыт формирования транспортной отрасли Дальнего Востока России (70-е гг. XIX в.–июнь 1941 г.): Монография / М.А. Ковальчук. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003. –193 с.;

7. *Барчуков, А.В.* Новые императивы развития транспорта Дальнего Востока РФ: финансовый менеджмент, инвестиции: Научное издание / А.В. Барчуков, Р.Г. Леонтьев. – Хабаровск: ДВГУПС, 2003. –278 с.;

8. Формирование транспортных систем регионов / В.Я. Ткаченко, К.Л. Комаров, А.А. Лукьянчиков и др. – Новосибирск: СГАПС, 1996.

9. *Ламин, В.А.* Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны / В.А. Ламин, В.Ю. Пленкин, В.Я. Ткаченко. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999.

10. Дальневосточная магистраль России / Сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. – Хабаровск: Частная коллекция, 1997. – 352 с.;

11. *Костанов, А.И.* Самая восточная дорога России: Очерки истории Сахалинской железной дороги / А.И. Костанов. – М.: Транспорт, 1997. – 220 с.

12. Байкало-Амурская железнодорожная магистраль: Технический отчет об изысканиях, проектировании и строительстве: В 2 т. Т.2: Летопись стройки 1967–1989 гг./ АО Корпорация «Трансстрой», МПС России; Гл. ред. В.А. Брежнев. – М., 1993. – 550 с.

ФИЛОЛОГИЯ

РУССКИЕ КЛАССИКИ В ОЦЕНКЕ Н.РЕРИХА. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НРАВСТВЕННОЙ ДОКТРИНЫ ХУДОЖНИКА-МЫСЛИТЕЛЯ

Р.Д. Гнеушева

ГНЕУШЕВА Римма Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета и Дальневосточного отделения РАН.

Статья посвящена анализу дневников Н. Рериха, которые он вел во время экспедиций в Китай и Монголию в1934–1936 гг. Автора статьи интересует роль традиции русской классической литературы (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов) в формировании нравственной доктрины Н. Рериха. Выбранный аспект исследования позволяет на конкретном материале проследить взаимодействие культуры начала XX в. и национальной духовно-нравственной традиции, сформулированной в начале XIX в. Все это дает возможность ярче представить некоторые аспекты формирования общенациональной этической культуры, что сегодня представляется актуальным в литературоведении.

The article is dedicated to the analysis of a diary book by N. ROERICH, which he wrote in the expedition in China and Mongolia in1934–1936 years. The author of the article is interested in the role of traditions of the Russian classical literature (A.S. PUSHKIN, N.V. GOGOL, M.YU. LERMONTOV) in shaping N. ROERICH`s moral doctrine. The selected aspect of the study allows the reader to track the interaction of the 20th century culture and the national spiritual and moral tradition, worded at the beginning of the 19th century. All this allows the author to present brighter some aspects of shaping national ethical culture that is very significant in literary criticism today.

Николай Константинович Рерих – уникальное явление русской и мировой культуры. Идея вселенского мира – определяющая в его философской и нравственной доктрине. Ее он последовательно развивает на протяжении всего своего творчества. К 1934–1936 гг. относится его знаменитая экспедиция в Китай и Монголию, которая сопровождается дневниковыми записями. Часть из них вошла в собрание его сочинений как материал, символически названный «Врата в будущее». Смысл этого названия многомерен и многоаспектен. Он предполагает многообразные формы выражения как физического, так и духовного в человеке, в его устремлениях к Добру и Свету. Дневниковые заметки мыслителя полны вопросов, размышлений. Что несет человеку цивилизация и ее достижения? Вот вопрос, волнующий его: «Несут ли ее достижения добрые вести? Или панацеи? Или знания? Или помощь? А вдруг – бомбы? А вдруг губительные газы? А вдруг уничтожение? Чего больше?» [1, с. 141]. В контексте этих медитаций у него возникают ассоциации, связанные с именами русской культуры и русской классики. В дневниковом эссе, названном «Лихочасье» (12 декабря 1934 г., Пекин), его волнует нравственная природа человеческих поступков, их корни, истоки. Главная тема размышлений сводится к вопросу: в чем природа заведомо недоброжелательного отношения к таким корифеям русской культуры и литературы, как Ломоносов, Менделеев, Пирогов, Пушкин, Лермонтов, Мусоргский, Врубель, Куинджи?

Больше внимания он, конечно, уделяет несправедливому, неблагожелательному отношению к А.С. Пушкину. Цитируя великого классика, Н. Рерих обращает внимание на то, что более всего тот робел перед недоброжелательством Ему понятно нравственное и психологическое состояние поэта, заканчивавшего одно из своих произведений («Путешествие в Арзрум») горьким признанием: «Первая статья, мне попавшаяся, был разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи... Таково мне было первое приветствие в любезном отечестве» [1, с. 143]. Думается, что автор дневниковых записок намеренно акцентирует внимание на самом факте недоброжелательства, выпуская важную, на наш взгляд, деталь: как горечь и обида Пушкина сменяется смехом, как он уходит от обиды: «Я стал читать ее вслух. Пущин остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством... Требование Пущина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца» [2, с. 701].

Это намеренное исключение столь важной детали необходимо Рериху, чтобы острее поставить и решить волнующую его нравственную проблему: каковы истоки недоброжелательства? Вот почему он обращается к наиболее авторитетному для него русскому классику, «сердцеведу», «сердцевидцу», как он его называет, Н.В. Гоголю. Он пространно цитирует Гоголя там, где тот заступался за Пушкина, когда знакомился с несправедливым к нему отношением. Более всего горечи и скорби у Гоголя было тогда, замечает Н. Рерих, когда Пушкина обвиняли в безнравственности и нехристианском поведении. Ханжество подобного рода критики опасно тем, что оно может «разом уничтожить все, что ни есть на свете, видя во всем одно бесовское». Рерих фиксирует внимание на том, что Гоголь требует судить поэта по законам, им самим предписанным, «точно, как будто они побывали в душе Пушкина; точно, как будто бы Пушкин непременно обязан был в стихах своих говорить о высших догматах христианства...» [1, с. 143]. Вывод Гоголя о том, что нехристианское это дело «публично выставлять нехристианского человека и даже противником Христа!», импонирует и автору дневниковых записок! Здесь он усматривает и несоблюдение этики человеческих отношений, и нарушение свободы творчества.

По ассоциации Рериху приходят и другие оценки Гоголя, сказанные уже с оценкой собственного

произведения – «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Над живым телом еще живущего человека производилась та страшная анатомия, от которого бросает в холодный пот даже и того, кто одарен крепким сложением» [1, с. 144].

Рерих от скорбных гоголевских признаний переходит к трагической жизни Лермонтова, к полным боли словам Врубеля или рассказу Куинджи о том, «как злые люди считали, что он вовсе и не Куинджи, но крымский пастух, убивший Куинджи» [1, с. 143]. Опасность и вред подобных злоумышлений очевидны, считает автор. И «чем бы ни объяснить такое темное чувство, все равно, никакого разумного смысла в нем не найдется...» [1, с. 144]. И все же он, как в свое время Пушкин, «ищет смысла» в этом безнравственном явлении. Где истоки подобного недоброжелательства: в зависти ли, в невежестве и дикости ли? Но ни те, ни другие причины не удовлетворяют его. Хотя, ссылаясь на Григория Котошихина, он объясняет это скотским состоянием человека, чертой «наших нравов», которые «в народе выражаются насмешкой, а в высшем кругу невниманием и холодностью» [1, с. 143]. Но в то же время Рерих не склонен объяснить это нравственное падение только нашими нравами, он объясняет его более страшным недугом, поразившим, по его мнению, все человечество, – злобным сатанинством. «И никак вы иначе не назовете это, – считает он, – ужасно разрушительное состояние. Если с одной стороны несется торжествующий рев, угрожающий разрушением всем храмам и музеям, то с другой стороны готовятся пистолеты, чтобы застрелить всех Пушкиных и обозвать изменниками всех Голенищевых-Кутузовых и прочих героев Российской Истории». [1, с. 144]. Сатанинство – это безумие, болезнь, которая исторически застарела, если ее можно зафиксировать и во времена Котошихина, и во времена Пушкина и позже. Есть ли панацея от этой страшной болезни? – задается вопросом Рерих, – «…не приспело ли время обратиться к вечным панацеям Добра и Света и Законам Божеским, чтобы отогнать приступы сатанизма?» [1, с. 144]. И опять автор обращается в своих поисках ответа к русскому классику Н.В. Гоголю. Представленная им картина падения великого предназначения человека, «кора земности», показанная писателем, видится Рериху современной и актуальной. Он цитирует его: «Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стога, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их; перенимают черт знает какие басурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить: свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке» [1, с. 144]. И вместе с Гоголем он ищет оптимальный ответ на то, как противостоять и возможно ли это? И русский классик помогает Рериху найти ответ. Дневниковая запись, названная «Лихочасье», заканчивается гоголевской мыслью: «Но у последнего подлюжки, каков он ни есть, хоть весь извалялся в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; проснется оно когда-нибудь, – и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело» [1, с. 145]. Эта гоголевская вера в глубинные силы русского духа сродни и Рериху, и вслед за Гоголем он восклицает: «Зазвучи, отзовись, русское сердце!»

Так небольшая дневниковая запись позволяет, с одной стороны, обнаружить актуальные для Рериха аспекты его нравственной доктрины, а с другой, наглядно показывает преемственность традиций русской классики и ее нравственных завоеваний в творчестве Н. Рериха.

Дневниковые записки Рериха, конечно же, разнообразны по темам и мотивам. Мы коснулись лишь тех, что связаны с национальными авторитетами и раздумьями философа над русскими нравами и нравственными связями. Но и в других заметках всплывает имя русского классика Н.В. Гоголя («Напутствие», 6 марта 1935 г., Пекин) Но здесь авторитет нашего классика выведен Рерихом на общечеловеческую, мировую орбиту. Рерих выписывает целый отрывок-напутствие писателя 1846 г. «не потому ... что его книга под руками ... Не случайно пошел с нами по китайским и монгольским землям серцевидец русский "Все вижу и слышу". С дальних пор этот спутник близок, потому идем и видим и слышим» [1, с. 157].

Напутствие Гоголя формирует рериховскую доктрину человеческого бытия, его вечной битвы на земле ради праздника на небе. И Рерих призывает человека раскрыться в своих возможностях, ибо «много сил в человеке, только нужно, чтобы вовремя их вынуть из хранилища» [1, с. 157]. Как это сделать? И он полагает, что сделать это «можно в сообществе с великими ведунами» [1, с. 157]. И Гоголь для него именно таков. И путь, по которому идет человечество, требует особой корректности и нравственного такта. Он мечтает о том, что «между путниками не будет дурных мыслей, совершенно исключится бранное слово, как остатки звериного рева. Очень важно, чтобы спутники, хотя бы даже случайно, не употребляли друг про друга скверных наименований. Не будем требовать непременно уже любовь, которая не так-то легко приходит, но взаимное уважение в пути необходимо» [1, с. 157]. Эта модель человеческого пути гармонизирует, с точки зрения автора, весь мир, поведение животных так же во власти этой гармонии. Так, опираясь на нравственные доктрины Н.В. Гоголя, Рерих приходит к определению своей нравственной доктрины, в которой все организованно, стройно, где «спутник это уже сотрудник, а сотрудник это уже не случайный встречный» [1, с. 157]. А путь этот – это и битва за высокие нравственные идеалы. На этом особенно настаивает Н. Рерих, утверждая, что «Гоголь при всех своих искренних устремлениях все же говорит о битве» [1, с. 158].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рерих, Николай.* Врата в будущее / Николай Рерих // Русская старина: Литературно-исторический альманах. Вып. 2. М., 1992.

2. *Пушкин, А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VI: Путешествие в Арзрум / А.С. Пушкин.– М.; Л., 1950.

ПОЭТИКА «ПРОТИВОРЕЧИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ Н.М. КАРАМЗИНА

А.В. Ильичев

ИЛЬИЧЕВ Алексей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета и Дальневосточного отделения РАН.

Статья посвящена описанию особенностей философии, эстетики и поэтики основателя русского сентиментализма Н.М. Карамзина. Автор исследует влияние английской и немецкой сенсуалистической философии на формирование теоретико-литературных представлений Карамзина. В статье анализируется поэзия, художественная проза, литературная критика, публицистика, в которых реализовалась особая форма художественного мышления Карамзина, названная поэтикой противоречия.

The article is dedicated to the description of philosophy, aesthetics and poetics of the founder of the Russian sentimentalism N.M. Karamzin. The author researches into the influence of English and German sensationalism philosophy on shaping Karamzin`s theorist-literary views .The article analyses poetry, artistic prose, literary critiques, in which a special form of Karamzin`s artistic thinking named as poetics of the contradiction is realized.

В творчестве Н.М. Карамзина поэтика противоречия носит осознанный и принципиальный характер. Это не проблема стилистики или образные особенности решения какой-либо поэтической темы. Принцип противоречия для Карамзина носит эстетико-мировоззренческий характер. Если обратиться к его поэзии, то отнюдь не блестящие оксюмороны или эффектные антитезы составляют ее центр. О Карамзине-стихотворце верно сказал П.А. Вяземский: «В нем не было лиризма. В прозе его, напротив, много движения и музыкальной певучести…Он требовал, чтобы все сказано было в обрез и с буквальной точностью.…В философических стихотворениях Карамзин также заговорил новым и образцовым языком. В них свободно выражается мысль» [1, с. 254–555, 258]. Тут уместно вспомнить раннюю работу Б.М. Эйхенбаума, в которой он писал: « Какая разница по сравнению с поэтикой Державина! Там, по выражению кн. Вяземского, «все сияло, все горело ярким блеском. Много было очарования для воображения и глаз, но сердце оставалось в стороне»…Мы слишком мало обращали до сих пор внимания на то, что Карамзин был не только художником, но и мыслителем и, можно сказать, первым нашим философом» [2, с. 19–20].

В 1798 г. Карамзин пишет важнейшее для нашей темы и программное для себя стихотворение «Протей, или несогласия стихотворца», которое выстраивается как развернутый ответ на тезис, сформулированный в подзаголовке: «Говорят, что поэты нередко сами себе противоречат и переменяют свои мысли о вещах», что подчеркивает стихию размышлений и рассудочный характер текста:

Ты хочешь, чтоб поэт всегда одно лишь мыслил,
Всегда одно лишь пел: безумный человек!
Скажи, кто образы Протеевы исчислил?
Таков питомец муз и был и будет ввек.
Чувствительной душе не сродно ль изменяться?
Она мягка как воск, как зеркало ясна,
И вся Природа в ней с оттенками видна.
Нельзя ей для тебя единою казаться
В разнообразии естественных чудес.
< … >
…что видит, то поет,

И, всем умея быть, всем быть перестает [3, с. 242–243].

Дальнейший текст стихотворения разворачивается либо как антиномичные решения одной темы (например, темы любви), либо как совмещение двух противоположных тем (например, тема деревенской жизни и городской, которые в литературной традиции противопоставляются друг другу, а в стихотворении Карамзина объединяются пафосом восхищения). Становится совершенно невозможно понять то, что называется авторской позицией, ибо она представлена прямо противоположными идеями. Но можно эту позицию описать иначе – как возвышающуюся над каждой конкретной мыслью, причем это возвышение мотивировано эмоциональной реакцией.

Такая структура текста свойственна не только философской поэзии Карамзина, она обнаруживается и в его публицистике. Так, в статье «Мысли об уединении» он сталкивает две прямо противоположные мысли. С одной стороны: «Имя уединения принадлежит к … магическим словам. Назовите его – и чувствительный воображает любезную пустыню, густые сени дерев, томное журчание светлого ручья, на берегу которого сидит глубокая задумчивость с своими горестными и сладкими воспоминаниями!…». А с другой стороны: «Нет, нет! Человек не создан для всегдашнего уединения и не может переделать себя. Люди оскорбляют, люди должны и утешать его. Яд в свете, антидот там же…». Далее Карамзин все же указывает на то, что каждая из этих мыслей в последнем пределе оказывается неверной. Они приближаются к истине только в своей относительности: «Но временное уединение бывает сладостно и даже необходимо для умов деятель-

ных, образованных для глубокомысленных созерцаний…». Итог звучит так: «Такие противоположности разительны и могут быть источником живых удовольствий» [4, с. 120–122].

Структура этого рассуждения поразительно напоминает структуру стихотворения Карамзина, а та, в свою очередь, заставляет вспомнить, например, пушкинскую «Деревню», в которой тоже парадоксально объединяются два диаметрально противоположных изображения деревни. Это не случайно. Пушкин прошел значительную школу «Арзамаса», главой которого был Карамзин и в котором царил мифологический культ поэта-Протея, основание чему В.С. Краснокутский находит именно в этом стихотворении Карамзина [5]. Таков историко-литературный контекст этого карамзинского стихотворения.

Далее в тексте стихотворения автор пытается объяснить, почему поэт должен быть противоречивым:

Противоречий сих в порок не должно ставить
Любимцам нежных муз; их дело выражать
Оттенки разных чувств, не мысли соглашать
Их дело не решать, но трогать и забавить.
<…>
Здесь (т. е. в здешнем свете – прим.
Н. М. Карамзина) сердце говорит, но истина нема
<…>
Так точно нежный вкус к Поэзии имея,
Читай стихи – и верь единственно тому
Что нравится тебе. Что сказано прекрасно
И что с потребностью души твоей согласно;
Читай, тверди, хвали: хвала стихам венец.
Поэзия – цветник чувствительных сердец [3, с. 251].

С этими стихотворными размышлениям Карамзина уместно сравнить отрывок из статьи «Что нужно автору?» («Аглая»,1794, Ч. 1): «Отчего Жан-Жак Руссо нравится нам со всеми своими слабостями и заблуждениями? Отчего любим мы читать его и тогда, когда он мечтает или запутывается в противоречиях? – Оттого, что в самых его заблуждениях сверкают искры страстного человеколюбия; оттого, что самые слабости его показывают некоторое милое добродушие» [6, с. 62], это совпадение вновь демонстрирует значимость и важность подобного круга идей в художественно-эстетическом мире писателя. Конечно, они в первую очередь оказались связаны с тем обстоятельством, что в основание своей поэзии Карамзин поставил даже не просто человеческую личность, а именно свою личность. «Единственная подлинная тема искусства Карамзина, – пишет Г.А. Гуковский, – это внутренний мир человека, во всей его «незаконности», индивидуальной случайности, пестроте переживаний, начиная от возвышенного пафоса и до неприятностей, вызванных бытовыми неполадками. "Что человеку занимательнее самого себя?" – сказал Карамзин» [7, с. 605]. В той же статье «Что нужно автору?» Карамзин замечает: «Творец всегда изображается в творении, и часто – против воли своей.…Когда ты хочешь писать портрет свой, то посмотрись прежде в верное зеркало: может ли быть лицо твое предметом искусства, которое должно заниматься одним изящным, изображать красоту, гармонию и распространять в области чувствительного приятные впечатления?…Ты берешься за перо и хочешь быть автором – спроси же у самого себя, наедине, без свидетелей, искренно: каков я? Ибо ты хочешь писать портрет души и сердца своего» [4, с. 60]

Между тем само представление о личности носит у Карамзина ярко выраженную сенсуалистическую окраску, а в пределах сенсуалистической доктрины проблема истины отступает на второй план, выдвигая на первый переживания. Так, Давид Юм в эссе «О норме вкуса» пишет: «Поиски подлинно прекрасного или подлинно безобразного столь же бесплодны, как и претензии на то, чтобы установить, что доподлинно сладко, а что горько. В зависимости от состояния наших органов чувств одна и та же вещь может быть как сладкой, так и горькой…» [7, с. 307]. Выразительным примером художественной реализации этой мысли оказывается стихотворение «Кладбище» (1792), где описание кладбища дано двумя голосами, для одного из которых кладбище – это обитель вечного мира, а для другого – мертвая юдоль, вызывающая ужас. Объект один, а изображен он с двух диаметрально-противоположных позиций. Заостряя мысль, можно сказать, что объекта изображения нет, а есть два прямо противоположных эмоционально-экспрессивных переживания. Таким образом, на первый план выдвигается не объект, а его субъективно-эмоциональное переживание-осознание индивидуумом. Субъект сам определяет параметры мира.

Подобного рода идеи реализуются и в прозе Карамзина. Например, в повести «Чувствительный и холодный». Близкая идейно-художественная композиция определяет публицистическую переписку Мелодора с Филалетом. В связи с этим напомним и об особом интересе Карамзина к творчеству женевского философа Ш. Бонне. В 1789 г. в «Детском чтении» он перевел две существенных части «Созерцания природы» [8] Философия Бонне расшатывала рационалистическое понимание человека, утверждала сложность и в определенной мере неподвластность научному познанию человеческой души.

В «Письмах русского путешественника» Карамзин излагает лекцию Плантера: «Эстетика есть наука вкуса. Она трактует о чувственном познании вообще. Баумгартен первый предложил ее как особливую, отдельную от других науку, которая – ос-

тавляя Логике образование высших способностей души нашей, т. е. разума и рассудка – занимается исправлением чувств и всего чувственного, т. е. воображения с его действиями…Он говорил о великом духе или о Гении. Гений, сказывал он,…имеет особливую способность находить сокровенныя сходства, аналогию, тайныя согласия в вещах, и часто видит связь там, где обыкновенный человек никакой не видит; и потому часто находит важным то, что обыкновенному человеку, которого взор простирается не далеко, кажется безделкою». [9, с. 63–64]. Сравните в связи с этим рассуждение самого Карамзина: «Не надобно думать, что одни великие предметы могут воспламенять стихотворца и служить доказательством дарований его, – напротив, истинный поэт находит в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону: его дело наводить на все живые краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нежное чувство или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выражением, показывать оттенки, которые укрываются от глаз других людей, находить неприметные аналогии, сходства, играть идеями и, подобно Юпитеру (как сказал об нем мудрец Эзоп), иногда малое делать великим, иногда великое делать малым» [4, с. 89].

Противоречия в идейном мире поэта связываются Карамзиным с тремя важнейшими параметрами, на которых основана его эстетика: Природа, Искусство и чувствительное сердце. Объяснению всех этих категорий посвящено другое программное стихотворение 1798 г. «Дарования», в котором дана концепция Природы как совершенной гармонии, созданной Богом:

Сей мир, обильный чудесами,
Как сад, усеянный цветами,
Зерцало мудрого творца [3, с. 214].

Однако для того чтобы люди могли увидеть это «мудрое зерцало творца», Природа должна отразиться в другом зеркале – в зеркале искусства. Лишь после появления Феба рождается снова человек:

Восстал, воззрел – и вся Природа,
От звезд лазоревого свода
До недр земных, морских пучин,
Пред ним в изящности явилась [с. 215].

Более того, пробуждение чувства изящного вызвало к существованию и рассудок.

Особенное место среди искусств отводит Карамзин Поэзии:

Но кто, Поэзия святая,
Благого неба дщерь благая,
Твою чудесность воспоет?
Ты все искусства заменяешь;
Ты всех искусств глава, венец;
В себе все прелести вмещаешь –
Ты бог чувствительных сердец [3, с. 218–219].

Невозможно не обратить внимание на симптоматичную перекличку между двумя стихотворениями – «Протей, или Несогласия стихотворца» и «Дарованиями», – заключающуюся в двух стихотворных афоризмах, посвященных Поэзии, где она определяется то как «бог чувствительных сердец», то как «цветник чувствительных сердец». В «Дарованиях» Поэзия метафорически представлена как «зеркало»:

Как в светлом, явственном кристалле,
Являешь ты в своем зерцале
Для глаз другой, прекрасный свет;
И часто прелесть в подражаньи
Милее, чем в Природе, нам:
Лесок, цветочек в описаньи
Еще приятнее очам [3, с. 219].

К этому месту Карамзин делает примечание: «Все прелести изящных Искусств суть не что иное, как подражание Натуре; но копия бывает иногда лучше оригинала, по крайней мере делает его для нас всегда занимательнее: мы имеем удовольствие сравнивать». [3, с. 219.] Таким образом, Природа суть зеркало Бога, а Искусство и Поэзия суть зеркало Природы, но Природа, отраженная в зеркале Поэзии, позволяет разглядеть в ней Творца:

И вдруг глас лирный возвышая,
Сильнее в струны ударяя,
Поэт дерзает заключить
Свой важный гимн хвалой священной
Причины первыя вселенной;
Дерзает в песне возвестить,
Кого миры изображают,
Кт. е. Начало и Конец;
Кого уста не называют,
Но кто всего – кто наш отец [3, с. 224].

Искусство и Поэзия заставляют увидеть мир иными глазами, разглядеть не очевидное, скрытое, тайное. Венцом же творения оказывается Человек. Именно поэтому:

Картина нравственного света
Еще важнее для поэта;
Богатство тонких чувств, идей
Он в ней искусно рассыпает;
Сердца для глаз изображает
Живою кистию своей:
Прилив, отлив, желаний страстных,
Их тени, пользу, сладкий яд;
Рай светлый, небо душ прекрасных,
Порока вред и злобы [3, с. 219–220].

Но этот венец творения, после падения, увы, потерял подобие совершенства Творца. Легко заметить, что картина нравственного света носит противоречивый и антиномичный характер. Это не случайно. В 1786 г. Карамзин переводит поэму Галлера «О происхождении зла», автор которой развивал положение о том, что мир прекрасен, по-

скольку сотворен как гармония, однако красоте и совершенству мироздания противостоит мир человеческий: «Я зрю внутренний мир и обретаю его аду подобным. Ах! Может ли быть там царство Божие, где царствует мучение и порок?.. Из сердца нашего истекает горький источник уныния» [10, с. 16, 19]. Источник зла следует искать в нравственной природе каждого человека. Карамзин в примечании к своему переводу подчеркивает: «Свободная воля – причина падения человека, свободная воля токмо может и паки восстановить падшего» [10, с. 29–30]. Именно поэтому нравственная природа человека оказывается сложной, противоречивой. Так, скажем, в стихотворении «К Добродетели» [1802] он пишет:

Творил обеты… слезы лил
От радости и скорби тайной
<…>
Я был загадкой для себя:
Как можно столь любить тебя
И нарушать твои уставы! [3, с. 293–294].

В таком виде предстает в поэтическом мире Карамзина теодицея:

«Ты благ, премудр, могущ чудесно!
Что нам великим злом казалось;
Ты нас к блаженству сотворил!»
(Господину Д<митриеву> на болезнь его. 1788.) [3. с. 65].

Таким образом, Бог оказывается творцом совершенной гармонии, но эта Божественная Премудрость непостижима для человека, природа которого не просто далека от совершенства, но являет собой сложный, противоречивый, порой совершенно алогичный мир ,поэтическое описание которого явилось художественным открытием и заслугой Карамзина. Уже раннее стихотворение поэта «Часто здесь в юдоли мрачной» отмечает борьбу противоположных начал в душе человека, в этом стихотворении возникает «мотив, указывающий на связь полярных чувств», который, по мнению А. Я Кучерова, «входит одним из элегических мотивов в русскую поэзию» [11, с. 31].

Наслаждаясь, унываем;
Веселяся, слезы льем.
Что забава, то причина
Новая крушить себя.
(«Часто здесь в юдоли мрачной…» 1787)
[3, с. 55].

Причина в данном случае в том, что в земной жизни полноценная гармония недостижима:

Ни к чему не прилепляйся
Слишком сильно на земле;
Ты здесь странник, не хозяин:
Все оставить должен ты.
Будь уверен, что здесь счастье
Не живет между людей;
Что здесь счастьем называют,
То едина счастья тень [3, с. 56].

Именно поэтому Карамзин дает такой совет:

Умей спокойными очами
На мир обманчивый взирать,
Несчастье с счастьем презирать!
(К самому себе. 1795). [3, с. 163].

Обманчивость и нестабильность окружающего мира связаны с тем, как познает его человек. По Карамзину – это прежде всего человеческие чувства. А они-то как раз не поддаются никакому руководству:

О дар, достойнейший небес,
Источник радости и слез,
Чувствительность! Сколь ты прекрасна,
Мила, – но в действиях несчастна!..
<…>
Что клятва? – искренний обман!
Что сердце? – ветреный тиран!
Оно в желаньях своевольно
И самым счастьем – недовольно.
<…>
Но верх блаженства есть начало
Унылой томности в душах;
Любовь, восторг, холодность смежны.
(«Алина». Из «Писем русского путешественника») [3, с. 84–85].

Наиболее очевидно противоречия чувств выразятся в любовных переживаниях:

Очарован я тобою,
Бог, играющий судьбою,
Бог коварный – Купидон!
Ядовитою стрелою
Ты лишил меня покою.
Как ужасен твой закон,
Мудрых мудрости лишая
И ученых кабинет
В жалкий Бедлам превращая,
Где безумие живет!
Счастлив, кто не знает страсти!
Счастлив хладный человек,
Не любивший весь свой век!…
(Странность любви, или бессонница) [3, с. 126].

«Странности любви» положены в основу двух стихотворений, составляющих своеобразный диптих: «К неверной» и «К верной» (оба 1796 г.), объединенный образом лирического героя, который в первом случае сетует на неверность возлюбленной, а во втором – вынужден оправдываться перед ней за свои измены. Причем обе эти ситуации описываются не в морально-дидактическом ключе, а в эмоционально-оценочном, так как мораль и дидактика в данном случае оказываются неуместными – речь идет о независимых от человека чувствах и страстях. В письме к А.И. Тургеневу (Остафьево, 17 ноября 1815 г.) Карамзин пишет: « Страсти

должны не счастливить, а разрабатывать душу». [12, с. 260]. Эта концепция чувствительности положена Карамзиным и в основание самого своего знаменитого произведения – повести «Бедная Лиза», о которой А.Л. Зорин и А.С. Немзер проницательно написали: «В повести оказываются заложены противоречащие друг другу идейные тенденции. Ее фабульная основа – события, о которых идет речь, – подводит к мысли о том, что главная ценность сентиментального мировосприятия несовместима с добродетелью и гибельна для человека. Однако сюжетная обработка фабулы, организация и стилистика повествования, само мышление рассказчика подсказывает совсем другое истолкование» [13, с. 17]. Как отмечается в одной из последних работ: «Ключом к «Бедной Лизе» является…сознательное амбивалентное отношение повествователя (да и автора) к главным идеологическим оппозициям произведения» [14, с.129]. Более того, сам мир чувств и переживаний описывается Карамзиным особенным образом. Его волнуют не просто страсти, ему хочется:

Оттенки вам изображать
Страстей счастливых и несчастных,
То кротких, то ужасных;
Чтоб вы могли сказать:
«Он, право, мил и верно переводит
Все темное в сердцах на ясный нам язык;
Слова для тонких чувств находит!»
(Послание к женщинам.1795) [3, с. 170].

Речь в данном случае идет о том, что в центре внимания поэта оказываются не простые, а так называемые смешанные чувства, ибо с точки зрения приятеля Карамзина А.М.Кутузова, только «смешанное чувствование, сравнивая его с простым, имеет в себе нечто нового, нечто трогающего, ибо одно движение возвышается сопротивлением другого; и для того-то оно нам и нравится» [15, с. 148]. Иными словами, областью изображения становится именно столкновение различных по своему качеству переживаний. Эта область изображения осознается как новаторская, современная. Так, в первой книге «Пантеона иностранной словесности» Карамзин помещает перевод «Мыслей и анекдотов» Эро-Сешаля из «Magasin encyclopeique»: « Древние авторы описывали самые простые естественные чувства – тогда все было ново – а теперь надобно хитрить, угончать, входить в нежнейшие оттенки идей» [16, с. 259]. Классическим выражением этой новой сентиментальной эстетики чувств стало стихотворение Карамзина «Меланхолия. Подражание Делилю» [1800]:

О Меланхолия! Нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья!
Веселья нет еще, и нет уже мученья.
(Меланхолия. 1800) [3, с. 260].

Как верно отметил П.А. Вяземский: «С ним родилась у нас поэзия чувства, любви к природе, нежных отливов мысли и впечатлений: словом сказать, поэзия внутренняя, задушевная. В ней впервые отразилась не одна внешняя обстановка, но в сердечной исповеди сказалось, что сердце чувствует, любит, таит и питает в себе. Из этого пока еще, согласен я, довольно скромного родника пролились и прозвучали позднее обильные потоки, которыми Жуковский, Батюшков, Пушкин оплодотворили нашу поэтическую почву» [3, с. 260].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вяземский, П.А.* Стихотворения Карамзина (1866) // П.А. Вяземский // Эстетика и литературная критика. – М., Искусство, 1984.
2. Эйхенбаум, Б.М. . Карамзин. // Б.М. Эйхенбаум // О прозе. О поэзии. – Л., 1986.
3. *Карамзин, Н.М.* Полное собрание стихотворений / Н.М. Карамзин. – М.; Л., 1966.
4. *Карамзин, Н.М.* Сочинения: В 2 т. Т. 2: Н.М. Карамзин. – Л., 1984.
5. *Краснокутский, В.С.* Из истории литературного объединения «Арзамас» / В.С. Краснокутский // Филологические науки. – 1974. – № 4. – С.105–106.
6) *Гуковский, Г.А.* Русская литература XV111 века / Г.А. Гуковский. – М., 1939.
7) *Юм, Д.* О норме вкуса / Д. Юм // Френсис Хатчесон, Давид Юм, Адам Смит. Эстетика. – М.: Искусство, 1973.
8) Детское чтение для сердца и разума. – 1789. – Ч. 18. – С. 3–69; – Ч. 19. – С. 165–198.
9) *Карамзин, Н.М.* Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин. – Л.: Наука, 1984.
10) *Карамзин, Н.М.* О происхождении Зла, поэма великого Галлера. Пер. с нем. Н. Карамзина / Н.М. Карамзин. – М., 1786.
11) *Кучеров, А.Я.* // Н.М. Карамзин, А.Я. Кучеров, И. Дмитриев. – Избранные стихотворения. – Л., 1953.
12) *Карамзин, Н.М.* Избранные статьи и письма / Н.М. Карамзин. – М.: Современник, 1982.
13) *Зорин, А.Л.* Парадоксы чувствительности / А.Л. Зорин, А.С. Немзер // «Столетия не сотрут…»: Русские классики и их читатели. – М.: Книга, 1989.
14)*Шенле, А.* Между «древней» и «новой» Россией: руины у раннего Карамзина как место «modernity» / А. Шенле // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 129.
15)*Кутузов, А.М.* О приятности грусти / А.М. Кутузов // Московское ежемесячное издание. – 1781. – Ч. 111. – С. 148.
20. Пантеон иностранной словесности. – 1798. – Кн. 1. – С. 259.

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

М.Г. Лебедько

ЛЕБЕДЬКО Мария Григорьевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой истории английского языка Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

В статье выдвигается гипотеза о когнитивном основании взаимодействия языка и культуры, которым является соотношение процессов концептуализации и вербализации. Представляется, что вербальные и невербальные репрезентации рядоположены и противопоставляются концептуальным репрезентациям. Механизмом конвертирования концептуальных репрезентаций в языковые и неязыковые является восприятие, понимаемое как широкий когнитивный конструкт. Концептуальный анализ темпоральной и аксиологической концептосфер (на примере американского английского) демонстрирует когнитивные основания взаимодействия языка и культуры.

The paper introduces the hypothesis of language and culture interaction cognitive basis that is the interaction of conceptualization and verbalization processes. In the author's view, conceptual representations and verbal (and nonverbal) representations also interact. The mechanism of converting conceptual representations into language and body language ones is perception understood as a wide cognitive construct, which allows the author to include conceptual characteristics of the concept inferred from nonverbal representations. Conceptual analysis of temporal and axiological conceptospheres demonstrates the cognitive basis of language and culture interaction.

Проблема взаимодействия языка и культуры неизменно остается ключевой в истории лингвистики, начиная с первых попыток научного осмысления в античности. Представляется, что когнитивное направление в лингвистике дает возможность по-новому посмотреть на данную проблему, несмотря на ингерентные трудности и сложности, связанные с анализом когнитивных структур, не имеющих прямого доступа для исследователя. Можно предположить, что взаимодействие языка и культуры имеет когнитивное основание, которым является взаимодействие процессов концептуализации и вербальной и невербальной репрезентации, а также соотношение концептуальных и языковых и неязыковых репрезентаций. Под концептуальными репрезентациями мы понимаем когнитивные структуры, картографирующие и хранящие экспериенциальные знания (опыт) в сознании или памяти в виде определенных структур (концептов), организованных в виде схем и составляющих концептосферы культур. Думается, что именно соотношение концептуализации и вербализации (включая невербальные репрезентации) является ключевым для понимания взаимодействия языка и культуры в рамках когнитивной лингвистики. Недаром в относительно недавнем труде прозвучал призыв к лингвистам активнее исследовать проблему соотношения концептуализации и вербализации для понимания когниции в целом и концептуализации в частности [15, с. 6]. Аргументом в пользу выделения неязыковых (невербальных) репрезентаций служит их противопоставленность концептуальным репрезентациям и их рядоположенность языковым репрезентациям. Таким образом, под языковыми и неязыковыми репрезентациями имеются в виду языковые и неязыковые (корпореальные) выражения в широком смысле.

Выдвигая данную гипотезу, ответить на вопрос о механизме конвертирования концептуальных репрезентаций в языковые и неязыковые. В литературе высказывались различные предположения о связующем звене (неком промежуточном конструкте): называли пропозициональные структуры [5, с. 157; 6, с. 109]; когнитивные матрицы [8, с. 66]; структуры, организованные вокруг определенных формальных отношений типа противопоставления, дополнительности, включения, эквивалентности [11, с. 54]; внутренний лексикон [5, с. 97; 9, с. 137]; отношения, напрямую переводящие концептуальные репрезентации в лингвистические [18, с. 186; 4, с. 49]; точку роста, от которой строится полное высказывание [14, с. 190]; метафору [13; 12, с. 241; 17, с. 132; 1; 2] и др. Вслед за П. Вертом [19, с. 84] мы считаем, что концептуальные и лингвистические, и нелингвистические репрезентации изоморфны, но не идентичны, они опосредованы восприятием в самом широком смысле, организация которого с помощью схемы способствует трансляции экспериерциальных когниций в концептуальные репрезентации, которые в свою очередь конвертируются в лингвистические и нелингвистические выражения. Восприятие, будучи когнитивным конструктом, охватывает также сенсомоторный опыт.

Существует два подхода к раскрытию когнитивного основания взаимодействия языка и культуры: во-первых, обращение к языковым выражениям позволяет опосредованно вскрыть когнитивное соотношение концептуализации и вербализации, во-вторых, обращение к концептуальным репрезентациям позволяет объяснить процесс речепроизводства. Наиболее разработан в когнитивной лингвистике первый подход. Однако известны попытки применения и второго подхода к анализу соотношения концептуальных и языковых репрезентаций.

Так, исходя из положения о том, что концептуальные репрезентации (например, наблюдение какого-либо визуального события) гораздо сложнее и богаче, чем вербальные репрезентации, Рассел Томлин большую роль приписывает когнитивному процессу внимания, его роли в модели репрезентации события и приходит к выводу, что первоначально следует обратиться к концептуализации опыта, которая в конечном счете объясняет процесс вербализации. Иными словами, следует задавать вопрос, как концептуальные репрезентации опыта картографируются в языковые выражения, а не наоборот [18, с. 186].

Проиллюстрировать данное положение можно, обратившись к концептуальному анализу языковых выражений, позволяющему опосредованно получить доступ к концепту, который является конечным результатом процесса концептуализации. Думается, что именно концептуальный анализ языковых и неязыковых выражений, интерпретация выделенных концептуальных признаков в контексте соответствующей культуры вскрывает глубокие когнитивные основания взаимодействия языка и культуры, что можно показать на примере анализа любой концептосферы.

Так, анализ концептов, составляющих темпоральную концептосферу в американской когнитивной системе, вскрывает когнитивные основания взаимодействия языка и культуры, отражая национально-культурные особенности когнитивной системы этноса. Перечислить все признаки, выводимые из анализа узуальной и, особенно, окказиональной сочетаемости имени и глагола (а также других частей речи) представляется трудной задачей, поскольку языковые репрезентации исчисляются миллионами словоупотреблений, словосочетаний, контекстов, текстов и т. д. Приведем несколько примеров: сочетаемость имени time с интенциональными глаголами позволяет выделить ряд концептуальных признаков, прежде всего вычленяется группа с обобщающей семой антропоцентричности (человек, судья, врач, мучитель, враг и др.), что характерно не только для американской системы. Наряду с общими признаками выводятся и культурно-значимые признаки. Анализ сочетаемости лексемы time, выполняющей семантическую роль пациенса при предикатах, представленных глаголами to invest, to put in в контекстах типа *I think he has gotten the message that to have the things that we have that you have to put in very long hours and to put in a lot of time* (20/20, May 14, 1989) и *He invested a lot of time in helping retarded children* (RHU), выявляет монетарные признаки концепта ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ. Несмотря на то, что в русской когнитивной системе существует заимствованная пословица «время – деньги», нельзя сказать, что содержание соответствующих концептов сопоставимо. Дж. Лакофф и М. Джонсон связывают монетарную концептуализацию времени с американской культурой – повременной оплатой телефонных разговоров, почасовой оплатой труда, годовыми бюджетами и т. д. [13, с. 8]. Иногда монетарная концептуализация связывается с количеством работы, выполненной за определенный период времени, трудовой дисциплиной во время Индустриальной революции [16, с. 153]. Принимая постулат о национально-культурной специфике данного концепта, хотелось бы обратить внимание на то, что подобные сделки имеют место в большинстве культур, но они не приводят к монетарной концептуализации.

Думается, что объяснение следует искать в базовых категориях культуры, ее типах, в когнитивном взаимодействии языка и культуры. Представляется, что культурологическая экспликация вскрывает не повременную оплату, появившуюся во времена Индустриальной революции, а когнитивные модели монохронического типа культуры. Мы считаем, что на монетарную концептуализацию времени влияет целый спектр культурных параметров: осязаемость времени, характерная для культур монохронического типа, такие ключевые ценности американской культуры, как достижение и успех, упорный труд, обязательно вознаграждаемый, такие черты национального характера, как материализм и др. Переплетение всех этих факторов обусловливает не только распространение монетарного концепта, но и его дальнейшую концептуализацию, репрезентированную новыми языковыми выражениями (в данном случае речь идет о паремиях): A NEW DAY, A NEW DOLLAR, зафиксировано в 1957 г.; SECONDS ARE THE GOLD DUST OF TIME, зафиксировано в штате Иллинойс [10]. Недаром пословица *time is money*, наиболее ярко отражающая монетарную концептуализацию, считается американской, приписывается Бенджамину Франклину (1706–1790), хотя возникла она в Британии (первая фиксация относится к 1572 г.).

В русской культуре время не воспринимается как осязаемое, на немонетарную концептуализацию времени влияет ценностная ориентация русской культуры на нематериальное, духовное, что можно проиллюстрировать следующим контекстом: *Утро. У входа в банк расталкивают друг друга сотрудники. До начала рабочего дня осталась пара минут. «По какому поводу столпотворение?» – спрашиваю. Оказалось,* ***за каждую минуту опоздания банк штрафует своих сотрудников на 50 дол.*** *Подобные взаимоотношения между руководством фирм и подчиненными уже стали привычным делом. И сотрудники* ***привыкают к штрафам за курение, задержку сроков подачи***

проекта, разговоры по мобильному телефону во время совещания (АиФ-Москва, № 12, 2002, 6). В качестве комментария приведенного контекста следует сказать, что монохронические модели поведения, которые вводятся сместными фирмами, не приживаются в связи с нематериальной ценностной ориентацией, с одной стороны, и полихроническим типом русской культуры, предполагающим аппроксиматичность темпорального признака (время «растяжимо», сроки подачи проектов отодвигаются, одновременно можно делать несколько дел и т. д.).

Концептуальные признаки, вычитываемые из невербального поведения, также отражают когнитивное взаимодействие языка и культуры. Наблюдения над скоростью реакции американцев в актах коммуникации привели нас к выводу о том, что в темпоральных концептах следует вычленить концептуальный признак «умственная способность». В качестве иллюстрации сошлемся на эпизод из фильма *Beverly Hills – 90210*, в котором героиня боялась показаться умственно отсталой (retarded), поскольку она целых 30 секунд медлила с ответом. Восприятие времени отражает когнитивную установку на деятельность в американской культуре. Несмотря на то, что данный признак является периферийным для темпоральных концептов, но носители языка интуитивно владеют представлениями о стоящей за соответствующими концептами сущности.

Когнитивные основания взаимодействия языка и культуры можно также показать на примере аксиологической концептосферы, составляющими которой являются ценностные концепты. Вслед за отечественным философом М.С. Каганом под аксиосферой мы понимаем «… не простую совокупность, соседство, рядоположенность тех или иных ценностей … а их *целокупность* – закономерно сложившуюся в истории культуры *систему конкретных форм ценностного отношения к миру*» [3, с. 55]. Ценности – когнитивные структуры, являющиеся результатом концептуализации «предпочтительного поведения» [7, с. 2], результатом познавательной деятельности с последующей оценкой отношения субъекта к объекту. Так же, как и в темпоральных концептах, концептуальные признаки ценностных концептов аксиосферы вычленяются из вербальных и невербальных репрезентаций.

Уровень сложности аксиологических концептов настолько высок, что объяснение, как представляется, следует искать в латентных отношениях языка и культуры, во взаимодействии языка и культуры. Очевидно, уместно считать, что вербализация концептов аксиологической концептосферы является многоступенчатой и многомерной. Скорее всего, ценность может быть передана через образ, вербализованный языковой единицей или же выраженный через невербальное поведение.

Проиллюстрировать сказанное можно на примере анализа концепта DEMOCRACY / ДЕМОКРАТИЯ. Дефиниционный анализ данного концепта вскрывает характеристики, относящиеся к политическому строю, но концептуальный анализ показывает, что данный концепт является значимым и в повседневной жизни американцев. Дело в том, что дефиниционный анализ концепта лишь частично отражает его структуру. Релевантными являются следующие значения: 1) «government by the people; a form of government in which the supreme power is vested in the people and exercised directly by them or by their elected agents under a free electoral system»; 2) «a state having such a form of government»; 3) «a state of society characterized by formal equality of rights and privileges»; 4) «political or social equality; democratic spirit»; 5) «the common people of a community as distinguished from any privileged class; the common people with respect to their political power.» (RHU). Однако контекстуальный и концептуальный анализы помогают вычленить дополнительные концептуальные признаки.

Концептуальный анализ контекста, содержащего лексему *democracy*, дает возможность проследить когнитивную деятельность: John slammed his fist down on the desk. «The hell you are,» he roared. «We are in this together, and you aren't going to do anything unless we all agree. Do I make myself clear?» – «Since when did you become our leader?» Cameron muttered. Shaken by John's fury, he tried to regain the upper hand. «I don't remember voting for you,» he blustered. С когнитивной точки зрения Джон обрабатывает свой (субъективный) опыт, обработанная информация подводится под существующие категории, выработанные обществом о демократии, представленные в виде концепта DEMOCRACY на концептуальном уровне. Опыт Джона согласуется с коллективным опытом общества, что включает, прежде всего, голосование. В структуру концепта DEMOCRACY входит концептуальный признак «голосование» (как известно, оно базируется на «правиле большинства» – the majority rule – при принятии решений).

Следует обратить внимание, что концепт DEMOCRACY в американской культуре является значимым и для наивной картины мира, поскольку в любых ситуациях, включая обыденные, бытовые, активируется этот концепт: в приведенном ниже контексте бытовой ссоры герой (Мистер Эббот) высказывает свою точку зрения на демократию: «…we got no choice but put our shoulders to the grindstone and preserve our America way of life – democracy and freedom for all – and put the rest about the bars».

Концепт DEMOCRACY тесно связан с концептами СВОБОДА и ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. Так, в сугубо бытовой сцене Сэлли Эббот, сестра мистера Эббота, которая перебралась жить в дом своего брата после смерти мужа, рассуждает во время ссоры со своим братом о том, что они живут в демократической стране и подчеркивает: e.g., «It's a free country. Just you tell him that. I have rights the same as the next person».

Концептуализация, как известно, является культурно-специфической, что сказывается в различной значимости аксиологических концептов для носителей разных культур. Так, наивысшие социально-политические ценности западной культуры не являются таковыми для других культур. Скажем, сферой употребления аксиологического концепта DEMOCRACY в американской культуре является не только общественно-политическая, но и повседневная, а в русской когнитивной системы приоритетной представляется именно политическая сфера. Иными словами, в концепте DEMOCRACY американской когнитивной системе вычленяются не только политические, социальные, экономические, но и личные концептуальные признаки, отражающие соотношение субъекта и объекта властных отношений.

Концепт ДЕМОКРАТИЯ в русской когнитивной системе проявляет более низкий статус, часто вычленяются отрицательные концептуальные признаки через игру слов: «дерьмократия», например. В русской когнитивной системе концепт ДЕМОКРАТИЯ включает признак «относящийся к самым широким массам» (массовость); «рассчитанный на молодежь», эксплицируемы из следующего контекста: *Новые тарифы очень* ***демократичны*** *и рассчитаны на самые широкие слои населения, прежде всего, на молодых людей, которые сегодгя составляют наиболее быстро растущую часть пользователей мобильной связи*.

Часто отрицательный концептуальный признак, вычленяемый в концепте ДЕМОКРАТИЯ, переносится носителями русской культуры в американскую когнитивную систему, что можно проиллюстрировать следующим контекстом, содержащим разговор о программах, образовании, отношении учителей к детям в русской и американской культурах:

– у *них там* [в США], *говорят, подход* ***подемократичней*** *– и за партой не надо колом сидеть, и зубрежки нет…*

– *не идеализируй, говорит она. Они там тоже знаешь какие дебилы с* ***этой демократичностью*** *– не знают, где Австралия и кто такой Македонский. Гогочут только на уроках и чипсы жрут*.

Иными словами, аксиология демократии в русской когнитивной системе часто связана с отрицательной характеристикой.

Представляется, что приведенные выше данные анализа и аргументы подтверждают выдвинутую гипотезу о когнитивном основании взаимодействия языка и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, РАН, 1995.
2. *Герман, И.А.* Метафора как когнитивно-ментальная структура / И.А. Герман. // Тезисы докладов международной научной конференции «Язык и культура», Москва, 14–17 сентября 2001. – М.: Институт иностранных языков РАН, 2001. – С. 37–38.
3. *Каган, М.С.* Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
4. *Кобрина, Н.А.* Язык и ментальность человека / Н.А. Кобрина // Тезисы докладов международной научной конференции «Язык и культура» (Москва, 14–17 сентября 2001). – М.: Институт иностранных языков РАН, 2001. – С. 49.
5. *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996.
6. *Манерко, Л.А.* Пропозиция – конструкт сознания / Л.А. Манерко // Лингвистика, литературоведение: Тезисы международной конференции «Когнитивная парадигма». (Пятигорск 27–28 апреля 2000 г.). – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000. – С. 109–111.
7. *Barrett, D.N.* Value Problems and Present Contributions / D.N. Barrett // *Values in America*. Notre Dame: Indiana University of Notre Dame Press, 1961.
8. *Bickel, Balthasar*. Spatial Operations in Deixis, Cognition, and Culture / Balthasar Bickel // Language and Conceptualization, 1997. – P. 46–83.
9. *Carroll, Mary*. Changing Place in English and German: Language-specific Preferences in the Conceptualization of Spatial Relations / M. Carroll // Language and Conceptualization, Cambridge: Cambridge University Press. 1997, – P. 137–161.
10. *Dictionary of American Proverbs*. Ed. Wolfgang Mieder. New York, Oxford, 1992.
11. *Fowler, Roger*. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. London, New York: Routledge, 1991.
12. *Langacker, Ronald W.* The contextual basis of cognitive semantics / R.W. Langacker // Language and Conceptualization. – Cambridge University Press, 1997. – P. 229–252.
13. *Lakoff, George.* Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – University of Chicago Press, 1980.
14. *McNeill, D.* Growth Points Cross-Linguistically / D. McNeill // Language and Conceptualization, 1997. – P. 190 – 213.
15. *Pederson, E.* Overview: On the Relationship between Language and Conceptualization / E. Pederson, J. Nuyts // Language and Conceptualization. Cambridge: CUP, 1997. – P. 1–12.
16. *Quinn, Naomi. A Cognitive Theory of Cultural Meaning /* N. Quinn, C. Strauss. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
17. *Taylor, John R.* Linguistic Categorization / J.R.Taylor. – Oxford: OUP, 1995.
18. *Tomlin, Russell S.* Mapping Conceptual Representations into Linguistic Representations: The Role of Attention in Grammar / R.S. Tomlin // Language and Conceptualization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 162–189.
19. *Werth, Paul.* Remote Worlds: the Conceptual Representation of Linguistic would / P. Werth // Language and Concepualization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 84–115.

ЖИВОПИСНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ДРАМЕ ФЛОБЕРА «ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ»

Г.И. Модина

МОДИНА Галина Ивановна – кандидат филологических наук, декан факультета романских языков Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

В работе исследуются особенности поэтики философской драмы Флобера «Искушение святого Антония» сквозь призму реминисценций картины Брейгеля Младшего (Адского), послужившей источником создания книги. Анализ мотивов изобразительного искусства подчинен проблеме интерпретации смысла флоберовского текста.

Peculiarities of the poetics of the philosophical drama by Flaubert *La Tentation de saint Antoine* are viewed through the prism of Breughel Jr.'s reminiscences. This picture stimulated the book. The analysis of art motifs helps us to interpret the meaning of Flaubert's text.

Философская драма «Искушение святого Антония» – самое личное и самое загадочное произведение Флобера. Образ христианского отшельника сопровождал его на протяжении трех десятилетий. Первый вариант драмы, написанный в 1849 г., был одновременно и первым текстом, который Флобер предназначал для печати. Второй вариант возник в 1856 г., после того, как был завершен роман «Госпожа Бовари». Третья версия, опубликованная в 1874 г., стала последним крупным произведением писателя. Как заметил Д.-Л. Деморес, «святой Антоний всякий раз возникал в рукописях Флобера в переломные моменты его жизни. И если героем драмы 1849 г. был Флобер времен переписки с Луизой Коле[1], близкий героям его юношеской прозы, то в последней версии перед читателями в образе святого появляется Флобер 1870-х гг.»[2].

Литература, обращенная тексту, который Флобер называл «трудом всей своей жизни»[3] не так обширна, как критические сочинения о самом известном его романе – «Госпожа Бовари». И, как отмечает автор одной из последних работ о Флобере, «…читатель, обратившийся к критике в поисках ориентиров для понимания сложного текста, будет разочарован. Вместо путеводной нити в лабиринте «Искушения святого Антония» критика демонстрирует в лучшем случае новые загадки, а в худшем – констатирует «непознавмость» смысла драмы, связывая это с несовершенством ее формы»[4]. Главным же недостатком формы традиционно считают излишнюю «цветистость» стиля и «нагромождение» живописных сцен[5].

В настоящее время сложилась традиция противопоставлять первую и последнюю версии драмы. При этом версия 1849 г. оценивается как «чрезмерно лирическая», «субъективная», «мистическая» и «символическая». Произведение это определяется как хаотическое, композиционно рыхлое, со всеми ошибками, характерными для испорченного романтизмом литературного вкуса. Версия же 1874 г., напротив, рассматривается как текст исторический, объективный, более близкий к той безличной манере письма, к которой стремился Флобер в зрелых своих произведениях. Работу Флобера над третьей версией рассматривают как искоренение недостатков драмы 1849 г.. «Флобер, – пишет Х. Мазель, – хорошо потрудился, чтобы упорядочить этот хаос»[6]. Размышляя о том, почему Жорж Санд и Тургенев, бывшие первыми слушателями версии 1874 г, приняли драму восторженно, Поль-Луи Рей приходит к заключению, что к этому моменту Флобер, хотя и остался «тем же лириком, что и в юности, но научился писать»[7].

---

[1] Луиза Коле (1810–1876), талантливая поэтесса, прозванная «Музой» и «Богиней романтиков». Ее роман с Флобером продолжался восемь лет (с 1846 по 1854 г.). В письмах к ней Флобер подробно излагал свои эстетические взгляды.

[2] Demorest, D.-L. L'expression figurée et symbolique dans l'oeuvre de Gustave Flaubert. – Geneve: Statkine Reprints, 1977. P. 353.

[3] Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: Письма; Статьи: В 2 т. Т.2. М.: Худож. лит., 1984. С. 108.

[4] Kim Yong-Eun. La Tentation de saint Antoine. Version de 1849. Génese et structure. Chancheon: Kangweon University Press, 1990. P. 25.

[5] Du Camp M. Souvenirs litteraires // Flaubert G. La Tentation de Saint Antoine. Paris: Ed. de Lois Conard, 1924. P 668. Белоусов Р. Муза Флобера // Альманах библиофила. Вып. XI. М.: Книга, 1981. С. 197; Реизов Б.Г. Творчество Гюстава Флобера. М.: ГИХЛ, 1955. С. 95; Эйхенгольц М.Д. “Искушение святого Антония” Флобера // Г. Флобер. Собрание соч.: В 10 т. Т.4. М.: ГИХЛ, 1936. С. 5–28.

[6] Mazel H. Les trois Tentations de saint Antoine/Mercure de France, le 15 decembre 1921. P.631.

[7] Rey P.-L. Preface // Flaubert G. La Tentation de Saint Antoine. Paris: Pocket, 1999. P.15–16.

Однако вариант «Искушения» 1849 г. был далеко не первым литературным опытом Флобера. До этого он уже испытал свои силы в жанре исторической и психологической новеллы, мистерии, исповедальной прозы. Первое «Искушение святого Антония» стало завершением и обобщением ранних мистических и автобиографических произведений писателя. Внимание к форме, стремление к единству означаемого и означающего было свойственно Флоберу уже в самом начале его творческого пути. И потому вряд ли справедливо будет объяснять «живописный» характер стиля драмы неопытностью автора. Тем более, что текст возник под прямым влиянием произведения изобразительного искусства и был задуман как парафраза картины Брейгеля. «Я видел картину Брейгеля, представляющую «Искушение святого Антония», – пишет Флобер другу, Альфреду Лепуатвену из Милана 13 мая 1845 г., – она внушила мне мысль переделать ее для театра»[1].

Эту картину Флобер видел в Генуе, в одном из дворцов на улице Бальби. В настоящее время она находится в частной, полностью закрытой для публики коллекции, владельцы которой не позволяют репродуцировать это полотно. Возможно, с этим обстоятельством связаны досадные неточности в определении живописного источника драмы. Так, Пьер Луи Рей утверждает, что в основе «Искушения» Флобера лежит живописная композиция Брейгеля Старшего[2]. Адриана Тук, посвятившая специальное исследование связи живописного искусства и творчества Флобера, также, говоря о Брейгеле, имеет в виду родоначальника династии Брейгелей – Брейгеля Старшего, или Мужицкого[3]. А. И. Пузиков не только не уточняет, кто именно из Брейгелей был автором картины, но допускает явную ошибку, утверждая, что «копия этой картины украшала кабинет Флобера в Круассе»[4]. В действительности же в Круассе находилась и находится сейчас копия гравюры «Искушения святого Антония» Жака Калло.

В христианской традиции искушения святого Антония представляют собою реплику искушений Христа. Испытания отшельника имели характер не только духовный, но и плотский, что не могло не привлечь воображения художников. К этому сюжету обращались многие великие живописцы (Тинторетто, Веронезе, Шонгауэр, Грюневальд, Кранах, Босх, Брейгель Старший, Брейгель Младший, Теннирс). Флобер, бывший одним из самых крупных знатоков живописи, не мог не знать хотя бы некоторых из этих полотен. Однако лишь одно из них стало источником его драмы. И вопрос о том, кто был автором картины, которую видел Флобер в генуэзском дворце, не может не быть важным.

Известно, что Брейгель Старший к этому сюжету обращался дважды. Первое «Искушение», выполненное в 1556 г. представляет собою гравюру, сходную по характеру изображения с графической серией «Семь смертных грехов», над которой художник работал в 1556–1558 гг. В ней явственнее, чем в других работах Брейгеля Старшего, проявилась связь с традицией Босха. Репродукция этой гравюры помещена в четвертом томе десятитомного собрания сочинений Флобера, опубликованного в 1936 г., с подписью «Искушение св. Антония – картина П. Брёгеля Младшего».

Второй раз Брейгель Старший предпринимает живописное решение этой темы в 1557 г. Эта картина хранится в Национальной галерее в Вашингтоне. Тема искушений разворачивается на фоне лесного пейзажа. Берег реки, лес, огромные стволы старых деревьев, освещенные лучами закатного солнца, занимают все пространство картины. Сам святой отшельник почти неразличим среди фигур монахов, также почти растворенных в пейзаже.

Ни гравюра, ни картина Брейгеля Старшего не только не имеют ничего общего с тем полотном, что Флобер видел в Италии, но и затрудняют понимание этого сложного текста. Действительным же источником драмы Флобера, как убедительно доказал Франческо Пико[5], было полотно Питера Брейгеля Младшего, прозванного Адским.

О композиции этого полотна позволяет судить давняя черно-белая репродукция, помещенная Жаном Брюно в книге «L'Album Flaubert». Сам Флобер в «Путешествии в Италию» оставил подробное описание этой картины. Приведем его полностью.

«На втором плане, с двух сторон на холмах – головы двух чудовищных демонов, наполовину живые существа, наполовину горы. Внизу слева святой Антоний, окруженный тремя женщинами. Он отвернулся, стараясь избежать их прикосновений. Женщины обнажены, у них белая кожа. Улыбаясь, они протягивают руки, чтобы обнять святого. Лицом к зрителю, в самом низу картины – обнаженное до пояса, тощее Чревоугодие, с головой, уб-

[1] Flaubert G. Correspondance. V. I. Paris: Gallimard, 1973. P. 230.
[2] Rey P.-L. Preface // Flaubert G. La Tentation de Saint Antoine. Paris: Pocket, 1999. P.10.
[3] Tooke A. Flaubert and the Pictorial Arts: from Image to Text. Oxford: Oxford University Press. P. 108–109.
[4] Пузиков А.И. Портреты французских писателей. Жизнь Золя. М.: Худож. лит., 1981. С. 115.
[5] Picco, F. Il dipinto del Breughel e la Tentation de saint Antoine del Flaubert // Rivista di litterature moderne e comporate, 1946. P. 418–421.

ранной красными и зелеными украшениями, с печальным лицом и непомерно длинной, вытянутой, как у журавля, шеей, с торчащими ключицами, кланяясь и запрокинув затылок, протягивает живописное блюдо, полное яств.

Всадник в бочке; человеческие головы с телами животных; лягушки с руками, скачущие по земле; красноносый всадник на уродливой лошади, окруженный бесами; парящий в небе крылатый дракон, – и все это на одном плане»[1].

Следует отметить некоторые неточности в этом описании. Так, например, Флобер упоминает о трех женских фигурах, в то время как на картине рядом со святым их только две, причем эта группа является композиционным центром полотна. Расположение фигур в описании также изменено: святой Антоний на картине находится не слева, а справа. Женщины у Брейгеля не обнаженные, а полуобнаженные, и святой, погруженный в чтение, не отворачивается, но просто не замечает их.

Эти неточности можно, конечно, объяснить тем, что описание было выполнено не в Генуе, где Флобер видел картину, а несколько позднее, в Милане, и писатель полагался здесь на свою память[2]. Однако желание преобразовать «Искушение» Брейгеля Адского в драму возникло при первой встрече с картиной, и в описании отразилось начало трансформации образов, созданных художником, в собственный текст. Здесь уже видна работа воображения, которое, по определению психолога А. Бэна, «относится к числу построительных деятельностей, возвышающихся над памятью и простым воспроизведением»[3].

Драма Флобера сохранит многие мотивы Брейгеля. В ней останется фигура Чревоугодия, с такой же худой и чрезмерно вытянутой шеей, как и на полотне Брейгеля. Женские фигуры, окружающие святого на картине будут возникать в тексте Флобера то как безобразные персонификации Сладострастия – Прелюбодеяние, Распутство, Гнусность, то, как прекрасные Богословские добродетели – Вера, Надежда, Любовь. Шествию причудливых существ на втором плане картины будет соответствовать шествие древних богов в «Искушении» Флобера.

Пространство картины Брейгеля организовано двумя формами движения. Фигуры на первом плане (Чревоугодие, Гнев и женщины-соблазнительницы) обращаются к Антонию с жестами, символизирующими речь, на втором плане бесконечной вереницей шествуют причудливые существа. Две формы – спор и шествие (le debat et le defile), – как заметил Жак Неф, характерны и для драмы Флобера. Первой форме соответствуют диалоги Антония и Смертных грехов, Антония и Дьявола, второй – эпизоды, в которых перед отшельником проходят боги древних религий[4].

История возникновения флоберовского текста связана еще с одним произведением искусства XVII в. – гравюрой Жака Калло, изображающей искушения святого Антония[5]. Ее пространство, по определению Клода Дюбуа, представляет собою аллегорию духовной жизни, пластическое изображение внутреннего конфликта, называемого в религии искушением[6].

В августе 1846 г., приступая к работе над пьесой, Флобер повесил гравюру на стену в своем рабочем кабинете, и на протяжении многих лет она сопровождала его работу над драмой. Гравюра Калло привлекала его тем «грустным гротеском», который он находил в картине Брейгеля и, считая его свойством «самой жизни человеческой»[7], стремился воплотить в драме.

Главной темой первой версии флоберовского «Искушения» стала тема творца и творчества. Святой Антоний выступает в драме как символическая фигура художника, погруженного в процесс творчества, который одновременно является и процессом самопознания. И потому видения святого Антония в драме 1849 г. возникают как яркие зрительные образы. В них угадываются черты, связанные с известными живописными полотнами. Так, во второй части драмы, где развивается тема искусства как трансформации безобразного в прекрасное, возникает реминисценция картины Буше «Купание Дианы». А ремарка к видению, в котором Антоний, превратившийся в афинского юношу, слушает тайком беседу гетеры Демонассы и ее служанки Лампито, представляет собою реминисценцию второго плана картины Тициана «Венера Урбинская».

В драме, завершенной в 1874 г., Флобер занят выяснением границ человеческого познания и са-

[1] Flaubert G. Oeuvres completes. V. I. Paris: Gallimard, 2001. P. 1105.

[2] Naaman A. Les debut de Gustave Flaubert et sa technique de la description. Sherbrook et Paris, 1982. P. 386.

[3] Бэн А. Психлогия // Эббингауз Р. Очерк психологии. Бэн А. Психология. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД, 1998. С.460.

[4] Neef J. L'exposition litteraire des religions (La Tentation de saint Antoine, 1874), R.H.L.F., juilet-octobre 1981. P. 642.

[5] Известны две гравюры Калло на этот сюжет. Одна датируется 1617, другая 1634 г., Флобер приобрел копию «Искушения» 1634 г. В настоящее время гравюра хранится в павильоне в Кружасе.

[6] Dubois C.-G. Le Baroque. Paris, 1973. P.105.

[7] Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: Письма. Статьи: В 2 т. Т.1. М.: Худож. лит., 1984. С. 81.

мой возможности истинного знания о мире. Текст 1874 г. строится на развитии мотивов Знания и Веры, Истины и Догмы и по форме сходен с философским диалогом. Смена смысловых акцентов неизбежно связана с изменением стиля. В этой версии исчезают эпизоды, ассоциативно связанные с полотнами Тициана и Буше, но возникает отчетливая реминисценция гравюры Брейгеля «Вера», имеющей отчетливое философское звучание.

Таким образом, третья версия драмы не была, как принято считать, работой над ошибками. Ее стиль, как и стиль первой версии, подчинен полностью авторской идее.

Заметим, что реминисценции произведений изобразительного искусства пронизывают все творчество Флобера. Иногда они возникают как знак, характеризующий время действия. Это упоминания о работах Энгра, Гро и Делакруа в романе «Воспитание чувств» (1869). Иногда намеки на известные полотна позволяют точнее представить внешность героев. Так сравнение Эммы Бовари с «Купающейся одалиской» не может не напомнить об одалисках Энгра и Делакруа.

Некоторые образы художественного мира писателя своим рождением прямо обязаны искусству визуальному. Изображения на стенах Руанского собора стали источником первого у Флобера портрета Сатаны («Адский сон») и танца Саломеи («Иродиада»), а сюжет «Легенды о святом Юлиане Странноприимце» навеян рисунками синего витража, освещающего северную часть этого собора.

Живописное начало присутствует в стиле Флобера. Сент-Бев заметил, что описания в романе «Госпожа Бовари» составляют картины, «которые, будь они созданы кистью живописца, а не пером писателя, по праву бы заняли место в музее рядом с лучшими жанровыми полотнами»[1]. Действительно, описание нормандской свадьбы в этом романе часто сравнивают с полотнами голландских мастеров[2], а эффекты света и тени в прозе Флобера, придающие поэтическое звучание обыденным явлениям, напоминают о манере художников барбизонской школы или импрессионистов.

Сам Флобер утверждал, что «…пластическое искусство лучше самых красноречивых слов учит тех, кто созерцает его, соотношению пропорций, сочетанию плоскостей, одним словом, гармонии»[3].

Образы, созданные Флобером обладают такой изобразительной силой, что смогли стать источником впечатлений для художников. Так, картина Гюстава Моро «Танец Саломеи» и его акварель «Явление», выставленные в Салоне в 1876 г., были созданы под впечатлением романа «Саламбо». Поль Сезанн трижды обращался к сюжету об искушениях святого Антония, и всякий раз под влиянием драмы Флобера. Первое полотно создано было в 1869 г. под впечатлением от опубликованных в журнале «Художник» фрагментов второй версии флоберовского «Искушения». Источником картины 1875 г. стал эпизод с явлением царицы Савской из третьей версии драмы Флобера. Третий вариант «Искушения» Сезанна, в котором художник «устранял чувственный аспект и все излишества»[4], представляет собою прямую парафразу текста Флобера.

Тесная связь поэтики Флобера с изобразительным искусством не случайна. И не только потому, что современников, равных ему в знании живописи, было немного, и соперничать с ним в этой области могли бы лишь Стендаль и Теофиль Готье. Визуальные впечатления всегда играли для писателя важнейшую роль, предшествуя художественному образу и формируя его. Исключительную остроту зрительного восприятия Флобера отмечали его современники. В 1866 г. Ипполит Тэн собирал материал для книги «Об уме и познании». В ней рассматривались, в частности, связи между созерцанием и художественным воображением. Тэн обращался за информацией к, шахматистам, умеющим играть, не видя шахматной доски, математикам, считающим в уме, ученым, художникам, визионерам, писателям, обладающим гипертрофированной способностью зрения, и среди них к Флоберу[5]. Об удивительном его даре видеть мелкие, незаметные для других, детали, словно его глаза были устроены подобно микроскопу, упоминал и Барбе д' Оревильи[6]. Это качество также подчеркивают современные исследователи. «Вряд ли было бы преувеличением полагать, – пишет Адриана Тук в книге «Флобер и изобразительное искусство», – что Флобер обладал *мистической* способностью видеть»[7].

Созерцание для Флобера было не просто функцией одного из органов чувств, но процессом аналитическим. «Посмотреть и сразу после этого описывать – не наилучший метод, – советовал он Луи-

[1] Сент-Бев Ш. Литературные портреты; Критические очерки. М.: Худож. лит., 1970. С. 453.
[2] Моруа А. Три Дюма. Литературные портреты. М.: Правда. С.597.
[3] Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: Письма. Статьи: В 2 т. Т.2. М.: Худож. лит., 1984. С. 395.
[4] Линдсей Д. Поль Сезанн. М.: Искусство, 1989. С.209.
[5] Flaubert G. Correspondance. V. III. Paris: Gallimard, 1981. P. 1425–1426.
[6] Barbey d'Aurevilly J. Flaubert, Madame Bovary // Le XIXe siècle. Paris, 1964. P. 212.
[7] Tooke A. Flaubert and the Pictorial Arts: from Image to Text. P. 14.

зе Коле. – Увлекаешься деталями, колоритом и недостаточно его духом, потому что у цвета в природе есть свой *дух*, некое тонкое испарение, оно и должно *изнутри* оживлять стиль. Сколько раз, занятый тем, что было у меня перед глазами, я торопился вставить это в свое произведение, а потом обнаруживал, что все надо убрать!» Реальный образ, ставший источником образа художественного, неизбежно должен был подвергнуться метаморфозам: «смешаться с плотью и кровью мысли»[1].

Говоря о восприятии текстов великих писателей, Флобер обращается к образу, связанному со зрительным восприятием: «Когда читаю Шекспира, – пишет он Луизе Коле, – я становлюсь выше, умнее, чище. Дойдя до вершины какого-нибудь его творения, я чувствую себя как на высокой горе: все исчезает, и все является взору. Ты уже не человек, ты *око*; возникают новые горизонты, перспектива расширяется до бесконечности»[2].

Заметим, что метафора всевидящего ока как познающего органа – один из традиционных образов культуры. Рассматривая европейскую концепцию гносеологии, Л.А. Микешина определяет как основную ее идею мысль о преобладании зрительного восприятия над всеми чувствами: “Европейская концепция познания жаждет «Ока Линкея» [3] . Стремление все на свете видеть и понимать приводит к локковской идее распознавания как основе мышления. Поэтому в основе теории познания как отражения лежит концепция зрительного восприятия… «Intuitus» (взгляд, проникающий в сущность, интуиция) является излюбленным термином как Майстера Экхарта, так и Оккама»[4]. И для Флобера созерцание было прямо связано с задачей познания и имело смысл гносеологический.

Процесс трансформации увиденного в художественный образ был интересен самому писателю. Он анализировал это явление, прибегая к различным метафорам – «нить жемчуга», «спираль», «витраж». Сравнивая пространство своего сознания с собором XV столетия, Флобер писал: «Между мною и внешним миром стоял некий пылающий витраж, с алыми и золотыми арабесками, столь прекрасный, что все отражалось в моей душе, словно отблески на каменных плитах храма, преображенным и вместе с тем печальным. И ничего, кроме красоты не проникало туда»[5].

Образ готического собора воплощает сакральный и эстетический характер сознания художника. Золотисто-алый витраж – это преграда между миром внутренним и миром внешним, и одновременно – «магическое стекло», благодаря которому реальное явление не только превращается в идеальный образ, но сама идея приобретает форму и цвет иной, художественной, реальности. Стекло витража – окно в сознание художника, грань, где встречаются и взаимодействуют реальность и вымысел, явление и его образ, становящийся принадлежностью искусства.

Дважды случилось так, что в роли «волшебного стекла», посредством которого рожденные реальностью идеи обрели форму, оказались произведения искусства. В одном случае это был действительно старинный витраж Руанского кафедрального собора. Его роспись позволила Флоберу найти форму для рассказа о феномене святости, как ее понимали в средние века («Легенда о святом Юлиане Странноприимце»). Но еще раньше таким магическим пространством стала картина Брейгеля Адского «скушение святого Антония» благодаря которой мысли Флобера о феномене творчества, отношении истины, веры и знания обрели художественное воплощение.

[1] Flaubert G. Correspondance. V. II. Paris: Gallimard, 1980. P.327.
[2] Flaubert G. Correspondance. V. I. Paris: Gallimard, 1973. P. 91–92.
[3] Линкей – герой греческой мифологии. Он отличался необыкновенной остротой зрения и способностью видеть под землей и водой.
[4] Микешина Л.А., Опенков М.Ю. «Новые образы познания и реальности».М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. С. 150.
[5] Flaubert G. Correspondance. V. II. Paris: Gallimard, 1980. P. 272.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ

Сердюков Ю.М. Критический очерк психофизического дуализма: Монография. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003. – 94 с.

В монографии описывается становление в европейской философии концепции психофизического дуализма, рассматривается и критикуется одна из его наиболее распространенных современных форм – трансперсональная психология, часто используемая представителями неооккультизма для теоретического обоснования их действий. Альтернативой объяснения феноменов магического, мантического (гадание) и мистического опыта автор считает эволюционную теорию познания и сформированную на ее основе концепцию нерефлексивных форм познания.

Сердюков Ю.М. Демифологизация магии: Монография. – Уссурийск: Издательство УГПИ, 2003. – 154 с.

Основная тема монографии состоит в разработке натуралистического подхода к изучению магии и иллюстрации его эффективности на примере тотемической магии и шаманизма. Теоретический фундамент предлагаемой методологии составляют эволюционная эпистемология, концепции естественных информационных систем и нерефлексивных форм познания. Именно в их контексте анализируются широко известные феномены магии, для реалистического объяснения которых привлекается материал из различных отраслей естественнонаучного и гуманитарного знания.

Обе книги адресованы специалистам в области теории познания, преподавателям философских дисциплин, аспирантам и студентам философских факультетов вузов, всем тем, кто интересуется данной проблемой, ее местом и ролью в современном обществе и в истории цивилизации.

Туркулец А.В. Рациональное и внерациональное (когнитивный анализ): Монография. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003. – 263 с.

Исследование посвящено анализу одной из актуальных тем современной философии: соотношению рационального и внерационального в процессе социального познания. При всем многообразии философских позиций, активно конкурирующих между собой в поисках ответа на фундаментальные вопросы человеческого бытия, познания и действия, состояние современной философии определяется когнитивным противостоянием двух концептуальных традиций («парадигм») – рациональной и внерациональной. В монографии обосновывается идея, что перспективы самой философии и человеческого опыта познания в целом во многом зависят от того, насколько эти две «системы мышления» сумеют преодолеть свои исторически сложившиеся стереотипы по отношению друг к другу. Предпринята попытка философскими средствами выразить сложную диалектику взаимодействия дискурсивных и интуитивных форм познания.

Монография адресована специалистам в области гносеологической проблематики, всем, интересующимся проблемами современного философского знания.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЫ БЛИЗКИ, НЕСМОТРЯ НА РАЗЛИЧИЯ

Во Владивостоке с 17 по 19 декабря 2003 г. прошел международный симпозиум «Философская модель строительства на пути к взаимному миру и совершенствованию в Северо-Восточной Азии», организаторами которого выступили Дальневосточный государственный университет (Россия), университет Ховон (Республика Корея), Корейско-российское культурное общество (Республика Корея).

Для народов стран Северо-Восточной Азии все более очевидной становится необходимость целенаправленного регионостроительства во имя стабильного мира. Решение этой задачи требует поиска соответствующих моделей, невозможного без философской проработки фундаментальных проблем формирования нового мирового порядка в сферах культуры, политики, экономики. Участники конференции рассмотрели множество вопросов, связанных с установлением нового мирового порядка. Диапазон этого процесса простирается от изменений в глобальной политике и складывания новых общностей на локальном уровне до поисков способов управления новым мировым порядком в региональном масштабе.

В конференции приняли участие ученые России (Дальневосточный государственный университет, Дальневосточный государственный технический университет, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Уссурийский педагогический институт, Дальневосточный государственный университет путей сообщения), Японии (Институт мирных исследований университета Сока, Токайский университет), КНР (Пекинский университет), Республики Кореи (Сеульский национальный университет, университеты Ховон, Ханьян, Соганг, Корейский университет).

На заседаниях секций участники симпозиума много говорили о преодолении границ. В сфере мыслей, сфере идей таких границ не существует. «Подобные встречи стимулируют не только поиск индивидуальных концепций, но способствуют расширению мирового горизонта», – такова была общая позиция участников. Как заметил Александр Биневский, профессор Института истории и философии ДВГУ, «симпозиум принес большую пользу, он показал, как важно выходить на диалог друг с другом, осознавая себя частичкой мирового сообщества». Доктор Минору Коидэ (Институт мирных исследований университета Сока) отметил, что за время работы симпозиума составил представление о направлениях развития философской мысли в соседних регионах. Его коллега доктор Юскэ Дан, выступивший с докладом на тему «Безопасность человека и регионализм в Северо-Восточной Азии», рассматривал аспекты взаимодействия стран азиатского региона, моделируя будущую конфигурацию «северо-восточного союза», необходимость которого, на его взгляд, назрела. Обобщая работу симпозиума, он отметил, что обозначены позиции исследователей: каждая страна стремится к политической автономии, в то же время зримо видны нарастающие процессы регионализма. Доктор Сон Сан-Ен (университет Ханьян) на пленарном заседании размышлял о различиях и сходных позициях ученых России, Китая, Японии, Республики Кореи. Отметил особенность направлений исследований российских ученых, которые озабочены вопросами религии и культуры, и это он считает перспективным направлением дальнейших конференций. Он сообщил, что раньше в Республике Корее исследователи больше занимались проблемами Восточной Азии, в которую традиционно включали КНР, Японию, Корею, ныне идет смещение акцента на Северо-Восточную Азию, принимая во внимание Россию и Монголию. И подкрепил свое высказывание эмоциональным признанием: «Между тремя странами – Кореей, Японией и Китаем – много схожего, но есть и немало различий. Россия – совсем другая страна. Я более 60 раз был в Японии, 10 раз в КНР, в России – в первый раз, но я чувствую себя здесь совсем как дома. Мы близки, несмотря на различия».

Зарубежные коллеги с большим интересом знакомились с русской философской школой, для российских ученых были познавательны современные трактовки и осмысление традиционных восточных учений.

Участники симпозиума отметили роль Дальневосточного государственного университета как образовательной системы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Следуя традициям Восточного института, основанного во Владивостоке указом царя Николая II в 1899 г., университет действительно является крупным звеном, связывающим образовательные пространства АТР и российского Дальнего Востока, площадкой для диалога и взаимодействия представителей различных философских школ и культур во имя демократии, толерантности и научного прогресса и всегда открыт для многостороннего сотрудничества.

Ольга Мальцева
Владивосток

***

5-я паназиатская конференция
преподавателей иностранных языков
5-я конференция Дальневосточной
общественной организации преподавателей английского языка 24–27 июня 2004 г.
Дальневосточный государственный
университет
г. Владивосток

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ, ОБЩИЕ РЕШЕНИЯ:
ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ

Организаторы конференции –
Дальневосточная общественная организация преподавателей английского языка (FEELTA),
Дальневосточный государственный университет

при участии
Таиландской ассоциации преподавателей
английского языка (ThaiTESOL),
Южно-корейской ассоциации преподавателей
английского языка (KoTESOL),
Японской ассоциации преподавателей
иностранных языков (JALT) и
Ассоциации преподавателей английского языка
Республики Китай
(ETA-ROC)

О паназиатских конференциях

Паназиатские конференции организуются ассоциациями преподавателей иностранных языков Восточной Азии как форумы преподавателей иностранных языков для обсуждения профессиональных вопросов, представляющих взаимный интерес.

Первая паназиатская конференция преподавателей (PAC1) проходила в Бангкоке, Таиланд, в январе 1997 г. В ней приняли участие преподаватели из Южной Кореи (KoTESOL), Японии (JALT), Таиланда (ThaiTESOL). Затем к ним примкнули тайваньская (EAT-ROC и российская дальневосточная ассоциации (FEELTA). Проведены еще три конференции: PAC2 в Сеуле (Корея) в 1999 г.; PAC3 в Кита-Кюсю, Япония, в 2001 г. и PAC4 в Тайбэе, Тайвань, в 2002 г. Издается научный журнал, публикуются материалы конференций.

Выступления на конференции будут происходить в следующих форматах: короткие доклады (25 мин); доклады (50 мин); дискуссии (1 ч 50 мин); мастер-классы (1ч 50 мин); стендовый доклад (весь день – выступление 60 мин).

Другие события: обмен профессиональными материалами (Materials Swap Shop); книжная выставка

Рабочий язык – английский.

Информация о конференции: feeltacon@dvgu.ru
www.dvgu.ru/rus/partner/education/feelta/pac5/

ЗАЩИЩЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 218.003.02 ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

*1. **Модин Б.П.*** **Отношение мировоззрения и философии к научной картине мира: феноменолого-герменевтический анализ** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (защита состоялась 28 мая 2003 г).

Наиболее существенными результатами диссертационного исследования являются следующие: мировоззрение истолковано не только как всеобщее воззрение на мир, но и как личностный, субъективный феномен, связанный с выработкой ценностного отношения человека к миру; показаны противоречивость соотношения философии и мировоззрения и соотношение между философией, картиной мира и наукой в современном понимании; выявлено различие в трактовке критериев истины в философии и науке с акцентом на плюралистический характер в философском мышлении.

Результаты диссертационного исследования создают возможность нового подхода к классическим философским проблемам и могут быть использованы при чтении общего курса «Философия», отдельных его разделов («Онтология», «Гносеология»), разработке спецкурсов для студентов философских факультетов по темам «Сущность мировоззрения», «Истина в науке и философии», «Научная картина мира и философия», «Генезис философского знания» и др.

*2. **Кантемирова Е.Н.*** **Проект «духоверческой» культуры и христианской общественности в философии Ф.А. Степуна** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история и философия (защита состоялась 28 мая 2003 г.).

Наиболее существенными научными результатами выступают: проведение реконструкции и анализа философских, антропологических, социокультурологических и социально-политических взглядов Ф.А. Степуна; оценка используемого им метода «идеал-типического конструирования»; раскрытие способа обоснования и актуальности его концепции «духоверческого свободолюбивого социализма»; выявление оригинальности определения понятия «русская идея» в творчестве Ф.А. Степуна.

Научно-практическая значимость работы состоит в рассмотрении автором взглядов философа, которые долгое время были недоступны для ученых и российской аудитории. Данное исследование дополняет картину философской и религиозной жизни русского зарубежья.

Основные результаты диссертации целесообразно использовать в преподавании общих и специальных курсов по социальной философии и философской антропологии, философии истории, русской философии, философии религии.

*3. **Гребениченко Т.В.*** **Дух в понимании В.В. Розанова** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история и философия (защита состоялась 19 ноября 2003 г.).

Объект исследования – творческое наследие В.В. Розанова.

Предмет исследования – учение В.В. Розанова о духе.

Методологическая основа исследования – принцип сочетания философско-исторического и системного анализов, согласно которым учение В. Розанова о духе рассматривается как органическая часть процесса развития философской мысли, отражающая его тенденции.

Определено место понятия «дух» в системе воззрений Розанова, эксплицированы его взгляды на проблему русского духа.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в теоретическом анализе учения В.В. Розанова о духе. Результаты диссертации могут служить основой последующих исследований по истории русской философии и широкому кругу проблем социальной философии, возможно их использование в учебном процессе в высших учебных заведениях при разработке общих и специальных курсов, учебных пособий по русской религиозной философии конца XIX–начала XX вв.

4. **Скрынникова Н.В. Диалектико-феноменологический метод исследования языка в русской философии начала XX века** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история и философия (защита состоялась 15 декабря 2003 г.).

Объект исследования – творческое наследие П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета.

Предмет исследования – философия языка в трудах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета.

Методологическая основа исследования – сочетание компаративного, феноменологического, герменевтического, диалектического анализов для достижения цели ретроспективной реконструкции и определения единого философского метода исследования языка в творчестве П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета. Определен единый диалектико-феноменологический метод исследования языка у П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета; выявлена связь феноменологии и платонизма в русской философской традиции исследования языка; вскрыты особенности интерпретации феноменологии в философии языка П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева и Г.Г. Шпета; показаны философские тенденции лингвистических штудий языка в трудах религиозной направленности П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева. На основе проведенного анализа сделан вывод о философском диалектико-феноменологическом методе исследования языка в их творчестве.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в анализе и определении методологических составляющих русской философии языка. Результаты работы могут быть использованы для дальнейших теоретических исследований философии языка в России, а также в преподавании истории философии, языкознания, культурологии.

5. ***Мотовникова Е.Н.*** **Методологический статус концепций языка в социальном познании** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (защита состоялась 15 декабря 2003 г.).

Объект исследования – философские и общелингвистические концепции языка, теоретическая социология.

Предмет исследования – статусное значение концепций языка для социальной методологии.

Методологическая основа исследования – принципы конкретно-исторической адекватности и рационального методологического эклектизма, позволяющего «переописать» понятия исторически закрытых словарей классических философских школ в интересах организации социально-исследовательского диалога; позитивно-критический анализ и «грамматический метод» О. Розенштока-Хюсси.

Выявлен методологический статус концепций языка в социальном познании, проанализированы методологические ресурсы основных направлений философии языка и общего языкознания для исследования социальности в языке; на основе применения «грамматического метода» О. Розенштока-Хюсси обоснована позитивная оценка методологической мультипарадигмальности в социальном познании.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в том, что они открывают перспективы последующих конструктивно-диалогических исследований по философии языка и социальной методологии. Итоги диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе в высших учебных заведениях при разработке общих и специальных курсов, учебных пособий.

6. ***Кормочи Е.А.*** **Язык нерефлексивных форм познания** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (защита состоялась 15 декабря 2003 г.).

Объект исследования – нерефлексивные формы познания.

Предмет исследования – языковые средства выражения нерефлексивных содержаний ментальности в нерефлексивных формах познания.

Методология исследования – в качестве специфических концепций языка и методов его исследования рассматриваются философская герменевтика и структурный (лингвистический) психоанализ. Выделение нерефлексивных форм познания и их конкретно-исторических типов производится в соответствии с концепцией нерефлексивных форм познания, разработанной Ю.М. Сердюковым. Обращение к различным культурно-историческим типам нерефлексивных форм познания предполагает использование элементов философского компаративизма. Также используются элементы структурного, системного методов и основные формально-логические, общенаучные методы и принципы.

Предпринята попытка выявления и описания специфики вербальных и невербальных способов выражения латентных и полностью бессознательных содержаний в нерефлексивных формах познания; обоснован релевантный специфике исследования языка нерефлексивных форм познания теоретико-методологический базис; выявлены причины невозможности адекватного выражения и передачи достигаемых в нерефлексивных формах познания состояний и знаний при помощи средств номинативного языка объектных высказываний; выявлены и охарактеризованы основные вербальные и невербальные языковые средства, при помощи которых субъект нерефлексивных форм познания получает информацию.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении и описании специфики языка нерефлексивных форм познания.

Практическая значимость состоит в возможности использования ее результатов как в подготовке и чтении курсов по философии в разделе «Теория познания», так и в специальных курсах по данной тематике («Философия языка», «Язык и сознание»).

7. ***Шаповалов В.П.*** **Проблема генезиса человеческой свободы (философско-методологические аспекты)** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (защита состоялась 16 декабря 2003 г.).

Объект исследования – свобода как особый феномен реальности.

Предмет исследования – проблема генезиса человеческой свободы, выявление и анализ ее философско-методологических аспектов.

Методологическая основа исследования – диалектические принципы и общенаучные методы познания: принципы противоречивости, логического и исторического, абстрактного и конкретного, системно-структурный, сравнительный, аналитический.

На основе общих диалектических принципов раскрыто своеобразие и основные закономерности процесса становления человеческой свободы.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в том, что выявление механизмов генезиса свободы на фило- и онтогенетическом уровне помогает уяснить объективную логику исторического развития общества и личности и вместе с тем прогнозировать их дальнейшее движение. Результаты диссертации могут быть использованы для углубленной разработки ряда соответствующих тем и проблем в курсах философии, социологии, культурологии, а также для подготовки отдельного спецкурса по проблеме свободы.

8. ***Леонидов Д.В.*** **Гносеология в духовно-академическом теизме XIX века** на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии (защита состоялась 16 декабря 2003 г.).

Объект исследования – философские учения представителей русского духовно-академического теизма о познавательной деятельности человека.

Предмет исследования – духовно-академическая гносеология XIX в. как особый феномен отечественной философской культуры.

Методологическая основа исследования – формально-логические методы, способствующие воссозданию системы духовно-академической гносеологии через раскрытие содержания взаимосвязи ее основных категорий и принципов.

Определено место и значение гносеологической проблематики в духовно-академической философии.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в теоретическом анализе гносеологических воззрений русских религиозных философов. Результаты диссертации могут быть использованы при чтении лекционных курсов по истории познания, спецкурсов по истории отечественной, религиозной философии.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ КМ 218.003.04 ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

1. ***Костицын Н.Л.*** **Родительские установки как фактор личностного самоопределения (на примере старшеклассников с ограниченными физическими возможностями)** на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 18 декабря 2003 г.).

Объект исследования – личностное самоопределение юношей и девушек 15–17 лет.

Цель работы – теоретическое и экспериментальное обоснование роли родительских установок как фактора личностного самоопределения на основе сравнительного анализа их влияния на личностное развитие здоровых старшеклассников и юношей и девушек с ограниченными физическими возможностями.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Выявлена, теоретически обоснована и экспериментально исследована взаимосвязь между родительскими установками и личностным самоопределением юношей и девушек 15–17 лет. Впервые экспериментально проверено влияние различных типов родительских установок на уровень личностного самоопределения в ранней юности: позитивное влияние «развивающего» типа родительской установки и деформирующее и тормозящее влияние «опекающего» типа на развитие смыслового компонента личностного самоопределения старшеклассников. Наиболее благоприятным типом родительской установки, оказывающим деформирующее влияние на процесс автономизации (обособления) как одного из механизмов личностного самоопределения в ранней юности, является материнский вариант «опекающего» типа родительской установки, последствия которого – инфантилизм, уход в себя либо протест и отвержение семейных традиций и ценностей. Ценностный компонент личностного самоопределения отражает возрастную направленность и в меньшей степени, чем смысловой, испытывает влияние родительских установок. Выявлены:

- большая степень зависимости личностного самоопределения больных старшеклассников от родительских оценок и ожиданий по сравнению с их здоровыми сверстниками;
- «слабые» места во взаимодействии родителей и детей в процессе развития личностного самоопределения старшеклассников с целью их психокоррекции;
- негативное влияние родительских установок на развитие личностного самоопределения старшеклассников с целью их психокоррекции;

- особенности негативных влияний родительских установок на развитие личностного самоопределения старшеклассников с ограниченными физическими возможностями с целью их психокоррекции.

Разработана программа для проведения психокоррекционной работы с родителями детей-инвалидов.

Область применения – психодиагностическая и психокоррекционная работа.

*2. **Любимова Н.Г.*** **Реконструкция «имплицитных теорий» личности о лжи и обмане** на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 17 декабря 2003 г.).

Объект исследования – имплицитные теории личности о лжи и обмане у лиц разной социально-правовой направленности.

Цель работы – взаимосвязь содержания имплицитных теорий лжи и обмана и социально-правовой направленности личности.

Методы исследования и аппаратура: теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования лжи и обмана, методы беседы и опроса, контент-анализ, психодиагностические методики, статистико-математические методы, методы факторного и кластерного анализов.

Практические результаты и их новизна. Исследованы имплицитные теории личности о лжи и обмане с помощью психосемантических методов. Изучены субъективные семантические пространства, основанные на представлениях о личности, склонной ко лжи и обману; о лжи и обмане на примере лиц, имеющих опыт, связанный с обманом, и осужденных за мошенничество. *Выявлено*: у лиц, судимых за мошенничество, представления о лжи и обмане когнитивно сложнее на уровне приписываемых этим категориям характеристик, чем у лиц просоциальной направленности, в репрезентации типов личности обманщика проецируется собственное Я и прототипы других людей в рамках своей субкультуры. *Описана* типология представлений о личности обманщика. Установлено, что личность социально-правовой направленности в интерпретации амбивалентного поведения другого человека в неопределенной ситуации чаще, чем личность асоциальной направленности, проецирует на другого человека просоциальное поведение; личность, имеющая обманно-криминальное поведение (мошенник), в интерпретации амбивалентного поведения другого человека в неопределенной ситуации чаще, чем личность социально-правовой направленности, проецирует на другого человека обманное поведение.

Практическая ценность заключается в возможности использования материалов и выводов диссертации в дальнейшем изучении проблемы лжи и обмана. Теоретический и практические аспекты работы могут быть применены в области судебно-психологической экспертизы, психологической диагностике при приеме на работу, психокоррекционной работе и др.

Степень и эффективность внедрения. Полученные в работе данные и сформулированные на их основе выводы используются автором при чтении спецкурсов «Технологии влияния», «Юридическая психология» в Дальневосточном государственном университете.

Область применения – подготовка студентов психологических и юридических специальностей и повышение квалификации специалистов.

*3. **Дондуков С.Ц.*** **Потребность в безопасности как условие психологической готовности личности к деятельности (на примере студентов железнодорожного вуза)** на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 17 декабря 2003 г.).

Объект исследования – психологическая готовность личности студента к деятельности в системе железнодорожного транспорта – одного из наиболее сложных видов профессиональной деятельности.

Цель работы – определение роли потребности в безопасности в готовности личности студента железнодорожного вуза к профессиональной деятельности.

Методы исследования и аппаратура: теоретический анализ научной литературы и диссертационных исследований по изучаемой теме, диагностические методы (беседы, наблюдения, методика изучения степени удовлетворенности основных потребностей личности; тест изучения ситуативной и личностной тревожности Ч. Спилбергера; тест Т. Лири; тесты из батареи психоаналитических тестов проф. Г.А. Аминева: «Тест метапотребностей по А. Маслоу», «Тест защитных механизмов по З. Фрейду», танатогенический скрининг-тест, минимизированный тест Р. Кеттелла; методы математической статистики, количественный и качественный анализ, корреляционный и факторный анализ для определения связи между исследуемыми признаками (коэффициент корреляции Ч. Спирмена, варимакс).

Теоретические и практические результаты и их новизна. Определены и рассмотрены проблемы психологии безопасности как новой отрасли психологии, необходимой для формирования готовности личности к деятельности; установлена связь между уровнями психологической готовности личности к деятельности и сформированностью потребности в безопасности, наличием адекватных защитных механизмов личности; обоснована необходимость разработки целевой программы по внедрению в практику вузовского обучения и воспита-

ния системы работы по формированию у студентов устойчивого уровня потребности в безопасности.

Практическая ценность состоит в том, что разработаны рекомендации для психологической службы ДВГУПС и Управления ДВЖД по проведению необходимых психологических мероприятий по отбору и реабилитации сотрудников ДВЖД, занятых на работах, связанных с повышенным риском и обеспечивающих жизнедеятельность железнодорожного транспорта.

Степень и эффективность внедрения. Результаты исследования использовались при психологическом анализе причин и условий возникновения ЧП, аварий, несчастных случаев на ДВЖД. Совместно со службой охраны труда ДВЖД выработан комплекс мер по их предотвращению и ликвидации.

Область применения – психологическая подготовка студентов железнодорожных вузов, психологическое тестирование и подбор работников, занятых на работах с повышенным напряжением и риском, их дальнейшая реабилитация, мониторинг.

*4. **Гунзунова Б.А***. **Психологические детерминанты устойчивой тревожности личности** на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 17 декабря 2003 г.).

Объект исследования – устойчивая тревожность как психологический феномен личности.

Цель работы – выявление влияния устойчивой тревожности на деятельность и развитие личности.

Методы исследования и аппаратура: теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования тревожности, сравнительно-аналитический метод, методы беседы и опроса, психодиагностические методики, статистико-математические методы, метод корреляционного анализа.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Рассмотрена устойчивая тревожность как самостоятельное образование аффективно-потребностной сферы личности на конкретной стадии ее развития; выявлены детерминанты устойчивой тревожности в инновационных условиях: низкий уровень гетерономности, концентричности, несбалансированность личностных свойств, высокая работоспособность, стрессовое состояние и конфликтность самооценки; описаны связи между устойчивой тревожностью и физиологическими показателями вегетативной нервной системы (доминирование тонуса симпатической нервной системы, катаболические обменные процессы); показана зависимость устойчивой тревожности от стиля семейного воспитания.

Практическая ценность состоит в том, что разработана и апробирована комплексная программа по преодолению устойчивой тревожности личности, полученные результаты могут быть использованы в работе психологов по развитию личности и обеспечению психического здоровья, при разработке обучающих программ и профилактических мероприятий для личности в инновационных условиях, а также при подготовке студентов психологических специальностей.

Степень и эффективность внедрения. Результаты исследования использовались при подготовке спецкурса «Психология здоровья», в учебных дисциплинах специализации «Общая психология», «Психофизиология», «Профессиональный стресс», а также в консультативно-диагностической работе с учащимися.

Область применения – обучение и профилактическая работа с учащимися по укреплению и поддержанию психического здоровья, подготовка студентов психологических специальностей.

*5. **Кравцова Т.Г***. **Структура и динамика мотивации достижения успехов (в юношеском возрасте)** на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 18 декабря 2003 г.).

Объект исследования – мотивационная сфера человека, процесс ее развития.

Цель работы – изучение процесса развития мотивационной сферы человека в юности, включая теоретическое обоснование и экспериментальное решение данного вопроса на примере исследования развития мотива и мотивации достижения успехов в юношеском возрасте.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Определены пути развития мотива и мотивации достижения успехов за порогом детства, получены конкретные данные о том, каким образом и в зависимости от каких факторов мотивация достижения успехов может развиваться в юношеском возрасте. Соответствующие результаты являются вкладом в общую теорию развития мотивационной сферы человека и в частную теорию онтогенетического преобразования (развития) мотива и мотивации достижения успехов.

Практическая ценность состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в качестве научной основы управления практическим развитием мотива и мотивации достижения успехов у старших школьников и студентов вуза.

Степень и эффективность внедрения. Полученные результаты внедрены в практику, в том числе на факультете психологии Хабаровского филиала Московского психолого-социального института, при организации учебной и практической деятельности студентов.

Область применения – подготовка студентов психологических специальностей и повышение квалификации специалистов.

*6. **Пузикова О.В***. **Психологическая культура как фактор самоактуализации личности (на примере личности учителя)** на соискание ученой

степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 18 декабря 2003 г.).

Объект исследования – самоактуализация личности.

Цель работы – исследование психологической культуры как значимого фактора самоактуализации личности.

Методы исследования и аппаратура: теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования психологической культуры и самоактуализации личности, методы сбора данных, констатирующий психологический эксперимент, метод корреляционного анализа.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Выявлено:

- психологическая культура способствует высокому уровню самоактуализации;
- низкий уровень самоактуализации связан с тенденциями к деформации личности;
- у высокоактуализированной и слабоактуализированной личности психологическая культура существенно отличается по уровню и содержательному наполнению;
- личность с высоким уровнем самоактуализации ориентирована на личностную модель взаимодействия, а с низким на уровнем – на дисциплинарную.

Показаны особенности взаимосвязи социального интеллекта, проявлений агрессии и невротизации как составляющих психологической культуры с параметрами самоактуализации личности.

Практическая ценность состоит в том, что полученные материалы и результаты могут быть использованы в ходе психологического консультирования и психокоррекции, при разработке общеобразовательных программ обучения студентов вузов и повышения квалификации учителей, а также для развивающих программ по становлению психологической культуры в рамках деятельности школьной психологической службы.

Степень и эффективность внедрения. Результаты настоящего исследования были использованы в разработке и проведении серии семинаров и тренинговых занятий по проблемам психологической культуры для учителей г. Благовещенска, в курсе «Педагогическая психология» для студентов естественно-географического факультета БГПУ, в курсе «Психолого-педагогический практикум» для студентов психолого-педагогического факультета БГПУ. Материалы исследования обсуждались в статьях и докладах на научно-практических конференциях различного уровня.

Область применения – психологическая диагностика, консультирование, психокоррекция и профилактическая работа с различными группами людей, подготовка студентов психологических и педагогических специальностей, повышение квалификации учителей.

7. ***Пучкова Г.Л.*** **Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности** на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 19 декабря 2003 г.).

Объект исследования – процесс самоактуализации личности.

Цель работы – теоретическое и экспериментальное обоснование роли субъективного благополучия в процессе самоактуализации и определение на этой основе копинг-стратегий, помогающих личности в сохранении физического и психического здоровья и движении к самореализации своего личностного потенциала.

Методы исследования и аппаратура: констатирующий эксперимент, комплекс методов психологической диагностики, методы первичной и вторичной обработки результатов обследования. Для статистической обработки данных использовались корреляционный и факторный анализы.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Выявлены:

- взаимосвязь когнитивного, эмоционально-оценочного и мотивационно-поведенческого компонента субъективного благополучия с основными параметрами самоактуализации личности;
- регулятивная функция эмоционально-оценочного компонента и определена его ведущая роль в проявлении самоактуализации личности: показатели эмоционально-оценочного компонента субъективного благополучия имеют более выраженную дифференциацию и бóльшее число корреляций с параметрами самоактуализации, чем когнитивная составляющая;
- антиципационная функция когнитивного компонента субъективного благополучия и ее взаимосвязи с прогнозируемой самоактуализацией личности;
- функция развития мотивационно-поведенческого компонента субъективного благополучия, проявляющаяся в личностном росте и являющаяся одновременно показателем уровня самоактуализации личности;
- типы субъективно благополучной и субъективно неблагополучной личности;
- доминирующие копинг-стратегии личности с разным уровнем самоактуализации и их взаимосвязи с типом благополучной (неблагополучной) личности;
- позитивные эмоционально-оценочные особенности субъективного благополучия, учет влияния которых позволит оптимизировать психодиагностическую и психокоррекционную работу практических психологов;

• наиболее неблагоприятные влияния субъективного благополучия на процесс самоактуализации личности с целью их психокоррекции.

Описаны представления о благополучии и будущем, учет которых необходим для повышения эффективности индивидуальной и групповой психоконсультационной и психокоррекционной работы.

Определено влияние конкретных стратегий преодоления жизненных препятствий на личностный рост, психологическое здоровье и в целом на самоактуализацию личности, что позволит учитывать его в психологической практике.

Область применения – психодиагностическая и психокоррекционная работа.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 212.056.04 ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*1. **Алленова Н. А.*** **Названия болезней в национальной научной и наивной картинах мира США: этносемантические и когнитивные аспекты.**

В диссертации сопоставляются наивная и научная картины мира, их вербализация в языке. Показаны лингвокультурологические особенности наименований болезни в американском варианте английского языка.

*2. **Богаченко Н.Г.*** **История восточноазиатских заимствований в английском языке (на материале Большого Оксфордского словаря):**

Исследование процесса вхождения и ассимиляции заимствований из китайского, японского и корейского языков в английском языке, закрепленных в крупнейшем англоязычном словарном источнике.

*3. **Григорьева Ю.С.*** **Концептосфера ВОИНСТВЕННОСТЬ как фрагмент англосаксонской картины мира: когнитивный подход (на материале древнеанглийской героической поэзии).**

Реконструкция концептосферы ВОИНСТВЕННОСТЬ в древней картине мира, где пересекаются архаическая мифологическая картина мира и христианские влияния; интерпретация признаков концепта в историко-культурном контексте.

*4. **Деренич Э.Г.*** **Императивные предложения в русле когнитивной грамматики (на материале английской и американской художественной прозы.**

Анализ императивных предложений современного английского языка в аспекте актантной и когнитивной теории, позволяющей обратиться к человеческому фактору в языке, роли человека в процессе коммуникации.

*5. **Карелина А.*** **Когнитивные механизмы взаимодействия многозначных существительных и отсубстантивных прилагательных в современном английском языке (на материале словообразовательных моделей** N + -y, N + -ish):

Лингвокогнитивный анализ многозначных имен существительных и коррелятивных с ними прилагательных.

*6. **Польшина Ю.А.*** **Актуализация национально-культурного компонента в тексте театральной рецензии (на материале Интернет ресурсов США).**

Лингвокультурологический анализ концептосферы «театр», представленный в американском варианте английского языка.

*7. **Гирина И.Е.*** **Речевой голос в звучащем американском телевизионном рекламном тексте.**

В диссертации рассматриваются параметры и характеристики голоса в звучащей американской рекламе.

*8. **Тараканова И.В.*** **Окказиональные слова в идиолекте раннего У. Фолкнера как проблема филологической герменевтики.**

В работе исследуются проблемы толкования новых авторских слов и их контекстуальная роль в ранних произведениях У. Фолкнера.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 212.293.02 ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ХАБАРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*1. **Стрельцова Г.Д.*** **История детской книги на Дальнем Востоке России** (1922–1941).

В работе:

– проведено комплексное исследование процесса становления, развития и деятельности издающих организаций, занимающихся выпуском детской книги на Дальнем Востоке России с 1922 по 1941 гг.;

– обобщены предпосылки возникновения и выявлены основные направления работы акционерного общества «Книжное дело» и «Дальгиз» по созданию детской книги, определён их вклад в развитие издательского дела в регионе;

– определено влияние деятельности ДальОНО на формирование учебной и детской книги в регионе;

– прослежена динамика издания детской книги и воссоздан репертуар книжной продукции для детей;

– проанализированы основные каналы распространения детской книги в регионе;

– выявлены основные деформации в издательской деятельности на Дальнем Востоке, которые начинали проявляться в исследуемый период, а в последующем получили своё развитие и приобрели устойчивый характер;

– изучены особенности создания детской книги на Российском Дальнем Востоке.

*2. **Долгова И.Л.*** **Социальный характер советской молодёжи Дальнего Востока 30-х гг.**

Впервые в центре исследования оказались молодые люди, вынужденные приспосабливаться к условиям жизни на советском Дальнем Востоке, в результате чего у них складывались определённые мнения, реакции, поведенческие установки, которые определили социальный характер дальневосточной молодёжи. В диссертации исследованы особенности психологии труда молодых рабочих, их мотивации к труду, религиозно-культовый аспект мировоззрения молодого поколения, взаимоотношения с властью. Впервые рассмотрены проблемы быта и здоровья дальневосточной молодёжи, проявление в её среде девиантного поведения, отношение молодых людей к семье и браку.

*3. **Ярославцева Т.А.*** **Становление и развитие жилищно-коммунального хозяйства на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX–начало XX вв.).**

На материале Дальневосточного региона проведено комплексное исследование основных аспектов процесса становления, формирования и функционирования ЖКХ как системы хозяйствования в Приамурском крае во второй половине XIX – начале XX вв. Показана эволюция форм и методов хозяйствования в жилищно-коммунальной сфере, а также роль данного хозяйства в регионе и его влияние на освоение края; выявлена специфика функционирования жилищного, коммунального, общественного (городского) хозяйства; установлены основные направления деятельности органов государственного и общественного управления, даны оценки эффективности мероприятий по обеспечению жизнеустройства и жизнедеятельности переселенцев.

*4. **Горбунова И.А.*** **Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России** (1884–1917).

В работе исследована многоуровневая система общественного призрения на Дальнем Востоке, в основном сложившаяся к февралю 1917 г. Она включала в себя консолидированную деятельность государственных органов, обществ и комитетов, управлений «на особых основаниях», а также местных благотворительных организаций и частных лиц.

В диссертации показано, что сложившаяся система призрения позволяла предоставлять помощь основным категориям нуждающихся. Наиболее часто для её оказания использовались типы попечения, характерные для открытой системы призрения: денежные пособия и адресная материальная помощь. Отмечено, что закрытая система призрения была развита хуже из-за немногочисленности подобных заведений и в связи с недостаточностью её финансирования.

Выявлены существенные недостатки в системе призрения на Дальнем Востоке.

*5. **Кравчук С.А.*** **Пограничная политика России на Дальнем Востоке и её влияние на развитие региона** (90-е г. XX в.).

В работе впервые исследован и обобщён опыт служебно-боевой деятельности Дальневосточного и Тихоокеанского региональных управлений ФПС России на участке российско-китайской границы в 90-е гг. XX в. в контексте единой системы реализации государственной пограничной политики и в рамках новой отрасли научных знаний – «погранологии».

Оценена эффективность новых форм и способов сотрудничества и взаимодействия пограничных структур России и Китая; раскрыты особенности погранпредставительской работы российских пограничных структур на дальневосточных рубежах.

В диссертации впервые исследован опыт взаимодействия ФПС и властных структур субъектов Российской Федерации в Дальневосточном регионе в сфере реализации пограничной политики в 90-е гг. XX в. Проанализированы действия властных структур дальневосточных субъектов РФ по защите национальной безопасности в пограничном пространстве России на Дальнем Востоке.

На основе социологического и экспертного опросов прослежены характер, уровень и эволюция общественного мнения населения дальневосточных пограничных районов в оценке соответствующей политики государства в Дальневосточном регионе; раскрыто влияние китайской миграции на социально-экономическое положение в регионе в 90-е гг. XX в.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бляхер Леонид Ефимович – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Хабаровского государственного технического университета.

Вальковская Виктория Викторовна – доктор философских наук, заведующая кафедрой философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Великая Нина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры российской литературы XX в. Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета и Дальневосточного отделения РАН.

Воробьева Клариса Ивановна – доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Дробница Августина Васильевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и культуры Дальневосточной академии государственной службы.

Дубинина Нина Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Хабаровского государственного педагогического университета.

Иконникова Татьяна Яковлевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой отечественной истории Хабаровского государственного педагогического университета.

Куликова Лидия Николаевна – доктор педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики Хабаровского государственного педагогического университета.

Лазарева Лариса Петровна – доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Лебедько Мария Григорьевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой истории английского языка Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Лившиц Рудольф Львович – доктор философских наук, заведующий кафедрой культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета.

Максименко Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Уссурийского государственного педагогического института.

Мерецкий Никоай Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор кафедры правоведения Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Модина Галина Ивановна – кандидат филологических наук, декан факультета романских языков Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Невструева Тамара Хасьямовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Песков Владимир Михайлович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой политической истории Хабаровского государственного педагогического университета.

Печерица Владимир Федорович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой регионоведения Дальневосточного государственного университета.

Пишун Сергей Викторович – доктор философских наук, проректор по научной работе Уссурийского государственного педагогического института.

Прияткина Алла Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета и Дальневосточного отделения РАН.

Прошина Зоя Григорьевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории и практики перевода, заместитель директора по науке Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Ревич Илья Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Хабаровского государственного педагогического университета.

Светачев Михаил Иванович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Хабаровского государственного педагогического университета.

Сердюков Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Серкова Нелли Исидоровна – доктор филологических наук, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного педагогического университета.

Смирнов Борис Викторович – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Спасский Евгений Новомирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Туркулец Светлана Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры правоведения Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Уханов Владимир Андреевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин юридического факультета Хабаровской государственной академии экономики и права.

Чудесов Валерий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры политилогии и политического управления Дальневосточной академии государственной службы.

Шумейко Александр Александрович – доктор педагогических наук, проректор по научной работе Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета.

Яссман Людмила Викторовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Яровенко Василий Васильевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Дальневосточного государственного университета.

О ЖУРНАЛЕ «ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

ЖУРНАЛ «ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ» – ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН. ОН ПУБЛИКУЕТСЯ ПОД ГРИФОМ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН И БАЗИРУЕТСЯ В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ РАН

Цель журнала – совершенствование исследовательской работы в области эпистемологии и философии науки, а также ряде смежных специальностей – логики, истории и психологии науки, социологии научного знания, когнитивных наук, социальных и гуманитарных дисциплин, изучающих науку и познавательный процесс в целом. Это призвано укрепить позиции *теоретической философии* как ядра концептуального мышления и базиса философского образования. Журнал работает в том же направлении, что и специализированные журналы в области эпистемологии и философии науки за рубежом (*British Journal for the Philosophy of Science, Philosophy of Science, Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie, Epistemologia, Social Epistemology etc.*).

Одновременно он способствует и совершенствованию процесса преподавания данных дисциплин в высших учебных заведениях России. В условиях, когда «Теория познания и онтология» и «Философия науки и техники» являются ведущими философскими специальностями по классификации ВАК и происходит замена экзамена по философии в рамках кандидатского минимума на экзамен по истории и философии науки, издание специального журнала по данной тематике выполняет важную функцию.

ПЕРИОДИЧНОСТЬ, ОБЪЕМ, ТИРАЖ

Четыре номера в год, объемом до 15 п.л. каждый, тиражом 1000 экземпляров (в 2004 г. – 2 «пилотных» номера).

Редколлегия: И.Т. Касавин (главный редактор), А.Ю. Антоновский (ответственный секретарь), В.И. Аршинов, Д.И. Дубровский, В.А. Колпаков, Н.И. Кузнецова (ИИЕиТ), И.К. Лисеев, Л.А. Микешина (МПГУ), А.Л. Никифоров, А.П. Огурцов, В.Л. Рабинович (Институт культурологии Минкультуры РФ), В.Н. Порус (заместитель главного редактора) (ГУ-ВШЭ), В.П. Филатов (РГГУ).

Адрес редакции: 119842 Москва, Волхонка, 14, Институт философии РАН
Телефон: (095) 2039393
Факс: (095) 4255758
Электронная почта: journal@iph.ras.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. К публикации принимаются рукописи статей и других материалов, рекомендованные кафедрами вузов, лабораториями и иными структурными подразделениями НИИ, научно-методическими или научными конференциями и семинарами, а также представленные частными лицами.

2. Объем статьи не должен превышать 1 п.л. (40 000 знаков). Материалы, превышающие этот объем, могут быть приняты к публикации в отдельных случаях по решению редакционной коллегии и размещены в двух или более номерах журнала. В статье может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем. Объем рецензий и других материалов не должен превышать 0,5 п.л. Объем помещенных в редакционной почте сообщений и писем не должен превышать 0,25 п.л.

3. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

3.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5” и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

3.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в таком порядке. В верхней части страницы размещается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются. Если к статье прилагается список литературы, использованной автором, необходимо печатать: «СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ» в соответствии с ГОСТ 7.1-84 и 7.80-200. Примеры оформления библиографического описания размещены на сайте www.dvgups.ru в разделе «Библиотека» см. «Нормативная литература». Ссылки на используемую или цитируемую литературу, а также примечания могут быть оформлены в виде сносок, размещенных в конце страницы. Нумерация сносок сплошная. Шрифт и межстрочный интервал тот же, что и в статье.

Оформление равнозначных фрагментов документа (заголовков, подписей под рисунками, формул и др.), обозначений идентификаторов переменных и констант должно быть одинаковым по всей работе. Одна и та же величина (физическая, химическая, экономическая и т. д.) должна иметь одинаковое начертание.

Текст набирается с соблюдением следующих правил: абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца; все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом; когда недопустимы переносы знаков (букв, цифр и т. п.) ставится *неразрывный пробел* (Shift+Ctrl+пробел), например: г. Хабаровск; В.И. Солодчиков; 5 чел.; 5 %; [10, с. 30]; 1945 г.; 465 с.; т. е.; XX в.; $p < 0,01$; перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел; переносы недопустимы; выделения курсивом, полужирным, прописным шрифтом обеспечиваются средствами Word. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – "Times New Roman" № 14; межстрочный интервал – 1,5.

4. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

5. К статье прилагается короткая аннотация в 6–10 строк на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке.

6. По желанию автора знак охраны авторского права помещают на титульном листе статьи после его фамилии.

7. По желанию автора статья сопровождается его фотографией.

8. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 3415, e-mail: journal@festu.khv.ru

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 99 р (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Со второго полугодия 2004 г. подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение

Дальневосточный государственный университет путей сообщения
(наименование получателя платежа)

2724018158 (ИНН получателя платежа) № 40503810500001000191 (номер счета получателя платежа)

УФК по Хабаровскому краю
(наименование банка получателя платежа)

БИК 040813001 № 06022339920
(номер Л/кс)

№ 272401001
(номер КПП)

подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2004 год
(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого: _____ руб. _____ коп.

Кассир

Дальневосточный государственный университет путей сообщения
(наименование получателя платежа)

2724018158 (ИНН получателя платежа) № 40503810500001000191 (номер счета получателя платежа)

ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю
(наименование банка получателя платежа)

БИК 040813001 № 06022339920
(номер Л/кс)

№ 272401001
(номер КПП)

подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2004 год
(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого: _____ руб. _____ коп.

Квитанция
Кассир

Научное издание

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Редактор *Т.М. Яковенко*
Технический редактор *Е.И. Павлоцкая*

План 2004 г. Поз. 10.13.
ИД № 05247 от 2.07.2001 г. ПЛД № 79-19 от 19.01.2000 г.
Лицензия ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Сдано в набор 05.01.2004 г. Подписано в печать 03.03.2004 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага тип. № 2. Гарнитура "Times New Roman". Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,5. Зак. 56. Тираж 300 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.